

ЖЮЛЬ ВЕРН
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЯДЮШКИ АНТИФЕРА

Издательство
Детская литература

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1965

Жюль Верн

УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЯДЮШКИ
АНТИФЕРА

*Рисунки
Л. Луганского*

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

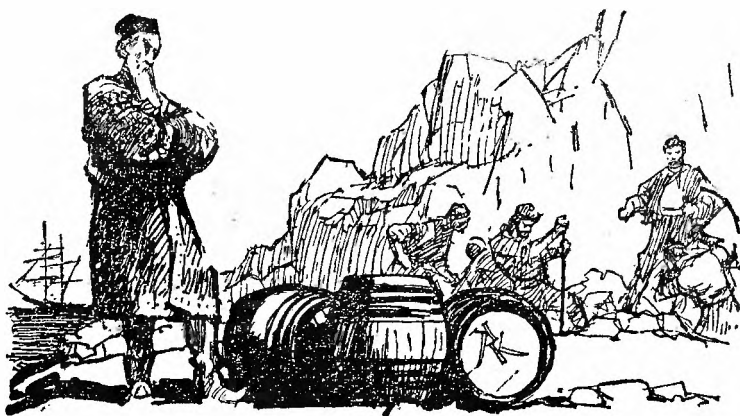
Перевод с французского Э. Леонидовой

Редакция, послесловие и примечания Е. Брандиса

Роман Ж. Верна «Удивительные приключения дядюшки Антифера» рассказывает об увлекательных поисках сокровищ, о полных опасностей путешествиях по далеким морям и неведомым странам, о смелых и упорных людях, романтиках, преданных в любви и дружбе.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой неизвестный корабль с неизвестным капитаном бороздит неизвестное море в поисках неизвестного острова

В шесть часов утра 9 сентября 1831 года капитан вышел из своей каюты и поднялся на мостик. На востоке занималась заря, небосвод освещали рассеянные лучи солнца, диск которого находился еще за линией горизонта. Яркие отблески ласкали подернутую рябью поверхность моря, тихо плескавшегося под утренним бризом.

После спокойной ночи следовало ожидать великолепного дня, одного из тех сентябрьских дней, которыми иногда балует нас на исходе жаркого лета умеренный пояс.

Капитан поднял подзорную трубу и направил объектив на ту черту, где небо сливается с морем.

Опустив трубу, он подошел к рулевому — старику с взъерошенной бородой и не по возрасту живыми и проницательными глазами — и спросил:

— Когда ты стал на вахту?

— В четыре, капитан.

Эти два человека говорили на таком грубом наречии, что ни один европеец, будь то англичанин, француз, немец или кто-либо другой, если только он не посещал торговые порты Леванта¹, не понял бы ни слова. По-видимому, это была смесь местного турецкого диалекта с сирийско-арабским².

— Ничего нового?

— Ничего, капитан.

— И с самого утра ни одного судна на горизонте?

— Одно... большое трехмачтовое. Оно шло под ветром прямо на нас. Я сделал крутой поворот, чтобы уйти от него как можно дальше.

— И правильно поступил. А теперь...— Капитан внимательно обвел взглядом весь горизонт и вдруг громко скомандовал: — Приготовиться к повороту!

Вахтенные вскочили. Румпель³ был повернут, шкоты⁴ вытравлены, судно сделало поворот и пошло на северо-запад левым галсом⁵.

Это была шхуна-бриг⁶ — торговый корабль водоизмещением четыреста тонн. Путем некоторых изменений он был превращен в быстроходную яхту. Под начальством капитана находились пятнадцать матросов и один боцман — экипаж, вполне достаточный для управления парусами. Это были сильные, мужественные люди, которые своей одеждой — короткая шерстяная куртка, берет, широкие брюки и сапоги — напоминали моряков Восточной Европы.

Ни на корме, ни на носу шхуны-брига не было никакого названия. Не было на ней и флага. Более того: как только вахтенный докладывал о появлении паруса на горизонте, шхуна быстро меняла курс, чтобы избежать необходимости салютовать встречным кораблям или отвечать на их приветствия.

Быть может, это был пиратский корабль, опасавшийся преследования (такие еще встречались тогда в этих во-

¹ Левант — общее название стран Ближнего Востока, прилегающих к восточной части Средиземного моря.

² Сирийцы говорят на сирийском диалекте арабского языка.

³ Румпель — рычаг для поворачивания (управления) руля.

⁴ Шкоты — снасти, служащие для управления парусами.

⁵ Галс — курс судна относительно ветра.

⁶ Шхуна-бриг, или бригантина, — двухмачтовое парусное судно.

дах)? Нет. На его борту не было оружия; да и вряд ли с таким малочисленным экипажем отважился бы кто-либо на подобные дела!

Быть может, это был контрабандист, тайно снабжавший города побережья беспошлинными товарами или перевозивший их с острова на остров? Тоже нет. Если бы даже самый опытный таможенный чиновник осмотрел трюм, сдвинул грузы, перевернул тюки, обыскал все ящики, он не нашел бы ничего подозрительного. Да по правде говоря, на этом судне вовсе и не было груза, если не считать запасов провизии на несколько лет, бочек с вином и водкой в глубине трюма, да еще — под мостиком — трех дубовых бочонков, охваченных железными обручами... Для балласта, хорошего чугунного балласта, оставалось достаточно места, и это позволяло судну ставить сильные паруса.

А может быть, в этих трех бочонках был порох или какое-нибудь иное взрывчатое вещество?.. Нет, потому что в кладовую под мостиком входили без всякой предосторожности.

Но, так или иначе, ни один из матросов не мог бы дать никаких сведений о назначении шхуны-брига, равно как и о причинах, которые заставляли судно тотчас же переходить на другой галс, как только вдали показывался какой-либо парус. Матросы даже не знали, зачем их корабль беспорядочно крейсировал взад и вперед в продолжение пятнадцатимесячного плавания, чьи воды он бороздил в разное время, то подымая все паруса, то ложась в дрейф, то пересекая внутреннее море, то вырываясь на простор безграничного океана. Если во время этих необъяснимых переходов взорам открывался высокий берег, капитан удалялся от него как можно быстрее. Когда же внимание вахтенного привлекал какой-нибудь остров, капитан отводил от него шхуну быстрым поворотом руля.

В судовом журнале легко было бы обнаружить странные изменения курса, не оправданные ни погодой, ни внезапными переменами ветра. Это составляло тайну двух человек: уже знакомого нам капитана и представительного мужчины, только что поднявшегося на палубу.

— Ничего? — спросил незнакомец.

— Ничего, ваша светлость, — ответил капитан.

Пожав плечами, незнакомец с недовольным видом

прекратил этот разговор, состоявший из четырех слов. Затем человек, к которому так почтительно обратился капитан, спустился по трапу¹ и вернулся в свою каюту. Там, растянувшись на диване, он, казалось, впал в глубокое оцепенение, похожее на сон. Но это не был сон — незнакомец просто находился во власти одной всепоглощающей мысли.

На вид ему было лет пятьдесят. Высокий рост, массивная голова, густые с проседью волосы, широкая борода, спускающаяся на грудь, искрящиеся черные глаза, гордое и вместе с тем печальное, вернее, разочарованное выражение лица, благородство осанки — все говорило о его знатном происхождении. И костюм его отличался своеобразием: это был широкий коричневый бурнус с рукавами, расшитыми тесьмой, отороченный разноцветными блестками; голову прикрывала зеленоватая феска с черной кисточкой.

Два часа спустя слуга поставил завтрак на специальный, наглухо привинченный столик. Пол каюты был затянут толстым ковром с вытканными на нем пестрыми цветами. Человек в бурнусе, едва прикоснувшись к изысканным блюдам, выпил горячий ароматный кофе, поданный в двух маленьких серебряных чашечках тончайшей филигранной работы. Затем ему принесли благоухающий кальян². Окутанный облаками душистого дыма, с янтарным чубуком в ослепительно белых зубах, незнакомец опять погрузился в свое бесконечное раздумье.

Так прошла часть дня. Шхуна-бриг, слегка покачиваясь на волнах, продолжала свой загадочный путь по морским просторам.

Около четырех часов этот странный человек поднялся, сделал несколько шагов по каюте, остановился перед открытым иллюминатором, обвел взглядом горизонт и затем подошел к люку, скрытому ковром. Едва он коснулся ногой какой-то пружины в углу люка, как открылся вход в кладовую, расположенную под полом каюты.

Там лежали три окованных обручами бочонка, о которых уже упоминалось выше. Несколько мгновений незнакомец, наклонившись над люком, стоял неподвижно,

¹ Трап — лестница. На кораблях все лестницы, где бы они ни паходились и какой бы ни были конструкции, называются трапами.

² К а л ь я н — курительный прибор.

словно вид этих бочонков гипнотизировал его. Потом, выпрямившись, он прошептал:

— Нет... довольно колебаний! Если мне не удастся найти неизвестный островок, чтобы закопать эти бочки, я лучше выброшу их в море!

Он вновь прикрыл люк ковром и поднялся по трапу на мостик.

Было пять часов дня. Погода нисколько не изменилась. Небо было покрыто легкими облаками. Слегка накренившись под слабым бризом, шхуна, идя левым галсом, оставляла позади себя тонкую кружевную струю, которая растворялась в плещущихся волнах.

Человек в бурнусе обвел медленным взглядом линию горизонта, резко прочерченную на светлой лазури. С высоты мостика, где он стоял, любая средняя возвышенность могла бы быть видимой на расстоянии четырнадцати или пятнадцати миль.

Но ничто не прерывало ровной линии, отделяющей небо от воды.

Капитан, приблизившийся к незнакомцу, был встречен неизменным вопросом:

— Ничего?..

На что последовал тот же неизменный ответ:

— Ничего, ваша светлость...

В течение нескольких минут человек в бурнусе молчал. Потом он присел на скамью, а капитан шагал взад и вперед по мостику, направляя подзорную трубу в разные стороны горизонта.

— Капитан! — вновь обратился к нему путешественник, отведя взор от горизонта.

— Что угодно вашей светлости?

— Точно знать, где мы находимся.

Капитан развернул морскую карту на широком планшире¹.

— Вот здесь, — сказал он, указывая карандашом точку в пересечении меридиана и параллели.

— На каком расстоянии от этого острова... на востоке?

— В двадцати двух милях.

— А от этой земли?

¹ Планшир — брус, проходящий по верхнему краю бортов плюпки или поверх фальшборта (ограждение палубы, поднимающееся над бортом) у больших судов.

— Приблизительно в двадцати шести.

— Никто на шхуне не знает, где мы сейчас плывем?

— Никто, ваша светлость, кроме вас и меня.

— И даже какое море мы пересекаем?..

— За время нашего плавания судно столько раз меняло курс, что даже самый опытный моряк не смог бы сказать, где мы находимся.

— Так почему же злая судьба мешает мне найти остров, ускользнувший от мореплавателей? Если не остров, то хотя бы маленький островок или заброшенную скалу, о существовании которой знал бы только я один! Там и зарыл бы я свои сокровища... И мне было бы достаточно нескольких дней, чтобы взять их оттуда, когда придет время, если оно только наступит!..

Сказав это, незнакомец снова погрузился в задумчивость. Склонившись над абордажной сеткой¹, он долго смотрел в воду, такую прозрачную, что взгляд проникал на глубину более восьмидесяти футов. Затем, порывисто обернувшись, он воскликнул:

— Вот... вот эта бездна!... В нее я и брошу мои богатства!..

— Ваша светлость! Она никогда их вам не вернет!

— Уж лучше потерять сокровища, чем отдать их врагам или негодьям!

— Как будет угодно вашей светлости.

— Если сегодня до наступления темноты мы не встретим в этих водах неизвестный остров, все три бочонка будут выброшены в море.

— Слушаюсь! — ответил капитан и приказал дергать против ветра.

Незнакомец вернулся на мостик и, облокотившись на планшир, снова вернулся к обычному для него состоянию задумчивости.

Солнце быстро садилось. В этот день, 9 сентября, за две недели до равноденствия², солнечный диск скрылся на той точке горизонта, которая привлекла внимание ка-

¹ Абордажная сетка устанавливалась вдоль бортов, чтобы помешать противнику проникнуть на палубу, когда вражеские корабли во время абордажного боя сходились вплотную для рукопашной схватки.

² Равноденствие — равенство дня и ночи; с начала XX века, в связи с календарными особенностями, днями равноденствия являются 22 марта и 22 сентября.

питана. Не находился ли в том направлении какой-нибудь высокий мыс, соединенный с прибрежной полосой континента или с островом? Маловероятное предположение, так как в этих водах, часто посещаемых торговыми кораблями и, следовательно, хорошо знакомых мореплавателям, карта не указывала никакой земли на пятнадцать — двадцать миль в окружности.

А вдруг найдется все же какой-нибудь одинокий утес или подводный камень, вздымающийся на несколько туазов¹ над поверхностью волн, чтобы послужить тем самым хранилищем сокровищ, которое так долго и тщетно отыскивал этот удивительный человек? Но ничего похожего не значилось на морских картах, дающих очень точное представление об этой части моря. Даже самый маленький островок, окруженный полосой бурунов — этими искрящимися снопами водяной пыли, — не ускользнул бы от пытливых взоров исследователей. Они не преминули бы нанести на карты его точное географическое положение. Вот и сейчас, сверяясь со своей картой, капитан готов был с полной уверенностью утверждать, что на всем обширном пространстве, которое охватывал его глаз, не было даже и подводного камня.

«Мираж!» — подумал он, вторично направив трубу на подозрительный участок. Действительно, в объективе не отразилось сколько-нибудь ясных очертаний.

Именно в этот момент (было шесть часов с минутами) горизонт словно начал поглощать солнечный диск, который, если верить тому, что некогда говорили иберийцы², погружается в море со стоном.

При заходе, как и при восходе солнца, преломление лучей еще оставляет его видимым в то время, когда оно уже исчезло за горизонтом. Его косые блестящие лучи, отброшенные на поверхность волн, вытягивались длинными полосами с запада на восток. Последняя рябь, похожая на огненные точки, дрожала под дуновением слабого ветра.

И это мерцание тотчас же угасло, когда верхний край диска, коснувшись линии воды, отбросил зеленый луч³.

¹ Туаз — старинная французская мера длины; равен 1,95 метра.

² Иберийцы — древнее население юго-западной Европы.

³ Редкое оптическое явление зеленого луча подробно описано Жюлем Верном в романе «Зеленый луч» (1882).

Корпус шхуны тотчас же потемнел, а высокие паруса окрасились в пурпурный цвет.

И, когда завеса мрака опустилась над морем, с фок-мачты¹ вдруг раздался голос:

— Оэ-э!

— Что там такое? — спросил капитан.

— Впереди справа по борту земля!

Да, земля, и в том самом направлении, где несколько минут назад капитану почудились какие-то смутные очертания! Значит, он не ошибся!

Услышав крик с наблюдательного поста, вахтенные бросились к борту и стали смотреть на запад. Капитан с подозрительной трубой на перевязи, перекинутой через плечо, схватился за ванты² грот-мачты³, ловко вскарабкался по ним, сел верхом на рею и, приставив окуляр к глазам, стал осматривать горизонт в указанном направлении.

Марсовой⁴ не ошибся. На расстоянии примерно в шесть-семь миль над водой возвышался островок; темные линии его обрисовывались на алеющем горизонте.

Этот островок можно было принять скорее за обыкновенный риф средней высоты с верхушкой, окутанной серными парами. Будь это полвека спустя, ни один моряк не усомнился бы, что видит перед собой просто клубы дыма, выходящие из труб океанского парохода. Но в 1831 году трудно еще было предвидеть, что появятся когда-нибудь гигантские машины, способные бороздить океанские воды во всех направлениях, не считаясь с погодой.

Впрочем, капитан успел только взглянуть — размышлять ему было некогда. Замеченный марсовым островок почти тотчас же скрылся в вечернем тумане. Но это не имело значения: главное, его увидели, и увидели вполне отчетливо. В этом отношении не оставалось никаких сомнений.

¹ Фок-мачта — первая от носа мачта на судне.

² Ванты — канаты, которыми крепят мачты.

³ Грот-мачта — вторая от носа, обычно самая высокая мачта на двух- и трехмачтовых судах.

⁴ Марсовый — матрос, несущий службу на марсе (площадка на верху мачты, служащая для наблюдения за горизонтом и работ по управлению парусами).

Капитан спустился на палубу. Незнакомец, выведенный этим происшествием из дремоты, тотчас же подозвал капитана и обратился к нему со своим обычным вопросом:

— Так, значит...

— Да, ваша светлость.

— Показалась земля?

— По крайней мере — островок.

— На каком расстоянии?

— Приблизительно в шести милях к западу.

— И карта ничего не показывает на этом участке?

— Ничего.

— Ты уверен в этом?

— Уверен.

— Значит, это неизвестный остров?

— По-видимому, так.

— Неужели это возможно?

— Да, ваша светлость, если островок недавнего происхождения.

— Недавнего?

— Да, это вполне вероятно. Мне показалось, что остров окутан серными парами. Вулканические силы здесь довольно активны и нередко проявляются в виде подводных толчков, изменяющих рельеф морского дна.

— Ах, капитан, если б это действительно было так! Мне только и нужно, чтобы какая-нибудь скала внезапно поднялась из моря!... Ведь этот остров не принадлежит никому?

— Принадлежать он будет, ваша светлость, тому, кто первый его займет.

— Тогда первым буду я.

— Да... вы.

— Прикажи теперь держать прямо на остров.

— Прямо... но осторожно! — ответил капитан. — Наша шхуна может разбиться, если подводные камни выступают далеко в море. Я советую подождать и причалить к острову утром...

— Хорошо, капитан, подождем, но потихоньку приблизимся...

— Как прикажете!

Капитан поступил, как опытный моряк. Кораблю не следует подходить в темноте к незнакомому берегу.

Приближаясь к новой земле, нужно делать промеры лотом¹ и остерегаться ночного мрака.

Пассажир вернулся в свою каюту, и, хотя он задремал, юнге не пришлось на рассвете будить его — он был на палубе еще до восхода солнца.

Капитан решил не покидать мостика и не передавать боцману ночной вахты.

Медленно опускалась ночь. Линия горизонта становилась все более расплывчатой, а периметр² его постепенно сужался.

В зените угасали последние, еще пронизанные рассеянным светом облака. Ветер стихал. На шхуне оставили только паруса, необходимые для того, чтобы сохранить действие руля и удерживать направление дрейфа.

На небесном своде зажглись первые созвездия. На севере Полярная звезда смотрела тусклым, неподвижным оком, между тем как Арктур блистал на сгибе Большой Медведицы. В противоположной стороне от Полярной звезды ярко сияла Кассиопея, напоминая W. Под ними появилась Капелла — точно на том месте, где она взошла накануне и взойдет завтра, четырьмя минутами раньше, чтобы начать, как обычно, свой звездный день.

На заснувшей поверхности моря царило то необыкновенное оцепенение, которое неизбежно сопутствует наступлению ночи.

Капитан, облокотившись на борт шхуны, застыл неподвижно возле брашпиля³. Его голова была полна одной мыслью — об этой темной точке, замеченной в мглистых сумерках. Теперь его снова одолевали сомнения, а ночная тьма делала их еще более мучительными. Не обмануло ли его зрение? И действительно ли на этом месте выступил на поверхность новый островок? Да, конечно. Он хорошо знал эти воды, ведь он бывал здесь сотни раз... Ему казалось, что островок находится на расстоянии какой-нибудь мили, и не более восьмидесяти лье⁴

¹ Лот — прибор для измерения глубины моря.

² Периметр — в геометрии граница плоской фигуры.

³ Брашпиль — лебедка для спуска и подъема якоря.

⁴ Лье — устаревшая французская мера длины, равная 4,5 километра.

отделяют его от ближайшей земли. Но если он не обманывается, если островок действительно выступил в этом месте из глубин моря, то не успел ли его уже кто-нибудь занять?.. А вдруг какой-нибудь мореход водрузил на нем свой флаг?.. Англичане, эти океанские тряпичники, не поспешили ли они подобрать попавшийся им на пути жалкий островок и бросить его в свою переполненную корзину! Не загорится ли во тьме огонек, говорящий о том, что остров уже кем-то занят?.. Возможно, что эта гряда скал поднялась на поверхность уже несколько недель или даже несколько месяцев назад, и в таком случае вряд ли она могла ускользнуть от взора моряков, от секстанта¹ гидрографа².

От всех этих мучительных и тревожных мыслей капитан пребывал в смятении, нетерпеливо ожидая рассвета. Теперь ничто уже не указывало на местоположение острова — не было даже отблеска тех испарений, которыми он казался окутанным и которые могли бы осветить наступившую тьму. Во мраке сливались воздух и вода.

Время шло. Полярные созвездия описали уже по небосводу четверть круга. К четырем часам первая полоса света забрезжила на востоке-северо-востоке. В утреннем сумраке можно было различить несколько легких облаков, повисших в зените. Еще несколько минут — и солнце озарит горизонт. Но моряку не нужно столько света, чтобы различить открытый накануне островок, если он вообще существует.

В этот момент незнакомец поднялся на мостик, где находился капитан.

— Итак?.. Где же этот остров? — спросил он.

— Вот он, ваша светлость, — ответил капитан, показывая на группу скал, видневшихся примерно в двух милях от шхуны.

— Причалим!

— Слушаюсь, ваша светлость!..

¹ Секстант — морской угломерный инструмент; употребляется для определения местонахождения корабля.

² Гидрограф — специалист по гидрографии (отдел географической науки, посвященный изучению и описанию вод земной поверхности).

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой даются некоторые необходимые
пояснения*

Пусть читатель не удивляется, что в этой главе неожиданно выходит на сцену паша Мухаммед-Али¹. Как бы ни была значительна роль знаменитого паши в истории Леванта, в нашем рассказе он фигурирует только потому, что знатный незнакомец, путешествовавший на шхуне-бриге, находился во враждебных отношениях с этим основателем нового Египта.

В ту пору Мухаммед-Али еще не пытался с помощью армии своего сына, Ибрагима-паши, завоевать Палестину и Сирию, принадлежавшие султану Махмуду², повелителю обеих Турций: азиатской и европейской. Напротив, султана и пашу связывала дружба, так как последний оказал деятельную поддержку султану при покорении Морей, решительно подавив попытки к восстановлению независимости маленького греческого королевства.

На протяжении нескольких лет Мухаммед-Али и Ибрагим-паша спокойно жили в своем пашалыке³. Но, несомненно, эта зависимость, ставящая их в положение рядовых подданных Порты⁴, задевала их самолюбие, и они только и ждали повода, чтобы сбросить с себя тяготившие их веками оковы.

В те времена жил в Египте один человек, получивший по наследству накопленное несколькими поколениями предков состояние, которое считалось одним из самых значительных в стране. Этот богач проживал в

¹ Мухаммед-Али (1769—1849) — правитель Египта в 1805—1849 годах. Желая освободиться от вассальной зависимости от Турции, с помощью своего сына Ибрагима (1789—1848) разгромил турецкие войска в войнах 1831—1833 годов и 1839—1840 годов. Однако под давлением европейских держав, главным образом Англии, вынужден был вновь подчиниться турецкому султану. Ибрагим-паша в 1816—1818 годах вел захватнические войны в Аравии. В 1824—1828 годах участвовал в борьбе против греческого освободительного анти-турецкого восстания.

² Махмуд II (1785—1839) — турецкий султан, при котором феодально-абсолютистская Османская империя пришла в упадок.

³ Пашалык — в султанской Турции провинция или область, находящаяся под управлением паши, высшего должностного лица в Османской империи.

⁴ Порта — правительство султанской Турции.

Каире, и звали его Камильк-паша. Его-то капитан таинственной шхуны-брига и титуловал «ваша светлость».

Это был человек образованный, питавший большую склонность к математическим наукам, которые интересовали его не только со стороны практического применения, но и теоретически. Египтянин по рождению, ту-рок душою, Камильк-паша был прежде всего человеком Востока.

Понимая, что султан Махмуд будет более упорно, нежели Мухаммед-Али, сопротивляться попыткам Западной Европы покорить народы Леванта, Камильк-паша с головой окунулся в борьбу, став на сторону Махмуда. Родившись в 1780 году в военной семье, Камильк-паша, не достигнув еще и двадцати лет, вступил добровольцем в армию Джаззара¹ и благодаря своей отваге вскоре получил почетный титул паши. В 1799 году он сотни раз рисковал своей свободой, состоянием, жизнью в войне с французами, во главе которых стоял Бонапарт и генералы Клебер, Ренье, Ланн, Бон и Мюрат². В битве при Эль-Арише он вместе с турками попал в плен. Ему предложили свободу в обмен на клятву никогда не сражаться против Франции. Но, уверенный в том, что судьба может перемениться, упорный как в своих действиях, так и во взглядах, он решил бороться до конца и потому отверг это предложение. Вскоре Камильк-паше удалось бежать, и он с еще большим ожесточением бросился в борьбу.

После сдачи Яффы, 6 марта, он оказался в числе тех, кому капитуляция спасла жизнь. Когда четыре тысячи пленников, в большинстве албанцы или арнауты, предстали перед Бонапартом, тот очень встревожился, опасаясь, как бы эти храбрые солдаты не усилили гарнизон паши в сирийском порте Акке. Вот почему Бонапарт отдал приказ всех их расстрелять, доказав тем самым, что он принадлежит к таким завоевателям, которые ни перед чем не останавливаются.

¹ Джаззар (по-арабски — палач, мясник) — наместник Порты в Сирии и Ливане. Беспощадно расправлялся с участниками восстания против Порты, подвергая их изощренным пыткам, за что и получил свое прозвище. Настоящее имя — Ахмед-паша (1735—1804).

² Здесь перечислены известные французские военачальники и сподвижники Наполеона Бонапарта, сопровождавшие его во время египетского и последующих завоевательных походов.

На этот раз пленным не предлагали, как в Эль-Арнше, свободу при условии, что они поклянутся оставить военную службу. Нет! Их всех приговорили к смерти. Расстрелянные падали на песчаный берег, а те, кого пуля миновала и кто думал, что его помиловали, находили смерть на этом скалистом берегу.

Но Камильк-паше не суждено было здесь погибнуть.

Нашлись люди, французы — надо воздать им должное, — которым показалась отвратительной эта ужасная бойня. Смелчакам удалось спасти нескольких пленников. Один из спасителей, моряк с торгового корабля, отправился ночью к рифам, где рассчитывал найти несчастных, и подобрал тяжелораненого Камильк-пашу. Он перенес его в надежное место, ухаживал за ним, выходил его. Мог ли Камильк-паша когда-нибудь забыть такую услугу? Нет. О том, как и при каких обстоятельствах он отблагодарил своего спасителя, и будет впоследствии рассказано в этой правдивой и удивительной истории...

Итак, три месяца спустя Камильк-паша был уже на ногах.

Бонапарт проиграл сражение у Акки. Турецкая армия под начальством дамасского паши Абдаллы 4 апреля перешла Иордан, а английская эскадра сэра Вильяма Сиднея крейсировала в водах Сирии.

Несмотря на то что Бонапарт послал дивизии Клебера и Жюно¹ и даже сам прибыл на место битвы, разбив турок в сражении при горе Табор, было уже слишком поздно; когда Наполеон явился вновь угрожать Акке, туда уже прибыло двенадцать тысяч человек подкрепления. К тому же вспыхнула чума. 20 мая Бонапарт вынужден был снять осаду.

После этого Камильк-паша решил вернуться в Сирию. Возвращаться в Египет в такое тревожное время было бы величайшей неосторожностью. Следовало выждать, и Камильк-паша дожидался в течение пяти лет. Благодаря своему богатству он мог жить на широкую ногу в различных провинциях, где еще можно было убежать от алчности египетского правительства.

¹ Жюно — герцог д'Абрантес (1771—1813), французский генерал. Находился при Бонапарте во время походов в Италию и Египет.

Как раз в эти годы в центре внимания оказался сын одного аги¹, храбрость его была замечена в 1799 году, в битве при Абукире.

Речь идет о Мухаммеде-Али, который пользовался уже таким влиянием, что сумел подстрекнуть мамелюков² к возмущению против султана Хозрев-паши, заставил их свергнуть Куршида, преемника Хозрева, и наконец в 1806 году объявил себя вице-королем с согласия правительства Блистательной Порты.

За два года до этого умер Джаззар, покровитель Камильк-паши. Почувствовав себя одиноким в этой стране, Камильк-паша решил, что теперь может без риска вернуться в Каир.

Тогда ему было двадцать семь лет. Недавно полученное наследство сделало его одним из самых богатых людей Египта. Не чувствуя никакого влечения к жепитьбе, будучи человеком малообщительным и предпочитая одиночество, он сохранил живой интерес исключительно к военному искусству и только ожидал благоприятного случая применить на деле свои военные способности. Энергия, свойственная его возрасту, была через край, она должна была найти выход и она нашла его в далеких и продолжительных путешествиях.

Но так как Камильк-паша не имел прямых наследников, возникал вопрос, кому же со временем перейдет его несметное богатство. Не существовало ли наследников по боковой линии, которые могли бы им воспользоваться?

Был у Камильк-паши двоюродный брат, шестью годами моложе его, некий Мурад, родившийся в 1786 году. Придерживаясь разных политических взглядов, они не встречались, хотя оба жили в Каире. Камильк-паша был предан интересам Османской империи и преданность свою, как мы знаем, сумел доказать. Мурад же боролся как на словах, так и на деле против турецкого влияния и стал горячим приверженцем Мухаммеда-Али, когда тот начал плести интриги против турецкого султана Махмуда.

¹ Ага — старшина, начальник в областях, подчиненных Турции.

² Мамелюки — личная гвардия египетских султанов, пользовавшаяся большим влиянием в стране и неоднократно устраивавшая дворцовые перевороты. В 1811 году мамелюки были истреблены правителем Египта Мухаммедом-Али.

И вот этот самый Мурад, который был столь же беден, насколько был богат Камильк-паша, в качестве единственного родственника последнего мог бы рассчитывать на состояние своего двоюродного брата, но только в том случае, если бы между ними произошло примирение. Однако этого не могло случиться. Напротив, озлобление, даже ненависть со всеми ее последствиями должны были только углубить пропасть между двумя последними представителями рода.

В течение восемнадцати лет — с 1806 по 1824 год — правление Мухаммеда-Али не было потревожено никакими внешними войнами. Вместе с тем Мухаммеду-Али приходилось бороться против возрастающего влияния и угрожающих действий мамелюков, бывших сообщников, которым он был обязан тронem. Массовая резня, учиненная по всему Египту в 1811 году, избавила Мухаммеда-Али от внутренней опасности. С тех пор для вице-короля наступили спокойные годы. Его отношения с Диваном¹ оставались превосходными, по крайней мере внешне. На самом же деле султан Махмуд не доверял своему вассалу Мухаммеду-Али — и не без основания.

Камильк-паша часто служил мишенью для злых нападок Мурада. Пользуясь расположением Мухаммеда-Али, Мурад не переставал подстрекать вице-короля против богатого египтянина. Он напоминал своему господину, что Камильк-паша — сторонник Махмуда, друг турок, что за них он проливал кровь. По словам Мурада, Камильк-паша — человек опасный, внушающий подозрение... может быть, шпион... Такое огромное богатство, сосредоточенное в одних руках, представляет угрозу... Мурад говорил все, что следовало сказать, чтобы пробудить жадность в честолюбивом и безвольном властителе.

Но Камильк-пашу это ничуть не тревожило. Он жил в Каире настолько уединенно, что было бы нелегко расставить ему сети и запутать его в них. Если он покидал Египет, то лишь для длительных путешествий на собственной шхуне, которой командовал капитан Зо, человек на пять лет моложе его и беспредельно ему преданный... Совершая поездки по морям Азии, Африки и

¹ Д и в а н — государственный совет в Турции.

Европы, он влачил бесцельное существование, высокомерно безразличный ко всему человечеству.

Читатель может спросить, не забыл ли Камильк-паша моряка-француза, который спас ему жизнь. Забыл?.. Нет, ни в коем случае. Такие услуги не забываются. Но был ли вознагражден этот моряк? Кажется, нет. Быть может, Камильк-паша думал отблагодарить его позже и ждал случая, который привел бы его во время очередной морской прогулки во французские воды? Кто бы мог на это ответить?..

В 1812 году Камильк-паше стало ясно, что в Канре он находится под неусыпным наблюдением. Несколько раз вице-король не давал разрешения на задуманные им путешествия. Над свободой Камильк-паши нависла угроза, и все это было следствием непрерывного наушничества его двоюродного брата!

В 1823 году Мурад, в возрасте тридцати семи лет, решил жениться, но брак не упрочил его благосостояния. Женился он на молодой феллашке¹, почти невольнице. Поэтому нет ничего удивительного, что он, всячески используя свое влияние на Мухаммеда-Али и его сына Ибрагима, делал все возможное, чтобы восстановить их еще больше против Камильк-паши.

Между тем в Египте начиналась военная страда, и снова должно было обнажить оружие. В 1824 году Греция восстала против султана Махмуда, и тот призвал своего вассала на помощь против мятежников. Ибрагим-паша во главе флота в сто двадцать судов направился в Морею и высадился там со своим войском.

Это событие вернуло Камильк-паше интерес к жизни; он порывался уже броситься после двадцатилетнего перерыва в новые опасные экспедиции, броситься с тем большим пылом, что речь шла о поддержке прав Порты, нарушенных восстанием Пелопоннеса. Он хотел было стать в ряды армии Ибрагима, но получил отказ; хотел служить в качестве офицера в войсках султана — снова отказ. Не было ли это следствием рокового вмешательства известного нам лица, заинтересованного в том, чтобы не терять из виду родственника-миллионера?

¹ Феллахи — крестьяне в Египте, Аравии, Сирии, Палестине.

Борьба греков за независимость завершилась победой этой героической нации. После трехлетней жестокой осады Греции войсками Ибрагима-паши, в 1827 году в битве при Наварине, соединенные силы французского, английского и русского флота уничтожили турецкую эскадру и заставили вице-короля отозвать в Египет уцелевшие суда и армию. Ибрагим-паша возвратился в Каир в сопровождении Мурада, проделавшего вместе с ним пелопоннесскую кампанию.

С этого времени положение Камильк-паши ухудшилось. Ненависть Мурада еще больше возросла, когда в начале 1829 года молодая феллашка родила ему сына. Увеличилась семья, но не состояние. Мурад решил во что бы то ни стало завладеть богатством Камильк-паши. Вице-король безусловно не откажет ему в содействии. Такого сорта любезности — не новость для Египта. Впрочем, подобные дела творятся не только в восточных странах...

Пусть читатель запомнит, что сына Мурада звали Сауком.

Правильно оценив создавшееся положение, Камильк-паша понял, что у него есть лишь один выход: собрать все свое богатство, большую часть которого составляли алмазы и драгоценные камни, и вывезти его из Египта. Это было проделано чрезвычайно осторожно и ловко с помощью нескольких иностранцев, которые жили в Александрии и пользовались полным доверием богатого египтянина. Соблюдение строжайшей тайны способствовало успеху операции. Кто были иностранцы? К какой национальности они принадлежали? Об этом знал один Камильк-паша.

Трех небольших бочонков с двойными стенками, окованных железными обручами и похожих на те, в которых хранят испанские вина, как раз хватило, чтобы наполнить их сокровищами Камильк-паши. С величайшими предосторожностями они были погружены на неаполитанский корабль; а затем на борту этого же корабля вместе с капитаном Зо занял место и их владелец, чудом избежавший тысячи опасностей: шпионы следовали за ним по пятам из Каира до Александрии и следили за каждым его шагом, пока он там находился.

Пять дней спустя неаполитанский корабль остановился в Ладикии, а оттуда Камильк-паша направился в

Алеппо¹ — город, где он решил обосноваться. Теперь, когда он находился в Сирии, под покровительством своего бывшего начальника генерала Абдаллы, ставшего к тому времени пашой Акки, следовало ли ему опасаться козней Мурада? Разве мог Мухаммед-Али, как бы он ни был могуществен, разыскать его в далекой провинции, подвластной Блистательной Порте?

Однако это оказалось возможным.

В том самом 1830 году Мухаммед-Али порвал отношения с султаном. Расторгнуть узы вассальной зависимости, связывавшие его с Махмудом, присоединить Сирию к своим владениям в Египте, стать, быть может, властителем Оттоманской империи — такие далеко идущие замыслы не казались слишком смелыми честолюбивому вице-королю. Найти предлог было нетрудно.

Феллахи, притесняемые агентами Мухаммеда-Али, стали искать убежища в Сирии под покровительством Абдаллы. Вице-король потребовал выдачи беглецов. Паша Акки отказал. Тогда Мухаммед-Али стал настойчиво добиваться у султана разрешения усмирить Абдаллу с помощью оружия. Сначала Махмуд ответил, что феллахи — турецкие подданные и потому он не желает выдавать их вице-королю Египта. Но спустя некоторое время, когда произошло восстание скутарийского пашы, Махмуд, чтобы обеспечить если не помощь, то хотя бы нейтралитет Мухаммеда-Али, пошел ему навстречу.

Различные обстоятельства, в том числе эпидемия холеры на пристанях в Леванте, задержали выступление Ибрагима-пашы, ставшего во главе двадцати двух военных судов и армии в тридцать две тысячи человек. Таким образом, у Камильк-пашы было достаточно времени, чтобы задуматься над опасностями, которыми ему грозила высадка египтян в Сирии.

Камильк-паше шел тогда пятьдесят второй год, но он прожил такую беспокойную жизнь, что казался не по возрасту старым. Разочарованный, утомленный, доведенный почти до отчаяния, он хотел только одного — покоя. Он надеялся обрести его в тихом Алеппо, но события опять повернулись против него.

Благоразумно ли было оставаться в Алеппо в то время, когда Ибрагим собирался вторгнуться в Сирию?

¹ На современных картах — Халеб.

Разумеется, пока дело касалось только паши, управляющего городом и провинцией Акка. Но, покончив с владычеством Абдаллы, остановит ли вице-король свою победоносную армию? Удовлетворится ли его честолюбие наказанием непокорного паши? Не воспользуется ли он случаем, чтобы попытаться окончательно покорить Сирию — постоянный предмет его вожделений? И после взятия Акки не будут ли солдаты Ибрагима угрожать Дамаску, Сидону, Алеппо? Все это внушало серьезную тревогу.

На этот раз Камильк-паша принял окончательное решение. Ясно было, что Мурад гонится не за ним лично, а за его состоянием, желая во что бы то ни стало завладеть его богатством, если бы даже ему и пришлось поступиться львиной долей в пользу вице-короля. Значит, сокровища должны исчезнуть, должны быть надежно спрятаны в таком укромном месте, которого никто бы не нашел! А дальше все будет зависеть от хода событий. Если позднее Камильк-паша решит навсегда покинуть Восток, несмотря на всю свою привязанность к нему, или если в Сирии обстановка изменится к лучшему и он снова сможет там поселиться, тогда он извлечет свои сокровища из известного ему одному тайника...

Капитан Зо одобрил план Камильк-паши и придумал способ осуществить его таким образом, чтобы тайна никогда не была раскрыта. Была куплена шхуна-бриг, экипаж подобрали из людей разных национальностей. Матросы прежде не знали друг друга и не имели между собой ничего общего. Среди прочих припасов погрузили на борт три бочонка. Разумеется, никому и в голову не могло прийти, чем они были наполнены. 13 апреля Камильк-паша сел в Ладикии на шхуну и вышел в море.

Мы уже знаем, что Камильк-паша твердо решил найти остров, местонахождение которого было бы известно лишь ему одному и капитану. Прежде всего нужно было сбить с толку экипаж, чтобы ни один матрос не в состоянии был определить направление и маршрут, которого придерживалась шхуна. На протяжении пятнадцатимесячного плавания капитан Зо непрерывно менял курс. Покинула ли шхуна Средиземное море или снова вернулась в его воды? Не заходила ли она в другие моря, омывающие страны Старого Света? В европейских ли водах был обнаружен новый островок?..

Известно было только одно: шхуна-бриг последова-

тельно попадала в разные широты и в разные климатические пояса, так что лучший моряк не определил бы, где находилась она в данный момент. Снабженная продовольствием на два-три года, шхуна приставала к берегу только в тех случаях, когда надо было запастись водой, а затем опять удалялась в открытое море, и лишь капитану Зо было известно, где именно набирали воду.

Мы уже знаем, как долго находился в плавании Камильк-паша, прежде чем ему удалось найти нужный остров, показавшийся в ту самую минуту, когда он собирался уже бросить в море свои сокровища.

Таковы события, связанные с историей Египта и Сирии, о которых нам пришлось упомянуть. Больше нам не придется к этому возвращаться. Повествование наше окажется более фантастическим, чем можно было предположить по такому серьезному началу. Но рассказ должен строиться на прочной основе, что автор и сделал или, по крайней мере, пытался сделать,

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой неизвестный остров превращается
в неггораемый сейф*

Капитан Зо приказал уменьшить парусность и отдал распоряжение рулевому. С северо-востока дул слабый утренний бриз. Шхуна-бриг шла к острову только под фоком¹, марселем² и контра-бизанью³, убрав остальные паруса. Если бы море засвежело, шхуна могла бы укрыться у подножия островка.

В то время как Камильк-паша, облокотившись на перила мостика, внимательно смотрел вдаль, капитан стоял впереди и со свойственной опытному моряку осторожностью вел шхуну по направлению к острову, не напесному ни на какие географические карты.

В самом деле, здесь таилась опасность. Очень трудно разглядеть коварные рифы под спокойной гладью моря. Ведь здесь не было и не могло быть никаких указаний на

¹ Фок — парус первой мачты на судне.

² Марсель — второй снизу парус.

³ Контра-бизань — самый нижний парус на второй мачте на поса.

фарватер. Казалось, что к острову можно подойти совершенно свободно — рифов не было видно. Боцман, бросавший лот, не обнаружил ничего, что внушало бы опасения.

Вот какое зрелище открылось взорам на расстоянии одной мили в ранний утренний час, когда солнце, высвободившись из густого предрассветного тумана, осветило островок косыми лучами.

Островок был маленький, такой маленький, что на него не позарилось бы ни одно государство, разве что жадная захватчица Англия! А подтверждением того, что эта груда скал была еще неизвестна морякам и гидрографам, не была еще нанесена на новейшие карты, и служил как раз тот факт, что Великобритания не успела превратить его во второй Гибралтар, чтобы установить контроль над окружающими водами. Действительно, островок был совсем недавнего происхождения и лежал в стороне от обычных судоходных линий.

По внешнему виду он представлял собой довольно однообразную плоскую возвышенность, периметр которой едва достигал трехсот туазов. Он имел форму неправильного овала в сто пятьдесят туазов длиной и от шестидесяти до восьмидесяти в ширину. Однако это не было беспорядочное скопление скал, причудливо нагроможденных одна на другую и как бы оспаривающих законы равновесия. Несомненно, островок возник на поверхности моря вследствие спокойного и постепенного подъема земной коры. Его происхождение объяснялось не внезапными подземными толчками, а медленным всплыванием из морских глубин. Берега его не были изборождены ни глубокими бухтами, ни мелкими заливчиками. Он нисколько не походил на одну из тех морских раковин, на создание которых природа расточает тысячи фантазий, тысячи причуд, а напоминал скорее либо верхнюю створку устрицы, либо — и это, пожалуй, вернее — панцирь черепахи. Панцирь этот округлялся, повышаясь к центру таким образом, что его высшая точка находилась в ста пятидесяти футах¹ над уровнем моря.

Были ли на острове деревья? Ни одного. Признаки растительности? Никаких. Следы человеческого пребывания? Нигде. Островок не был и не мог быть обитаем — в

¹ Фут — английская мера длины, равен 30,4 сантиметра.

этом не приходилось сомневаться. И уж если Камильк-паша решил укрыть свои сокровища в земных недрах, то лучшего места, более укромного, более безопасного, чем этот островок с бесплодной каменистой почвой, невозможно было бы и найти.

«Островок как будто нарочно создан для этого!» — подумал капитан Зо.

Тем временем шхуна медленно двигалась, постепенно убирая паруса. Когда до острова осталось не более одного кабельтова¹, капитан приказал отдать якорь. И тотчас, отделившись от крамбола², увлекая цепь через клюз³, якорь забрал глубину в двадцать восемь саженей.

Скалистые уступы острова — во всяком случае, с этой стороны — были очень крутыми. Судно могло бы подойти еще ближе, быть может, пристать к самому берегу, не рискуя сесть на мель, и все же лучше было держаться от него на некотором расстоянии.

Когда шхуна стала на якорь и боцман приказал убрать последние паруса, капитан Зо вновь поднялся на мостик.

— Прикажете спустить большую шлюпку, ваша светлость? — спросил он.

— Нет... ялик⁴. Я предпочитаю высадиться только вдвоем.

— Как вам будет угодно.

Через минуту капитан с двумя легкими веслами в руках сидел на носу ялика, а Камильк-паша устроился на корме. Еще несколько мгновений, и маленькая лодка причалила к тому месту, которое показалось капитану наиболее удобным для высадки. В расщелине скалы основательно закрепили четырехрогий якорек, и Камильк-паша вступил во владение островом.

В честь этого события не взвился развернутый флаг и не прогремел пушечный выстрел! Во владение островом вступало не государство, а частное лицо, высадившееся на этой земле с намерением покинуть ее через три-четыре часа.

¹ Кабельтов — морская мера длины; равен 185,2 метра.

² Крамбол — приспособление для подъема якорей на судно.

³ Клюз — отверстие в борту судна для выпуска за борт якорной цепи.

⁴ Ялик — маленькая, узкая, легкая на ходу лодка.

Камильк-паша и капитан Зо с самого начала заметили, что боковые склоны острова не покоились на песчаном основании, а выступали прямо из моря под углом от пятидесяти до шестидесяти градусов. Следовательно, своим возникновением островок и в самом деле был обязан поднятию морского дна.

Они приступили к обследованию острова. Идя кругом по его краям и растапывая нечто вроде кристаллического кварца, они поняли, что его еще не касалась нога человека,— на девственной почве, вернее, породе не было никаких следов. Ни в какой части побережья не было заметно разрушений, производимых морскими волнами благодаря содержащимся в них кислотам, не видно было неприхотливых растений вроде лишайника, морского мха или морского укропа, семена которых обычно заносятся ветром в расщелины скал, и никаких ракушек, ни живых, ни мертвых.

На сухой кристаллической поверхности виднелись только лужицы, сохранившиеся еще во впадинах от последних дождей, и кое-где птичий помет, оставленный морскими чайками, единственными представителями животного мира в этих краях.

Обойдя островок кругом, Камильк-паша и капитан направились к самому центру закругленной возвышенности. Нигде не замечалось ни малейших признаков давнишнего или недавнего пребывания человека на этих скалах. Повсюду удивительная, если можно так выразиться, кристальная чистота: ни одной царапины, ни единого пятнышка...

Когда пришельцы поднялись на центральный закругленный выступ, они очутились на площадке примерно в полтора фута над уровнем океана. Усевшись рядом, они принялись внимательно разглядывать открывшийся их взорам горизонт.

На безбрежном водном пространстве отражались солнечные лучи, и не было видно ни кусочка суши. Значит, этот остров не принадлежал к числу атоллов¹, группирующихся обычно в большем или меньшем количестве один подле другого. Капитан Зо, глядя в подзорную

¹ Атолл — кольцеобразный коралловый остров с внутренним водоемом (лагунной), соединяющимся узким каналом с открытым морем.

трубу, тщетно высматривал какой-нибудь парус. Море было совершенно пустынно, и шхуна-бриг не подвергалась риску быть замеченной в течение нескольких часов, которые она должна была провести на якоре в полукабальтове от берега.

— Ты хорошо знаешь, каково наше местоположение сегодня? — спросил Камильк-паша.

— Разумеется, ваша светлость, — ответил капитан Зо. — Впрочем, для большей точности я проверю координаты.

— Да, это очень важно... Но все же я не могу понять, почему этот островок не нанесен на карту.

— Мне кажется, потому, что он недавнего происхождения. Во всяком случае, для вас еще лучше, что его нет на карте. Мы можем быть уверены, что найдем его на том же месте в любой день, когда вы захотите сюда вернуться.

— Да, капитан, когда пройдут эти смутные времена! Что мне до того, если мои сокровища еще долгие годы будут погребены под этими скалами! Разве здесь они не будут в большей безопасности, чем в моем доме в Алеппо? Сюда-то уж не явятся, чтобы меня ограбить, ни вице-король, ни его сын Ибрагим, ни этот негодяй Мурад!.. Отдать драгоценности Мураду! Да я лучше брошу их в морскую пучину!

— Это была бы самая печальная необходимость! — ответил капитан. — Ведь море не возвращает того, что ему доверено... Все же нам посчастливилось, что мы открыли островок. Он, конечно, сохранит ваши богатства и честно их вам вернет.

— Пойдем, — сказал Камильк-паша, поднимаясь. — Надо покончить с этим делом как можно быстрее, пока нашу шхуну никто не заметил...

— Слушаюсь!

— Ты уверен, что на борту никто не знает, где мы сейчас находимся?

— Никто, уверяю вас, ваша светлость.

— И даже — в каком мы море?

— Больше того — в каком мы полушарии, в Старом или в Новом Свете. Уже пятнадцать месяцев, как мы бороздим моря и океаны, а за пятнадцать месяцев корабль может покрыть громадные расстояния между континентами.

Камильк-паша и капитан Зо спустились к месту, где их ждал ялик.

Садясь в лодку, капитан спросил:

— Ваша светлость! Покончив с этим делом, мы повернем в Сирию?

— Нет. Я возвращусь в Алеппо не раньше, чем солдаты Ибрагима будут выведены из провинции и страна под властью Махмуда вновь обретет спокойствие.

— А не думаете ли вы, что провинция может быть навсегда присоединена к владениям вице-короля?

— Нет! Клянусь пророком, нет! — вскричал Камильк-паша, выведенный этим предположением из свойственной ему флегматичности. — Быть может, на какой-то промежуток времени, — думаю, что недолгий, — Сирия и будет присоединена к владениям Мухаммеда-Али. Пути аллаха неисповедимы! Но чтобы она вообще не вернулась под власть султана... Аллах не допустит этого!

— Где же, ваша светлость, вы найдете теперь убежище?

— Нигде... нигде! Раз мои сокровища будут в безопасности среди этих скал, пусть они здесь и останутся! А мы, капитан, продолжим наше плавание, как это делаем уже давно...

— К вашим услугам.

Вскоре Камильк-паша и его спутник вернулись на борт шхуны.

Около девяти часов капитан произвел свое первое наблюдение за солнцем, чтобы определить долготу; в полдень, в тот момент, когда небесное светило пересечет меридиан, предстояло сделать второе наблюдение, и тогда капитану будут известны координаты — и долгота и широта. Он приказал принести секстант, определил высоту и таким образом, как и обещал Камильк-паше, выполнил измерение тщательно и быстро. Записав результат, капитан спустился в каюту, чтобы сделать предварительные выкладки для определения географического положения острова. Окончательные данные будут получены после измерения широты.

Но, прежде чем начать свою работу, капитан отдал распоряжение снарядить шлюпку: погрузить в нее три бочонка, инструменты, кирки, топоры, цемент — все необходимое для того, чтобы привести в исполнение замысел Камильк-паши.

К десяти часам все было готово. Шесть матросов во главе с боцманом спустились в шлюпку. Они не подозревали, чем заполнены бочонки и почему их собираются зарыть на уединенном острове. Это их не касалось и совсем не беспокоило. Моряки, приученные к беспрекословному повиновению, действовали, как живые машины.

Камильк-паша и капитан Зо заняли места на корме. Несколько ударов весел, и шлюпка пристала к острову.

Прежде всего нужно было выбрать подходящее для тайника место: не слишком близко к берегу, затопляемому во время равноденственных бурь, и не слишком высоко, чтобы не угрожали обвалы. Такое место наконец нашлось у подножия одной остроконечной скалы на юго-восточной стороне острова.

По приказу капитана Зо, матросы выгрузили бочонки и инструменты. Затем они начали выдалбливать яму.

Работа была тяжелая: кристаллический кварц — очень твердая порода. Разлетавшиеся от ударов кирки осколки кварца тщательно собирались, чтобы засыпать яму после того, как в нее будут опущены бочонки. Понадобилось не менее двух часов, прежде чем удалось выдолбить впадину глубиной в пять-шесть футов и такой же ширины — настоящую могилу, в которой сон мертвеца никогда бы не потревожили даже самые грозные бури.

Камильк-паша держался в отдалении, как всегда задумчивый и грустный, мучимый своими неотвязными мыслями. Он спрашивал себя: не лучше ли ему лечь рядом со своими сокровищами и уснуть вечным сном?.. И в самом деле, где бы он нашел более надежное убежище от человеческой несправедливости и коварства?

Когда бочонки были опущены в глубину ямы, Камильк-паша взглянул на них в последний раз. В ту минуту вид его показался капитану до того странным, что он не удивился бы, если бы Камильк-паша отменил свой приказ, отказался от плана, который он так долго лелеял, и снова пустился бы в море со своими сокровищами.

Но нет, он жестом велел продолжать работу. Тогда капитан приказал плотно установить бочонки — один подле другого, — засыпать осколками кварца и скрепить цементом. Вскоре образовалась сплошная масса, не менее твердая, чем скалы самого острова. Сверху еще наложнили груды камней, сцементированных между собой таким образом, что свободное пространство заполнилось

до самой поверхности и составило одно целое с каменной почвой. Пройдет немного времени — дожди и шквалы отполируют поверхность, и будет невозможно найти место, где был погребен клад.

А потому необходимо было оставить какой-нибудь неизгладимый знак, который позволил бы в нужный момент отыскать сокровенное место. На вертикальной стене скалы, позади ямы, боцман нанес с помощью резца монограмму, в точности воспроизводившую обычную подпись Камильк-паши — два К — первая и последняя буквы его имени:

Больше на острове нечего было делать. Сокровища были замурованы в глубине ямы. Кто нашел бы их теперь в этом месте, кто извлек бы их из тайника?.. Нет! Здесь они были в полной безопасности, и если бы Камильк-паша и капитан Зо унесли эту тайну с собой в могилу, то до скончания мира никто бы о ней ничего не узнал.

Боцман скомандовал матросам, и шлюпка отчалила. Через несколько минут, обогнув остров, она подошла за Камильк-пашой и капитаном Зо и доставила их на шхуну, неподвижно стоявшую на якоре.

Было без четверти двенадцать. Погода стояла превосходная. На небе ни облачка. Через четверть часа солнце достигнет меридиана. Капитан взял секстант, чтобы сделать второе измерение. Затем он рассчитал широту, вычислив часовой угол по наблюдению, сделанному в девять часов утра. Таким образом он определил координаты острова с точностью до полумили.

Закончив эту работу, капитан только что хотел подняться на палубу, как в открывшуюся дверь его каюты вошел Камильк-паша.

— Координаты установлены? — спросил он.

— Да, ваша светлость.

— Покажи!

Капитан протянул ему листок бумаги, на котором

были сделаны вычисления. Камильк-паша прочитал медленно, внимательно, как бы желая навсегда запечатлеть в памяти местонахождение острова.

— Спрячь этот листок и бережно сохрани! — сказал он капитану. — Что же касается судового журнала, в котором ты записывал в течение всех пятнадцати месяцев наш курс...

— Ваша светлость, его никто никогда не увидит...

— А для полной уверенности ты его сейчас же уничтожишь...

— Слушаюсь.

Капитан Зо взял журнал, в котором были указаны разнообразные маршруты и изменения курса шхуны-брига во многих морях, разорвал на клочки и сжег на огне фонаря. После этого Камильк-паша и капитан поднялись на палубу, и остальную часть дня шхуна оставалась на якоре возле острова.

К пяти часам вечера в западной части горизонта появились хмурые тучи. Заходящее солнце отбрасывало снопы лучей сквозь узкие просветы между облаками, покрывая море золотистыми блестками.

Капитан Зо покачал головой — опытному моряку не нравилась изменившаяся погода.

— Ваша светлость, — сказал он, — эти низкие тучи предвещают сильный ветер... Может быть, даже бурю к ночи!.. Этот островок — плохая защита для нас. До наступления темноты мы успели бы отойти от него миль на десять...

— Нас здесь больше ничто не удерживает, — ответил Камильк-паша.

— В таком случае, поднимем якорь!

— А тебе не нужно в последний раз проверить координаты?

— Нет, ваша светлость, я уверен в точности вычислений так же твердо, как в том, что я сын моей матери!

— Тогда снимайся с якоря!

— Слушаюсь!

Приготовления были предсланы быстро. Якорь подняли, паруса поставили под ветер и взяли курс на северо-восток.

Стоя у гакаборта¹, Камильк-паша до тех пор смот-

¹ Гакаборт — верхняя часть борта у оконечности кормы.

рел на неизвестный остров, пока в неясном вечернем свете еще вырисовывались его очертания. Постепенно груды скал исчезли в тумане. Но богатый египтянин знал, что стоит ему захотеть, и он найдет этот островок... а вместе с ним и зарытые сокровища на сто миллионов франков¹ в золоте, алмазах и драгоценных камнях.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой читателю представляются два совершенно
несхожих между собою друга — дядюшка Антифер
и бывший судовладелец Жильдас Трегомен*

Каждую субботу, около восьми часов вечера, дядюшка Антифер, поныхивая своей любимой короткой трубкой, неизменно впадал в сильнейший гнев. А примерно через час, все еще багровый, но уже изливший злость на своего соседа и друга Жильдаса Трегомена, снова обретал спокойствие. Что же вызывало в нем такую ярость? А то, что в своем старом атласе на одной из планисферных² карт, вычерченных по проекции Меркатора³, он никак не мог найти то, что ему было нужно.

— Проклятая широта! — восклицал он. — Чертова широта! Но, если бы она даже проходила через пекло Вельзевула⁴, я все равно должен проехать по ней из конца в конец!

И в ожидании, пока он сможет привести свой замысел в исполнение, дядюшка Антифер проводил ногтем по упомянутой широте. И вообще вся карта, о которой идет речь, была истыкана карандашом и продырявлена циркулем, как кофейное ситечко.

Широта, вызывавшая у дядюшки Антифера такое раздражение, была обозначена следующим образом на

¹ Франк — французская монета; по дореволюционному денежному курсу составлял приблизительно третью часть золотого рубля.

² Планисферная карта — изображение глобуса на плоскости в виде полушария.

³ Меркатор Герард (1512—1594) — фламандский картограф и математик. Предложенные Меркатором картографические проекции до сих пор используются при составлении навигационных морских карт.

⁴ Вельзевул — в христианской религиозной литературе название злого духа, властителя ада.

кусочке пергамента, своей желтизной напоминавшем выцветший испанский флаг:

Двадцать четыре градуса пятьдесят девять минут (с. ш.¹).

Под этой строчкой в углу пергамента красными чернилами было написано:

Настоятельно советую моему мальчику никогда этого не забывать.

И дядюшка Антифер неизменно повторял:

— Будь спокоен, дорогой отец, я не забыл и никогда не забуду эту широту!.. Но разрази меня господь, если я понимаю, для чего это нужно!

И сегодня, 23 февраля 1862 года, как всегда под вечер, на дядюшку Антифера опять нашел его обычный стих. Обуреваемый злобой, он выкрикивал проклятия, как матрос, у которого из рук выскользнул канат, скрежетал зубами, разжигал двадцать раз свою потухавшую трубку и ломал при этом спичку за спичкой. Потом он швырнул атлас в угол, стул — в противоположную сторону и в ярости бросил на пол большую морскую раковину, украшавшую камин. После этого он стал топать с такой силой, что задрожали потолочные балки, и голосом, привыкшим перекрывать грохот шквала, завопил, сделав рупор из свернутого в трубку картона:

— Нанон!.. Эногат!..

Эногат и Нанон, занятые одна — вязанием, другая — глажением у кухонной плиты, поняли, что пора явиться и положить конец домашней буре.

Дядюшка Антифер был владельцем одного из хороших старинных домов в Сен-Мало. Дом был построен из гранита, фасад выходил на улицу От-Салль. В каждом из трех этажей было по две комнаты, а верхний этаж приходился вровень с крепостной стеной.

Взгляните на этот дом, с его крепкими гранитными стенами — их не пробили бы метательные снаряды прежних времен, — с узкими окнами, перехваченными железными решетками, массивной дубовой дверью, украшенной металлическими узорами и окованной железом, снабженной висячим молотком, стук которого доносится до Сен-Сервана, когда дядюшка Антифер принимается колотить в дверь, с черепичной крышей и слуховыми окош-

¹ С. ш. — северной широты.

ками, из которых нет-нет, да и высунется подозрная труба, принадлежащая отставному моряку.

Из этого строения, наполовину каземата, наполовину сельского домика, прилегающего к углу крепостной стены, которая опоясывает весь город, открывается великолепный вид: направо — Гран-бей, уголок Сезамбра, Пуант дю Деколле и мыс Фреэль, налево — плотина и мол, устье реки Ранс, пляж Приёре близ Динара и даже дымчато-серый собор в Сен-Серване.

Некогда Сен-Мало был островом, и, может быть, дядюшка Антифер сожалел о том времени, когда он мог бы считать себя островитянином. Впрочем, каждый имеет право гордиться, если он родился на этом берегу Армора¹, давшего Франции столько великих людей; среди них — Дюге-Труэн², перед статуей которого наш достойный моряк всегда почтительно склонял голову, проходя через сквер; Ламенне³ (правда, дядюшка совершенно не интересовался этим писателем), Шатобриан⁴, из произведений которого дядюшка Антифер знал только последнее — мы говорим о скромном и вместе с тем величественном надгробье знаменитого писателя, которое возвышается на острове Гран-Бей.

Дядюшке Антиферу (Пьеру-Сервану-Мало) было сорок шесть лет. Прошло уже полтора года, как он вышел в отставку, имея кое-какой недостаток, которого вполне хватало ему и его близким. Несколько тысяч франков годового дохода были результатом его плаваний на двух или трех судах, находившихся под его командованием и приписанных к порту Сен-Мало. Эти корабли, принадлежавшие торговому дому Ле-Байиф и К^о, совершали каботажные⁵ рейсы вдоль берегов Ла-Манша, по Северному, Балтийскому и даже Средиземному морям. Еще до

¹ Армор (буквально «морская страна») — кельтское название Бретани, области во Франции.

² Дюге-Труэн (1673—1736) — французский моряк. Начал флотскую службу волонтером, в конце жизни — генерал-лейтенант военно-морских сил Франции.

³ Ламенне (1782—1854) — аббат, французский публицист и политический деятель.

⁴ Шатобриан (1768—1848) — французский писатель и политический деятель. Согласно его желанию, погребен на одинокой морской скале вблизи Сен-Мало.

⁵ Каботажное плавание — судоходство близ берегов одной или нескольких соседних стран.

того, как дядюшка Антифер занял это высокое положение, он по роду своей службы немало постранствовал по свету. Это был опытный моряк, смелый, предприимчивый, требовательный к себе и к другим, спокойно ставящий свою жизнь на карту, не останавливающийся ни перед какими препятствиями и упрямый, как истый бретонец! Тосковал ли он по морю, которое он оставил в цвете лет?.. Быть может, на его решение повлияло плохое состояние здоровья? Никоим образом. Он, казалось, был высечен из глыбы безупречного гранита с армориканских морских берегов.

И в самом деле, чтобы убедиться в этом, стоило только взглянуть на него, услышать его зычный голос, почувствовать его крепкое рукопожатие, на которое он не скупился! Представьте себе человека среднего роста, коренастого, широкоплечего. Вот его особые приметы: большая голова кельта; волосы жесткие, как щетина; лицо обветренное и загорелое, закаленное морскими бурями, сожженное солнцем южных широт; густая борода с проседью, обрамляющая лицо, словно мох на скалах; глаза живые, черные, сверкающие из-под густых бровей, мечущие искры, как кошачьи зрачки в темноте; крупный, довольно длинный нос, суженный у переносицы и расширяющийся книзу; крепкие здоровые зубы, вечно грызущие трубку, которую владелец не выпускает изо рта; большие, поросшие волосами уши с отвислыми мочками; на правой — медное кольцо с впаянным в него якорем; наконец, худощавое туловище и крепкие ноги — надежная опора при любой качке, боковой и килевой.

Во всем облике дядюшки Антифера угадывается физическая и нравственная сила. Это человек железного здоровья, умеющий вкусно есть и вкусно пить, человек, которому по праву предстоит долгая здоровая жизнь.

Но какую раздражительность, какую нервозность, какую горячность таит в себе это соединение духа и плоти, которое сорок шесть лет назад было занесено в книгу церковного прихода под многозначительным именем Пьера-Сервана-Мало Антифера!

И в этот вечер он опять бесновался, опять неистовствовал, и крепкий дом содрогался; можно было подумать, что к самому фундаменту подступил один из тех приливов, которые при равноденствии достигают пятидесяти футов высоты и покрывают пеной половину города.

Нанон Ле Гоа, вдова сорока восьми лет, приходилась сестрой нашему всныльчивому моряку. Ее муж, простой земледелец, служивший счетоводом в торговом доме Ле Байиф, умер молодым, оставив ей дочь Эногат, которую взялся воспитывать дядюшка Антифер, добросовестно исполнявший обязанности опекуна. Нанон была добрая женщина. Она преданно любила своего брата и трепетала перед ним, особенно когда на него находили очередные припадки ярости.

Эногат, очаровательная белокурая девушка с голубыми глазами и чудесным цветом лица, грациозная, умная, более решительная, чем ее мать, иногда давала отпор своему грозному опекуну.

Последний, впрочем, не только обожал свою племянницу, но и считал ее самой красивой девушкой в Сен-Мало, мечтая, чтобы она стала также и самой счастливой. Но, по-видимому, его понимание счастья не устраивало прелестную Эногат.

Обе женщины появились на пороге комнаты: одна — с длинными вязальными спицами, другая — с раскаленным утюгом.

— О боже, что случилось? — спросила Нанон.

— Моя широта!.. Эта дьявольская широта!.. — вскричал дядюшка Антифер и так хватил себя кулаком по голове, что не выдержал бы никакой другой череп, кроме того, которым природа, к счастью, наградила нашего бравого моряка.

— Дядюшка, — сказала Эногат, — стоит ли так бесноваться из-за этой широты и устраивать в комнате такой беспорядок!..

И она подняла с полу атлас, в то время как Нанон подбирала один за другим осколки вдребезги разбитой раковины, словно взорванной пороховым зарядом.

— Это ты ее разбил, дядюшка?

— Я, малютка... Если бы это сделал другой, ему бы не поздоровилось!

— Но зачем же было бросать ее на пол?

— У меня чесались руки!

— Эту раковину подарил нам брат, — сказала Нанон, — и ты не должен был...

— Ну, а дальше что?.. Можешь твердить до самого утра, что я не должен был, — все равно ее теперь не починить!

— Что скажет мой кузен Жюэль? — воскликнула Эногат.

— Он ничего не скажет и хорошо сделает, если промолчит! — быстро возразил дядюшка Антифер, жалея, что перед ним только две женщины, на которых он не мог в полной мере сорвать свой гнев. — А в самом деле, — добавил он, — где Жюэль?

— Ты же знаешь, дядюшка, что он уехал в Нант, — ответила молодая девушка.

— Нант? Еще что! Что же он собирается делать в Нанте?

— Дядюшка, ты же сам его послал... ты же знаешь... экзамен на звание капитана дальнего плавания.

— Капитан дальнего плавания... Капитан дальнего плавания! — ворчал дядюшка Антифер. — Ему уже недостаточно быть, как я, капитаном каботажного судна?

— Но, брат, — робко заметила Нанон, — ведь это по твоему же совету... ты сам хотел...

— Ну да, потому что я хотел... Нечего сказать, хорошее объяснение!.. А если бы я этого не хотел, разве он не поехал бы... в этот... Нант?.. Впрочем, все равно он провалится на экзамене...

— Нет, дядя.

— Да, племянница!.. И, если он провалится, уж я устрою ему встречу... с северным ветерком!

Вы понимаете, что разговаривать с подобным человеком не было никакой возможности! С одной стороны, дядюшка Антифер не хотел, чтобы Жюэль держал экзамен на звание капитана дальнего плавания, — с другой стороны, если бы он провалился, получил бы хорошую избушку, но попало бы также и «этим ослам экзаменаторам, этим торговцам гидрографией».

Но Эногат, конечно, была уверена, что молодой человек не провалится. Прежде всего потому, что он был ее двоюродным братом, затем потому, что он был умен и прилежен, наконец, потому, что он любил ее, а она любила его и они хотели пожениться. Попробуйте-ка придумать три лучших довода, чем эти!

Следует еще прибавить, что Жюэль был племянником дядюшки Антифера и жил под его опекой до совершеннолетия. Он осиротел в раннем детстве. Появление Жюэля на свет стоило жизни его матери, а через несколько лет он лишился и отца, лейтенанта флота. Вот почему

опекуном Жюэля стал его дядюшка. Поэтому не приходится удивляться, что самой судьбой ему было предназначено стать моряком, и Эногат имела все основания думать, что он выдержит экзамен на капитана дальнего плавания. Дядюшка тоже в этом не сомневался, но у него было слишком плохое настроение, чтобы согласиться с чем бы то ни было..

Для юной малуинки¹ это было особенно важно, так как свадьба, давно уже решенная между двоюродным братом и ею, должна была состояться сразу же после получения Жюэлем звания капитана дальнего плавания. Молодые люди любили друг друга той искренней и чистой любовью, какая только и может дать настоящее счастье в жизни. Нанон с радостью ожидала дня, когда будет торжественно отпразднован этот желанный для всей семьи союз. Да и что могло помешать ему, раз всемогущий глава семейства, дядя и опекун одновременно, дал свое согласие... или, по крайней мере, обещал дать, когда жених станет капитаном?

Само собой разумеется, что Жюэль прошел полный курс ученичества, работая сначала юнгой на борту кораблей торгового дома Ле Байиф, затем матросом на государственной службе и, наконец, в течение трех лет лейтенантом торгового флота. Таким образом, он познал свое ремесло на практике и в теории. В душе дядюшка Антифер гордился своим племянником. Но, возможно, он мечтал о более выгодной партии для такого достойного юноши, точно так же как желал более богатого жениха и для своей племянницы, ибо во всей округе не было девушки прелестнее, чем она. «И даже во всем департаменте Иль и Вилен!» — нахмурившись, повторял он про себя, готовый распространить свое утверждение на всю Бретань.

И при мысли, что в один прекрасный день ему в руки могут свалиться миллионы — хотя он был вполне счастлив со своими пятью тысячами годового дохода, — он терял голову, предаваясь безрассудным мечтаниям...

Тем временем Эногат и Нанон навели порядок в комнате этого ужасного человека, к сожалению только в комнате, но не в его голове. А между тем ее-то и следовало бы привести в порядок, проветрить, протереть, прочи-

¹ Малуинцами называют жителей Сен-Мало.

стить... хотя бы для того, чтобы изгнать поселившихся там бабочек и пауков, иначе говоря — освободить от химер.

Между тем отставной моряк шагал взад и вперед по комнате, и глаза его метали искры. Это обозначало, что буря еще не улеглась и с минуты на минуту гроза может разразиться с новой силой. А когда он поглядывал на барометр, висевший на стене, то гнев его, казалось, еще больше усиливался, потому что добросовестный и точный инструмент показывал все время «ясно».

— Итак, Жюэль еще не вернулся? — спросил он, обернувшись к Эногат.

— Нет, дядюшка.

— А уже десять часов!

— Нет, дядюшка.

— Вы увидите, он опоздает на поезд!

— Нет, дядюшка.

— Ах, вот как! Да перестанешь ты мне прекословить?

— Нет, дядюшка.

Юная бретонка, несмотря на отчаянные знаки Нанон, твердо решила защищать своего жениха против несправедливых обвинений невоздержанного на язык дядюшки Антифера.

Чувствовалось, что гроза готова вот-вот разразиться. Но не было ли громоотвода, способного разрядить скопившееся в дядюшке электричество?

По-видимому, был. Вот почему Нанон и ее дочь поспешили повиноваться, когда он закричал громовым голосом:

— Найдите мне Трегомена!

Они быстро выбежали на улицу и бросились искать Трегомена.

— Господи! Только бы застать его дома! — восклицали они на ходу.

К счастью, он оказался у себя и уже через пять минут был у дядюшки Антифера.

Жильдасу Трегомену шел пятьдесят второй год. Сходство его с соседом заключалось в следующем: он был холостяк, как и дядюшка Антифер; подобно ему, много лет провел в плавании и тоже вышел в отставку; и, наконец, и тот и другой были малуинцами. На этом сходство кончалось. И в самом деле, если Жильдас Трегомен был человек тихий и спокойный, то дядюшка Анти-

фер — шумный и горячий. Насколько первый был покладист, настолько же неуживчив второй; насколько Жильдас Трегомен обладал философским складом ума, настолько же мало походил на философа дядюшка Антифер. Это то, что касалось характера. Столь же резко отличались они один от другого и по внешности. Тем не менее они были большими друзьями. Но если дружеские чувства дядюшки Антифера к Жильдасу Трегомену вполне понятны, то расположение Трегомена к дядюшке Антиферу труднее поддается объяснению. Ведь каждому понятно, что дружить с таким человеком дело не легкое.

Мы только что сказали, что Жильдас Трегомен бывал в плавании; но моряк моряку рознь. Если дядюшка Антифер, будучи моряком торгового флота, побывал во многих морях земного шара, прежде чем стать капитаном каботажных кораблей, то ничего подобного не было в жизни его соседа. Жильдас Трегомен, освобожденный от воинской службы как сын вдовы, не служил матросом на флоте и никогда не выходил в море.

Нет! Никогда. Он видел Ла-Манш только с высоты Канкаля¹ и даже с мыса Фреэль, но на большее не отваживался. Он родился в каюте речного грузового судна, и на этом же судне прошла вся его жизнь. Сначала судовщик, а потом владелец «Прекрасной Амелии», он поднимался и спускался по реке Ранс от Динара к Динану, от Динана — к Плюмога с грузом леса, вина, угля, в соответствии с заказами. Вряд ли он знал другие реки департаментов Иль и Вилен и Кот-дю-Нор. Жильдас Трегомен был скромнейшим пресноводным судовщиком, тогда как дядюшка Антифер — истым моряком самых что ни на есть соленых вод. Жильдас Трегомен, простой судовщик, ничего не стоил по сравнению с этим мастером каботажного плавания! Поэтому Трегомен пасовал перед своим соседом и другом, который держал его всегда на известном расстоянии.

Жильдас Трегомен жил в красивом, уютном домике в конце Тулузской улицы, вблизи крепостной стены, в ста шагах от дядюшки Антифера. С одной стороны дома было видно устье реки Ранс, с другой — открытое море.

¹ Канкаль — портовый городок в четырнадцати километрах от Сен-Мало, находящийся на возвышенности, так же как и мыс Фреэль.

Хозяин дома был человек сильный, необычайно широкоплечий, пяти футов шести дюймов роста; верхняя часть туловища, похожая на сундук, неизменно была облачена в широкий жилет с двумя рядами костяных пуговиц и в темную шерстяную матросскую блузу, всегда очень чистую, с большими складками на спине и в проймах рукавов. Эти могучие плечи служили основанием для рук, таких массивных, что они напоминали скорее ляжки обыкновенного среднего человека; руки заканчивались огромными кистями, которые можно было бы сравнить разве что со ступнями гренадера старой гвардии. Понятно, что, обладая такими могучими конечностями и такой необыкновенной мускулатурой, Жильдас Трегомен был наделен исполинской силой. Но это был добрый Геркулес. Он никогда не пускал свою силу в ход и, здороваясь или прощаясь, пожимал руку только большим и указательным пальцами, боясь раздавить ее. Мощь его как бы дремала в нем. Она никогда не проявлялась внезапно, а если и обнаруживалась, то он не прилагал к этому ни малейших усилий.

Если бы мы уподобили Жильдаса Трегомена машине, то он напоминал не вертикальный молот, который сплюсчивает железо одним страшным ударом, а, скорее, один из тех гидравлических прессов, которые постепенно сгибают самый крепкий железный прокат. Видимо, это было следствием его спокойного, ровного кровообращения.

На широких плечах возвышалась увенчанная высокой широкополой шляпой крупная голова с гладкими волосами, небольшими бакенбардами в форме котлеток, изогнутым носом, придающим характерность профилю, улыбающимся ртом, втянутой верхней губой и выдающейся нижней, с жирными складками на подбородке, прекрасными белыми зубами (отсутствовал только один верхний резец), не знавшими табачного дыма; с глазами ясными и добрыми под густыми рыжими бровями; с кирпичным цветом лица, загоревшего на ветру реки Ранс, но никогда не ведавшего неистовых порывов океанских бурь.

Таков был Жильдас Трегомен, один из тех предупредительно-вежливых людей, которым говорят: «Приходите в полдень... Приходите в два часа», и они приходят всегда вовремя, всегда готовые оказать вам услугу! Он был непоколебим, как скала, о которую разбивалась ярость дядюшки Антифера. Когда у того было дурное

настроение и он начинал бушевать, посылали за Жильдасом Трегоменом, и он являлся к своему разъяренному соседу и выдерживал любой шквал.

Бывшего владельца «Прекрасной Амелии» обожал весь дом — Нанон, видевшая в нем защитника, Жюэль, питавший к нему сыновнюю любовь, Эногат, целовавшая его щеки и гладкий лоб без единой морщинки, — последнее является, по словам физиономистов, неоспоримым доказательством спокойного и мирного характера.

В этот вечер, в половине пятого, Жильдас Трегомен поднялся по деревянной лестнице, ведущей в комнату второго этажа.

Ступеньки трещали под его тяжелыми шагами.

Он толкнул дверь и очутился лицом к лицу с дядюшкой Антифером.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой Жильдас Трегомен с трудом удерживается, чтобы не противоречить дядюшке Антиферу

— Пришел наконец, лодочник!

— Я сразу же побежал, как только ты позвал меня, старина...

— Однако долго же ты бежал!

— Ровно столько, сколько понадобилось на дорогу.

— В самом деле?.. Можно подумать, что ты плыл на «Прекрасной Амелии»!

Жильдас Трегомен сделал вид, будто не понял намека на черепаший ход его габары¹ по сравнению с быстротой морских судов. Он нисколько не удивился, застав соседа в дурном расположении духа, и решил, как всегда, терпеливо сносить все его выходки.

Дядюшка Антифер протянул Трегомену палец, который тот нежно пожал большим и указательным пальцами своей громадной ручищи.

— Эй!.. Черт возьми! Жми, но не так сильно!

— Прости меня... я не нарочно...

— Только этого еще недоставало!

¹ Г а б а р а — вышедшее из употребления грузовое плоскодонное судно.

Затем дядюшка Антифер жестом пригласил Жильдаса Трегомена занять место у стола посередине комнаты.

Трегомен повиновался и уселся на стуле, расставив колесом ноги в просторных башмаках без каблуков. Он разложил на коленях большой носовой платок с голубенькими и красненькими цветочками, украшенный по углам якорями.

При виде этих якорей дядюшка Антифер неизменно пожимал плечами... Якорь у владельца грузового судна!.. Это все равно, что водрузить на габару фок-мачту, грот-мачту или бизань-мачту!

— Ты выпьешь коньяку, лодочник? — спросил он, подвигая две рюмки и графин.

— Ты же знаешь, старина, что я никогда не пью.

Это не помешало хозяину дома наполнить обе рюмки. По обычаю, освященному десятилетней давностью, дядюшка Антифер, выпив свой коньяк, выпивал затем и порцию, налитую соседу.

— А теперь поговорим.

— О чем? — спросил Жильдас, отлично знавший, для какой цели его позвали.

— О чем?.. О чем же еще мы можем говорить, как не о...

— Ах да!.. Ну, нашел ты наконец ту самую точку, которая тебя так интересует на этой пресловутой широте?

— Нашел? Каким образом, ты думаешь, я мог найти? Слушая этих двух болтушек, которые без умолку трещали здесь?

— Так ты называешь добрую Нанон и прелестную Эпогат?

— А! Я знаю, ты всегда становишься на их сторону, против меня!.. Но не в том дело. Вот уже восемь лет, как умер мой отец Томас, прошло уже восемь лет, а вопрос об этой точке не продвинулся ни на шаг... Пора уже положить этому конец!

— Что касается меня, — сказал Жильдас Трегомен подмигивая, — я бы положил конец... бросив навсегда этим заниматься.

— Так, так!.. А завешание отца на смертном одре? А с ним что бы ты сделал?.. Для меня это священный долг!

— Как жаль, — ответил Жильдас Трегомен, — что твой почтенный отец больше ничего не сказал...

— А как он мог сказать, если он сам ничего больше не знал!.. Тысяча чертей! Неужели я тоже до последнего своего дня так ничего и не выясню?

Жильдас Трегомен чуть было не ответил, что это вполне возможно... и даже желательно, но вовремя спохватился, боясь слишком сильно раздражить своего и без того вспыльчивого собеседника.

А теперь пора рассказать, что произошло за несколько дней до смерти Томаса Антифера.

Это было в 1854 году, в году, который старому моряку не суждено было пережить. Почувствовав себя очень плохо, Томас Антифер решил поведать своему сыну тайну, которая мучила его долгое время.

Вот что случилось с ним в 1799 году, за пятьдесят пять лет до того, как он рассказал об этом сыну. Заходя на торговом судне в порты Леванта, Томас Антифер оказался близ берегов Палестины в тот самый день, когда Бонапарт приказал расстрелять пленников Яффы. Один из этих несчастных, укрывшийся на скале, где его ждала верная смерть, ночью был подобран французским моряком, который переправил раненого на свое судно и стал лечить его. После двух месяцев заботливого ухода и лечения несчастный вернулся к жизни.

Пленник рассказал своему спасителю, что родом он из Египта и зовут его Камильк-паша. Покидая корабль, он заверил самоотверженного малуинца, что никогда не забудет его и в будущем при первой возможности отблагодарит.

Расставшись с египтянином, Томас Антифер возобновил свое плавание. Иногда он вспоминал об этом обещании, но мало-помалу перестал думать о нем, решив, что оно не может осуществиться.

Выйдя по возрасту в отставку, старый моряк возвратился в Сен-Мало и занялся воспитанием своего сына Пьера. Томасу Антиферу было уже шестьдесят семь лет, когда в июне 1842 года он получил какое-то странное письмо.

Откуда было это письмо, написанное по-французски? Из Египта, судя по почтовым маркам. Каково было его содержание? Вот какое:

Капитана Томаса Антифера просят отметить в записной книжке 24°59' северной широты. Впоследствии эта широта будет дополнена сообщением градусов долготы.

Капитану следует помнить это и свято хранить в тайне. Дело идет о весьма значительной выгоде для него. Огромная сумма в золоте, алмазах и драгоценных камнях, которая поступит в его распоряжение после того, как он узнает вслед за широтой градуса долготы, будет справедливым воздаянием за услуги, оказанные некогда пленнику в Яффе.

Письмо было подписано двойным К, образующим монограмму.

Можно себе представить, как воспламенилось воображение старого моряка!

Значит, Камильк-паша все-таки вспомнил о нем через сорок три года! Много же времени ему для этого понадобилось... Но, без сомнения, какие-то непреодолимые препятствия задерживали Камильк-пашу в Сирии, политическое положение которой было окончательно установлено только в 1840 году лондонским договором, подписанным 15 июля в пользу султана.

Итак, Томас Антифер стал обладателем широты, пересекающей некую точку на земном шаре, где Камильк-паша зарыл все свое состояние. Но какое состояние?.. По мнению Томаса Антифера, это были миллионы... Во всяком случае, ему было предписано хранить это дело в строжайшей тайне и ждать появления вестника, который когда-нибудь принесет ему обещанную долготу. И он действительно никому ничего не говорил, даже своему сыну.

Он ждал. Он ждал двенадцать лет, и никто не проник в эту тайну. И все же допустимо ли было, чтобы он унес ее с собой в могилу, если жизнь его закончится раньше, чем он получит от паши второе послание?.. Нет! Этого не должно было случиться, и он твердо решил доверить тайну тому, кто сможет воспользоваться ею после него, то есть сыну, Пьеру-Сервану-Мало. Вот почему в 1854 году старый моряк на восемьдесят втором году жизни, чувствуя, что дни его сочтены, рассказал сыну и единственному наследнику о письме Камильк-паши. Старик заставил сына поклясться так же, как это потребовали в свое время и от него, что он никогда не забудет цифр этой широты, тщательно сохранит письмо, подписанное двойным «К», и, запасшись терпением, дожидается появления вестника.

Вскоре после этого почтенный старик умер, оплакива-

емый родными, знакомыми, друзьями и родственниками, и был похоронен в фамильном склепе.

Зная дядюшку Антифера, можно легко представить, с какой силой это открытие подействовало на его ум, на его пламенное воображение! Какие страсти разыгрались в его душе! Он мысленно удесятерил миллионы, на которые возлагал надежду его отец. Камильк-паша казался ему набобом¹ из «Тысячи и одной ночи». Теперь он мечтал только о золоте и драгоценных камнях, скрытых в глубине пещеры Али-Бабы!.. Но, будучи от природы человеком нетерпеливым и порывистым, он не мог проявить такую выдержку, какая была свойственна его отцу. Прожить двенадцать лет, не обмолвившись ни словом, не доверившись никому, не попытавшись узнать, что случилось с человеком, подписавшим письмо двойным «К», — на все это был способен отец, но никак не сын!.. В 1855 году он остановился в Александрии, воспользовавшись одним из своих плаваний по Средиземному морю, и со всей возможной для него тонкостью навел справки о Камильк-паше.

Существовал ли он в действительности? В этом не приходилось сомневаться, поскольку у старого моряка хранилось подписанное им письмо. Жив ли он еще? Вот важный вопрос, которым дядюшка Антифер особенно интересовался. Сведения были неутешительны. Камильк-паша исчез из виду лет двадцать назад, и никто не мог сказать, что с ним случилось.

Какое ужасное крушение всех надежд! Однако дядюшка Антифер не пал духом. Ведь если не было ничего известно о Камильк-паше в 1855 году, то все же письмо доказывало, что он был жив в 1842-м. По-видимому, покинуть страну вынудили его какие-то особые причины, которые он не обязан был никому открывать. Но наступит долгожданный день, и вестник Камильк-паши появится с вожаделенной долготой, и раз уже нет на свете отца, то ее получит сын...

Вернувшись в Сен-Мало, капитан Антифер не сказал никому ни слова, хотя это стоило ему немалых усилий. Он продолжал плавать до 1857 года, а потом вышел в отставку и зажил в кругу своей семьи.

¹ На б о б — титул индийской знати; богач, жизнь которого отличается восточной пышностью.

Но как угнетало его такое существование! Ничем не занятый, без привычной работы, он поневоле отдавал все время своей навязчивой идее! Эти 24°, эти 59', как надоедливые мухи, вились перед его глазами! И наконец он не выдержал!.. У него так чесался язык, что он выболтал тайну своей сестре, своей племяннице, своему племяннику и Жильдасу Трегомену. Вскоре тайна дядюшки Антифера вышла наружу и распространилась по всему городу и даже дальше — до самого Сен-Сервана и Динара. Всем стало известно, что громадное, неправдоподобное, не укладывающееся в человеческом воображении богатство должно свалиться в один прекрасный день в руки дядюшки Антифера, и рано или поздно это непременно случится... И при каждом стуке в дверь дядюшке Антиферу казалось, что он услышит сейчас сакраментальные слова:

«Вот долгота, которую вы ждете».

Прошло несколько лет. Вестник Камильк-паши не подавал признаков жизни. Ни один иностранец не переступил порога дома. Это и породило в дядюшке Антифере чувство постоянной повышенной раздражительности. Кончилось тем, что его родные перестали верить в баснословное богатство и письмо стало казаться им простой мистификацией. Жильдас Трегомен, разумеется, внешне не выказывая своего отношения, стал считать Антифера форменным чудаком, и ему было очень обидно за всю почтенную корпорацию моряков каботажного плавания. Но Пьер-Серван-Мало упорно стоял на своем и не терпел никаких возражений. Ничто не могло поколебать его уверенность. Ему казалось, что он уже почти держит в руках обещанное ему сказочное богатство.

Так и в этот вечер Трегомен, сидя в доме дядюшки Антифера у стола, на котором дребезжали две рюмки с коньяком, твердо решил не допустить взрыва порохового погреба, иными словами — не раздражать своего соседа.

— Послушай,— сказал дядюшка Антифер, глядя ему в глаза,— отвечай мне без всяких уверток, потому что у тебя такой вид, будто ты ничего не понимаешь! И, в самом деле, ведь не хозяину «Прекрасной Амелии» придется определять на своем пути долготу и широту и не у берегов Ранса, этой жалкой речушки, предстоит измерять высоту, наблюдать за солнцем, луной и звездами...

Перечислив практические приемы гидрографии, дя-

дюшка Антифер, несомненно, хотел показать своему собеседнику, сколь велико расстояние, отделяющее капитана каботажного плавания от хозяина габары.

Славный Трегомен покорно улыбался, разглядывая пестрые цветочки развернутого на коленях платка.

— Ты меня слушаешь, лодочник?

— Конечно, старина.

— Скажи мне в таком случае, знаешь ли ты точно, что такое широта?

— Приблизительно.

— Знаешь ли ты, что это окружность, параллельная экватору, и что она делится на триста шестьдесят градусов или на двадцать одну тысячу шестьсот шестьдесят минут по дуге, что составляет один миллион двести девяносто шесть секунд?

— Как же мне этого не знать? — с доброй улыбкой ответил Трегомен.

— А знаешь ли ты, что дуга в пятнадцать градусов соответствует часу времени, дуга в пятнадцать минут — одной минуте времени, а дуга в пятнадцать секунд — одной секунде времени?

— Ты хочешь, чтобы я все повторил наизусть?

— Нет! Это бесполезно... Итак, я знаю широту — двадцать четыре градуса, пятьдесят девять минут к северу от экватора. Но на этой параллели, состоящей из трехсот шестидесяти градусов — трехсот шестидесяти, ты слышишь? — есть триста пятьдесят девять градусов, до которых мне столько же дела, сколько до сломанного якоря. Но есть один-единственный градус, который мне не известен и который я узнаю после того, как мне укажут пересекающую его долготу... и здесь... в этом самом месте — миллионы... Не улыбайся!..

— Да я и не улыбаюсь, старина.

— Да, миллионы! Они принадлежат мне, и только я один имею право вырыть их в тот день, когда узнаю, где они зарыты.

— Вот и прекрасно, — спокойно ответил Трегомен. — Значит, ты должен терпеливо ждать посланца, который принесет тебе это хорошее известие...

— «Терпеливо, терпеливо»!.. Да что течет у тебя в жилах?

— Надо полагать, сироп, — ответил Трегомен, — ничего больше, только сироп.

— А у меня ртуть... В моей крови растворился порох! Я не могу больше ждать спокойно! Я себя грызу... Я себя терзаю...

— Тебе надо успокоиться...

— Успокоиться? Ты забываешь, что теперь 1862 год, что отец мой умер в 1854 году, что он владел тайной с 1842 года, и вот уже скоро двадцать лет, как мы ждем одного словечка, чтобы разгадать дьявольскую шараду!

— Двадцать лет! — пробормотал Жильдас Трегомен. — Как бежит время! Двадцать лет назад я управлял еще «Прекрасной Амелией»...

— При чем тут твоя «Прекрасная Амелия»? — вскричал дядюшка Антифер. — О чем идет речь — о «Прекрасной Амелии» или о широте, указанной в этом письме?

И он стал размахивать перед глазами моргающего Трегомена пожелтевшим от времени знаменитым письмом с монограммой Камилль-паши.

— Да, это письмо... проклятое письмо! — начал он снова. — Я готов иногда разорвать его в клочки, сжечь, обратить в пепел!

— Пожалуй, это было бы умнее всего... — осмелился произнести Трегомен.

— Довольно... господин Трегомен! — грозно закричал дядюшка Антифер. — Я требую, чтобы вы никогда больше не произносили в моем присутствии ничего подобного!

— Хорошо, не буду.

— И если в минуту безумия я захотел бы уничтожить это письмо, дающее мне право собственности, если бы я был настолько глуп, что, пренебрегая долгом перед родными и самим собой... одним словом, если вы мне не помешаете...

— Я помешаю тебе, старина, я помешаю тебе, — поспешил заверить его Жильдас Трегомен.

Дядюшка Антифер, донельзя возбужденный, схватил свою рюмку с коңьяком и провозгласил, чокнувшись с рюмкой Трегомена:

— За твое здоровье, лодочник!

— За твое! — ответил Жильдас Трегомен, подняв рюмку на высоту глаз и снова поставив ее на стол.

Пьер-Серван-Мало задумался. Лихорадочно ероша волосы, он бормотал какие-то проклятия, вздыхал и яростно грыз мундштук своей любимой трубки. Потом, скрестив руки и глядя на своего друга, сказал:

— Знаешь ли ты, по крайней мере, где проходит эта проклятая параллель... двадцать четыре градуса пятьдесят девять минут северной широты?

— Как же мне не знать? — ответил Трегомен, уже раз сто подвергавшийся этому маленькому экзамену по географии.

— Ничего, лодочник! Есть вещи, которые полезно повторять!

И, открыв старый атлас с картой обоих полушарий, сказал тоном, не допускающим возражений:

— Смотри!

Жильдас Трегомен посмотрел.

— Ты хорошо видишь Сен-Мало, не правда ли?..

— Да, и вот Ранс...

— Но речь идет не о Рансе! Черт побери этот твой Ранс!.. Вот найди парижский меридиан и спустись до двадцать четвертой параллели.

— Спускаюсь.

— Пересеки Францию, Испанию... Вступи в Африку... Минуй Алжир... Пройди до тропика Рака... туда... над Тимбукту...

— Я уже там.

— Хорошо. Итак, мы на этой пресловутой широте.

— Да, мы там.

— Теперь пойдем на восток... Переберемся через Африку... Перешагнем Красное море... Быстро пройдем Аравию над Меккой... Поклонимся имаму Маската, перепрыгнем Индию, оставив по штирборт¹ Бомбей и Калькутту... Коснемся нижней части Китая, минуем остров Формозу², Тихий океан, Сандвичевы острова...³ Ты следуешь за мной?

— Да, я следую за тобой! — ответил Жильдас Трегомен, вытирая лоб своим огромным платком.

— Ну хорошо. Вот ты и в Америке, в Мексике... Потом в Мексиканском заливе... Потом у Гаваны... Ты проходишь через Флоридский пролив... Попадаешь в Атлантический океан... Плывешь вдоль Канарских островов... Добираешься до Африки... Поднимаешься по парижско-

¹ Штирборт — правый борт, правая сторона судна от смотрящего с кормы на нос.

² Формоза — прежнее название острова Тайвань.

³ Сандвичевы острова — прежнее название Гавайских островов.

му меридиану... И возвращаешься в Сен-Мало, проделав кругосветное путешествие по двадцать четвертой параллели.

— Уф! — с облегчением вздохнул Трегомен.

— А теперь,— вновь заговорил дядюшка Антифер,— когда мы пересекли оба континента, Атлантический, Тихий и Индийский океаны, тысячи островов и островков, можешь ли ты мне указать место, где спрятаны миллионы?

— Вот уж этого я не знаю!

— Но мы узнаем это.

— Да... узнаем, когда вестник...

Дядюшка Антифер выпил вторую рюмку коньяку, ту, которая так и не была выпита хозяином «Прекрасной Амелии».

— Твое здоровье! — сказал он.

— Твое! — ответил Жильдас Трегомен, чокаясь пустой рюмкой.

Пробило десять часов. И вдруг сильный удар молотка потряс входную дверь.

— А что, если это посланец с долгой? — вскричал возбужденный малуинец.

— О-о! — протянул Трегомен, не в силах подавить в себе чувство сомнения.

— А почему бы и нет? — закричал дядюшка Антифер, и его щеки побагровели.

— В самом деле!.. Почему бы и нет? — быстро согласился Трегомен. В голове у него даже завертелись слова приветствия для доброго вестника.

Вдруг внизу послышались радостные крики Нанон и Эногат, что никак не могло относиться к посланцу Камильк-паши.

— Это он... это он! — повторяли обе женщины.

— Он?.. Он?.. — произнес дядюшка Антифер и направился к лестнице.

Но в этот момент дверь комнаты отворилась.

— Добрый вечер, дядя, добрый вечер!

Это было сказано веселым и довольным голосом. В связи с предыдущим разговором эти слова крайне раздражили дядюшку.

«Он» оказался Жюэлем. Он приехал! Он не опоздал на поезд из Нанта! Он не провалился на экзамене! Поэтому он повторял:

— Получил, дядюшка, получил!

— Получил! — повторяли за ним пожилая женщина и молодая девушка.

— Получил?.. Что?.. — спросил дядюшка Антифер.

— Получил звание капитана дальнего плавания!

И так как дядя не раскрыл ему объятий, то он попал в объятия Жильдаса Трегомена, который так прижал его к груди, что у молодого человека перехватило дыхание.

— Вы его задушите, Жильдас! — вступилась Нанон.

— Да я его только чуть-чуть прижал! — улыбаясь, ответил бывший хозяин «Прекрасной Амелии».

Между тем Жюэль, с трудом переведя дух, пришел в себя и обратился к дядюшке Антиферу, нервно шагавшему по комнате:

— Когда же свадьба, дядя?

— Какая свадьба?

— Моя свадьба с моей любимой Эногат, — ответил Жюэль. — Разве это не было решено?

— Да, решено, — подтвердила Нанон.

— Если только Эногат не раздумала выйти за меня с тех пор, как я стал капитаном дальнего плавания...

— О, Жюэль! — ответила девушка, протягивая ему руку, в которой, как уверяет добряк Трегомен, лежало ее сердце.

Дядюшка Антифер не ответил; казалось, он все еще старался определить направление ветра.

— Итак, дядя? — настаивал молодой человек.

И он остановился перед ним, высокий, красивый, с сияющими от счастья глазами.

— Дядя, — продолжал он, — ведь вы же мне сами сказали: свадьба будет назначена, когда ты выдержишь экзамен и вернешься.

— Да, и мне кажется, старина, что ты так сказал, — осмелился подать голос Трегомен.

— И вот... я выдержал экзамен, — повторил Жюэль, — и вернулся... и, если, дядя, вы ничего не имеете против, мы устроим свадьбу в первых числах апреля.

Пьер-Серван-Мало даже подпрыгнул.

— Через восемь недель?.. Почему не через восемь дней... восемь часов, восемь минут?

— О! Если бы это было возможно! Я бы не протестовал!

— Но нельзя же так скоро,— возразила Нанон,— нужно многое приготовить, купить...

— А еще я должен успеть заказать новый костюм,— сказал будущий шафер, Жильдас Трегомен.

— Итак... пятого апреля? — спросил Жюэль.

— Ну что ж... пожалуй... — сказал дядюшка Антифер, чувствуя себя сбитым со всех позиций.

— Ах, дядюшка милый! — воскликнула молодая де-
вушка, бросаясь ему на шею.

— Дорогой дядя! — вскричал молодой человек.

И так как он обнимал дядю с одной стороны, а Эно-
гат — с другой, то возможно, что их лица столкнулись...

— Решено,— заговорил дядя,— пятого апреля... но
только с одним условием...

— Никаких условий!

— Условие? — вскричал Жильдас Трегомен, испугав-
шись, что его друг выдумал какую-нибудь новую хит-
рость.

— Да, условие...

— Какое, дядя? — спросил Жюэль, начиная хму-
риться.

— Если я не получу до тех пор моей долготы...

Все вздохнули с облегчением.

— Да!.. Да!.. — закричали они разом.

Действительно, было бы жестоко отказать в этом дя-
дюшке Антиферу.

Да притом разве можно было предположить, что по-
сланец Камильк-паши, которого ожидали в продолжение
двадцати лет, появится именно перед днем свадьбы Жю-
эля и Эногат?

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой Восток потерпел неудачу при первой же
схватке с Западом*

Прошла неделя. Вестник не давал о себе знать.
Жильдас Трегомен уверял, что его меньше бы удивило
появление с небес Ильи-пророка. Но в присутствии дя-
дюшки Антифера он воздерживался высказывать свое
мнение даже и в библейской форме.

Что касается Эногат и Жюэля, то молодые люди
меньше всего думали о мифическом посланце Камильк-

паши, и, раз ничто другое не могло расстроить или задержать предстоящую свадьбу, они занимались приготовлениями к отплытию в ту чудесную страну, в которую им так легко было попасть без всякой географической карты. И они были вполне уверены, что это произойдет в назначенный день — 5 апреля.

Ну, а дядюшка Антифер? Он стал еще угрюмее, еще нелюдимее, чем прежде. Каждый новый день приближал дату брачной церемонии на двадцать четыре часа! Еще несколько недель — и жених с невестой будут связаны нерасторжимыми узами. Хорош результат, нечего сказать! Ведь в глубине души дядюшка мечтал совсем о другом — о блестящих партиях для племянника и племянницы, после того как он разбогатеет. И если он придавал такое большое значение этим неуловимым, но бесспорно принадлежащим ему миллионам, то вовсе не для того, чтобы самому ими воспользоваться: купаться в роскоши, жить во дворцах, ездить в каретах, есть на золотых блюдах, носить бриллиантовые запонки в накрахмаленной манишке... О господи, нет! Он просто хотел женить Жюэля на принцессе, а Эногат выдать замуж за принца. Ничего тут не поделаешь! Это был его конек, его мания!

Сокровенные мечты Антифера могли теперь развеяться как дым, если посланец Камильк-паши вовремя не сообщит необходимые цифры в дополнение к тем, которые уже были известны. Тайник богатого египтянина в конце концов откроется и зарытые в нем сокровища попадут в денежный ящик дядюшки Антифера, но — увы! — будет уже слишком поздно!

Старый моряк пребывал в состоянии страшной ярости. Ему не сиделось дома. Правда, близким было куда легче в его отсутствие. Он показывался на глаза только в часы трапез, когда молча поглощал двойные порции. Добряк Трегомен при всяком удобном случае давал возможность дядюшке Антиферу сорвать на нем накопившийся гнев, надеясь, что его друг хоть как-то облегчит этим свою душу, но тот неизменно посылал его ко всем чертям. Родные стали бояться, как бы дядюшка не заболел.

Его единственным каждодневным занятием стало ходить на вокзал к прибытию поездов и на набережную Силлон — встречать пассажирские пароходы. Он шагал

изад и вперед то по платформе, то по пристани, высматривая в толпе приезжих какую-нибудь экзотическую фигуру, какого-нибудь чужеземца, могущего сойти за вестника Камильк-паши. Вернее всего, это будет египтянин, а может быть, и армянин... Но так или иначе — человек восточного типа, выделяющийся необычной внешностью, костюмом или акцентом; он обратится к комиссионеру, спросит у него адрес Пьера-Сервана-Мало Антифера...

Нет! Не было никого, никого, кто хотя бы отдаленно походил на такого человека... Бретонцев, нормандцев, даже англичан и норвежцев хоть отбавляй, но путешественника с Ближнего Востока, мальтийца или левантийца, не было и в помине.

9 февраля после завтрака, за которым он разжимал губы только для еды и питья, дядюшка Антифер отправился в свой обычный поход, напоминая Диогена¹, вышедшего на поиски человека. И если у дядюшки, в отличие от великого древнего философа, не было с собой зажженного, несмотря на ясный день, фонаря, то зато он обладал парой хороших зорких глаз, способных издали распознать человека, которого он ожидал с таким нетерпением!

Антифер миновал узкие городские улицы, вымощенные острым булыжником, застроенные высокими гранитными домами; спустился по улице Бей к скверу Дюге-Труэн, проверил время по часам на башне супрефектуры, повернул к площади Шатобриана, обогнул беседку, образуемую ветвями безлистного платана, и, пройдя через отверстие, выдолбленное в каменной ограде, очутился на набережной Силлон.

Тут дядюшка Антифер остановился, взглянул направо, потом налево, посмотрел вперед, потом назад, не выпуская изо рта дымящейся трубки и делая непрерывно глубокие затяжки. Все встречные приветствовали его, так как в Сен-Мало он был заметным лицом и пользовался уважением и почетом в городе. Но он был так поглощен своей навязчивой идеей и стал до того рассеянным, что едва отвечал на поклоны.

В порту скопилось много судов — парусных и паро-

¹ Диоген — древнегреческий философ (404—323 до н. э.). Здесь имеется в виду легенда, в которой говорится, что Диоген в поисках «настоящего человека» среди бела дня ходил по улице с зажженным фонарем.

вых, бригов, шхун, люгеров¹, рыбацких лодок и баркасов.

Было время отлива, и пришлось бы ждать не меньше двух или трех часов, пока, по знаку морского семафора, суда войдут в гавань.

Дядюшка Антифер решил, что разумнее всего пойти к вокзалу и там дожидаться прибытия экспресса. А вдруг сегодня, после стольких недель, ему наконец повезет?..

Как часто человек выбирает ложный путь! Дядюшка Антифер, внимательно разглядывая прохожих, не заметил, что вот уже минут двадцать за ним по пятам следовал какой-то человек, и человек этот действительно заслуживал внимания.

Это был иноземец в ярко-красной феске с черпой кистью, в длинном глухом сюртуке, застегнутом на все пуговицы до самого подбородка, в широких шароварах, доходивших до самых туфель — свободных остроносых шлепанцев. Этот субъект был далеко не молод — лет шестидесяти, шестидесяти пяти. Шел он, слегка согнувшись, скрестив на груди длинные, костлявые руки. Известно, был ли он долгожданным левантийцем, но, без сомнения, он явился из стран, омываемых восточной частью Средиземного моря, — либо из Египта, либо из Сирии, либо из Турции...

Словом, иноземец следовал за дядюшкой Антифером с каким-то нерешительным видом: то он, казалось, готов был остановить его, то останавливался сам, словно боясь совершить оплошность.

Наконец на углу набережной он ускорил шаги, обогнал дядюшку Антифера и так быстро повернулся, что оба столкнулись нос к носу.

— Черт вас поберит... ротозей вы этакий!.. — вскричал дядюшка Антифер, едва не сбитый с ног.

Но тут же, протерев глаза и защитив их рукою от солнца, он оглядел незнакомца с головы до ног, и слова посыпались у него изо рта, как пули из револьвера:

— Позвольте!.. А!.. О?.. Он?.. Да неужели... Ну конечно, он!.. Вестник двойного «К»!..

Если это и в самом деле был посланец паши, то, надо признаться, выглядел он не слишком привлекательно.

¹ Люгер — небольшое двух- или трехмачтовое парусное судно, отличающееся формой и расположением парусов.

Его бритое лицо, морщинистые щеки, крючковатый нос, оттопыренные уши, тонкие губы, острый подбородок, бегающие глазки, лицо цвета перезрелого лимона и вся его тщедушная фигура, казалось, дышали коварством и не внушали никакого доверия.

— Не имею ли я чести говорить с господином Антифером, как мне только что сказал один услужливый матрос? — произнес он на ужасающе ломаном французском языке, настолько ломаном, что воспроизводить его нет никакой возможности. Впрочем, речь его была понятна даже бретонцу.

— Антифер Пьер-Серван-Мало! — последовал ответ. — А вы?

— Бен-Омар.

— Египтянин?..

— Нотариус из Александрии. Остановился в гостинице «Унион» на улице Пуассоннери.

Нотариус в красной феске! Очевидно, в восточных странах нотариусы не нуждаются в белом галстуке, черном костюме и золотых очках, без которых не может обойтись даже обыкновенный письмоводитель во французской нотариальной конторе! Впрочем, удивляться следовало уже и тому, что среди подданных фараона вообще встречаются нотариусы!

Дядюшка Антифер несколько не сомневался, что перед ним действительно предстал, как мессия¹, таинственный вестник с долгожданной долгой, неизбежный приход которого был возвещен двадцать лет назад письмом Камильк-паши!

Но, вместо того чтобы закусить удила и понестись во всю прыть (чего можно было от него ожидать), вместо того чтобы засыпать Бен-Омара вопросами, дядюшка Антифер, быстро овладев собой, предоставил иноземцу возможность высказаться первому — выражение коварства на лице этой живой мумии побуждало к осторожности.

Жильдас Трегомен никогда бы не поверил, что его взыскчивый друг способен на такое благоразумие.

— Итак, чем я могу быть вам полезен, господин Бен-Омар? — спросил дядюшка Антифер, внимательно оглядывая смущенно топтавшегося перед ним египтянина.

¹ Мессия — в религиозных представлениях разных народов «спаситель», который якобы должен быть послан богом, чтобы уничтожить зло на земле.

— Я хотел бы побеседовать с вами, господин Антифер.

— Не пожелаете ли вы говорить у меня дома?

— Нет... предпочтательнее было бы в таком месте, где нас никто не услышит.

— Значит, это тайна?

— И да и нет... Скорее, коммерческая сделка.

Дядюшка Антифер вздрогнул. Все ясно: если этот человек привез ему долготу, то он не хочет отдать ее даром. А между тем в письме, подписанном двойным «К», не говорилось ни о каком торге.

«Внимание! — сказал он себе. — Держись за руль и не дрейфуй! ¹»

Затем, обратившись к собеседнику, он указал ему на пустынный уголок гавани:

— Идемте туда. Там мы сможем поговорить с глазу на глаза о самых секретных вещах. Но только скорей, потому что ветер так и режет лицо!

Нужно было пройти не больше двадцати шагов. На судах, ошвартовавшихся у набережной, не было ни души. И только таможенный надсмотрщик прохаживался на расстоянии полукабельтова от дядюшки Антифера и нотариуса из Александрии.

Не прошло и минуты, как они дошли до пустынного уголка и уселись на толстом бревне.

— Это место вас устраивает, господин Бен-Омар? — спросил Антифер.

— О да... вполне!

— Тогда говорите, но говорите ясно и точно, не так, как ваши сфинксы, которые любят загадывать разные загадки бедным смертным ².

— Не будет никаких недомолвок, господин Антифер, я буду говорить совершенно искренне, — ответил Бен-Омар тоном далеко не искренним. Затем, два или три раза кашлянув, он спросил: — У вас был отец?

— Да... это принято в нашей стране. Дальше?

— До меня дошли слухи о его смерти...

— Он умер восемь лет назад. Дальше?

— Он плавал?

¹ Дрейфовать — отклоняться во время плавания от курса под влиянием ветра.

² Намек на греческий миф о царе Эдипе, который отгадал три загадки чудовища Сфинкса.

- Разумеется, раз он был моряком. Дальше?
- По каким морям?
- По всем. Дальше?
- Так... Значит, ему случалось бывать и на Востоке?..
- И на Востоке и на Западе. Дальше?
- Во время своих путешествий,— снова заговорил

нотариус, которому эти отрывистые ответы не давали возможности овладеть нитью разговора,— во время своих путешествий не пришлось ли ему лет шестьдесят назад побывать у берегов Сирии?..

- Может быть, да... может быть, нет. Дальше?

Эти «дальше» действовали на Бен-Омара, словно удары кулаком в бок, и его лицо искажалось самыми невероятными гримасами.

«Лавируй, милейший,— подумал дядюшка Антифер,— лавируй, пока тебе не надоест. Только не надейся, что я буду твоим лоцманом!»

Нотариус понял, что нужно наконец поставить вопрос прямо.

— Известно ли вам,— сказал он,— что вашему отцу случилось оказать услугу... огромную услугу кое-кому... как раз на берегах Сирии?

- Нет. Дальше?..

— А! — Бен-Омар был поражен таким ответом.— И вы не знаете, что он получил письмо от некоего Камильк-паши?

- Паши?

- Да.

- Со сколькими бунчуками? ¹

— Это не имеет значения, господин Антифер. Важно знать, получил ли ваш отец письмо, содержавшее очень ценные сведения.

- Не знаю. Дальше?

— А вы не искали в его бумагах? Ведь не могло же это письмо пропасть! Повторяю вам, в нем содержалось указание необычайной важности...

- Для вас, господин Бен-Омар?

— И для вас тоже, господин Антифер, потому что... Одним словом, это то самое письмо, которое я должен приобрести... Мне это поручено... оно может стать предметом выгодной для вас сделки...

¹ Бунчук — древко, украшенное прядями волос из конского хвоста; в Турции был знаком сана и власти у пашей.

В ту же минуту все стало ясно Пьеру-Сервану-Мало: Бен-Омар является уполномоченным людей, владеющих секретом долготы, которой ему, Антиферу, недоставало, чтобы узнать, где спрятаны сокровища.

— Мошенники! — прошептал он. — Они хотят выудить мою тайну, купить мое письмо... и потом выкопать из земли мои миллионы!

Пожалуй, он был прав.

В это время слышались шаги — какой-то человек, обогнув угол набережной, направлялся к пристани. Собеседники умолкли, во всяком случае, нотариус оборвал начатую фразу. Могло даже показаться, что, бросив косой взгляд на прохожего, он сделал еле заметный знак отрицания и что это рассердило прохожего. Действительно, досадливо махнув рукой, тот ускорил шаги и скрылся.

Это был чужеземец лет тридцати трех, судя по одежде — египтянин, и внешность у него была необычная: темная кожа, горящие черные глаза, рост выше среднего, сильное сложение, вид решительный, физиономия малопривлекательная, скорее даже свирепая. Был ли он знаком с нотариусом? Вполне возможно. Хотелось ли им показать, будто они не знают друг друга? Несомненно.

Как бы то ни было, дядюшка Антифер не обратил внимания на эти маневры — какой-то взгляд, какой-то жест, ничего больше, — и возобновил разговор.

— Теперь, господин Бен-Омар, — сказал он, — не объясните ли вы, почему вам так нужно иметь это письмо, знать его содержание и даже купить его в том случае, если оно у меня есть?

— Господин Антифер, — смущенно ответил нотариус, — среди моих клиентов был некий Камильк-паша. Обязанный блюсти его интересы...

— Вы говорите — был?

— Да... И как уполномоченный его наследников...

— Его наследников? — вскричал дядюшка Антифер с неподдельным изумлением, не ускользнувшем от нотариуса. — Значит, он умер?

— Умер.

— Внимание! — прошептал Пьер-Серван-Мало, с остервенением грызя мундштук своей трубки. — Камильк-паша умер... Это надо запомнить... и не проморгать...

— Итак, господин Антифер, — спросил Бен-Омар, отводя глаза, — у вас нет этого письма?..

— Мошенники! — прошептал Антифер. — Они хотят выудить мою тайну.

— Нет.

— Очень жаль, потому что наследники Камильк-паша стараются собрать все, что им может напомнить о любимом родственнике...

— А! Так это на память?.. Какие благородные сердца!..

— Да, господин Антифер, и эти благородные сердца, как вы их правильно назвали, не задумались бы предложить вам приличную сумму за это письмо...

— А сколько бы они мне дали?

— Не все ли вам равно... раз у вас нет письма...

— Все же скажите.

— О! Несколько сот франков!..

— Ну-у... — произнес дядюшка Антифер.

— Может быть, даже... несколько тысяч!..

— Ах, вот как! — вскричал дядюшка Антифер и, окончательно потеряв терпение, схватил Бен-Омара за шиворот, привлек к себе и зашептал ему на ухо, еле удерживаясь от дикого желания укусь его. — Так знайте же: это письмо у меня!

— У вас?

— Да, подписанное двойным «К»!

— Да... Двойное «К»!.. Именно так подписывался мой клиент.

— Оно у меня!.. Я его читал и пересчитывал сотни раз!.. И я догадываюсь, больше того — я знаю, почему вы так хотите его получить!

— Господин Анти...

— И вы его не получите!

— Вы отказываетесь?..

— Да, старый Омар, отказываюсь! Разве что вы у меня его купите!..

— Сколько?.. — спросил нотариус и уже сунул руку в карман, чтобы вытащить кошелек.

— Сколько?.. Пятьдесят миллионов франков!

Бен-Омар даже подскочил от неожиданности. А дядюшка Антифер, открыв рот и оскалив зубы, смотрел на старого нотариуса с таким отвращением, с каким, наверное, никто и никогда на него не смотрел. Затем сухо, будто отдавая морскую команду, добавил:

— Теперь решайте — одно из двух.

— Пятьдесят миллионов — оторопело повторил нотариус.

— Не торгуйтесь, господин Бен-Омар... Я не уступлю и пятидесяти сантимов!

— Пятьдесят миллионов?..

— Да... и притом наличными... золотом или ассигнациями... или чеком на французский банк.

Ошеломленный нотариус мало-помалу пришел в себя. Ему стало ясно, что этот проклятый моряк прекрасно знает, как важно наследникам Камильк-паши завладеть письмом. И в самом деле, разве оно не было единственным источником, содержащим необходимые сведения для поисков клада? Ухищрения нотариуса пропали даром. Голыми руками письма не возьмешь! Малуинец не попался на удочку. Ничего не оставалось, как пойти на покупку письма, иными словами — купить широту, которая в соединении с долгой, известной Бен-Омару, открыла бы местонахождение сокровищ.

Но, спросит читатель, откуда знал Бен-Омар, что это письмо находилось у дядюшки Антифера? И действительно ли бывший нотариус богатого египтянина был тем самым долгожданным вестником, которому было поручено выполнить последнюю волю Камильк-паши и принести обещанную долготу?.. Это мы скоро узнаем.

Во всяком случае, под влиянием какой бы силы ни действовал нотариус — направили ли его наследники умершего паши или нет, — Бен-Омар теперь отлично понимал, что письмо может быть получено только ценою золота. Но — пятьдесят миллионов!..

И он произнес елеинным голосом:

— Господин Антифер, вы, кажется, сказали: пятьдесят миллионов?

— Да, сказал.

— Но это самая забавная вещь, которую я слышал за всю мою жизнь!

— Господин Бен-Омар, а не хотите ли вы услышать вещь еще более забавную?..

— О! Охотно!

— Ну так слушайте: вы старый мошенник! Старый египетский плут! Старый нильский крокодил!..

— Господин Ан...

— Довольно! Я кончил!.. Вы, видно, мастер ловить рыбку в мутной воде, а потому и попытались вырвать у меня мой секрет, вместо того чтобы открыть тайну, которую вы обязаны мне сообщить!

— Вы так думаете?

— И думаю и знаю!

— Нет, то, что угодно было вам вообразить...

— Довольно, мерзкий мошенник!

— Господин А...

— Хорошо, буду снисходительным. Слово «мерзкий» беру назад! А хотите, я вам скажу, что вас больше всего интересует в моем письме?

Неужели нотариус мог поверить, что Пьер-Серван-Мало проболтается?.. Но, тем не менее, его маленькие глазки загорелись, как раскаленные уголья.

Нет! Хотя малуинец и был вне себя от гнева и весь побагровел, все же он не потерял выдержки.

— Вот что я вам скажу, старый Омар, которого никто не захочет есть, даже если его приготовить по американски,— я скажу, что в этом письме вас волнуют не те фразы, в которых говорится об услуге, оказанной моим отцом двойному «К»... Нет! Вас интересуют четыре цифры! Вы слышите меня — четыре цифры!

— Четыре цифры?..— пробормотал Бен-Омар.

— Да, четыре цифры! И я продам их вам только по двенадцати с половиной миллионов за штуку! Теперь все! Прощайте!..

И, заложив руки в карманы, дядюшка Антифер сделал несколько шагов, насвистывая свою любимую арию. А что это была за ария, не знал никто и меньше всего он сам,— она напоминала скорее вой заблудившегося пса, чем мелодию Обера¹.

Бен-Омар окаменел! Превратился в соляной столб! Застыл, как истукан! Прирос к месту! А он-то надеялся обвести этого матроса вокруг пальца, как простого феллаха! Одному Магомету известно, как он надувал этих несчастных крестьян, которых злая судьба приводила в его нотариальную контору, одну из лучших в Александрии!..

Бен-Омар растерянно глядел вслед малуинцу, удалявшемуся своей тяжелой походкой, вразвалку; дядюшка Антифер шел, поднимая то одно плечо, то другое, жестикулируя, словно рядом был его друг Трегомен, получавший от него очередную взбучку.

¹ Обер Даниэль Франсуа (1782—1871) — известный французский композитор.

Вдруг дядюшка Антифер остановился как вкопанный. Он встретил какое-нибудь препятствие? Да!.. То была мысль, неожиданно мелькнувшая у него в голове. Он что-то упустил, но это упущение еще не поздно исправить...

Он подошел к нотариусу, не менее неподвижному, чем прелестная Дафнэ, превратившаяся в лавр, к горькому разочарованию Аполлона¹.

— Господин Бен-Омар, — сказал дядюшка.

— Что вам угодно?

— Есть одна вещь, которую я забыл шепнуть вам на ухо.

— Что именно?..

— Это номер...

— А-а! Номер?! — встрепенулся Бен-Омар.

— Да, номер моего дома... Улица От-Салль, три... Вам следует знать мой адрес. Когда вы придете, вас примут дружески...

— Вы меня приглашаете?

— С пятьюдесятью миллионами в кармане!...

И на этот раз дядюшка Антифер окончательно удалился, а нотариус в изнеможении сел опять на бревно, вызывая к аллаху и его пророку Магомету.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой Бен-Омару насильно навязывается
в качестве главного клерка некий Назим, человек
с несносным характером*

Ночью 9 февраля легко могло случиться, что спящие глубоким сном постояльцы гостиницы «Унион», у которых окна в номерах выходили на площадь Жак-Кёр, проснулись бы от громких криков, если бы дверь номера 17 не была герметически закрыта и завешена плотной, звуконепропускаемой портьерой.

Дело в том, что произошла ссора между двумя постояльцами, занимающими этот номер, и один из них пришел в такой неистовый гнев, что, не стеснясь, выкрикивал во весь голос обвинения и угрозы. Второй, правда,

¹ В одном из греческих мифов рассказывается о любви бога Аполлона к нимфе Дафнэ, отец которой, речной бог Пеней, превратил ее, чтобы спасти от преследования Аполлона, в лавровое дерево.

старался его успокоить, но все его попытки терпели неудачу, так как уговаривал он слишком робко и явно чего-то боялся.

Впрочем, вполне возможно, что никто бы ничего и не понял из этого бурного разговора, так как он велся на турецком языке, малознакомом уроженцам Запада. Время от времени примешивались и французские выражения, доказывавшие, что собеседники при желании могли бы объясняться и на этом благородном языке.

В камине полыхал яркий огонь, и лампа, стоявшая на круглом столике, освещала бумаги, наполовину прикрытые старым, порывевшим от времени портфелем.

Один из ссорящихся был Бен-Омар. Совершенно уничтоженный, подавленный, он не отводил полузакрытых глаз от огня, страхась взглянуть своему собеседнику в глаза, сверкавшие еще ярче, чем пламя в камине.

Это и был тот самый иноземец со свирепой физиономией, которому нотариус подал незаметный знак во время разговора с дядюшкой Антифером на набережной.

И этот человек в двадцатый раз повторял:

— Значит, ты ничего не добился?

— Да, ваша милость, и аллах тому свидетель...

— Какой мне прок от свидетельства аллаха! Я говорю о деле!.. Значит, ты ничего не добился?

— К величайшему сожалению.

— Чтоб его черти взяли, этого малуинца! (Эти слова были сказаны по-французски.) Так он отказался отдать тебе письмо?

— Отказался!

— А продать?

— Продать? Согласился...

— И ты, болван, не купил его? Ты не взял его? Посмел явиться сюда без письма?..

— А знаете ли вы, ваша милость, сколько он за него запросил?

— Какое это имеет значение?

— Пятьдесят миллионов франков!

— Пятьдесят миллионов?!

И проклятия посыпались из уст египтянина, как ядра с фрегата, открывшего огонь одновременно с бакборта и со штирборта. И, как бы вновь перезарядив свои пушки, он продолжал пальбу:

— Так теперь ясно тебе, болван, что этот моряк прекрасно знает, как важно для него это дело?..

— По-видимому, он догадывается.

— Ох, чтоб Магомет его задушил!.. И тебя вместе с ним! — вскричал в диком раздражении египтянин, меряя комнату быстрыми шагами. — А еще лучше, я сделаю это сам, по крайней мере в отношении тебя; ты ответишь за все несчастья, которые еще предстоят...

— Но ведь это не моя вина, ваша милость... Я не был посвящен в тайны Камильк-паши...

— Ты должен был их знать! Ты должен был вырвать их у него, когда он был жив!.. Ведь ты был его нотариусом!..

И снова посыпались проклятия, как пушечные ядра с обоих бортов фрегата.

Этот ужасный человек был не кто иной, как Саук, сын Мурада, двоюродного брата Камильк-паши. Ему исполнилось тридцать три года. После смерти отца он остался единственным наследником своего богатого родственника и мог бы получить огромное богатство, если бы оно не было увезено и спрятано от его алчности — читатель уже знает, по какой причине и при каких обстоятельствах.

Сейчас мы расскажем вкратце о событиях, случившихся после того, как Камильк-паша покинул Алеппо и увез свои сокровища, чтобы укрыть их в недрах какого-нибудь неизвестного острова.

В октябре 1831 года Ибрагим-паша во главе флотилии из двадцати двух кораблей, с тридцатью тысячами человек взял Газу, Яффу и Хайфу, а 27 марта 1832 года в его руках очутилась и крепость Акка.

Казалось, что эти территории Палестины и Сирии будут окончательно отторгнуты от Ближневосточной Порты, но вмешательство европейских держав остановило сына Мухаммеда-Али на пути завоеваний. В 1833 году обоим противникам — султану и вице-королю — было навязано соглашение в Кютахье, и все осталось по-старому¹.

В это смутное время Камильк-паша, к счастью для него, скрыв свои богатства в безопасном месте, помечен-

¹ Соглашение, заключенное в мае 1833 года в городе Кютахья, предусматривало, что Мухаммед-Али сохранит в своем управлении Египет, Сирию с Палестиной и Киликию. За это Мухаммед-Али обязался вывести войска из Анатолии и формально признать свою зависимость от султана.

ном двойным «К», продолжал свои путешествия. Где скитался он на своей шхуне-бриге, находившейся под командой капитана Зо? В какие воды, в какие моря — близкие или далекие, — в какие части света заходила она? Заплывала ли она в далекие воды Азии или огибала Европу?.. Кроме капитана Зо и самого Камильк-пашы, ни один человек не ответил бы на эти вопросы, ибо, как мы знаем, никто из экипажа не попадал на берег и ни одному матросу не было известно, в какие страны Запада или Востока, Юга или Севера заносила их фантазия хозяина.

Но после всех этих бесконечных скитаний Камильк-паша имел неосторожность вернуться к портам Леванта. Соглашение в Кютахье положило предел честолюбивым мечтам Ибрагима, и северная часть Сирии вновь подчинилась султану. Поэтому Камильк-паша был уверен, что его возвращение в Алеппо не грозит ему никакой опасностью.

Но, к несчастью, в середине 1834 года его судно было загнано бурей к берегам Акки. Флот Ибрагима, всегда готовый к наступлению, крейсировал у побережья, а на борту одного из фрегатов находился не кто иной, как Мурад, к тому же еще облеченный Мухаммедом-Али официальной властью.

На шхуне-бриге развеялся оттоманский флаг. Знал ли Мурад, что это судно принадлежит Камильк-паше?.. Неизвестно. Так или иначе, шхуну начали преследовать, догнали, взяли на abordаж и, несмотря на мужественное сопротивление, перебили всех матросов, захватили в плен владельца и капитана и затем уничтожили корабль.

Мурад сразу же опознал Камильк-пашу, и это означало, что свобода его была потеряна навсегда. Спустя несколько недель капитан Зо и Камильк-паша были тайно увезены в Каир и заключены в крепость.

Впрочем, если бы Камильк-паша вновь поселился в своем доме в Алеппо, он не чувствовал бы себя в безопасности, на которую рассчитывал. Сирия, подвластная египетскому правительству, находилась под ужасным гнетом. Так продолжалось до 1839 года; жестокость и насилия, чинимые приспешниками Ибрагима, заставили султана взять обратно все свои обещания и уступки, на которые раньше он должен был поневоле согласиться. Отсюда новый поход Мухаммеда-Али, войска которого одержали победу у Низиба в северной Сирии. Отсюда же страх Махмуда перед угрозой нападения на самую столи-

ну Европейской Турции и отсюда, наконец, вмешательство — с согласия Блистательной Порты—Англии, Австрии и Пруссии в ближневосточные дела. Победитель остановился. Ему было гарантировано наследственное владение Египтом, пожизненное правление Сирией, от Красного моря до Северной части Тивериадского озера и от Средиземного моря до Иордана, иначе говоря — всей Палестиной по эту сторону реки.

Но вице-король, опьяненный победами, убежденный в непобедимости своих солдат, а может быть, подстрекаемый французской дипломатией, находившейся под влиянием Тьера¹, отказался от предложения союзных держав. Тогда союзный флот открыл военные действия. Знаменитый командор² Непир³ овладел Бейрутом в сентябре 1840 года, несмотря на мужественную оборону полковника Сельва, получившего впоследствии титул Солеймана-паша. Сидон сдался двадцать пятого числа того же месяца. Акка тоже капитулировала после бомбардировки и сильнейшего взрыва расположенных на ее территории пороховых погребов. Мухаммед-Али должен был сложить оружие. Он приказал своему сыну Ибрагиму вернуться в Египет, и вся Сирия снова была возвращена под власть султана Махмуда.

Как видно, Камильк-паша слишком поторопился в любимую страну, где надеялся спокойно провести остаток своей тревожной жизни. Он рассчитывал доставить туда и свои сокровища, выделив часть из них для уплаты долгов людям, которым был обязан своей благодарностью и которые, наверное, успели забыть об услугах, когда-то оказанных египетскому богачу... И вот вместо Алеппо он попал в Каир и очутился в тюрьме, во власти безжалостных врагов!

Камильк-паша понял, что он погиб. Мысль вернуть свободу ценою своих сокровищ ему даже не приходила в голову; или, вернее, он обладал такой нечеловеческой выдержкой, такой силой воли, что, твердо решив ничего не уступать из своего богатства ни вице-королю, ни Мураду,

¹ Тьер Адольф (1797—1877) — французский государственный деятель, проводивший реакционную политику; историк.

² Командор — командир эскадры, не имеющий адмиральского чина.

³ Непир Чарлз Джеймс (1786—1860) — британский адмирал, участвовал в войнах против Наполеона.

упорно молчал, как только может молчать турок-фаталист.

Разумеется, нелегко ему дались эти годы, проведенные в каирской тюрьме: запертый в одиночной камере, он был разлучен даже с капитаном Зо, в молчании которого ни на минуту не усомнился. Только через восемь лет, а именно в 1842 году, благодаря услужливости тюремного сторожа ему удалось послать несколько писем разным лицам, должником которых он себя считал, и одно из них — Томасу Антиферу в Сен-Мало. Таким же путем попал в руки Бен-Омара, нотариуса в Александрии, и пакет с духовным завещанием его бывшего клиента.

Спустя три года капитан Зо умер, и Камильк-паша остался единственным человеком, кому было известно местоположение острова сокровищ. Здоровье его заметно слабело. В суровых тюремных условиях он медленно угасал, запертый в четырех стенах каземата. В конце концов Камильк-паша умер в 1852 году, семидесяти двух лет от роду, всеми забытый, после восемнадцатилетнего заключения, не выдав своей тайны, несмотря ни на какие угрозы и муки.

В следующем году последовал за ним в могилу его бесчестный двоюродный брат, которому так и не удалось насладиться огромным богатством; ради этих сокровищ он не остановился в своей алчности даже перед преступлением.

Мурад оставил сына, Саука, унаследовавшего все дурные наклонности своего отца. Хотя в то время ему было не больше двадцати трех лет, он уже и тогда вел дикую и беспутную жизнь, будучи своим человеком в кругу политических проходимцев и бандитов, которыми в те годы кишел Египет. Единственный наследник Камильк-паши, он мог бы неслыханно разбогатеть, если бы сокровища от него не ускользнули. Можно себе представить безумную ярость Саука, когда со смертью Камильк-паши исчез единственный, как он думал, человек, хранивший тайну этого громадного состояния.

Прошло десять лет. Саук уже свыкся с мыслью, что он никогда не узнает местонахождения клада. Нетрудно догадаться, как его оглушила свалившаяся словно с неба новость, которая вторглась в его беспорядочную жизнь и повлекла за собой множество приключений!

В первых числах января 1862 года Саук получил

письмо, приглашавшее его немедленно явиться в контору нотариуса Бен-Омара по весьма важному делу.

Саук знал этого нотариуса, жалкого труса, на которого не мог не произвести впечатления крутой и деспотический характер нового клиента. Саук отправился в Александрию и спросил Бен-Омара очень грубым тоном, на каком основании тот осмелился его побеспокоить и вызывать в свою контору.

Бен-Омар принял свирепого Саука с рабской почтительностью, зная, что он способен на все и не остановится даже перед убийством. Он извинился, что потревожил такого занятого человека, и вкрадчиво сказал:

— Я имею честь разговаривать с единственным наследником Камильк-паши?

— Ну конечно, с единственным! — ответил Саук. — Ведь я сын Мурада, который приходился ему двоюродным братом.

— А уверены ли вы, что нет никакого другого родственника, обладающего такими же правами?

— Уверен! У Камильк-паши не было другого наследника, кроме меня. Только где же наследство?

— Вот оно... в распоряжении вашей милости!

Саук схватил запечатанный конверт, поданный ему нотариусом.

— Что в этом конверте? — спросил он.

— Завещание Камильк-паши.

— А как оно попало в твои руки?

— Он мне прислал его из Каира через несколько лет после того, как был заточен в крепости.

— Когда же это было?..

— Двадцать лет назад.

— Двадцать лет! — воскликнул Саук. — Ведь прошло десять лет с тех пор, как он умер... И ты все ждал...

— Прочтите, ваша милость...

Саук прочел надпись на конверте. Она гласила, что завещание может быть вскрыто только спустя десять лет после смерти завещателя.

— Камильк-паша умер в 1852 году, — сказал нотариус, — сейчас 1862 год, вот почему я и осмелился пригласить вашу милость...

— Проклятый законник! — вспыхнув, закричал Саук. — Уже десять лет, как я должен был вступить во владение...

— Если вы то лицо, которое Камильк-паша назначил своим наследником,— добавил нотариус.

— Если я то лицо?.. А кто же еще может быть?

И он хотел сломать печать на конверте, но Бен-Омар остановил его:

— Ваша милость, погодите! В ваших же интересах, чтобы все было сделано по закону и в присутствии свидетелей...

Открыв дверь, Бен-Омар представил ему двух живших по соседству негоциантов, которых он заблаговременно попросил присутствовать при этой церемонии.

Почтенные сограждане засвидетельствовали, что конверт был не тронут, после чего его вскрыли.

Завещание было написано по-французски и заключало тридцать строк следующего содержания:

Я назначаю моим душеприказчиком Бен-Омара, нотариуса из Александрии, в пользу которого завещаю один процент с моего состояния, заключающегося в золоте, алмазах и драгоценных камнях, общая сумма которого оценивается в сто миллионов франков. В сентябре 1831 года три бочонка, содержащие эти сокровища, были зарыты в яме на южной оконечности одного островка. Местоположение этого островка легко установить, присоединив к 54°57' долготы к востоку от парижского меридиана широту, обозначенную в письме, тайно посланном в 1842 году Томасу Антиферу из Сен-Мало во Францию. Бен-Омар должен будет лично отвезти эту долготу выше-названному Томасу Антиферу, а в случае смерти последнего передать сведения его ближайшему наследнику. Кроме того, Бен-Омару вменяется в обязанность сопровождать упомянутого наследника во время поисков, которые должны привести к открытию клада, зарытого у подножия скалы, помеченной двойным «К» — первой и последней буквами моего имени.

Таким образом, исключив из завещания моего недостойного двоюродного брата Мурада и столь же недостойного сына его Саука, пусть Бен-Омар потрудится вступить в деловые отношения с Томасом Антифером или его прямым наследником, исходя из формальных указаний, которые будут получены в результате произведенных розысков.

Такова моя воля. и я требую, чтобы она была исполнена неукоснительно.

Написано собственноручно 9 февраля 1842 года в Каире, в тюрьме.

К а м и л ь к - п а ш а.

Бесполезно описывать впечатление, произведенное на Саука этим странным завещанием, а также приятное удивление Бен-Омара по поводу обещанной комиссии в один процент или, иначе говоря, целого миллиона, который должен был достаться ему после открытия клад. Но прежде всего эти сокровища нужно найти, а для этого необходимо определить местоположение острова, сопоставив долготу, указанную в завещании, с широтой, известной только Томасу Антиферу!

У Саука тотчас же созрел план действий, а Бен-Омар, под страхом ужасных угроз, вынужден был сделаться его сообщником. Им удалось узнать, что Томас Антифер умер в 1854 году, оставив единственного сына. Теперь оставалось одно: отправиться к этому сыну, Пьеру-Сервану-Мало, ловко выманить у него секрет географической широты, сообщенной его отцу, и завладеть огромным состоянием, один процент с которого предназначался Бен-Омару.

Саук и нотариус не теряли ни одного дня. Выехав пароходом из Александрии, сойдя на берег в Марселе, пересев в парижский экспресс, а затем на поезд, направлявшийся в Бретань, они быстро попали в Сен-Мало.

Ни Саук, ни Бен-Омар не сомневались, что выманят у малуинца письмо, истинная ценность которого ему, скорее всего, была неизвестна. В крайнем случае они купят у него этот документ!

Читатель уже знает, что эта попытка потерпела неудачу.

Поэтому нечего удивляться раздраженному состоянию Саука и тому, что, осыпая Бен-Омара градом резких и несправедливых упреков, он стремился свалить на него всю вину.

Отсюда и бурная (к счастью, никем не услышанная) сцена в номере отеля,— несчастный нотариус даже не надеялся выйти живым из этой комнаты.

— Да,— повторял Саук,— виною всему твоя глупость! Ты не умеешь вести дела!.. Ты дал себя провести

простому матросу! Он обошел тебя, нотариуса!.. Но помни, что я сказал: горе тебе, если миллионы Камильк-паши ускользнут от меня!

— Клянусь, ваша милость!..

— А я клянусь, что, если не достигну поставленной цели, ты заплатишься своей шкурой!

Бен-Омар хорошо знал, что клятва Саука — не пустая угроза.

— Может быть, вы думаете, ваша милость,— сказал он, стараясь смягчить гнев Саука,— что этот матрос простой глупец, вроде тех несчастных феллахов, которых так легко напугать и обвести вокруг пальца?

— Мне это безразлично!

— Нет, это человек сильный, страшный.. Он знать ничего не хочет!

Он мог бы добавить: «человек вроде вас», но, по понятным соображениям, не решился высказать это вслух.

— Я думаю,— продолжал он,— что придется покориться необходимости...— Он не осмелился закончить свою мысль.

— Покориться! — вскричал Саук и так сильно хватил по столу кулаком, что лампа подскочила и стеклянный колпак разбился.— Покориться? Отказаться от ста миллионов?!

— Нет... нет... ваша светлость!—поспешил ответить Бен-Омар.—Покориться... и сообщить бретонцу долготу, как сказано в завещании.

— Чтобы он воспользовался ею, болван? Чтобы он вырыл миллионы?!

Ярость — плохой советчик. И Саук, которого природа не обделила ни умом, ни изворотливостью, тоже наконец понял это. Он успокоился насколько мог и стал обдумывать предложение Бен-Омара, отнюдь не лишнее здравого смысла.

Составив представление о характере малуинца, Саук понял, что простой хитростью от него ничего не добьешься и действовать надо более искусно.

А потому с помощью Бен-Омара, который не мог уже отказаться от роли сообщника, он выработал такой план действий: пойти на следующий день к Антиферу, открыть ему долготу острова, как того требовало завещание, и, в свою очередь, узнать широту. Выяснив координаты, Саук

сделает все, чтобы опередить законного наследника и завладеть всем состоянием. Если же это не удастся, он найдет способ сопровождать Антифера во время поисков клада и попытается присвоить сокровища. Если островок, что вполне допустимо, лежит в стороне от морских путей, то у этого плана были шансы на успех и дело могло кончиться в пользу Саука.

Когда было принято окончательное решение, Саук предупредил нотариуса:

— Я рассчитываю на тебя, Бен-Омар, и советую тебе со мной не хитрить, иначе...

— Ваша милость, вы можете быть уверены... Но вы обещаете мне, что я получу законный процент?..

— Да, по завещанию ты должен его получить... но при условии, что ты ни на минуту не оставишь Антифера во время его путешествия!

— Конечно, я его не оставлю!

— И я тоже... я буду тебя сопровождать...

— В качестве кого?.. Под каким именем?

— В качестве главного клерка нотариуса Бен-Омара, под именем Назима.

— Вы?!

И в этом «вы», произнесенном тоном отчаяния, выразился весь ужас перед предстоящими насилиями и оскорблениями, о которых несчастный Бен-Омар не мог подумать без содрогания.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой разыгрывается квартет без музыки
с участием Жильдаса Трегомена*

Вернувшись домой, дядюшка Антифер вошел в столовую, сел в углу у камина и протянул к огню озябшие ноги, не вымолвив при этом ни слова.

У окна беседовали Эногат и Жюэль — он даже не заметил их присутствия.

Нанон готовила в кухне ужин — он даже не спросил ее, как обычно, не меньше десяти раз: «Когда же будет готово?»

Пьер-Серван-Мало углубился в размышления... Конечно, не стоит рассказывать сестре, племяннику и пле-

мяннице о том, что произошло при встрече с Бен-Омаром, нотариусом Камильк-паши...

За ужином дядюшка Антифер, всегда такой разговорчивый, был нем, как стена. Он даже не повторял по два раза каждое блюдо и только за десертом машинально проглотил несколько дюжин устриц, извлекая их из зеленоватой раковины при помощи длинной булавки с медной головкой.

Несколько раз Жюэль обращался к нему с вопросами, но не получал ответа.

Эногат тщетно пыталась узнать, что случилось: он как будто даже не слышал ее.

— Скажи, братец, что с тобой?..— спросила Нанон в тот момент, когда, встав из-за стола, он направился в свою комнату.

— Должно быть, у меня прорезывается зуб мудрости! — ответил он.

И каждый подумал про себя, что мудрость никогда не повредит, хотя бы и на старости лет...

Затем, даже не закурив своей любимой трубки, что с особым удовольствием он всегда проделывал по утрам и вечерам, Антифер поднялся по лестнице и исчез, не пожелав никому «доброй ночи».

— Дядюшка чем-то очень встревожен! — заметила Эногат.

— Нет ли у него каких-нибудь новостей? — прошептала Нанон, убирая со стола.

— Не пойти ли за Трегоменом? — предложил Жюэль.

Действительно, с той поры, как дядюшка Антифер стал с особым нетерпением ожидать вестника Камильк-паши, он ни разу не испытывал такого мучительного беспокойства — оно буквально терзало, пожирало его... А что, если он провел разговор с Бен-Омаром недостаточно дипломатично? А не напрасно ли он держал себя с ним так сурово? А следовало ли давать ему столь решительный отпор? Не умнее ли было бы проявить больше уступчивости, обстоятельно поговорить по существу дела и в конце концов прийти к какому-то соглашению? Благого разумно ли было называть его мошенником, негодяем, крокодиллом и давать другие обидные прозвища? Не лучше ли было, скрыв свою заинтересованность, вступить с ним в переговоры, по возможности затянуть их, сделать вид, что согласен продать письмо, притвориться, будто не

знаешь его ценности, и уж, во всяком случае, не требовать за него в порыве гнева пятидесяти миллионов! Конечно, оно стоит этих денег! Но действовать надо было хитрее, осторожнее. А что, если нотариус, с которым он так нелюбезно обошелся, не захочет подвергнуться еще раз подобному приему? А что, если он сложит свои чемоданы, покинет Сен-Мало и возвратится в Александрию, оставив вопрос нерешенным? Что же тогда будет делать дядюшка Антифер? Побежит за своей долгой в Египет?..

А потому, прежде чем улежся спать, он дал себе несколько хороших тумаков. Всю ночь он не сомкнул глаз, а к утру принял твердое решение «перейти на другой галс» — отправиться на поиски Бен-Омара, загладить несколькими добрыми словечками все грубости, которые он наговорил ему сгоряча накануне, вступить с нотариусом в переговоры и даже согласиться на некоторые уступки.

Около восьми утра, когда Антифер, одеваясь, раздумывал обо всем этом, Жильдас Трегомен тихонько постучал к нему в дверь.

Нанон послала за ним, и этот замечательный человек тотчас же прибежал. Как всегда, он готов был принять на себя гнев сварливого соседа.

— Что тебя принесло, лодочник?

— Прилив, старина, — ответил Жильдас Трегомен, надеясь, что это морское словечко заставит собеседника улыбнуться.

— Прилив?.. — суровым тоном повторил дядюшка Антифер. — Ну, а меня унесет отсюда отлив, и очень скоро!

— Ты уходишь?

— Да, с твоего разрешения или без него.

— Куда ты идешь?

— Куда мне нужно.

— Каждый идет, куда ему нужно. И ты не скажешь мне, что ты собираешься делать?..

— Попробую исправить одну глупость...

— Или усугубить ее?

Это замечание, хотя и выраженное в такой неопределенной форме, не на шутку встревожило дядюшку Антифера, и он решил ввести своего друга в курс дела. Продолжая одеваться, он рассказал ему о своей встрече с Бен-Омаром, о попытках нотариуса выманить у него ши-

роту и о своем предположении, безусловно фантастическом — он это сам понимает! — продать письмо Камильк-паши за пятьдесят миллионов.

— Он должен был поторговаться с тобой, — заметил Жильдас Трегомен.

— Он не успел, потому что я сейчас же ушел и, конечно, поступил опрометчиво!

— И я так думаю. Значит, этот нотариус явился в Сен-Мало лишь за тем, чтобы выманить у тебя письмо?

— Только для этого! Вместо того чтобы передать мне то, что ему было поручено! Ведь Бен-Омар и есть тот самый посланец Камильк-паши, которого я дожидаюсь уже двадцать лет...

— Вот как! Значит, это действительно серьезное дело? — вырвалось у Жильдаса Трегомена.

В ответ на это замечание Пьер-Серван-Мало бросил на приятеля такой страшный взгляд, отпустил ему такой презрительный эпитет, что Жильдас Трегомен в смущении опустил голову, сложил руки на своем огромном животе и начал вертеть большими пальцами.

Через минуту дядюшка Антифер был готов и взялся уже за шляпу, как дверь его комнаты снова открылась.

Вошла Нанон.

— Что еще? — спросил брат.

— Там внизу какой-то иностранец... Он желает говорить с тобой.

— А кто он?

— Вот посмотри...

И Нанон подала ему визитную карточку, на которой значилось: «Бен-Омар, нотариус. Александрия».

— Он! — закричал дядюшка Антифер.

— Кто?.. — спросил Жильдас Трегомен.

— Омар, о котором я тебе говорил! Вот это лучше! Это добрый знак, хорошо, что он вернулся!.. Нанон, пригласи его подняться ко мне!

— Но он не один!..

— Он не один?.. — воскликнул дядюшка Антифер. — Кто же с ним?..

— Другой человек, помоложе... тоже неизвестный и, как видно, тоже иностранец.

— Ага! Значит, они вдвоем?.. Хорошо, и нас будет двое!.. Оставайся здесь, лодочник!

— Как... ты хочешь...

Повелительным жестом дядюшка Антифер пригвоздил к месту своего почтенного соседа и другим жестом приказал Нанон ввести посетителей.

Не прошло и минуты, как гости вошли в комнату, и дядюшка плотно прикрыл за ними дверь. Если тайна этого разговора вырвалась наружу, то не иначе, как через замочную скважину.

— А! Это вы, господин Бен-Омар? — произнес Антифер таким развязным и высокомерным тоном, каким он, конечно, не рискнул бы заговорить, если бы сам сделал первый шаг и явился к нотариусу в гостиницу «Унион».

— Я самый, господин Антифер.

— А ваш спутник?..

— Это мой главный клерк.

Дядюшка Антифер и Саук, представленный ему под именем Назима, равнодушно оглядели друг друга.

— Ваш клерк посвящен в это дело? — спросил малуинец.

— Посвящен, и его присутствие мне необходимо.

— Хорошо. Итак, господин Бен-Омар, разрешите поинтересоваться, что заставило вас оказать мне такую честь?

— Желание еще раз побеседовать с вами, господин Антифер... конфиденциально, — добавил он, бросив косой взгляд на Жильдаса Трегомена, большие пальцы которого продолжали безмятежно крутиться на толстом животе.

— Жильдас Трегомен мой друг — бывший владелец грузового судна «Прекрасная Амелия». Он тоже в курсе дела, и его присутствие не менее необходимо, чем присутствие вашего клерка Назима...

Трегомен был противопоставлен Сауку. Бен-Омару нечего было возразить.

Все четверо уселись вокруг стола, а нотариус положил перед собой портфель. Воцарилось напряженное молчание. Все ждали, кто первый его прервет. Нарушил тишину дядюшка Антифер.

— Надеюсь, ваш клерк говорит по-французски? — обратился он к Бен-Омару.

— Нет, — ответил нотариус.

— По крайней мере понимает?..

— Ни слова.

Так было условлено между Сауком и Бен-Омаром.

Они надеялись, что малунец, думая, что мнимый Назим не понимает его, проговорится и это можно будет использовать.

— Тогда перейдем к делу, господин Бен-Омар,— небрежно сказал дядюшка Антифер.— Не угодно ли вам вернуться к вопросу, на котором мы вчера прервали нашу беседу?

— Разумеется.

— Значит, вы мне принесли пятьдесят миллионов?

— Давайте говорить серьезно, господин...

— Да, давайте говорить серьезно, господин Бен-Омар! Мой друг Трегомен не из тех людей, которые станут терять время на бесполезные шутки. Не так ли, Трегомен?

Никогда еще Жильдас Трегомен не казался таким важным и серьезным! А когда он прикрыл нос складками своего флага — мы говорим о его носовом платке,— никогда еще он не извлекал раскатов более величественных.

— Господин Бен-Омар,— продолжал дядюшка, стараясь говорить холодно и сухо, что совершенно не соответствовало его темпераменту,— я боюсь, что между нами существует какое-то недоразумение... Необходимо его рассеять, иначе мы никогда не договоримся... Вы знаете, кто я, и я знаю, кто вы.

— Нотариус...

— Да, нотариус и в то же время посланец покойного Камильк-паша, посланец, которого семья моя ждет уже двадцать лет.

— Извините меня, господин Антифер, но, даже если допустить, что это так, я не имел права явиться раньше.

— Почему?

— Потому что только две недели назад, когда было вскрыто завещание, я узнал, при каких обстоятельствах ваш отец получил письмо.

— А! Письмо, подписанное двойным «К»?.. Мы еще к этому вернемся, господин Бен-Омар.

— Конечно. И, когда я отправился в Сен-Мало, моим единственным желанием было узнать о наличии письма...

— В этом только и заключалась цель вашего путешествия?

— Только в этом.

Пока собеседники обменивались вопросами и ответами, Саук сидел с самым невозмутимым видом, как человек, не понимающий ни слова из того, о чем идет речь. Он так естественно играл свою роль, что Жильдас Трегомен, исподтишка наблюдавший за ним, не заподозрил никакой фальши.

— Так вот, господин Бен-Омар,— заговорил Пьер-Серван-Мало,— я испытываю к вам глубокое уважение и, как вы знаете, не позволю себе сказать по вашему адресу ни одного оскорбительного слова...

Дядюшка Антифер, который накануне обозвал нотариуса мошенником, негодлем, мумней и крокодилом, произнес последнюю фразу с поразительным апломбом.

— ...и все же,— добавил он,— я не могу не сказать, что вы лжете...

— Господин!..

— Да, лжете, как судовой буфетчик, когда говорите, что приехали с одной целью: узнать о моем письме.

— Я клянусь вам!— воздев руки, сказал нотариус.

— Долой клешни, старый Омар! — закричал дядюшка Антифер, вспыхив, несмотря на свои благие намерения.— Я отлично знаю, зачем вы явились!

— Поверьте...

— И знаю, кто вас прислал.

— Никто, я вас уверяю...

— Вы приехали по поручению покойного Камильк-паши...

— Он умер десять лет назад!

— Неважно! Вы сидите сегодня здесь, у Пьера-Сервана-Мало, сына Томаса Антифера, только потому, что такова была последняя воля Камильк-паши! Вам было поручено сообщить сыну Томаса Антифера некоторые цифры, а вовсе не расспрашивать о письме! Вы слышите — цифры!

— Цифры?..

— Да... долготу, необходимую мне в дополнение к широте, присланной Камильк-пашой двадцать лет назад на имя моего отца!

— Хорошо сказано! — спокойно произнес Жильдас Трегомен, взмахнув своим платком, словно сигнализируя с моря береговым семафорам.

Между тем мнимый клерк сохранял прежнюю невозмутимость, хотя теперь уже не оставалось никаких сомне-

ний, что дядюшка Атифер великолепно разбирается в сути вещей.

— А вы, господин Бен-Омар,— загремел дядюшка Антифер,— вы хотели поменяться ролями — вы хотели украсть у меня мою широту!..

— Украсть?

— Да! Украсть! И присвоить себе то, что принадлежит одному мне!

— Господин Антифер,— возразил Бен-Омар, приведенный в полное замешательство столь энергичным натиском,— поверьте... как только я получил бы от вас это письмо... я тотчас же сообщил бы вам цифры...

— Ага! Значит, вы признаете, что они у вас?..

Нотариус был приперт к стене. Как ни был он изобретателен по части различных уверток и уловок, сейчас он почувствовал себя зажатым в тиски, понял, что надо сдаваться, ибо уже наступил момент, когда не оставалось ничего иного. Такую возможность они предусмотрели накануне с Сауком, а потому, когда дядюшка Антифер крикнул нотариусу: «Довольно! Играйте в открытую, господин Бен-Омар! Хватит вилять и лавировать, пора пришвартовываться!» — Бен-Омар покорно произнес: «Хорошо!»

И, открыв портфель, вытащил пергамент, испещренный крупными буквами.

Это было завещание Камильк-паши, написанное, как мы уже знаем, на французском языке.

Дядюшка Антифер впился в документ.

Прочитав завещание громким голосом от начала и до конца, чтобы Жильдас Трегомен не проронил ни слова, дядюшка Антифер вынул из кармана записную книжку и прежде всего записал долготу острова — те самые четыре цифры, за каждую из которых он отдал бы, не задумываясь, по пальцу правой руки. Потом, словно почувствовав себя опять капитаном, определяющим широту местности, он закричал:

— Внимание, лодочник!

— Есть внимание! — ответил Жильдас Трегомен, также вынув записную книжку из недр своей широчайшей куртки.

— Бери на прикол!

Нечего и говорить, что эта драгоценная долгота —

54°57' к востоку от парижского меридиана — была «приколота» с исключительной добросовестностью.

Пергамент был возвращен нотариусу; тот снова спрятал его в портфель и передал мнимому главному клерку Назиму.

Разговор дошел до самой решительной стадии; теперь уже дело касалось непосредственных интересов Бен-Омара и Саука. Дядюшке Антиферу, знающему меридиан и параллель острова, оставалось только скрестить эти две линии на карте, чтобы определить положение острова на точке их пересечения. Именно этим он и хотел заняться без промедления. Что ж! Вполне законное желание! Он поднялся и, слегка поклонившись, сделал совершенно недвусмысленный жест, указывающий гостям на выход. Без сомнения, Бен-Омару и Сауку дали понять, что их присутствие больше нежелательно.

Трегомен, улыбаясь, следил за этой немой сценой, которую превосходно разыграл его друг. Тем не менее ни нотариус, ни Назим и не думали подниматься с места. Хозяин дома хотел выставить их из комнаты, но они или не понимали этого, или делали вид, что не понимают. Растерявшийся нотариус читал в суровом взгляде Саука приказание задать Антиферу еще один вопрос.

Не смея послушаться приказа, Бен-Омар сказал:

— Теперь, когда я выполнил поручение, возложенное на меня завещанием Камильк-паши...

— ...нам остается только вежливо проститься друг с другом,— закончил его фразу Пьер-Серван-Мало,— и, так как первый поезд отходит в десять тридцать семь...

— В десять двадцать три со вчерашнего дня,— поправил Жильдас Трегомен.

— Ты прав, в десять часов двадцать три минуты, и я не хотел бы, дорогой господин Бен-Омар, подвергать вас, равно как и вашего почтенного клерка Назима, опасности пропустить курьерский поезд...

Саук нетерпеливо отбивал такт ногой и поглядывал на свои часы. Можно было подумать, будто он действительно беспокоится, как бы не опоздать на поезд.

— Если вам еще нужно сдать багаж,— продолжал дядюшка Антифер,— на это тоже уйдет порядочно времени...

— К тому же,— добавил Жильдас Трегомен,— на вокзале такая толчея...

Наконец к Бен-Омару вернулся дар слова. Слегка приподнявшись и потупив глаза, он произнес:

— Простите, но мне кажется, что мы еще не совсем договорились...

— Напротив, господин Бен-Омар, напротив! Мне, например, больше не о чем вас спрашивать.

— Нет, остался еще один вопрос, и я должен предложить его вам, господин Антифер...

— Меня это очень удивляет, господин Бен-Омар, но, в конце концов... раз вы так хотите... прошу вас...

— Я вам сообщил долготу, указанную в завещании Камильк-паши...

— Точно так! И мой друг Трегомен и я — мы оба занесли ее в наши книжки.

— Теперь вам остается сообщить мне широту, которая указана в письме...

— В письме, адресованном моему отцу?..

— Именно в нем...

— Простите, господин Бен-Омар! — нахмутив брови, возразил дядюшка Антифер. — Вам было поручено доставить мне долготу?..

— Да, и это поручение я выполнил...

— ...так же охотно, как и усердно, могу подтвердить. Что же касается меня, то ни в завещании, ни в письме меня не уполномочивали показывать кому бы то ни было цифры широты, сообщенные моему отцу!

— Однако...

— Однако, если у вас есть какое-нибудь указание по этому поводу, давайте обсудим его...

— Мне кажется... — возразил нотариус, — между людьми, уважающими друг друга...

— Вам напрасно это кажется, господин Бен-Омар. Ни о каком уважении между нами не может быть и речи.

По-видимому, нервное возбуждение, охватившее дядюшку Антифера, неминуемо должно было перейти в гнев. Во избежание бури Жильдас Трегомен поспешил открыть дверь, дабы облегчить неловкое положение посетителей. Но Саук словно прирос к стулу. Впрочем, ему, как подчиненному и иноземцу, не понимающему по-французски, и нельзя было сдвинуться с места, по крайней мере, пока не прикажет ему мнимый хозяин.

Бен-Омар встал, потер себе лоб, поправил очки на

носу и тоном человека, покорившегося обстоятельствам, произнес:

— Простите, господин Антифер, я вижу, что вы решили не говорить мне...

— Да, решил, господин Бен-Омар, и тем более твердо, что в своем письме Камильк-паша наказывал моему отцу хранить абсолютную тайну, а мой отец, в свою очередь, то же самое завещал и мне.

— Хорошо, господин Антифер,— ответил на это Бен-Омар,— не разрешите ли тогда дать вам добрый совет?

— Интересно. Какой?

— Не пускать это дело в ход.

— Почему?..

— Потому что вы можете встретить на вашем пути одного человека, который заставит вас раскаяться...

— Кто же это?

— Саук, родной сын двоюродного брата Камильк-паши, лишенный из-за вас наследства! А он не такой человек, чтобы...

— А вы знаете этого родного сына двоюродного брата, господин Бен-Омар?

— Нет...— ответил нотариус,— но я знаю, что это очень опасный противник...

— Так вот, если вы когда-нибудь его встретите, этого Саука, передайте ему от моего имени, что я плюю на него и на всех сауков в Египте!

Назим даже не поморщился. А Пьер-Серван-Мало, выйдя на лестничную площадку, закричал:

— Нанон!

Нотариус направился к двери. Саук, идя за ним следом, по пути, как бы нечаянно, опрокинул стул — в нем клокотала злоба, он испытывал дикое желание дать Бен-Омару в спину, чтобы тот пересчитал ступеньки лестницы.

Но на пороге Бен-Омар вдруг остановился и, не глядя на дядюшку Антифера, сказал:

— А не кажется ли вам, что вы не приняли во внимание один из параграфов завещания Камильк-паши?..

— Какой?

— Тот, по которому мне вменяется в обязанность сопровождать вас вплоть до того часа, когда вы вступите во владение наследством, то есть быть с вами, пока не будут открыты три бочонка...

— Хорошо, вы будете меня сопровождать, господин Бен-Омар.

— Так нужно же мне знать, куда вы поедете!..

— Вы это узнаете, когда мы прибудем на место.

— А если это место на краю света?

— Значит, оно будет на краю света.

— Пусть так... Но знайте, что я не могу обойтись без моего главного клерка...

— Как вам будет угодно. Путешествовать в его обществе доставит мне не меньше удовольствия, чем в вашем.

Потом, перегнувшись через лестничные перила, он опять закричал:

— Нанон!..

По голосу можно было понять, что терпение дядюшки Антифера истощилось.

— Нанон!!

Нанон появилась.

— Посвети этим господам! — приказал дядюшка Антифер.

— Посветить? Среди бела дня?.. — удивилась Нанон.

— А я тебе говорю — посвети!

После такого недвусмысленно выраженного требования освободить хозяина от своего присутствия, Сауку и Бен-Омару ничего больше не оставалось, как покинуть негостеприимный дом, двери которого с треском за ними захлопнулись.

Вот когда дядюшку Антифера охватила неистовая радость, такая радость, какую вряд ли ему приходилось когда-нибудь испытывать в своей жизни! И уж если бы он не порадовался в этот день, то когда же еще мог предстаться подобный случай?

Наконец-то пресловутая долгота была у него в руках! Долгота, которую он ждал с таким нетерпением! Все, о чем он прежде мог только мечтать, скоро превратится в действительность. Получение несметного богатства зависит сейчас только от него самого, от той поспешности, с какой он отправится на поиски острова...

— Сто миллионов... сто миллионов! — повторял он.

— Это то же самое, что тысяча раз по сто тысяч франков, — заметил Жильдас Трегомен.

В эту минуту дядюшка Антифер, не в силах более сдерживаться, подпрыгнул сначала на одной ноге, потом на другой, затем присел на корточки, поднялся и, завер-

тевшись волчком, стал откалывать быстрый и залихватский танец, какой трудно было бы найти в обширном репертуаре матросских танцев, отличающихся такой веселой выразительностью.

Затем, вовлекая в это кружение своего громадного друга, он заставил его двигаться с такой стремительностью, что весь дом сотрясаясь до самого основания.

При этом дядюшка Антифер так неистово орал, что дрожали стекла:

У меня есть дол, дол, дол!

У меня есть го, го, го!

У меня есть та, та, та!

Долгота!

Долгота!

Долгота!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой одна точка в географическом атласе
дядюшки Антифера тщательно подчеркнута
красным карандашом*

В то время как Пьер-Серван-Мало Антифер в паре со своим другом Жильдасом Трегоменом отплясывал бешеную фарандолу¹, Эногат и Жюэль направились в мэрию и оттуда в церковь. В мэрии старый толстый чиновник из отдела регистрации гражданских актов, специалист по брачным делам, фабрикующий медовые месяцы, показал им в витрине объявлений уже составленное по всей форме оглашение помолвки. В кафедральном соборе викарий² обещал им мессу³ с хорошими певчими, проповедью, органом и колокольным звоном — все великолепие, предусмотренное свадебным церемониалом.

Как счастлива была молодая чета, получив разрешение монсеньера⁴ на вступление в брак двоюродных брата и сестры! С каким нетерпением — Жюэль, в отличие от Эногат, даже не старался этого скрыть — ждали они пя-

¹ Фарандола — провансальский хороводный народный танец.

² Викарий — заместитель или помощник епископа.

³ Месса — католическая церковная служба (обедня).

⁴ Монсеньер — почтительное обращение к представителю высшего католического духовенства во Франции.

того апреля — даты, вырванной у дядюшки в минуту его нерешительности.

С каким упоением занимались они приготовлением к свадьбе, приданым невесты и ее нарядами, обдумывали меблировку и убранство уютной комнаты в первом этаже, куда щедрый Трегомен ежедневно приносил новые безделушки, некогда приобретенные им у прибрежных жителей Ранса!.. Среди этих вещей была и маленькая статуэтка богоматери, украшавшая в свое время каюту «Прекрасной Амелии». Трегомен без малейших колебаний решил подарить ее новобрачным! Разве он не был их наперсником, и могли ли они найти лучшего, более верного хранителя своих надежд, своих планов на будущее? И раз двадцать на день по любому поводу этот добряк повторял:

— Дорого бы я дал, чтобы свадьба была уже позади, чтобы вы покончили со всеми формальностями и у мэра и у кюре!¹

— Но почему, мой милый Трегомен?.. — тревожно спрашивала девушка.

— Он стал таким чудачком, этот старина Антифер, — как оседлает своего конька, так и поскачет за своими миллионами!..

Жюэль был согласен с Трегоменом. Когда целиком зависишь от дядюшки, — превосходного человека, но все же... слегка тронутого, — ни за что нельзя поручиться, пока окончательное «да» не будет произнесено в присутствии мэра.

Ведь у моряков жизнь складывается не так, как у других людей. Время у них не терпит! Либо ты останешься холостяком вроде капитана каботажного плавания и хозяина габары, либо женись немедленно, если позволяют обстоятельства и есть на то разрешение. А Жюэль должен был уйти в плавание в качестве помощника капитана на трехмачтовой шхуне торгового дома Ле Бай-иф. И тогда — подумать только — сколько месяцев, сколько лет он будет носиться по морям и океанам в тысячах лье от родного дома, оторванный от жены и от детей, если бог благословит их союз! А это вполне возможно. Семьи моряков обычно бывают многодетными. Разумеется, Эногат, как дочь моряка, свыклась с мыслью,

¹ К ю р е — настоятель католической церкви во Франции.

что длительные плаванья Жюэля будут надолго разлучать ее с мужем, и она даже не представляла себе, что может быть иначе. Тем больше оснований не терять ни одного дня, раз предстоят неизбежные и долгие разлуки!..

Вот об этом-то и беседовали на обратном пути молодой капитан и его невеста, покончив в то утро с деловыми визитами. Каково же было их изумление, когда они увидели двух возбужденно жестикулировавших и явно чем-то встревоженных иностранцев, вышедших из знакомого нам дома на улице От-Салль! Что понадобилось этим людям от дядюшки Антифера? У Жюэля мелькнуло подозрение, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Подозрение скоро сменилось уверенностью: с верхнего этажа раздавались шум и пение какой-то импровизированной песни, припев которой был слышен у самого конца крепостной стены.

Неужели дядюшка окончательно рехнулся? Неужели этим завершилась одержимость злополучной долготой? Мозговое повреждение?.. Если не мания величия, то по меньшей мере мания богатства?..

— Что здесь происходит, тетя? — спросил Жюэль у Нанон.

— Ваш дядя танцует, дети.

— Но не может же от этого сотрясаться весь дом?

— Но там еще Трегомен..

— Как! Трегомен тоже танцует?!

— Должно быть, он боялся перечить дядюшке, — решила Эногат.

Все трое поднялись наверх. Тут уж им стало ясно, что Антифер действительно помешался, когда они увидели его в бешеной пляске и слышали, как он кричит во весь голос:

У меня есть дол, дол, дол!

У меня есть го, го, го!

У меня есть та, та, та!

С ним вместе пел красный, пылающий, близкий к апоплексическому удару добряк Трегомен:

Да, да, да! Есть у него долгота!..

Да, да, да! Есть у него долгота!

И тогда Жюэля осенило: так вот почему выходили из дома те два иностранца!.. Значит, злосчастный посланец Камилек-паши все-таки появился... При этой мысли мо-

лодой человек побледнел и остановил Антифера, не давая ему закончить очередной пируэт:

— Дядя, вы получили...

— Да, племянничек, получил!

— Он получил,— подтвердил Жильдас Трегомен и в изнеможении упал на стул, сломавшийся под такой тяжестью.

Спустя несколько минут, когда Антифер слегка отдышался, Эногат и Жюэль узнали обо всем, что произошло со вчерашнего дня: о приходе Бен-Омара со своим главным клерком, о попытке вымогательства письма Камильк-паши, о содержании завещания, о точном определении долготы для установления координат острова, в недрах которого зарыты сокровища... Дядюшке Антиферу оставалось только наклониться, чтобы их взять!

— Но, дядя, если уже известно, где находится это самое гнездышко, им ничего не стоит опустошить его раньше вас!

— Позволь, позволь, племянничек! — воскликнул дядюшка Антифер, пожав плечами. — Неужели ты считаешь меня дурачком, способным отдать им ключ от сейфа с драгоценностями?

Жильдас Трегомен, со своей стороны, подкрепил это заявление выразительным жестом отрицания:

— ...от сейфа, в котором хранятся сто миллионов!

Пресловутые «сто миллионов» так раздули щеки Пьера-Сервана-Мало, что, казалось, он вот-вот задохнется.

По-видимому, он надеялся, что эта новость будет встречена криками восторга, но его постигло жестокое разочарование. Как! Золотой дождь, которому могла бы позавидовать Даная¹, ливень из алмазов и драгоценных камней падал на этот жалкий домишко на улице От-Салль, а они и руки не протянули, чтобы подхватить его, и не ломали крышу, чтобы не потерять ни капли!

Да, это истинная правда! Торжественное заявление о ста миллионах было встречено ледяным молчанием.

— Ах, так! — вскричал дядюшка Антифер, поочередно обводя взглядом сестру, племянника, племянницу и своего друга. — Почему у вас такие постные лица! Разве задул встречный ветер?

¹ Даная — в греческом мифе царевна, которую полюбил верховный бог Зевс, проникший к ней в виде золотого дождя.

Несмотря на грозный окрик, физиономии присутствующих нисколько не повеселели.

— Как,— продолжал дядюшка Антифер,— я сообщая вам, что теперь я богат, как Крез¹, что я вернулся из Эльдорадо² на корабле, доверху нагруженном сокровищами, что ни у какого набоба не наберется столько золота, а вам даже в голову не приходит поздравить меня?..

Молчание. Потупленные взоры. Нахмуренные лица.

— А ты что скажешь, Нанон?..

— Да, братец, это хорошие деньги...

— «Хорошие деньги»!.. Стоит лишь захотеть — и в течение целого года вы можете тратить каждый день по триста тысяч франков на еду!.. А ты, Эногат, ты тоже считаешь, что это хорошие деньги?

— Боже мой, дядя! — ответила молодая девушка. — К чему такое богатство?..

— О, я знаю. Я хорошо знаю этот припев: «Не в деньгах счастье!» И вы такого же мнения, господин капитан дальнего плавания, и вы так думаете? — в упор спросил племянника дядюшка Антифер.

— По-моему,— ответил Жюэль,— этот египтянин должен был заодно оставить вам в наследство и титул паши, потому что столько денег и никакого титула...

— Хе-хе... Антифер-паша... — произнес, улыбаясь, Трегомен.

— А ты помалкивай, лодочник! — прикрикнул на него Антифер таким тоном, словно приказывал брать рифы³ на парусах. — Не вздумаешь ли еще ты меня высмеивать, бывший капитан «Прекрасной Амелии»?

— Я — тебя, моего достойного друга? Упаси меня боже! — ответил Трегомен. — И, если тебя так радуют твои сто миллионов франков, я приношу тебе сто миллионов поздравлений...

Действительно, почему вся семья так холодно отнеслась к событию, вызвавшему у хозяина дома ликование? Может быть, он теперь уже и не мечтал о блестящих партиях для племянницы и племянника?.. Может быть, он

¹ Крез — легендарный царь Лидии, обладатель несметных богатств.

² Эльдорадо — сказочная страна золота и драгоценных камней.

³ Брать рифы — уменьшать парусность при сильном ветре (с помощью поперечных завязок, продетых сквозь паруса).

уже отказался от мысли запретить или отсрочить свадьбу Жюэля и Эногат, хоть он и получил долгожданную долготу раньше 5 апреля? По правде говоря, все это очень тревожило Эногат и Жюэля, Нанон и Жильдаса Трегомена.

Трегомен решил вызвать своего друга на объяснение... Лучше узнать сразу, каковы его намерения. По крайней мере, можно будет поспорить с этим ужасным человеком и заставить его прислушаться к здравому смыслу. Нельзя же позволить ему вариться в собственном соку!

— Послушай, старина, — мягко сказал Трегомен, — предположим, что эти миллионы уже у тебя...

— Предположим?.. А зачем мне предполагать?..

— Хорошо, будем считать, что они уже у тебя... И вот ты, такой простой человек, привыкший к скромной жизни, скажи, пожалуйста, что ты намерен с ними делать?

— Все, что мне заблагорассудится, — сухо ответил дядюшка Антифер.

— Ведь я надеюсь, ты не собираешься купить Сен-Мало?..

— И Сен-Мало, и Сен-Серван, и Динар, а если захочу, то в придачу еще и этот дурацкий ручей Ранс, в который вода заходит только во время прилива!

Дядюшка Антифер отлично знал, что, отозвавшись так пренебрежительно о Рансе, он заденет за живое человека, который в продолжение двадцати лет поднимался и спускался по этой прекрасной реке.

— Пусть так! — стиснув зубы, ответил Трегомен. — Но ведь ты при всем желании не сможешь съесть лишний кусок или выпить лишнюю рюмку. Разве что ты себе купишь второй желудок...

— Я куплю все, что мне вздумается, запомни это, моряк пресных вод! И, если мне противоречат, если я встречаю отпор даже в моей семье... — Это было сказано в сторону обрученных. — Я проем мои сто миллионов, я промотаю их, обращаю их в дым, в пыль!.. И Жюэль и Эногат не получают ни франка из пятидесяти миллионов, которые я хотел завещать и ему и ей...

— Проще сказать — сто миллионов им обоим.

— Почему?

— Потому что они будут мужем и женой!..

Жгучий вопрос наконец всплыл на поверхность.

— Эй, лодочник! — зычным голосом закричал дядюшка Антифер. — Взберись-ка ты лучше на бом-брамсель¹ и погляди на горизонт!

Это было всегдашней манерой дядюшки Антифера отправлять Трегомена «проветриваться»; он выражался, конечно, фигурально, потому что водрузить такую громадину на верхнюю площадку какой-либо мачты было бы невозможно без помощи судового ворота.

Ни Нанон, ни Жюэль, ни Эногат не посмели вмешаться в разговор. По бледному лицу молодого капитана можно было заметить, что он с трудом сдерживает гнев.

Но Жильдас Трегомен был не такой человек, чтобы покинуть своих друзей в открытом море на произвол судьбы. И, вместо того чтобы удалиться, он еще ближе подступил к дядюшке Антиферу:

— Но ты же дал слово...

— Какое слово?

— Разрешить им обвенчаться.

— Да, если я не получу долготы. А так как долгота получена...

— ...то тем больше оснований обеспечить им счастливую жизнь.

— Превосходно, лодочник, превосходно! Вот потому-то Эногат и выйдет замуж за принца...

— Если таковой найдется!

— А Жюэль женится на принцессе...

— Свободных давно уже нет! — возразил Жильдас Трегомен, исчерпав все свои доводы.

— Всегда найдутся, если дашь в приданое пятьдесят миллионов!

— Ищи, ищи...

— И поищу. И найду... хотя бы в Готонском альманахе!

Он хотел сказать — в «Готском альманахе»², этот твердолобый упрямец, одержимый вздорной мыслью смешать кровь властительных особ с кровью Антиферов.

И потому, не желая продолжать разговор, который мог кончиться не в его пользу, и решив не сдавать своих

¹ Бом-брамсель — четвертый снизу парус, у основания которого расположена площадка для наблюдения.

² «Готский альманах» выпускался с 1763 года в немецком городе Гота. Здесь публиковались подробнейшие сведения о родственных связях (генеалогии) аристократических семейств.

позиций в вопросе о браке, он намекнул — разумеется, более чем прозрачно! — что хочет остаться один в своей комнате и запрещает тревожить его до обеда.

Жильдас Трегомен благоразумно рассудил, что сейчас не время возражать ему, и все спустились вниз.

Сказать по правде, вся маленькая семья была в большом горе. Из прекрасных глаз молодой девушки градом лились слезы, и это привело в полное отчаяние Жильдаса Трегомена.

— Малютка моя, я не выношу, когда плачут,— сказал он,— право... даже от горя!

— Но, дорогой мой друг,— сказала Эногат,— ведь все потеряно! Дядюшка не уступит! Это колоссальное богатство совсем его сбilo с толку.

— Да, да,— поддержала ее Нанон,— уж если моему брату взбредет что-нибудь в голову...

Жюэль молча ходил взад и вперед по комнате, скрестив на груди руки и сжав кулаки.

— В конце концов,— воскликнул он,— дядя мне не хозяин! Я могу жениться и без его разрешения... Я совершеннолетний!

— Но Эногат не совершеннолетняя,— напомнил Жильдас Трегомен.— И, как опекун, он может ей запретить...

— Да... и все мы от него зависим! — прибавила Нанон, опустив голову.

— Вот мое мнение,— сказал Жильдас Трегомен,— лучше всего ему не противоречить. Не исключена возможность, что эта мания пройдет у него сама по себе, особенно если мы сделаем вид, что готовы ему во всем потакать.

— Кажется, вы правы, господин Трегомен,— сказала Эногат.— Я тоже думаю, что большего мы добьемся мягкостью, нежели сопротивлением.

— И самое главное,— добавил Жильдас Трегомен,— пока что у него их нет, этих ста миллионов!..

— Да,— согласился Жюэль.— Правда, ему уже известно, на какой они находятся широте и долготе, но не так-то легко их получить. Понадобится еще много времени.

— Много...— прошептала молодая девушка.

— Увы! Да, дорогая моя Эногат, И это все задержит... Ах, несносный дядя!

Ни Нанон, ни Жюэль, ни Эногат не посмели вмешаться в разговор.

— И проклятые бестии, которые явились от этого проклятого паши,— ворчала Нанон.— Мне бы сразу им дать метлой...

— Все равно они с ним договорятся! — сказал Жюэль.— Уж он-то не отстанет, этот Бен-Омар,— ведь ему причитаются комиссионные!

— Значит, дядя уедет? — спросила Эногат.

— Вполне возможно,— ответил Жильдас Трегомен,— потому что теперь ему известны координаты острова!

— Я поеду с ним,— решительно заявил Жюэль.

— Ты, Жюэль?... — вскричала молодая девушка.

— Да. Это необходимо. Я хочу быть с ним, чтобы помешать ему сделать какую-нибудь глупость... Наконец, чтобы поторопить его, если он задержится в дальних краях.

— Ты прав, ты прав, мой мальчик,— одобрил Трегомен.

— Кто знает, куда он попадет, гоняясь за этими соковокми, и какие опасности ждут его на пути!

Эногат хотя и опечалилась, но хорошо понимала, что Жюэль принял разумное решение. И, может быть, благодаря Жюэлю путешествие дядюшки будет менее длительным?

Молодой капитан всячески старался ее утешить. Он будет ей часто писать... Она будет в курсе всех дел... Рядом с ней остаются Нанон и Трегомен, который будет ежедневно ее навещать... учить покорности и терпению...

— Рассчитывай на меня, девочка,— сказал растроганный Трегомен.— Я постараюсь тебя развлекать! Ведь ты еще не знаешь, как я плавал на «Прекрасной Амалии»?

Нет, Эногат этого не знала, потому что Трегомен никогда не решался рассказывать о своих рейсах, боясь насмешек дядюшки Антифера.

— Ну вот, я тебе все расскажу... Это очень интересно... Время пробежит незаметно... И в один прекрасный день мы увидим нашего дядюшку, вернувшегося с миллионами под мышкой... или с пустым мешком... и нашего дорогого Жюэля, которому уже ничто не мешает одним прыжком очутиться в соборе Сен-Мало... И я-то уж вас, во всяком случае, не задержу... А если ты хочешь, я зака-

жу себе тем временем свадебный костюм и буду надевать его каждое утро...

— Эй... лодочник!..

Этот хорошо знакомый голос заставил всех встрепетаться.

— Слышите, он зовет меня,— сказал Жильдас Трегомен.

— Что ему нужно от вас? — спросила Нанон.

— Когда он сердится, у него не такой голос,— заметила Эногат.

— Да,— подтвердил Жюэль,— чувствуется скорее нетерпение, чем злость.

— Трегомен... ты идешь?

— Иду!..— закричал в ответ Жильдас Трегомен.

И лестница заскрипела под его тяжелыми шагами.

Спустя несколько секунд дядюшка Антифер втолкнул его к себе в комнату и старательно запер дверь. Потом усадил за стол, на котором была разложена карта обоих полушарий, сунул ему циркуль и сказал:

— Бери!

— Этот циркуль?..

— Да! Этот остров... остров с миллионами...— Дядюшка Антифер говорил очень отрывисто.— Я хотел узнать его местоположение на карте.

— И его там нет?..— вскричал Жильдас Трегомен, причем его интонация выражала скорее удовольствие, чем удивление.

— Кто тебе это сказал? — возразил дядюшка Антифер.— И почему бы этому острову не быть, несчастный лодочник?!

— Значит... он существует?..

— Существует, поверь мне, существует. Но я так взволнован... рука дрожит... этот циркуль жжет мне пальцы... я не могу водить им по карте...

— И ты хочешь, чтобы я водил, старина?

— Если ты на это способен...

— О! — произнес Жильдас Трегомен.

— Конечно, тебе непривычна такая работа, ведь ты плавал только по Рансу... Но все же попробуй. Посмотрим, что получится... Держи хорошенько циркуль и води острием по пятьдесят четвертому меридиану,— вернее даже, по пятьдесят пятому, так как долгота острова — пятьдесят четыре градуса и пятьдесят семь минут...

От всех этих цифр у бедного Трегомена закружилась голова.

— Пятьдесят семь градусов и пятьдесят четыре минуты? — бормотал он, вытаращив глаза.

— Нет... животное! — рассердился Антифер. — Как раз наоборот! Ну же... Да ну же!

Жильдас Трегомен повел острие циркуля в сторону запада.

— Нет!.. — зарычал его друг. — Не на запад!.. На восток от парижского меридиана... Слышишь ты, разиня! К востоку, к востоку!..

Жильдас Трегомен, отупевший от брани и упреков, не мог успешно довести работу до конца. Его глаза застилала мутная пелена, на лбу выступили капли пота, циркуль дрожал между пальцами, как вибратор электрического звонка.

— Да поймай же наконец пятьдесят пятый меридиан! — вопил дядюшка Антифер. — Начинай сверху... и спускайся до точки, где увидишь двадцать четвертую параллель!

— Двадцать четвертую параллель? — пробормотал Жильдас Трегомен.

— Ну да!.. Он погубит меня раньше срока, несчастный!.. Да... да!.. и точка, где они пересекутся, покажет положение острова...

— Положение...

— Ну же... ты спускаешься?..

— Спускаюсь.

— О, негодяй!.. Он поднимается!

И в самом деле, Трегомен уже не замечал, поднимается он или спускается, и еще меньше, чем Антифер, был способен выполнить поставленную задачу. Оба были страшно взволнованы, нервы у них плясали, как струны контрабаса в финале увертюры.

Дядюшке Антиферу показалось, что он сходит с ума. И тогда он принял единственно верное решение.

— Жюэль!!! — закричал он с такой силой, что его голос прогремел, как из корабельного рупора.

Молодой капитан тотчас же явился на зов:

— Что вам угодно, дядя?

— Жюэль... где находится остров Камильк-паши?

— На точке пересечения долготы и широты..

— Хорошо. Ищи и...

Можно было подумать, что дядюшка Антифер прибавит еще общеупотребительное в обращении с собаками слово: «Апорт»¹.

Жюэлю не потребовалось никаких разъяснений. По тревожному состоянию дяди он догадался, что тут происходило. Взяв циркуль недрогнувшей рукой, юноша сразу нашел на карте точку, где начинается на севере пятьдесят пятый меридиан, и начал медленно спускаться.

— Говори, где проходит меридиан! — приказал дядюшка Антифер.

— Хорошо, дядя, — ответил Жюэль.

И он стал пояснять:

— Земля Франца-Иосифа в Арктическом море.

— Хорошо.

— Баренцево море.

— Хорошо.

— Новая Земля.

— Дальше.

— Карское море.

— Потом?..

— Север России, в Азии.

— Какие ты проходишь города?

— Екатеринбург².

— Затем?

— Аральское море.

— Дальше.

— Хиву в Туркестане.

— Мы приблизились?

— Почти! Герат в Персии.

— Мы уже пришли?

— Да! Маскат! На юго-востоке Аравии.

— Маскат? — склонившись над картой, воскликнул дядюшка Антифер.

Действительно, пересечение пятьдесят пятого меридиана и двадцать четвертой параллели приходилось на территорию Маскатского имамата³, в той части Оманского залива, которая составляет продолжение Персидского залива, отделяющего Аравию от Персии.

¹ Принеси (от французского глагола *apporter* — приносить).

² Екатеринбург — прежнее название Свердловска.

³ Имамат — области, подчиненные имаму, одновременно духовному и светскому властителю на мусульманском Востоке.

— Маскат?..— повторил дядюшка Антифер.

— Маскот? — переспросил, не дослышав, Жильдас Трегомен.

— Маскат, а не Маскот, лодочник! — проворчал его друг, вздернув плечи чуть не до ушей.

В сущности, сейчас у них были только приблизительные координаты, так как положение определили в градусах, но еще не в минутах.

— Неужели это в Маскате, Жюэль?!

— Да, дядя... с точностью до ста километров.

— Но нельзя ли определить точнее?

— Можно, дядя.

— Ну же, Жюэль... ну же! Поторапливайся, пока я не взорвался от нетерпения!..

И действительно, если бы котел нагрелся до такой степени, неминуемо последовал бы взрыв.

Жюэль снова взял циркуль. Отсчитав минуты долготы и широты, он определил положение острова с точностью до нескольких километров.

— Ну?..— спросил дядюшка Антифер.

— Так вот,— сказал Жюэль,— остров находится не на территории Маската. Он лежит немного восточнее, в Оманском заливе.

— Черт возьми!..

— Почему — черт возьми? — поинтересовался Жильдас Трегомен.

— Потому что дело идет об острове, а он не может находиться на континенте, бывший владелец шаланды¹ «Прекрасная Амелия»!

И, хотя это было сказано тоном, не допускающим возражений, Антифер отнесся к своему другу несправедливо, так как, в конце концов, габара — не шаланда.

— Завтра,— добавил дядюшка Антифер,— мы начнем готовиться к отъезду.

— Вот и прекрасно,— сказал Жюэль, твердо решив ни в чем не противоречить дяде.

— Надо узнать, нет ли сейчас в Сен-Мало какого-нибудь судна, отходящего в Порт-Саид.

— Это лучший вид передвижения — лишний день для нас не так уж важен...

¹ Ш а л а н д а — небольшое мелкосидящее несамоходное судно (баржа).

— Конечно, не украдут же у меня мой остров!

— Разве что попадется какой-нибудь отъявленный мошенник! — заметил Трегомен, и эта неуместная реплика заставила дядюшку Антифера снова пожать плечами.

— Жюэль, ты поедешь со мной, — сказал Антифер.

— Хорошо, дядя, — ответил молодой капитан, не отступая от принятого решения.

— И ты тоже, лодочник...

— Я? — вскричал Трегомен.

— Да, ты!..

Эти два слова были сказаны таким повелительным тоном, что добряк Трегомен невольно опустил голову в знак согласия.

А он-то еще надеялся, что в отсутствие Пьера-Сервана-Мало будет развлекать бедную Эногат рассказами о своих путешествиях на «Прекрасной Амелии» по тихим водам Ранса!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой содержится беглое описание поездки
на пароходе «Стирсмен»¹ из Сен-Мало в Порт-Саид*

21 февраля с утренним приливом из Сен-Мало ушел английский пароход «Стирсмен», приписанный к порту Кардифф. Это был угольщик водоизмещением в девятьсот тонн, специально предназначенный для перевозки каменного угля из Ньюкасла в Порт-Саид. Обычно этот пароход не останавливался в промежуточных портах. Но на этот раз легкая авария — небольшая течь в конденсаторах — заставила его остановиться для ремонта. Однако, вместо того чтобы идти в Шербур, капитан сделал крюк в сторону Сен-Мало, решив повидаться с одним своим старым другом. Через сорок восемь часов пароход опять вышел в море, оставив позади, в тридцати милях к северо-востоку, мыс Фрезль. Тут-то мы и обращаем внимание читателей на английский пароход.

А почему нас интересует именно «Стирсмен», а не какое-нибудь другое судно, когда сотни угольщиков курси-

¹ «Стирсмен» (англ. steersman) — рулевой.

руют по Ла-Маншу, развозя по всем частям света плоды каменноугольных недр Соединенного Королевства?¹

Почему? Да потому, что на борту «Стирсмена» находится дядюшка Антифер, а с ним — его племянник Жюэль и верный друг Жильдас Трегомен.

Какая причина побудила их занять место на борту угольщика, вместо того чтобы расположиться с большим комфортом в вагоне железнодорожной компании?

Черт возьми! Когда дело идет о путешествии ради ста миллионов, кому придет в голову считаться с дорожными расходами? Было бы просто смешно не воспользоваться всеми удобствами и высчитывать, сколько это будет стоить!

И дядюшка Антифер, наследник богатейшего Камильк-паши, конечно, так бы и поступил, если бы ему не представился случай проделать путешествие в исключительно приятной обстановке.

Капитан Сип, командовавший «Стирсменом», был давним знакомым дядюшки Антифера. Поэтому во время стоянки в Сен-Мало англичанин не упустил случая навестить малуинца и, само собой разумеется, в доме на улице От-Салль встретил радушный прием. Узнав, что Антифер собирается в Порт-Саид, капитан Сип предложил ему за умеренную плату совершить переезд на борту «Стирсмена». Это было хорошее судно, делавшее одиннадцать узлов² в тихую погоду; ему требовалось не более тринадцати или четырнадцати дней, чтобы покрыть расстояние в пять тысяч пятьсот миль, отделяющее Великобританию от юго-восточного берега Средиземного моря. Правда, «Стирсмен» не был приспособлен для обслуживания пассажиров. Но моряки — люди неприхотливые; всегда можно устроиться в какой-нибудь каюте, а главное — и это представляет известное преимущество — не надо будет пересаживаться с одного корабля на другой.

Понятно, почему дядюшку Антифера соблазнило предложение капитана Сипа. Запереться на долгое время в душном вагоне — нет, это не в его вкусе! Не лучше ли провести две недели на хорошем корабле, наслаждаясь

¹ Соединенное Королевство — официальное название Великобритании.

² Узел — единица скорости корабля, соответствующая одной морской миле, или 1852 метрам в час.

свежим морским ветром, чем в продолжение шести дней задыхаться от дыма и пыли в ящике на колесах?

Такого же мнения был и Жюэль, но иных взглядов придерживался Трегомен, которому приходилось до сих пор плавать только вдоль берегов Ранса. Зная о железных дорогах Западной и Восточной Европы, он надеялся провести в поезде большую часть пути; но друг его решил иначе. Днем раньше, днем позже — не имеет значения; приедут ли они через месяц или через два — остров всегда будет там, где он должен быть. За исключением дядюшки Антифера, Жюэля и Жильдаса Трегомена, ни один человек не знает, где он находится. Сокровищам, которые вот уже тридцать один год, как покоятся в тайнике, помеченном двойным «К», ничего не сделается, если они полежат в том же месте еще несколько недель...

Вот почему Пьер-Серван-Мало, как он ни торопился, ответил согласием на предложение капитана Сипа — не только от своего имени, но и от имени своих спутников, — вследствие чего мы и обратили внимание читателей на угольщик «Стирмен».

И вот дядюшка Антифер, его племянник Жюэль и друг Трегомен поднялись на борт угольщика, захватив с собой солидную сумму золота, зашитого в широком поясе бывшего хозяина «Прекрасной Амелии», великолепный хронометр, секстант искусной работы, старинную книгу «Таблицы исчисления времени»¹, то есть все, что могло понадобиться для будущих наблюдений, и, наконец, кирку и заступ, предназначенные для рытья земли на «острове сокровищ».

Теперь мы можем сказать, что это был великолепный пароход, управляемый опытным командиром, с экипажем, состоящим из двух механиков, четырех кочегаров и двенадцати матросов. Жильдасу Трегомену, привыкшему отвечать только на обольстительные улыбки речных нимф, пришлось совершить над собой усилие, прежде чем он отважился пуститься в открытое море и бросить вызов гневу Нептуна². Но, получив приказание дядюшки Антифера собраться в дорогу и сдать чемода-

¹ Таблицы, показывающие время на разных долготах, применительно к определенному (в данном случае парижскому) меридиану. Такими таблицами пользовались при установлении координат местностей.

² Нептун — у древних римлян бог моря.

ны на борт «Стирсмена», Трегомен выполнил это без всяких возражений.

Уезжающие и провожающие обменялись последними трогательными словами. Жюэль нежно прижал к себе Эногат, Нанон разрывалась между племянником и братом. Жильдаса Трегомена мучила забота — как бы не сжать слишком сильно тех, у кого хватит мужества броситься в его объятия... Наконец последовали обещания, что разлука будет недолгой, что не пройдет и шести недель, как вся семья снова соберется в доме на улице От-Салль... И тогда-то уж они сумеют заставить дядюшку Антифера — вернется он с миллионами или без них — отпраздновать так некстати отложенную свадьбу...

Корабль взял курс на запад. Молодая девушка провожала его взглядом до тех пор, пока мачты не скрылись за горизонтом...

Позвольте! Но почему же в числе пассажиров на «Стирмене» не оказалось двух лиц, отнюдь не маловажных, которые должны были сопровождать наследника Камильк-паши?

В самом деле, ни нотариуса Бен-Омара, ни Саука (выдававшего себя за Назима) не было на борту парохода. Неужели они забыли о дне отъезда?..

Нет! Дело в том, что от египетского нотариуса невозможно было добиться согласия сесть на пароход. Во время своего путешествия из Александрии в Марсель он так сильно страдал от морской болезни, что это недопустимо даже для нотариуса. Поэтому сейчас, когда злая судьба заставляла его ехать в Суэц, а оттуда — неизвестно куда, он дал себе торжественную клятву пользоваться только сухопутными дорогами, если будет хоть малейшая возможность избежать морских путей. Впрочем, Саук против этого не возражал, а дядюшка Антифер отнюдь не жаждал общества Бен-Омара. Он ограничился лишь тем, что назначил нотариусу в конце месяца свидание в Суэце, не сообщив, что из Суэца они двинутся дальше в Маскат... Вот когда бедняге придется испытать на себе гнев и коварство морской стихии!

Условившись с ним о встрече, дядюшка Антифер прибавил:

— Так как ваш клиент уполномочил вас присутствовать в качестве душеприказчика при извлечении клада, присутствуйте. Но, если обстоятельства заставят нас пу-

тешествовать вместе, постараемся держаться в стороне друг от друга, ибо я не испытываю ни малейшего желания завязывать более близкое знакомство ни с вами, ни с вашим клерком!

Столь любезно сформулированное заявление как нельзя лучше характеризует нашего несправимого ма-луинца.

После этого разговора Саук и Бен-Омар покинули Сен-Мало еще до ухода «Стирсмена». Вот почему их не оказалось среди пассажиров капитана Сипа, что, впрочем, ни у кого не вызывало чувства сожаления. Можно не сомневаться, что нотариус, движимый страхом потерять свой процент, если он не будет присутствовать при вскрытии клада, с одной стороны, и полностью подчиненный неумолимой воле Саука — с другой, постарается прибыть вовремя на свидание с дядюшкой Антифером!

Между тем «Стирсмен» шел на всех парах вдоль французских берегов, защищавших его от порывов южного ветра. Благодаря этому не было сильной качки, и Жильдасу Трегомену оставалось только поздравить себя с такой удачей. Он решил использовать путешествие для изучения нравов и обычаев различных стран, в которых, по воле судьбы, ему придется побывать. Но так как он впервые в жизни очутился в открытом море, то больше всего боялся стать жертвой морской болезни. Поэтому он с робостью и любопытством оглядывал линию горизонта, где вода сливается с небом. Этот достойный человек даже не пытался разыгрывать из себя бывалого моряка и не решался ходить по палубе во время боковой или килевой качки. Что и говорить, его ноги, привыкшие к неподвижному настилу габары, быстро потеряли бы точку опоры. Он сидел на юте, уцепившись за бортовую сетку, с видом человека, покорившегося неизбежности, и это вызывало по его адресу оскорбительные шутки безжалостного Пьера-Сервана-Мало.

— Ну, лодочник, как твое здоровье?

— Пока не жалуюсь...

— Э! Э!.. Это еще тихие воды, и, пока мы идем вдоль берега, ты можешь воображать, будто плывешь на своей «Прекрасной Амелии», среди узких берегов Ранса! А вот как задует норд, как море начнет вытряхивать своих блох, вряд ли у тебя появится охота взяться за собственных.

— У меня нет никаких блох, старина.

— Да так только говорится!.. Я представляю себе, каков ты будешь в океане, когда мы выедем из Ла-Манша!..

— Ты думаешь, меня укачает?..

— Могу в этом дать расписку!..

Как видно, у дядюшки Антифера была своеобразная манера успокаивать людей. А потому Жюэль, чтобы исправить плохое впечатление от этого прогноза, сказал:

— Дядя все преувеличивает, господин Трегомен, вы будете чувствовать себя не хуже, чем...

— Чем дельфин?.. Это все, чего я желаю, — ответил Жильдас Трегомен, указывая на этих морских клоунов, резвившихся за кормой «Стирсмена».

К вечеру пароход уже обогнул крайние выступы побережья Бретани. Когда пароход вошел в пролив Фур, защищенный возвышенностями Уэссана, на море не было волнения, хотя и дул встречный ветер. Между восемью и девятью часами вечера пассажиры ушли спать; пароход должен был миновать за ночь мыс Сен-Матьё, Брест, бухту Дуарнене, каменную гряду Сен и повернуть на юго-запад на траверсе¹ Ируаз.

Трегомену приснилось, что он болен, что он при смерти... К счастью, это был только сон. Наступило утро. Хотя корабль и качался с борта на борт, переваливался с носа на корму, то погружаясь в глубокие волны, то вздымаясь на гребень валов, чтобы снова низвергнуться в бездну, Трегомен, не колеблясь, поднялся на палубу. Так как прихотливый случай заставил речного капитана закончить карьеру морским путешествием, он хотел по крайней мере запечатлеть в своей памяти все, что может встретиться на пути.

И вот он показался на последних ступеньках лестницы, ведущей из люка, потом наполовину высунулся оттуда. И кого же он увидел распростертым на решетчатом настиле? Бледного, обессиленного, издающего какие-то странные звуки, похожие на бульканье опоражнивающейся бочки, дядюшку Антифера собственной персоной! Самого Антифера Пьера-Сервана-Мало, измученного до такой степени, насколько может быть измучена хрупкая леди в дурную погоду при переправе через Пад-Кале из Булони в Фолкстон! А какие словечки срыва-

¹ Траверс — направление, перпендикулярное к ходу (курсу) судна.

лись с его уст — и морские и сухопутные! А какие проклятия он изрыгал в промежутках между двумя спазмами, сообразив, глядя на спокойное, румяное лицо своего друга, что тот не испытывает ни малейших признаков морской болезни!

— Тысяча чертей! — кричал дядюшка Антифер. — И кто бы мог подумать?.. Из-за того, что десять лет моя нога не ступала на палубу корабля... я... капитан каботажного плавания... тяжелее переношу качку, чем хозяин какой-то габары...

— Но... я вовсе не чувствую качки, — осмелился произнести Жильдас Трегомен, как всегда добродушно и робко улыбаясь.

— Ты совсем не болен?.. Но почему же ты не болен?..

— Я и сам удивляюсь, старина.

— А между тем твой Ранс несколько не напоминает это море с его собачьим юго-западным ветром!

— Да, несколько не напоминает...

— И вид у тебя такой спокойный...

— Я сам об этом жалею, — ответил Жильдас Трегомен, — ведь ты можешь подумать, что я нарочно тебя злю...

Попробуйте-ка найти такого замечательного, душевного человека в нашем подлунном мире!

Поспешим добавить, что болезнь у дядюшки Антифера оказалась скоропроходящей. Прежде чем «Стирсмен» запеленговал¹ мыс Ортегаль на северо-западной оконечности Испании и пока судно еще продвигалось по водам Бискайского залива, которые смешиваются с яростными волнами Атлантического океана, малуинец, если можно так выразиться, вновь обрел ноги и желудок моряка. С ним случилось то же самое, что случается со многими, даже самыми опытными, мореплавателями, когда они долго не бывают на море. Но самолюбие его было уязвлено совсем по другой причине. Он не мог примириться с тем, что хозяин «Прекрасной Амелии», командир какого-то речного корыта, не потерпел никакого ущерба, в то время как у него, старого морского волка, едва не вывернулись наизнанку внутренности!

Немало трудностей пришлось испытать ночью, когда тяжело нагруженный каменным углем «Стирсмен» про-

¹ Пеленговать — определять при помощи компаса направление на какой-либо предмет.

ходил на траверсе Ла-Коруны и Эль-Ферроля. У капитана Сипа мелькнула даже мысль, не укрыться ли от непогоды в промежуточном порту, и, возможно, он бы так и поступил, если бы этому не воспротивился дядюшка Антифер. Задержки в пути внушали ему беспокойство, так как пакетбот¹, на который он стремился попасть в Суэце, только раз в месяц заходит в Персидский залив. А в период равноденствия всегда можно опасаться сильных бурь. Поэтому лучше было не делать никаких остановок, пока не грозило серьезной опасности.

«Стирсмен» держался на большом расстоянии от подводных рифов испанского побережья. По бакборту² остались бухта Виго с тремя конусообразными вершинами, похожими на сахарные головы, которые указывают вход в бухту, потом живописные берега Португалии. На следующий день по штирборту запеленговали группу Берлэнгских островов, созданных как бы нарочно для того, чтобы установленный в этом месте маяк указывал судам, идущим с моря, на близость континента.

Нетрудно догадаться, что во время этого долгого плавания пассажиры досыта наговорились о предстоящем серьезном деле, о своем необыкновенном путешествии и его предположительных результатах. К дядюшке Антиферу вместе с телесным здоровьем вернулась и его обычная самоуверенность. Широко расставив ноги, оглядывая испытующим взором горизонт, он твердо шагал по палубе и, говоря по правде, тщетно хотел увидеть на спокойном лице своего друга хоть какой-нибудь признак упорно не появлявшейся морской болезни. Не выдержав, он начинал разговор:

— Ну, каков океан?..

— Очень много воды, старина.

— Да... немного больше, чем в твоём Рансе!..

— Несомненно. Но у реки есть тоже своя прелесть... не стоит пренебрегать ею...

— Я и не пренебрегаю, лодочник... я ее презираю..

— По-моему, дядя, — вмешался Жюэль, — ничто не заслуживает презрения, и река имеет свою ценность...

— Так же, как и остров, — добавил Жильдас Трегомен.

¹ Пакетбот — старинный почтово-пассажирский пароход.

² Бакборт — левый борт корабля.

При этих словах дядюшка Антифер наострил уши — было затронуто его самое чувствительное место.

— Конечно, — закричал он, — есть острова, которые смело можно назвать первостепенными!.. Мой, например!

Это притяжательное местоимение указывало на работу, происходившую в мозгу бретонца; ему уже казалось, что остров в Оманском заливе принадлежал ему всегда, а не перешел в его собственность по наследству.

— Кстати, по поводу моего острова, — продолжал он, — ты не забываешь, Жюэль, ежедневно проверять хронометр?..

— Конечно, дядя. Мне редко приходилось встречать такой превосходный механизм!

— А секстант?..

— Будьте спокойны, он не хуже хронометра.

— Что и говорить, за них немало уплачено!

— Если они должны принести сто миллионов, — ловко вставил рассудительный Трегомен, — стоит ли обращать внимание на такие пустяки?..

— Это ты хорошо сказал, лодочник!

И в самом деле, с ценою не считались. Хронометр был выполнен в мастерских Брегета¹, нужно ли говорить, что это был превосходный инструмент! Что касается секстанта, то он не уступал хронометру и при умелом обращении мог показывать угол с точностью до одной секунды. А уж по части обращения с инструментами можно было всецело положиться на молодого капитана. Хронометр и секстант помогут ему с абсолютной точностью определить положение острова.

Но если дядюшка Антифер и его спутники имели все основания доверять этим точным инструментам, то, наоборот, к душеприказчику Камильк-паши, Бен-Омару, они испытывали вполне понятное недоверие. Они часто об этом беседовали, и однажды дядя сказал своему племяннику:

— Не нравится мне этот Омар. Надо за ним внимательнее следить!

— Кто знает, увидим ли мы его в Суэце?.. — с сомнением спросил Трегомен.

¹ Брегет (1747—1823) — известный французский часовщик. Часы, хронометры и различные физические и астрономические инструменты, выходявшие из его мастерской, отличались большой точностью.

— Ну, вот еще! — вскричал дядюшка Антифер. — Если понадобится, он будет нас ждать там недели и месяцы!.. Разве этот мошенник не явился в Сен-Мало с единственной целью украсть мою широту?

— Мне кажется, дядя, вы правы, что не доверяете этому нотариусу из Египта, — сказал Жюэль. — По-моему, он не многого стоит, а его клерк Назим и того меньше!

— Я вполне с тобой согласен, Жюэль, — прибавил Трегомен. — Этот Назим так же похож на клерка, как я...

— ...на первого любовника в театре!¹ — сказал Пьер-Серван-Мало, грызя мундштук своей трубки. — Нет, этот так называемый клерк нисколько не похож на человека, умеющего составлять документы... Теперь я бы не удивился, если бы в Египте обыкновенные переписчики бумаг походили на беев² со шпорами и усами... Плохо, что он не говорит по-французски... Можно было бы заставить его проболтаться...

— Его заставить проболтаться? Поверьте мне, дядя, если уж вы ничего не смогли выжать из нотариуса, то от его клерка вы и подавно ничего не добьетесь! И я считаю, было бы гораздо важнее заняться этим Сауком.

— Каким Сауком?

— Сыном Мурада, двоюродного брата Камильк-паши, который из-за вас лишен наследства...

— Пусть он только попробует стать мне поперек дороги, я его вытяну во всю длину!.. Разве в завещании не все точно сказано? Так чего же он хочет от нас, этот потомок пашей, которому я обрублю все его хвосты!..

— Однако, дядя...

— Э! Я о нем беспокоюсь не больше, чем о Бен-Омаре, и, если этот фабрикант контрактов сделает что-нибудь не так...

— Берегись, старина! — сказал Жильдас Трегомен. — Ты не можешь устранить нотариуса... У него есть право и даже обязанность сопровождать тебя в твоих поисках... ехать с тобой на остров...

— На мой остров, лодочник!..

¹ Имеется в виду традиционная роль героя-любовника в театральных пьесах.

² Бей — титул высших офицеров и чиновников в странах Ближнего и Среднего Востока.

— Да, на твой остров. В завещании это указано точно, и так как ему полагается один процент комиссионных, то есть миллион франков...

— Миллион ударов ногой в зад! — воскликнул вспыльчивый малуинец.

Мысль об огромной премии, которая должна была достаться Бен-Омару, усиливала обычную раздражительность дядюшки Антифера.

Разговор был прерван оглушительными свистками «Стирсмена», проходившего в это время между оконечностью мыса Сан-Винсенти и возвышавшейся неподалеку прибрежной скалой.

Капитан Сип никогда не забывал послать приветствие монастырю, расположенному на верхушке скалы, — приветствие, на которое настоятель монастыря, как всегда, поспешил ответить отеческим благословением: несколько старых монахов показались на плоской возвышенности; сопровождаемый добрыми напутствиями, пароход обогнул мыс и направился к юго-востоку.

Ночью, продолжая следовать вдоль побережья, путешественники увидели огни Кадиса, а затем миновали бухту у мыса Трафальгар. Запеленговав рано утром на юге маяк мыса Спартель, оставив на одинаковом расстоянии по штирборту великолепные холмы Танжера, украшенные мелькающими среди листвы белыми виллами, а по бакборту, позади Тарифы, — цепь холмов, — один выше другого, «Стирсмен» вошел в Гибралтарский пролив.

А дальше, используя средиземноморское течение, капитан Сип быстро повел пароход к марокканскому побережью. Промелькнула Сеута, взгромоздившаяся на скалу, словно испанский Гибралтар; на юго-востоке остался еще один мыс, и через двадцать четыре часа был уже позади остров Альборан.

Пассажиры почувствовали неизъяснимое очарование, когда взорам открылось африканское побережье. Нет ничего более живописного, более разнообразного, чем эта движущаяся панорама: на заднем плане — горная гряда с бесчисленными излучинами у берегов, на переднем — приморские города, неожиданно возникающие между изгибами высоких утесов, в рамке вечной зелени, не знающей зимы в этом мягком морском климате.

Оценил ли Трегомен по достоинству красоты здешней природы и сравнивал ли он их с видами, которыми он

никогда не уставал восхищаться, курсируя вверх и вниз между Динаром и Динаном, по своему любимому Рансу? Что почувствовал он, увидев Оран с его конусообразной вершиной, где как бы повисла в воздухе небольшая крепость, спускающийся амфитеатром Алжир, Стору, затерявшуюся среди величественных скал, Бужу, Филиппвиль, Бон — наполовину современный, наполовину античный город, укрытый в глубине залива? Одним словом, какие чувства переполняли душу Жильдаса Трегомена при виде этого великолепного побережья, открывавшегося его взорам? В его жизни это были исторические минуты, нигде не зафиксированные.

Почти на траверсе Ла-Каль, удаляясь от тунисского берега, «Стирсмен» взял направление к мысу Бон. Вечером 5 марта на фоне резкого белого неба, в тот момент, когда солнце пряталось в густом тумане, на одну минуту показались возвышенности Карфагена. Уже ночью, обогнув мыс Бон, пароход вступил в воды восточной части Средиземного моря, где уже начинались левантийские области.

Погода благоприятствовала плаванию. Иногда налетали внезапные порывы ветра, но за ними вскоре наступало прояснение, и перед глазами снова возникал чистый горизонт. И вот в один из таких моментов показался игольчатый пик Пантеллерия. Этот старый потухший вулкан в один прекрасный день может снова проснуться. Вообще же морское дно в тех местах, начиная от мыса Бон и до греческого архипелага, вулканического происхождения. Появившиеся здесь острова — Санторин и множество других — со временем, быть может, образуют новый архипелаг.

Поэтому у Жюэля были все основания сказать своему дяде:

— Какое счастье, что Камильк-паша не выбрал один из этих островов в качестве кладовой для своих сокровищ.

— Да, это счастье... большое счастье! — ответил дядюшка Антифер.

И он даже побледнел при мысли, что его остров мог подняться с морского дна, беспрестанно меняющего свой рельеф под влиянием вулканических сил. К счастью, Оманский залив застрахован от подобных случайностей. Там не бывает подземных толчков, и остров должен ока-

заться именно в том месте, какое показывают его географические координаты.

Миновав острова Гоццо и Мальту, «Стирсмен» стал приближаться к египетским берегам.

Капитан Сип издали увидел Александрию. Обогнув дельту Нила, веерообразно развернувшуюся сетью каналов и протоков между Розеттой и Дамьеттой, утром 7 марта угольщик дал сигнал прибытия в Порт-Саид.

В то время шло строительство Суэцкого канала. Открыт он был для навигации только в 1869 году. Поэтому пароход должен был остановиться в Порт-Саиде. Это город с европейскими домами, с дачами, увенчанными остроконечными крышами, с фантастическими виллами, возникшими под французским влиянием вдоль узкой песчаной отмели, зажатой между морем, каналом и озером Манзала. Землю, полученную от рытья канала, частично употребили на засыпку болот, частично на возведение облицованной камнем насыпи. В Порт-Саиде есть все: церковь, госпиталь, верфь. Живописные постройки выходят фасадом на Средиземное море, а озеро усеяно зелелеющими островками, между которыми скользят рыбацьи лодки. Небольшой рейд в двести тридцать гектаров защищен двумя плотинами; одна из них — западная, с маяком — достигает трех тысяч пятисот метров; другая — восточная — значительно короче. Длина ее семьсот метров.

Дядюшка Антифер и его спутники расстались с капитаном Сипом, сердечно поблагодарив его за оказанный прием. На следующий день все трое сели в поезд железной дороги, связывавшей тогда Порт-Саид и Суэц.

Какая досада, что канал еще не был закончен! Жюэлю было бы очень интересно достичь Суэца водным путем, а Жильдас Трегомен мог бы вообразить, что находится между берегами Ранса, хотя вид у озер Амера и Исмаилы менее бретонский, чем у Динана, и более восточный, чем у Динара.

Ну, а дядюшка Антифер?.. Какое впечатление произвели на него все эти чудеса? По совести говоря, они его несколько не интересовали — ни созданные природой, ни обязанные своим происхождением человеческому гению. Для него в целом мире существовала только одна точка — островок в Оманском заливе, который, как блестящий металлический предмет, гипнотизировал его...

Он ничего не хотел видеть в Суэце — городе, занимающем ныне такое важное место в географической номенклатуре. Но зато он сразу же заметил при выходе из вокзала двух человек. Один из них проявил утонченную вежливость, тогда как другой держался с чисто восточным достоинством.

Это были Бен-Омар и Назим.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой Жильдас Трегомен заявляет, что его друг Антифер близок к умопомешательству

Итак, душеприказчик Камильк-паши нотариус Бен-Омар и его клерк явились на условленное свидание. Они ни за что бы его не пропустили! Ведь прошло уже несколько дней, как они приехали в Суэц, и легко себе представить, с каким нетерпением ожидали они встречи с малуинцем!

По знаку дядюшки Антифера, Жюэль и Жильдас Трегомен замерли на месте. Все трое ловко притворились, будто так увлечены разговором, что ничто другое их не интересует.

Бен-Омар приблизился к ним, приняв свою обычную угодливо-подобострастную позу.

Никто даже виду не подал, что замечает его присутствие.

— Итак, господин... — осмелился произнести нотариус самым елейным голосом, на какой он только был способен.

Дядюшка Антифер повернул голову и окинул его равнодушным взглядом, словно увидел впервые.

— Господин... это я... это я... — повторял нотариус, отвешивая поклоны.

— Кто... вы?..

Понять это можно было только так: на кой черт ты мне сдалась, египетская мумия, вылезшая из своего ящика?

— Но... это же я... я... Бен-Омар... нотариус из Александрии... неужели вы меня не узнаете?..

— Разве мы знакомы с этим господином? — спросил Пьер-Серван-Мало и подмигнул своим спутникам, грызя кремневый чубук.

— Мне кажется,— ответил Жильдас Трегомен, в котором растерянность нотариуса возбудила жалость,— это господин Бен-Омар, с которым мы уже имели удовольствие встречаться...

— В самом деле... в самом деле...— сказал дядюшка Антифер, словно стараясь воскресить в памяти что-то очень далекое и давно минувшее.— Да, да, кажется, вспоминаю... Бон-Омар... или Бен-Омар?..

— С вашего разрешения — Бен-Омар...

— Ну, итак... что вы здесь делаете?..

— Как... что я здесь делаю? Я жду вас, господин Антифер.

— Вы ждете меня...

— Ну конечно!.. Разве вы забыли?.. Свидание, назначенное в Суэце...

— Свидание? А зачем? — ответил малунец, так превосходно разыграв сцену удивления, что сумел провести даже многоопытного нотариуса.

— Как — зачем?.. А завещание Камильк-паши... Этот остров... и завещанные миллионы...

— Мне кажется, вы могли бы сказать, что это мой остров.

— Да... ваш остров... Я вижу, память к вам возвращается... и, так как завещание вменяет мне в обязанность...

— Так и будет, господин Бен-Омар... Доброе утро! Доброе утро!

И, не сказав «до свидания», он движением плеч дал понять Жюэлю и Трегомену, чтобы они следовали за ним.

Они уже удалялись от вокзала, когда нотариус снова к ним подбежал.

— Где вы думаете остановиться в Суэце? — спросил он.

— В какой-нибудь гостинице,— ответил дядюшка Антифер.

— Не подойдет ли вам та гостиница, в которой я остановился с моим клерком Назимом?

— Та или другая, это совершенно безразлично... Для тех сорока восьми часов, что мы здесь проведем...

— Сорока восьми часов? — переспросил Бен-Омар с нескрываемым беспокойством.— Разве вы еще не достигли конечной цели своего путешествия?..

— Ни в коем случае,— ответил дядюшка Антифер,— нам предстоит еще плавание...

— Плавание?! — воскликнул нотариус и так изменился в лице, будто палуба корабля уже качалась у него под ногами.

— Да, плавание, которое мы совершим на борту пакетбота «Оксус», отходящего в Бомбей...

— В Бомбей!..

— ...и который послезавтра уходит из Суэца. Я приглашаю вас принять участие в поездке, так как ваше общество нам навязано...

— Где же этот остров?.. — с жестом отчаяния спросил нотариус.

— На своем месте, господин Бен-Омар.

Затем дядюшка Антифер, сопровождаемый Жюэлем и Трегоменом, отправился в ближайшую гостиницу, куда вскоре был доставлен и их легкий багаж.

Минутой позже Бен-Омар вернулся к Назиму. Наблюдательный человек мог бы заметить, как непочтительно встретил нотариуса так называемый клерк. Ах! Если бы не этот процент, который ему полагается с миллионов, если бы не страх, который ему внушал Саук, с какой бы радостью послал он к черту и наследника, и это завещание Камильк-паши, и этот неведомый остров, в поисках которого нужно преодолевать моря и континенты!..

...Если бы нашему малуинцу сказали, что арабами Суэц некогда назывался Суейс, а египтянами — Клеопатрис, он бы не задумываясь ответил:

«Для моих дел совершенно безразлично, как его называли раньше!»

Этому нетерпеливому человеку даже в голову не приходило осмотреть, скажем, мечети — старинные здания, не отличающиеся, впрочем, особым своеобразием, две или три площади, из коих самая любопытная — хлебный базар, дом, обращенный фасадом к морю, служивший резиденцией генералу Бонапарту.

Но Жюэль, в отличие от дядюшки Антифера, решил употребить свободное время на осмотр этого малопривлекательного, невзрачного и грязного города, в котором насчитывается пятнадцать тысяч жителей.

Молодой капитан вместе с Жильдасом Трегоменом успел обойти за два дня все улицы и закоулки и обследовать Суэцкий рейд, где не менее пятисот кораблей мог-

ли бы найти удобную якорную стоянку, не рискуя сесть на мель, так как глубина рейда достигает шестнадцати — двадцати метров, и надежное укрытие от преобладающих здесь в любое время года северо-западных ветров.

Благодаря железной дороге, соединяющей Каир и Александрию, Суэц вел морскую торговлю еще до того, как было решено построить канал. По своему положению в глубине одноименного залива, который вдается на сто восемьдесят шесть километров в материк, между египетским побережьем и Синайским полуостровом, Суэц господствует на Красном море и пусть медленными шагами, но уверенно идет к расцвету.

Но, еще раз скажем, все это ни в малейшей степени не интересовало дядюшку Антифера. В то время как оба его спутника бродили по городу, он почти не покидал великолепного пляжа, превращенного в место для прогулок. Правда, дядюшка Антифер чувствовал, как за ним неотступно следят то Назим, то Бен-Омар. Хотя они не приближались к нему, но не спускали с него глаз. Впрочем, он делал вид, будто ничего не замечает. Погруженный в свои неотвязные думы, малуинец сидел на скамье, буравя взглядом горизонт Красного моря и как бы стараясь увидеть то, что недоступно взору. Иногда его воображение настолько подчинялось навязчивой идее, что ему начинало казаться: он видит остров... его остров... возникающий в туманной дали... там, на юге... Это был своего рода мираж, так часто появляющийся у этих песчаных берегов, — чудесный феномен, обманывающий зрение.

Утром 11 марта пакетбот «Оксус» закончил наконец приготовления к отплытию и погрузил уголь, необходимый для перехода через Индийский океан, включая обычные стоянки в промежуточных портах.

Не следует удивляться, что дядюшка Антифер, Жильдас Трегомен и Жюэль уже на рассвете прибыли на пакетбот, опередив Бен-Омара и Саука.

Этот большой пакетбот, в основном предназначенный для коммерческих грузов, был приспособлен и для перевозки пассажиров, большей частью следовавших в Бомбей; лишь немногие должны были высадиться в Адене и Маскате.

К одиннадцати часам утра «Оксус» снялся с якоря и вышел на длинный фарватер Суэца. Поднялся довольно

свежий северо-западный ветер, имевший тенденцию перейти в западный. Так как из-за частых остановок путешествие должно было продлиться не меньше двух недель, Жюэль заказал каюту с тремя выдвижными койками, предназначенными для послеобеденного или ночного сна.

Само собой разумеется, что Саук и Бен-Омар заняли другую каюту, из которой нотариус выходил весьма редко и очень ненадолго. Дядюшка Антифер, твердо решив свести до минимума общение между обеими сторонами, объявил об этом злополучному нотариусу со свойственной ему деликатностью белого медведя:

— Господин Бен-Омар, мы путешествуем вместе, это решено, но каждый идет своей дорогой. Я пойду по моей, вы — по вашей... Достаточно того, что вы засвидетельствуете мое вступление во владение наследством, и basta! А затем, я надеюсь, мы будем иметь удовольствие никогда больше не встречаться ни на этом, ни на том свете!..

Пока «Оксус» спускался вдоль залива, защищенного возвышенностями перешейка, плавание было так же спокойно, как по озеру. Но, когда он вышел в Красное море, ветры, налетающие из аравийских пустынь, встретили его довольно сурово. Началась такая сильная бортовая качка, что заболело большинство пассажиров. Назима, по-видимому, качка беспокоила не больше, чем дядюшку Антифера и Жюэля, и не больше, чем Жильдаса Трегомена, реабилитировавшего в своем лице корпорацию моряков пресных вод. Что же касается нотариуса, то никаким пером не описать то жалкое состояние, до которого он дошел. Он ни разу не показался ни на палубе, ни в салоне, ни в столовой. Вообще его никто не видел за все время плавания, и только из-за двери каюты доносились его жалобные стоны. Действительно, для него было бы гораздо лучше превратиться на время путешествия в настоящую мумию... Славный Трегомен, чувствовавший сострадание к несчастному, навещал его несколько раз, что никого не удивляло, так как все знали доброту и отзывчивость этого человека. А дядюшка Антифер, не простивший Бен-Омару попытки похитить его широту, только пожимал плечами, когда Жильдас Трегомен пробовал разжалобить его и вызвать сочувствие к несчастному больному.

— Ну что, лодочник,— говорил он Трегомену, грызя

свой чубук и перекатывая его из стороны в сторону, — вывернуло твоего Омара наизнанку?..

— Почти.

— С чем тебя и поздравляю!

— Старина, неужели ты не наведишь его... хоть один разок?..

— Конечно, лодочник, конечно!.. Я непременно навещу его... когда от Омара останется одна скорлупа!

Ну как можно говорить серьезно с человеком, который так отвечает и при этом заливается смехом!

Но если потариус во время плавания никому не документал своим присутствием, то его клерк Назим часто вызывал в дядюшке Антифере вполне законное раздражение. Нельзя сказать, что Назим навязывал ему свое присутствие... Нет! Да и зачем ему было это делать, раз они не могли беседовать: ведь считалось, что Назим не знает французского языка... Но мнимый клерк всегда оказывался рядом; он подглядывал исподтишка за малуинцем, словно выполняя поручение своего патрона. С каким бы наслаждением дядюшка Антифер вышвырнул его за борт!.. Конечно, если допустить, что египтянин был таким человеком, который потерпел бы подобное обращение с собой.

Переход по Красному морю был труден, хотя еще и не наступила невыносимая жара. В это время, как известно, работу у паровых котлов могут выдержать одни арабы — только они обладают способностью переносить такую жару, при которой в несколько минут сваривается яйцо.

15 марта «Оксус» достиг наиболее узкого места Баб-эль-Мандебского пролива. Оставив по бакборту английский остров Перим, три француза приветствовали флаг своей родины, развевающийся над крепостью Обок на африканском берегу¹. Затем пароход вышел на морской простор Аденского залива и направился к порту, носящему то же название. Здесь должны были высадиться несколько пассажиров.

Аден — еще один ключ в связке ключей Красного моря, висящей на поясе Великобритании, этой хлопотливой, вечно озабоченной хозяйки! Благодаря острову Перим, превращенному ею во второй Гибралтар, она держит в своих руках вход в этот коридор длиною в шестьсот лье,

¹ Имется в виду берег Французского Сомали.

ведущий в Индийский океан. Хотя гавань Адена понемногу заносит песком, она располагает, однако, обширной и удобной якорной стоянкой на восточной стороне, а на западной — таким хорошим доком, что в нем может укрыться целый флот. Англичане обосновались в Адене с 1823 года. Этот город, процветавший еще в XI и XII веках, как бы самой судьбой был предназначен для того, чтобы стать огромным складом, куда стекались товары из далеких восточных стран.

К тридцати тысячам жителей Адена в тот вечер прибавилось еще три человека — три француза. В течение двадцати четырех часов Франция была представлена здесь тремя отважными малуинцами.

Дядюшке Антиферу и в голову не приходило сойти с пакетбота. Он проводил время, бранясь из-за этой случайной стоянки, которая, к его величайшему негодованию, сделала возможным появление на палубе «Окуса» нотариуса Бен-Омара. Но в каком виде! О боже! У него едва хватило сил дотащиться до юта.

— А! Это вы, господин Бен-Омар? — произнес Пьер-Серван-Мало с напускной серьезностью. — Ба! А ведь я вас не узнал!.. Вряд ли вы дотянете до конца путешествия!.. На вашем месте... я бы остался в Адене...

— Я бы и сам этого хотел! — пролепетал несчастный, и голос его был тих, как легкое дуновение ветерка. — Несколько дней отдыха могли бы меня поставить на ноги... и если бы вы согласились подождать следующего пакетбота...

— Очень жаль, господин Бен-Омар, но я тороплюсь вручить вам кругленькую сумму, которая вам причитается, и, к величайшему моему огорчению, не могу задерживаться в пути!

— А еще далеко?

— Больше чем далеко! — ответил дядюшка Антифер, описав рукой дугу совершенно немыслимого диаметра.

Вслед за тем Бен-Омар, тащась, как лангуста¹, добрался до своей каюты, надо полагать, не очень ободренный этим коротким разговором.

Жюэль и Трегомен вернулись к обеду на пакетбот и, конечно, не стали делиться с Антифером своими впечат-

¹ Лангуста — большой морской рак с твердым панцирем, без клешней; водится в Средиземном море и Атлантическом океане.

лениями от посещения Адена — он все равно не стал бы их слушать.

На следующий день, после полудня, «Оксус» вышел в море и никак не мог похвастать приемом индийской Амфитриты¹ — Жильдас Трегомен произносил: «Амфитрионты». Богиня была своенравна, капризна, раздражительна, и это дало себя знать на борту парохода. Лучше и не думать о том, что происходило в каюте Бен-Омара! Если бы его вынесли на палубу завернутым в одеяло и захотели бросить с ядром на ногах в объятия упомянутой богини, вряд ли у него хватило бы сил воспротивиться преждевременной погребальной церемонии.

Погода улучшилась только на третий день, когда потянул северо-восточный ветер, что дало возможность пакетботу укрыться у Хадрамаутского берега².

Нетрудно догадаться, что если Саук безболезненно переносил все превратности плавания и не чувствовал физических страданий, то совсем иным было его моральное состояние. Зависеть от какого-то проклятого француза, не иметь возможности вырвать у него тайну острова, быть вынужденным следовать за ним до... до тех пор, пока он не остановится!.. Будет ли это в одном из портов, лежащих на пути «Оксуса» — в Маскате, Сурате или Бомбее?.. Не поплывет ли малуинец дальше, через Ормузский пролив, если он намерен высадиться в Маскате?.. А вдруг целью путешествия окажется один из бесчисленных островков Персидского залива, где Камильк-паша мог зарыть свои сокровища?..

Из-за этого неведения, из-за этой неопределенности Саук все время находился в состоянии крайнего раздражения. Он с радостью вырвал бы эту тайну из самого путра Антифера! Сколько раз он старался уловить хотя бы несколько слов из разговоров, которые вели между собой французы! Они-то ведь считали, что он не понимает их языка, и могли бы не остерегаться в его присутствии!.. Но все его ухищрения оказывались тщетными... Как раз этот мнимый клерк и вызывал у малуинцев особое недоверие. В его внешности было что-то отталкивающее, внушавшее отвращение. Это бессознательное,

¹ Амфитрита — в греческой мифологии нимфа, супруга бога моря Посейдона.

² Хадрамаут — историческая область в британском протекторате Аден.

инстинктивное чувство испытывали в равной мере и дядюшка Антифер и его спутники. При виде Саука они тотчас же удалялись, и это его еще больше злило.

Утром 19 марта «Оксус» остановился на двенадцать часов у арабского берега в Марбате. Затем он направился своим курсом вдоль берегов Омана, поднимаясь к Маскату. Через два дня он обогнет мыс Рас-эль-Хад. Пройдет еще двадцать четыре часа — «Оксус» бросит якорь в порту столицы имамата, и дядюшка Антифер достигнет цели своего путешествия.

Да и пора бы ему уже прибыть к месту назначения! По мере приближения Маската малуинец становился все более замкнутым и угрюмым. Всем своим существом он стремился к своему желанному острову, к этому источнику золота и алмазов, который перешел в его безраздельную собственность. Мысленным взорам Антифера открывалась пещера Али-Бабы, переданная ему во владение завещанием Камильк-паши, вздумавшего повторить феерию из «Тысячи и одной ночи».

— Знаете,— сказал он в тот день своим спутникам,— если богатство этого доброго малого, этого египтянина,— он говорил о нем с такой фамильярностью, как племянник о своем американском дядюшке, оставившем ему наследство,— ...если это богатство состоит из золотых слитков, я могу попасть в затруднительное положение, когда придется увозить его в Сен-Мало.

— Я вам сочувствую, дядя,— ответил Жюэль.

— Мне думается, мы найдем выход,— осмелился вставить свое замечание Жильдас Трегомен,— если наполним золотом наши чемоданы, карманы и даже шляпы.

— Ты рассуждаешь, как лодочник! — воскликнул дядюшка Антифер.— Он воображает, что миллион золотом можно захватить под мышку!

— Я думал, старина, что...

— Разве тебе приходилось когда-нибудь видеть целый миллион, да еще золотом?

— Никогда... даже во сне!

— И ты не знаешь, сколько он весит?..

— Понятия не имею.

— Ну, а я знаю, лодочник, потому что я не поленился подсчитать.

— Так скажи.

— Слиток золота стоимостью в миллион весит приблизительно триста двадцать два килограмма...

— Не больше? — наивно спросил Жильдас Трегомен.

Дядюшка Антифер искоса взглянул на него. Удостоверившись, что это замечание было сделано без всякой тени иронии, он почувствовал себя обезоруженным.

— Но,— продолжал он,— если один миллион весит триста двадцать два килограмма, то сто миллионов весят тридцать две тысячи двести...

— Э-э!..— произнес Трегомен.— Уж ты скажешь!

— А знаешь ли ты, сколько понадобится людей, чтобы перенести эти сто миллионов, если каждый человек возьмет по сто килограммов?

— Ну, говори же, старина...

— Триста двадцать два человека! А так как нас только трое, можешь себе вообразить, какие затруднения возникнут на моем острове! К счастью, мои сокровища состоят главным образом из алмазов и драгоценных камней.

— А ведь дядя и в самом деле прав,— подтвердил Жюэль.

— И я скажу,— добавил Трегомен,— что этот милейший Камильк-паша неплохо все устроил.

— О да! — воскликнул дядюшка Антифер.— Алмазы легко будет сбыть с рук ювелирам Парижа или Лондона... Какая продажа, друзья мои, какая продажа!.. Но, разумеется, я продам не все... нет, не все!

— Ты продашь только часть?

— Да, лодочник, да! — ответил дядюшка Антифер, причем лицо его судорожно подергивалось, а глаза метали молнии.— Да!.. Прежде всего, один я оставляю себе... один алмаз в миллион франков... буду носить его на рубашке.

— На рубашке! — повторил Жильдас Трегомен.— Ты будешь просто ослепителен! На тебя невозможно будет глядеть...

— Второй — для Эногат,— продолжал дядюшка Антифер.— От такого камешка она еще больше похорошеет...

— Вряд ли, дядя. Разве можно быть красивее, чем она сейчас? — поспешил прервать его Жюэль.

— Ладно, племянничек, ладно... Ну, а третий алмаз будет для моей сестры!

— Для нашей славной Нанон! — воскликнул Жильдас Трегомен. — Она будет разукрашена, как пречистая дева, что на улице Поркон де ла Барбине!.. Послушай, ты, наверное, хочешь, чтобы кто-нибудь к ней снова по-сватался?

Пожав плечами, дядюшка Антифер продолжал:

— Четвертый алмаз предназначен для тебя, Жюэль. Хороший камень. Ты будешь носить его на груди в виде булавки...

— Спасибо, дядя.

— И пятый тебе, лодочник!

— Мне?.. Разве что посадить его на форштевень¹ «Прекрасной Амелии»...

— Нет, лодочник... ты его наденешь на палец... Он будет в кольце... в широком перстне...

— Алмаз на моей толстой красной лапе!.. Это мне подойдет, как носки францисканцу², — возразил Трегомен, показывая огромную руку, пригодную скорее смолить перлинь³, чем выставлять напоказ кольца.

— Ничего не значит, лодочник! Не исключена возможность, что ты еще встретишь женщину, которая захочет...

— Кого ты имеешь в виду, старина?.. Есть, правда, одна красивая вдова, бакалейщица из Сен-Сервана...

— Бакалейщица!.. Бакалейщица!.. — закричал на него дядюшка Антифер. — Представляешь ли ты себе, с каким видом она войдет, твоя бакалейщица, в наш семейный круг, после того как Эногат выйдет замуж за принца, а Жюэль женится на принцессе!..

На этом разговор оборвался, и молодой капитан только вздохнул при мысли, что его дядя все еще носит свои вздорные мечты... Как внушить ему здравые мысли, если, к несчастью — да, именно к несчастью, — он станет обладателем миллионов!

— Положительно он сойдет с ума, и очень скоро, если так будет продолжаться, — сказал Жильдас Трегомен Жюэлю, когда они остались вдвоем.

— И я этого опасаюсь! — ответил Жюэль, глядя на своего дядю, который бормотал что-то себе под нос.

¹ Форштевень — носовая оконечность судна.

² Францисканцы — нищенствующие католические монахи.

³ Перлинь — корабельный пеньковый канат толщиной в 10—15 сантиметров.

Двумя днями позднее, 22 марта, «Оксус» прибыл в порт Маскат, и трое матросов вынесли Бен-Омара из каюты. На кого он был похож!.. Это был скелет... или, вернее, мумия, потому что кожа еще держалась на костях злополучного нотариуса!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Саук решает пожертвовать одной половиной сокровищ Камилк-паши, чтобы обеспечить себе вторую

Когда Жюэль, по просьбе Жильдаса Трегомена, показал ему на карте точку, где находится Маскат, тот просто не поверил своим глазам. Бывший владелец «Прекрасной Амелии», плававший, как мы знаем, только по Рансу, попал в такую даль... в такую даль... к берегам Азиатского континента!

— Итак, Жюэль, мы на самом краю Аравии? — спросил Трегомен, укрепляя очки на носу.

— Да, господин Трегомен, на юго-восточной оконечности Аравийского полуострова.

— А этот залив, похожий на воронку...

— Это Оманский залив.

— А другой, похожий на баранью ногу?

— Это Персидский залив.

— А пролив, который их соединяет?

— Это Ормузский пролив.

— А островок нашего друга?

— Он должен быть где-то в Оманском заливе.

— Если он вообще существует! — заметил Трегомен, предварительно удостоверившись, что дядюшка Антифер не может его услышать.

Маскатский имамат, расположенный между пятьдесят третьим и пятьдесят седьмым меридианами и между двадцать второй и двадцать седьмой параллелями, простирается на пятьсот сорок километров в длину и на двести восемьдесят — в ширину. Сюда следует прибавить еще полосу персидского берега от Ларистана до Могистана, часть побережья Ормуза и Кистрима; кроме того, ту часть Африки, которая тянется от экватора до мыса Дельгаду с Занзибаром, Малинди, Софалой. Если все это соединить вместе, то окажется, что владения имама

занимают пятьсот тысяч квадратных километров — без малого площадь Франции. Десять миллионов жителей по национальному признаку делятся на арабов, персов, индийцев, евреев и негров, которых здесь большинство. Следовательно, имам является властителем, заслуживающим некоторого внимания.

Поднимаясь по Оманскому заливу в направлении Маската, «Оксус» шел мимо бесплодного пустынного побережья, окаймленного высокими отвесными скалами, напоминающими развалины феодальных замков. Немного позади возвышалось несколько округлых холмов, достигающих пятисот метров высоты: это были первые отроги горной цепи Джебель-Ахбар, которая возносится на три тысячи футов над уровнем моря. Нет ничего удивительного в том, что эта страна так бесплодна, — ведь она не орошается ни одной сколько-нибудь полноводной рекой. И все же шестьдесят тысяч жителей обеспечены продуктами питания благодаря окрестностям столицы. Вокруг Маската в изобилии произрастают виноград, манго¹ персики, фиги², гранаты, арбузы, лимоны, кислые и сладкие, и особенно финики! Финиковая пальма — самое ценное дерево арабских земель. По количеству финиковых пальм здесь судят о доходах поместья и говорят: «Имение в три или четыре тысячи финиковых пальм», как во Франции говорят: «Участок в двести или триста гектаров».

Имамат — это прежде всего торговое государство, потому что имам является не только верховным властителем и мусульманским первосвященником, но и главным купцом своей страны. В его государстве насчитывается не менее двух тысяч судов водоизмещением тридцать семь тысяч тонн. Военный флот состоит из ста кораблей, вооруженных несколькими сотнями пушек. В армии числится двадцать пять тысяч человек. Что касается доходов имама, то они достигают двадцати трех миллионов франков. Владея пятью кораблями, он пользуется еще правом реквизировать корабли своих подданных для

¹ Манго — сладкие, ароматные плоды мангового дерева, растущего в тропических странах. Плоды манго желто-оранжевого цвета, величиной с яблоко.

² Фиги — деревья семейства тутовых, иначе — смоковницы. Плоды этого дерева обычно называют инжиром, а в сушеном виде — винными ягодами.

личных нужд, и это позволяет ему вести торговые дела с большим размахом.

В конечном счете имам — неограниченный властитель государства, в 1507 году завоеванного д'Албукерки, а затем сбросившего с себя португальское иго¹. Вернув сто лет назад свою независимость, Маскат нашел поддержку у англичан², которые несомненно надеются после Испанского Гибралтара, Аденского Гибралтара, Перимского Гибралтара создать еще и Гибралтар в Персидском заливе. Эти упорные англо-саксы намерены, как видно, «гибралтаризовать» все проливы, имеющиеся на земном шаре.

Интересно, прежде чем покинуть Францию, собрали ли дядюшка Антифер и его спутники какие-нибудь сведения о Маскате с точки зрения политической, промышленной и торговой?

И не подумали даже!

Могла ли их интересовать эта страна?

Никким образом, так как внимание их было приковано только к одному из островков в заливе.

Но не воспользуются ли они случаем познакомиться хотя бы в общих чертах с современным положением этого государства?

Да, поскольку они решили связаться с официальным представителем Франции в этом уголке Аравии.

Разве в Маскате есть французский резидент?³

Да, после договора, заключенного в 1841 году между имамом и французским правительством.

А для чего нужен здесь официальный представитель Франции?

Для того, чтобы давать необходимые справки своим соотечественникам, когда они попадают по воле случая на побережье Индийского океана.

¹ А ф ф о н с у д'А л б у к е р к и (1453—1515) — португальский завоеватель, положивший начало недолговечной колониальной империи португальцев в Индии. Маскат освобожден от португальского ига в 1650 году.

² С 1800 года Маскат стал резиденцией английского политического агента. С того времени власть в Омане фактически перешла в руки англичан. Маскат до сих пор является главным городом английского протектората — султаната Оман в Аравии.

³ Р е з и д е н т — гражданин какой-либо страны, постоянно проживающий в иностранном государстве и выполняющий дипломатические поручения.

Пьер-Серван-Мало почел за благо нанести визит французскому резиденту. И в самом деле, местной полиции, прекрасно организованной и вследствие этого весьма подозрительной, показалось бы по меньшей мере странным прибытие в Маскат трех французов, если бы последние не смогли убедительно объяснить цель своего путешествия. Само собой разумеется, они не собирались раскрывать свои карты.

После сорокавосьмичасовой стоянки в Маскате «Оксус» должен был направиться дальше в Бомбей. Дядюшка Антифер, Трегомен и Жюэль немедленно сошли на берег. На Бен-Омара и Назима они, конечно, не обращали никакого внимания. Нотариусу и его клерку предоставлялась полная возможность следовать по стопам французов и присоединиться к ним не раньше, чем начнуты поиски острова в Оманском заливе.

Дядюшка Антифер во главе шествия, Жюэль посередине, Жильдас Трегомен в арьергарде, поспешая за проводником, устремились к английскому отелю через площади и улицы современного Вавилона¹.

Их багаж следовал за ними. Как заботились они о купленных в Сен-Мало секстанте и хронометре, особенно о хронометре! Даже святые дары² под балдахином не могли быть несомы с большим благоговением или, лучше сказать, усердием, какое проявлял дядюшка Антифер, пожелавший лично нести хронометр. Подумать только: инструмент, который поможет определить долготу знаменитого острова! С какой пунктуальностью заводили его каждый день! Каких только не принимали мер предосторожности, чтобы уберечь его от толчков, могущих отразиться на точности хода. Ни один муж не стал бы так заботиться о своей жене, как заботился наш малуинец об этом инструменте, который должен был сохранять парижское время.

Высадившись в Маскате, Трегомен был так удивлен, видя себя здесь, как мог бы удивиться генуэз-

¹ В а в и л о н — название древнего города, жители которого, по библейскому преданию, хотели построить башню до небес, но бог якобы смешал языки строителей, и башня осталась недостроенной. Слово «Вавилон» употребляется в фигуральном смысле: многолюдный город с разноразличным населением.

² Несение «святых даров» — одна из церемоний, предписанных христианским вероучением.

ский дож, если бы внезапно очутился при дворе Людовика XIV.

Выбрав себе комнаты в отеле, наши путешественники отправились затем к французскому резиденту. Тот был приятно поражен, увидев трех соотечественников на пороге своего дома.

Это был провансалец лет пятидесяти, по имени Жозеф Бард. Он торговал хлопком, мануфактурой, индийскими шальями, китайскими шелками, тканями, шитыми золотом и серебром,— словом, товарами, пользующимися большим спросом у богатых людей Востока.

Когда француз приходит к французу, а тот к тому же еще уроженец Прованса, знакомство завязывается быстро и добрые отношения устанавливаются незамедлительно.

Обменявшись с гостями рукопожатиями и предложив им прохладительные напитки, хозяин спросил, какова цель их путешествия.

— Мне редко представляется возможность принимать соотечественников,— сказал он.— Я с удовольствием вижу вас у себя, господа, и я весь в вашем распоряжении.

— Мы очень благодарны вам за это,— ответил дядюшка Антифер,— так как вы можете оказать нам большую услугу, сообщив кое-какие сведения об этой стране.

— Вы путешествуете ради развлечения?..

— И да и нет, господин Бард. Мы все трое — моряки. Мой племянник Жюэль — капитан дальнего плавания, Жильдас Трегомен — бывший командир «Прекрасной Амелии».

На этот раз, к крайнему удовольствию Трегомена, названного командиром, дядюшка Антифер говорил о габаре, словно речь шла о фрегате или военном корабле.

— А я капитан каботажного плавания,— с достоинством добавил Антифер.— Некая солидная фирма в Сен-Мало дала нам полномочие основать отделение либо в Маскате, либо в одном из портов Оманского или Персидского залива.

Жозефу Барду показалась соблазнительной мысль войти в дело, могущее принести ему выгоду.

— Капитан,— сказал он,— мне остается только приветствовать ваши намерения и предложить свои услуги для того, чтобы довести ваши планы до благополучного конца.

— В таком случае,— сказал Жюэль,— дайте нам совет, где лучше учредить торговую контору — в самом Маскате или в другом городе побережья?

— Предпочтительнее, конечно, в Маскате,— ответил резидент.— Значение этого порта возрастает с каждым днем благодаря его торговым связям с Персией, Индией, островами Маврикий и Реюньон¹, с Занзибаром и Африканским побережьем.

— А какие товары экспортируются? — поинтересовался Жильдас Трегомен.

— Финики, изюм, сера, рыба, копал², камедь³, щитки черепахи, рога носорога, растительное масло, кокосовые орехи, рис, манс, кофе и местные сладости...

— Сладости? — переспросил Трегомен облизнувшись.

— Да,— ответил Жозеф Бард,— сладости, называемые здесь халвой. Ее варят из меда, сахара, клейковины и миндаля.

— Хотел бы я попробовать этого лакомства, друзья мои...

— Сколько твоей душе угодно!.. Но,— продолжал дядюшка Антифер,— вернемся к делу. Мы приехали в Маскат не для того, чтобы лакомиться халвой. Господни Бард любезно согласился назвать нам главные предметы вывоза...

— К этому нужно еще добавить ловлю жемчуга в Персидском заливе,— заметил консул,— ловлю, которая ежегодно приносит до восьми миллионов франков дохода...

Надо было видеть, какую презрительную мину скорчил дядюшка Антифер! Ловля жемчуга, приносящая восемь миллионов франков в год,— пустяковая сумма в глазах человека, у которого одних драгоценных камней миллионов на сто!

— Правда,— продолжал Жозеф Бард,— торговля жемчугом находится в руках индийских купцов, не допускающих конкуренции.

¹ Маврикий и Реюньон — острова в Индийском океане, из группы Маскаренских.

² Копал — ископаемая смола растительного происхождения; идет на изготовление высокосортных лаков.

³ Камедь, или гуммиарабик, — густой сок, вытекающий из стволов аравийских и африканских акаций; применяется как клей.

— Даже за пределами Маската? — спросил Жюэль.

— Даже за пределами Маската, где — я должен признаться в этом — торговцы косо смотрят на приезжих иностранцев...

Жюэль воспользовался этим ответом, чтобы перевести разговор на другую тему...

Столица имамата расположена между 50°20' восточной долготы и 23°38' северной широты. Принимая во внимание координаты острова, его следовало искать именно здесь. Главной задачей было покинуть Маскат под предлогом поисков подходящего места для учреждения малуинской торговой конторы. Поэтому Жюэль, сказав, что имело бы смысл, прежде чем обосноваться в Маскате, посетить и другие места, кстати спросил, какие еще близлежащие прибрежные города входят в имамат.

— Оман, — ответил Жозеф Бард.

— Севернее Маската?

— Нет, юго-восточнее.

— А на севере или на северо-западе?

— Наиболее значительный город — Ростак.

— На заливе?

— Нет, внутри страны.

— А на побережье?

— Сохор.

— А как далеко отсюда?

— Приблизительно в двухстах километрах.

Подмигнув, Жюэль дал понять дяде важность этого ответа.

— А Сохор... торговый город?

— Да, торговый. Иногда там проводит время имам... когда его высочеству приходит в голову такая фантазия.

— Его высочеству? — повторил Жильдас Трегомен.

По-видимому, этот титул, принадлежащий турецкому султану, произвел на Трегомена соответствующее впечатление. Жозеф Бард считал признаком хорошего тона так величать имама.

— Сейчас его высочество в Маскате, — добавил он, — и, когда вы выберете город для вашей конторы, вам, господа, нужно будет обратиться к нему за разрешением.

— Надеюсь, его высочество в этом не откажет? — спросил малуинец.

— Напротив, — ответил резидент, — его высочество рад будет дать согласие по денежным соображениям.

Дядюшка Антифер дал понять широким жестом, что он готов расплатиться по-королевски.

— А каким способом лучше всего добраться до Сохора? — спросил Жюэль.

— Караваном.

— Караваном!.. — воскликнул немного встревоженный Трегомен.

— Да, — продолжал Жозеф Бард, — в имамате нет еще не только железных дорог, но даже и дилижансов. Ездят здесь на двуколках или верхом на мулах, если не предпочитают идти пешком...

— Эти караваны отправляются, должно быть, не очень часто? — спросил Жюэль.

— Напротив, — ответил резидент, — между Маскатом и Сохором ведется весьма оживленная торговля, и как раз завтра...

— Завтра? — перебил дядюшка Антифер. — Вот и превосходно! Значит, завтра мы «откараванимся»!

Перспектива «откараваниться», как удачно выразился Антифер, не очень-то улыбалась Жильдасу Трегомену. На его добром лице появилась гримаса. Но ведь он прибыл в Маскат не затем, чтобы перечить своему другу, и волей-неволей должен был согласиться на путешествие в малоприятных для него условиях.

Все же Трегомен выразил желание поделиться некоторыми соображениями по поводу предстоящего переезда из Маската в Сохор.

— Ну что ж, говори, — разрешил дядюшка Антифер.

— Так вот, — сказал Жильдас Трегомен, — мы все трое — моряки, не так ли?

— Да, все трое, — согласился дядюшка Антифер и, не удержавшись, лукаво подмигнул бывшему хозяину «Прекрасной Амелин».

— Я не понимаю, — продолжал Трегомен, — почему бы нам не отправиться в Сохор морем. Двести километров... на прочном судне...

— Почему бы и нет? — подтвердил дядюшка Антифер. — Жильдас прав. Мы только выиграем время...

— Несомненно, — ответил Жозеф Бард, — и я первый посоветовал бы вам отправиться морем, если бы это не представляло некоторой опасности...

— Какой? — спросил Жюэль.

— Видите ли, господа, Оманский залив не очень

безопасен. Может быть, на каком-нибудь большом торговом судне, с многочисленным экипажем, и нечего было бы бояться...

— Бояться?— вскричал дядюшка Антифер.— Бояться бури? Бояться шквалов?..

— Нет, пиратов, с которыми легко можно встретиться в Ормузском проливе...

— О черт! — вырвалось у малуинца.

Надо отдать ему справедливость, он испугался только возможности встречи с пиратами на обратном пути, когда при нем будет драгоценный груз.

Предупрежденные резидентом, наши путешественники приняли мудрое решение: раз они не смогут вернуться морем, то нет смысла и отправляться туда по воде. Выехать с попутным караваном, вернуться с другим — такая комбинация сулила полную безопасность. Поэтому Жильдас Трегомен должен был согласиться примкнуть к каравану, но в душе у него была тревога — он не понимал, каким способом передвижения удастся ему воспользоваться.

На этом разговор закончился.

Три француза остались очень довольны беседой с соотечественником. На обратном пути они непременно посетят его... будут держать в курсе своих дел и следовать только его советам... Этот хитрец Антифер дал ему даже понять, что учреждаемая им контора будет производить крупные операции, могущие быть выгодными и для резидентской кассы.

Прощаясь с гостями, Жозеф Бард снова посоветовал им представиться его высочеству и даже предложил лично исхлопотать аудиенцию для таких уважаемых иностранцев. Вслед за тем вышеупомянутые уважаемые иностранцы вернулись в гостиницу.

Тем временем в одном из номеров той же гостиницы происходило совещание между Бен-Омаром и Назимом. Совещание это, как легко догадаться, сопровождалось бесчисленными резкостями и грубыми выходками Саука.

Мнимый клерк и нотариус прибыли в Маскат. Прекрасно. Но ведь они до сих пор не знают, является ли Маскат конечной целью путешествия. Не отправится ли дядюшка Антифер дальше? И именно он, этот глупый Омар, обязан был узнать обо всем у Антифера, потому

что нотариус, в конце концов, имеет право на такой вопрос, а знает он ничуть не больше, чем его подставной клерк!

— Вот к чему приводит, когда человек, как последняя скотина, изнемогает в пути! Неужели ты не понимаешь, как важно было быть здоровым?

Нотариус придерживался такого же мнения. Конечно, следовало поговорить с этим мошенником-французом, выпытать у него тайну, разузнать, где зарыты сокровища...

— Успокойтесь, ваша светлость,— сказал он,— я сегодня же повидаюсь с Антифером и все узнаю. Только бы не пришлось снова сесть на пароход!..

Узнать, в каком месте наследник Камильк-паши собирается производить розыски сокровищ,— это уж, во всяком случае, не должно было служить камнем преткновения. Ведь самим завещанием было предусмотрено присутствие душеприказчика, а если таковым является Бен-Омар, то дядюшка Антифер безусловно не сможет уклониться от прямого ответа. Но, после того как островок будет найден и три драгоценных бочонка будут извлечены на поверхность, каким образом думает Саук отнять их у владельца? На этот вопрос, неоднократно всплывавший в разговорах с нотариусом, Саук никогда не отвечал по той причине, что и сам не знал, что ему ответить. Одно было несомненно: Саук не остановится ни перед чем, чтобы завладеть богатством, которое он считал своим и которое несправедливо отнял у него Камильк-паша, оставив завещание в пользу какого-то иностранца. И это больше всего пугало тихого и робкого нотариуса, предпочитавшего обойтись без насилия. Уж кто-кто, а он-то прекрасно знает, что его светлость Саук дорожит человеческой жизнью не больше, чем старой засохшей фигой!.. Но так или иначе, важнее всего было следовать шаг за шагом за тремя малуинцами, не терять их из виду во время поисков, присутствовать при извлечении клада. А затем, когда он будет в их руках, действовать, смотря по обстоятельствам.

И Саук, приняв такое решение, запугал Бен-Омара тысячами угроз и возложил на него всю ответственность за ход дальнейших событий. Затем Саук удалился, строго наказав несчастному нотариусу не пропустить момента возвращения в гостиницу дядюшки Антифера.

Вернулся он только поздно вечером. Жильдас Трегомен и Жюэль с наслаждением бродили по улицам Маската, тогда как дядюшка Антифер, правда в воображении, прогуливался в нескольких десятках километров отсюда, к востоку от Сохора, где притаился его остров. Бесполезно было бы спрашивать, какое впечатление произвела на него столица имамата: оживлены ли улицы, много ли в лавках покупателей, в чем своеобразие местного национального типа — арабов, индийцев, персов? Он ничего не хотел видеть. Но зато Жюэль и Трегомен с интересом осматривали этот город, сохранивший свой восточный колорит. Они останавливались перед лавками, где груды были навалены всевозможные товары — тюрбаны, пояса, шерстяные плащи, хлопчатобумажные ткани, большие глиняные кувшины, так называемые «мертабан», пестро размаленные и покрытые сверкающей глазурью. При виде всех этих красивых вещей Жюэль думал о том, как бы обрадовалась им Эногат! Какое удовольствие доставили бы ей изящные безделушки, выполненные с таким редким мастерством! Разве не осыпали бы ее такие скромные подарки больше, чем дядюшкины алмазы?

Жильдас Трегомен думал о том же. Как бы уловив мысли своего молодого друга, он сказал:

— Давай купим это ожерелье, а когда мы вернемся, ты подаришь его малютке.

— Когда вернемся! — вздохнув, повторил Жюэль.

— И это кольцо. Посмотри, какое оно красивое!.. Да что я говорю — кольцо? Десять колец! По одному на каждый ее пальчик...

— О чем она сейчас думает, моя бедная Эногат? — прошептал Жюэль.

— Конечно, о тебе, мой мальчик! Всегда только о тебе!

— А нас разделяют сотни и сотни лье!..

— Да! — прервал его Трегомен. — Не забыть бы еще кушть ей горшочек с этим замечательным лакомством, которое господин Жозеф Бард так нам расхваливал!..

— Но, — возразил Жюэль, — не лучше ли сначала нам самим попробовать его, а уж потом купить...

— Нет, мой мальчик, нет! — возразил Жильдас Трегомен. — Я хочу, чтобы Эногат первая отведала это лакомство...

— А если оно ей не понравится?

— Оно ей придется по вкусу, потому что его привезешь ты, да еще из такой дали!

Как хорошо знал этот изумительный человек сердца молодых девушек, хотя ни у одной из них — ни в Сен-Мало, ни в Сен-Серване, ни в Динаре — даже и в мыслях не было сделаться госпожой Трегомен!..

Одним словом, они нисколько не жалели о своей прогулке по столице имамата. Ее чистоте и царившему в ней порядку могли бы позавидовать многие европейские города, за исключением, конечно, их родного Сен-Мало, который, по мнению дядюшки Антифера, был лучшим городом в мире.

Жюэль успел еще заметить, что по улицам шныряло множество хорошо вышколенных полицейских, проявлявших исключительную бдительность.

Полицейские агенты тщательно следили за уходом и возвращением иностранцев, высадившихся в Маскате и не объяснивших причин своего прибытия. Но, в противоположность придирчивой полиции некоторых европейских государств, требующей предъявления паспортов и устраивающей неуместные допросы, здешняя полиция ограничивалась, по-видимому, только тем, что молча следила за тремя малуинцами, как бы далеко они ни удалялись. И действительно, по местному обычаю, ступив на землю имамата, они не могли бы выехать отсюда, не посвятив имама в свои планы.

К счастью, дядюшка Антифер не подозревал об этом, иначе он с полным основанием опасался бы за исход своего предприятия. Его высочество, так ревностно заботящийся о личной выгоде, вряд ли позволит вывезти сто миллионов с острова, лежащего в Оманском заливе. Если европейское государство взимает только половинную долю от найденного клада, то азиатский властелин, который, собственно, и есть государство, не колеблясь, берет себе все целиком.

И вот, как только дядюшка Антифер вернулся в гостиницу, Бен-Омар рискнул задать ему достаточно нескромный вопрос. Приоткрыв осторожно дверь, он сказал вкрадчивым голосом:

— Разрешите узнать...

— Что?

— Узнать у вас, господин Антифер, куда мы отправимся дальше?

— По первой улице направо, по второй налево, а потом прямо...

После этого дядюшка Антифер с треском захлопнул дверь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*в которой Жильдас Трегомен довольно удачно
плывет на «корабле пустыни»*

На следующий день, 23 марта, с первыми проблесками зари караван выступил из столицы имамата и направился вдоль побережья. Настоящий караван! Ничего подобного Трегомену не приходилось видеть на равнинах департамента Иль и Вилен. Он простодушно признался в этом Жюэлю, и тот не выразил ни малейшего удивления. В караване насчитывалось около сотни арабов и индийцев и примерно столько же выючных животных. При такой многочисленности исключалась возможность внезапного нападения сухопутных пиратов, впрочем не столь опасных, как морские пираты.

Среди туземцев выделялось несколько богатых купцов, о которых говорил нашим путешественникам французский резидент. Местные негодянты, по-видимому озабоченные своими делами, призывавшими их в Сохор, ехали без всякой пышности.

Что касается иностранцев, то они были представлены тремя французами — дядюшкой Антифером, Жюэлем, Жильдасом Трегоменом, и двумя египтянами — Назимом и Бен-Омаром.

Последние, конечно, не замедлили присоединиться к каравану. Поскольку дядюшка Антифер не скрыл от них своего намерения возобновить на следующий день путешествие, они тоже успели собраться в дорогу. Само собой разумеется, что малуинец несколько не заботился о Бен-Омаре и его клерке. Если им угодно, они могут следовать за ним — ему нет до них никакого дела.

Антифер твердо решил не подавать виду, что знает этих людей. Увидев в караване Назима и Бен-Омара, он даже не счел нужным поздороваться с ними, и Трегомен под его грозным взглядом не осмелился повернуть голову в их сторону.

Животные, служившие для перевозки пассажиров и

товаров, были трех видов: верблюды, мулы и ослы. Нечего было и думать о возможности приспособить какой-нибудь экипаж или хотя бы простую тележку. Да и какие колеса могли бы двигаться по бездорожью, по этой пересеченной, частично заболоченной местности! Поэтому каждый устроился как мог.

Дядя и племянник выбрали себе пару сильных и резвых, но не очень крупных мулов. Приученные ходить в караванах, они были доставлены за хорошую цену маскатскими евреями, промышляющими сдачей внаем выючных животных. Но что значила для дядюшки Антифера лишняя сотня пистолей! ¹ Сотней больше, сотней меньше — стал бы он с этим считаться? Конечно, нет! Однако ни за какие деньги нельзя было найти мула, выносливость которого соответствовала бы весу Жильдаса Трегомена. Выдержат на своем хребте такую тушу и пронести ее пятьдесят лье не в силах был бы ни один представитель этой достойной породы. Необходимо было достать более сильное животное, чтобы обслужить бывшего хозяина «Прекрасной Амелии».

— Знаешь, лодочник, с тобой слишком много хлопот! — со свойственной ему деликатностью заметил дядюшка Антифер, после того как мулы, приведенные для Трегомена, были забракованы.

— Ничего не поделаешь, старина! Незачем было заставлять меня ехать с собой... Оставь меня в Маскате... Я подожду тебя здесь...

— Ни за что!

— Но нельзя же перевозить меня по частям!

— Господин Трегомен, — вмешался Жюэль, — а не сесть ли вам на верблюда?.. Это животное не внушает вам отвращения?

— Никакого, мой мальчик! Лишь бы я не внушал отвращения верблюду и он согласился бы взять меня!

— Прекрасная идея! — вскричал дядюшка Антифер. — Ты будешь великолепно выглядеть на верблюде!..

— Недаром же его называют «кораблем пустыни», — добавил Жюэль.

— Идет! Пусть будет корабль пустыни! — ответил сговорчивый Трегомен.

¹ Пистоль — старинная золотая монета, вышедшая из употребления в конце XVIII века. В данном контексте «сотня пистолей» приобретает иронический смысл.

Вот почему он важно восседал в то утро между двумя горбами одного из колоссальных представителей породы жвачных. Трегомену это даже нравилось. Другой на его месте, может быть, возгордился бы. Но если Трегомен и испытывал это вполне законное чувство, то внешне оно не проявлялось, потому что все мысли речного капитана были обращены лишь к тому, как бы лучше управлять своим кораблем, предохранять себя от лишних толчков и не сбиться с верного курса. Правда, когда караван убыстрял ход, движения животного становились неровными. Но мясистые части Трегомена были так массивны, что смягчали килевую качку.

Саук, предпочитавший держаться позади каравана, сидел на горячем муле, как опытный наездник. Рядом с ним или, лучше сказать, напрягая все силы, чтобы не отстать от него, на маленьком ослике тащился Бен-Омар, почти доставая ногами землю, что должно было уберечь его от случайных падений. Сесть верхом на мула?.. Падать с такой высоты? На это нотариус никогда бы не отважился! Кроме того, арабские мулы так норовисты и горячи, что держать их в узде может только очень крепкая рука.

Караван делал переходы по двенадцати лье в день с двухчасовым привалом в полдень. Через четыре дня, если не случится непредвиденной задержки, караван вступит в Сохор.

Четыре дня!.. Антиферу они казались целой вечностью, так неудержимо стремился он к своему острову! И все-таки он уже предвкушал конец рискованного путешествия. Еще несколько переходов — и он у цели... Но почему же по мере приближения решительной минуты Антифер становился все более раздражительным, все более беспокойным? Его спутники не могли вытянуть из него ни слова. Волей-неволей они должны были беседовать вдвоем.

С высоты своего жвачного животного, покачиваясь между двумя горбами, Трегомен обратился к Жюэлю с очередным вопросом:

— Скажи мне, мой мальчик, с глазу на глаз: ты веришь в сокровища Камильк-паши?

— Гм!.. — отозвался Жюэль. — Все это мне кажется какой-то фантазмагорией!

— Жюэль, а если острова вообще не существует?..

— Допустим, что он существует, господин Трегомен,

но там может не оказаться никаких сокровищ, и тогда дяде придется последовать примеру одного марсельского капитана, который отправился искать остров Бурбон и, не найдя его, вернулся в Марсель.

— Это было бы для него страшным ударом, Жюэль, и я не уверен, что его мозг выдержит...

Читатель, конечно, догадывается, что Трегомен и его молодой друг остерегались строить подобные гипотезы в присутствии дядюшки Антифера. Да и к чему? Ничто не могло бы поколебать уверенность этого упряма. Дядюшке и в голову не приходило усомниться в том, что алмазы и другие драгоценные камни находятся именно там, где они были зарыты, на том самом острове, точные координаты которого были ему известны. Нет, единственно, что тревожило Антифера,— это осложнения, могущие возникнуть после того, как будет найден остров, когда останется только довести предприятие до благополучного конца.

Само же путешествие было довольно легким. Все говорило за то, что и кончится оно удачно. Поскорее бы только попасть в Сохор! А там они найдут какое-нибудь судно, отправятся на поиски острова, откопают три бочонка... Здесь ничто не внушало опасений нашему решительному малуинцу. Чего же проще — двигаться с караваном, да еще в обществе Трегомена и Жюэля, потом переправить сокровища с острова до Сохора... Все это пустяки. Но дальше будет труднее. Доставить в Маскат три бочонка, полных золота и драгоценных камней... тут не обойдешься без верблюдов и без каравана, развозящего товары по ормузскому побережью... А как потом погрузить такую тяжесть, не возбудив подозрений у таможенных чиновников?.. Ведь они могут потребовать огромную пошлину за право вывоза... И как знать, не попытается ли имам захватить сокровища и не объявит ли он себя их законным владельцем, раз они будут найдены на территории его государства?

Хотя дядюшка Антифер и любил говорить «мой остров», но в действительности-то остров принадлежал не ему!.. Камильк-паша, если бы и захотел, не мог бы оставить по завещанию остров, расположенный во владениях маскатского имама!..

Все эти помехи, не говоря уж о неизбежных трудностях на обратном пути, когда придется пересаживаться

Караван делал переходы по двенадцати лье в день.

на пакетбот, идущий в Суэц, заставляли дядюшку Антифера серьезно призадуматься. Как бессмысленна и неуместна была затея богатого египтянина доверить свои богатства острову в Оманском заливе!.. Разве не существовало сотен, даже тысяч других островков, разбросанных по поверхности морей, хотя бы среди бесчисленных архипелагов Тихого океана, ускользающих от всякого наблюдения и никому не принадлежащих?.. Неужели завещатель не мог спрятать свои сокровища, не возбуждив ничьих подозрений, в более надежном месте?..

Но что сделано, то сделано. Теперь уже ничего не изменишь. Остров занимал свое место в Оманском заливе с начала геологического образования земного шара и останется там до светопреставления. Какая жалость, что его нельзя взять на буксир и доставить в Сен-Мало! Как бы это упростило дело!

Понятно, почему дядюшка Антифер был так озабочен и почему так трудно ему было сдерживать припадки бешенства. Да, это был плохой попутчик! Он непрерывно что-то бормотал себе под нос, не отвечал на вопросы, уединялся от спутников, награждал своего мула незаслуженными ударами дубинки... И, по совести говоря, если бы терпеливое животное сбросило наконец резким движением своего несносного всадника, мула за это никто бы не упрекнул.

Жюэль, конечно, замечал, как встревожен его дядя, но не смел обратиться к нему с расспросами. Жильдас Трегомен тоже догадывался, что происходит в душе его друга. Но, зная дядюшку Антифера, они даже и не пытались образумить его и лишь обменивались многозначительными взглядами.

Первый день пути нисколько не утомил наших героев, хотя температура на этой широте была уже достаточно высока. Климат Южной Аравии, особенно у тропика Рака, очень жарок и вреден для европейцев. Со стороны гор налетают волны раскаленного воздуха, и даже морской ветер не в силах их перебороть. Ночи в разгаре жаркого лета становятся до того душными, что невозможно заснуть.

Тем не менее на первых двух переходах наши малуинцы не изнемогали от зноя, так как караван тянулся по лесистым прибрежным равнинам. Окрестности Маската — отнюдь не бесплодная пустыня. Растительность там

разнообразна и обильна. На сухой почве встречаются поля, засеянные маисом, и в болотистых низинах, где разветвляются тысячи ручейков, хороший урожай приносит рис. Достаточно тени в баньяновых¹ лесах и под сенью аравийских акаций, выделяющих камедь, вывоз которой достигает больших размеров и составляет одну из главных статей дохода страны!

Вечером караван расположился лагерем на берегу маленькой речки, которая берет начало в горах на Западе и тихо впадает в залив. Расседлали мулов и пустили их свободно пастись, даже не стреножив, — так привыкли эти животные к регулярным привалам. Но вернемся к нашим героям. Дядя и племянник отвели своих мулов на общее пастбище; то же самое сделал и Саук. Верблюд Трегомена опустился на колени, как правоверный мусульманин в час вечерней молитвы, и путешественник, спешившись, милостиво потрепал его по морде. Что же касается осла, несшего на себе Бен-Омара, тот внезапно остановился и, так как всадник замешкался, скинул его наземь резким броском задней ноги. Нотариус растянулся во всю длину, лицом к Мекке², в позе мусульманина, творящего намаз³. Вряд ли он посылал в ту минуту хвалы аллаху и его пророку!

Ночь прошла спокойно в этом лагере, раскинутом в сорока километрах от Маската, в обычном месте стоянки караванов.

На следующий день с первыми лучами утренней зари караван снялся с места и двинулся дальше, по направлению к Сохору.

Местность кругом стала более открытой. До самого горизонта простирались обширные равнины, на которых песок заметно вытеснял траву. Это уже напоминало Сахару со всеми ее неприятными особенностями — недостатком влаги, отсутствием тени, трудностями передвижения. Для арабов, привыкших к таким караванным переходам, все было в порядке вещей. Им ничего не стоило

¹ Б а н ь я н — дерево, родственное фикусу. Из одного семени быстро образуется целая роща, так как многочисленные воздушные корни вырастают в землю, превращаясь в толстые стволы.

² М е к к а — город в Саудовской Аравии. С давних пор является священным городом мусульман, как родина Магомета (Мухаммеда).

³ Н а м а з — мусульманская молитва, совершаемая пять раз в день.

проделывать длинные путешествия при самом палящем зное. Но каково было европейцам выдержать такое испытание!..

Поспешим заметить, оно обошлось для них без ущерба. Не пострадал даже толстяк Трегомен, который, случись это путешествие несколькими неделями позже, расплавился бы под тропическим солнцем. Укачиваемый плавными движениями своего верблюда, он блаженно дремал между двумя горбами, усевшись так прочно, что составлял как бы одно целое с животным. Ему-то уж, во всяком случае, падение не угрожало! Быстро сообразив, что «корабль пустыни» лучше его разбирается в неровностях дороги, Трегомен не пытался больше им управлять. Сама «Прекрасная Амелия» не держалась так уверенно, когда ее тянули на бечеве вдоль берегов Ранса.

А как чувствовал себя Жюэль во время путешествия по владениям имама, от Маската до Сохора? Юный и сильный, он уносился мыслями в милый его сердцу бретонский город, на улицу От-Салль, в дом, где ждала его Эногат... Что касается знаменитой принцессы, на которой дядя хотел его женить, то он о ней ничуть не беспокоился! Никогда и никто не будет его женой, только прелестная кузина! Разве существует на свете герцогиня, которую можно сравнить с Эногат, пусть в той и течет королевская кровь? Нет! И миллионы Камильк-паши ничего тут не изменят, если даже допустить, что его наследство — не сказка из «Тысячи и одной ночи». Нечего и говорить, что по прибытии в Маскат он сразу же написал своей невесте. Но когда еще дойдет до нее письмо!

Дядюшка Антифер был мрачнее тучи, и были основания опасаться, что его настроение еще ухудшится. Как он перевезет три бочонка? Вот проблема, внушавшая ему сильнейшую тревогу, и, скажем прямо, тревогу справедливую.

А какие страшные предчувствия охватили бы его, если бы он только знал, что за ним установлено наблюдение! Да... в караване был один туземец, лет сорока, с очень хитрой физиономией, специально приставленный к Антиферу, чтобы следить за каждым его шагом, не вызывая подозрений...

Стоит заметить, что ни один рейс пакетбота из Суэца в Маскат не обходится без полицейских агентов имама. Помимо материальной заинтересованности — с каждого

иностранца, ступившего на землю имамата, взимается значительный побор,— властитель испытывает чисто восточное любопытство по отношению к приезжающим европейцам. Что может быть естественнее желания узнать, с какой целью и на какой срок прибывает в его страну каждый чужеземец? Поэтому, когда три француза высадились на набережной и заняли номера в английском отеле, начальник полиции не замедлил принять их под свою мудрую опеку.

Итак, как уже было замечено выше, полиция Маската, великолепно натренированная по части поддержания порядка на улицах, столь же искусно ведет наблюдение за иностранцами, прибывающими морем или сухим путем. Она не считает нужным требовать у них надлежаще оформленные документы — у мошенников бумаги всегда в порядке — и не подвергает допросам, на которые у тех уже заготовлены ответы. Но зато полиция не теряет иностранцев из виду, бдительно надзирает за ними, следит исподтишка, осторожно, тактично, что, конечно, делает честь уму людей Востока.

С дядюшки Антифера не спускал глаз полицейский агент, получивший задание следовать за французом всюду, куда бы он ни направился. Ни о чем не спрашивая Антифера, сыщик в конце концов узнает, с какой целью европейцы появились в Маскате. Если они встретят трудности из-за незнания местного языка, он с безграничной любезностью предложит им свои услуги. Потом, получив нужные сведения, имам позволит им спокойно уехать, если по какой-либо причине ему не будет выгоднее их задерживать.

Разумеется, подобный надзор мог сильно помешать успешному завершению великого предприятия дядюшки Антифера. Извлечь на поверхность клад баснословной ценности, переправить его в Маскат, погрузить на пакетбот, отходящий в Суэц,— это само по себе уже было нелегкой задачей. Но, когда его высочество примет решение, как ему лучше в данном случае поступить, вряд ли задуманное дело удастся довести до конца.

К счастью — повторяем, к несчастью, — Пьер-Серван Мало даже не догадывался, что ко всем возможным осложнениям прибавится еще и такое препятствие. И без того у него хватало забот! Ему было невдомек, что он путешествует в сопровождении инквизиторского ока од-

ного из агентов имама. Ни он сам, ни его спутники не обратили внимания на сдержанного, молчаливого араба, который следил за ними неотступно, избегая вступать в какие-либо отношения.

Однако если малуинцы и не заметили маневров этого араба, то о Сауке этого нельзя было сказать. Владея арабским языком, мнимый клерк Бен-Омара заводил разговор то с тем, то с другим купцом, ехавшим в Сохор. Конечно, эти люди, которым полицейский агент был хорошо известен, не делали тайны из его профессии. Саук сразу же заподозрил, что сыщик приставлен к Антиферу, и это, естественно, его встревожило. Если он не хотел, чтобы наследство Камильк-паши попало в руки какого-то француза, то тем более ему не улыбалось, чтобы сокровищами завладел имам. Заметим к тому же, что двое египтян вовсе не показались подозрительными полицейскому агенту. Да и как он мог подумать, что они преследуют общую цель с европейцами? Египтяне нередко бывают в Маскате, и если Бен-Омар и Саук не привлекли внимания сыщика, то это служит только лишним доказательством, что на свете нет совершенной полиции, даже у его высочества имама.

После утомительного дня, с обычным полуденным привалом, караван перед заходом солнца расположился на ночлег возле небольшого полувysохшего пруда, где росло громадное дерево — любопытное явление здешней природы. Под его ветвями свободно мог укрыться и найти надежную защиту от полуденного зноя целый караван. Солнечные лучи не проникают сквозь огромный купол листвы, образующей колоссальный тент на высоте пятнадцати футов.

— В жизни мне не приходилось видеть подобное дерево! — вскричал Жюэль, когда его мул остановился под этим навесом.

— И я, наверное, такого никогда больше не увижу! — заметил Трегомен, сходя с верблюда, ставшего на колени.

— А вы что скажете, дядя? — спросил Жюэль.

Дядя ничего не ответил. Он просто не обратил внимания на то, что вызвало такое удивление у его друга и племянника.

— Мне вспоминается, — сказал Жильдас Трегомен, — феноменальный виноградник в Сен-Поль-де-Леон, в од-

ном очаровательном местечке нашей Бретани, который знаменит...

— Вы правы, господин Трегомен, но он не выдерживает никакого сравнения с этим деревом!

В самом деле, как бы ни был необыкновенен виноградник в Сен-Поль-де-Леон, он бы оказался простым кустарником рядом с этим гигантом растительного царства.

То был баньян — разновидность фикуса, — со стволом неимоверной толщины, по меньшей мере футов сто в объёме. Из ствола, похожего на башню, выходило огромное разветвление, из которого, в свою очередь, тянулись многочисленные отростки; ветки перепутывались, скрещивались, расползались в разные стороны, покрывая своей тенью поверхность в полгектара. Огромный зонт служил защитой и от солнечных лучей и от ливней; он был непроницаем ни для небесного огня, ни для небесных потоков.

Если бы у Трегомена хватило времени — терпения у него было достаточно! — он не отказал бы себе в удовольствии сосчитать ветви этого дерева. Сколько же их было? Любопытство не давало ему покоя. Вскоре оно было удовлетворено. И вот при каких обстоятельствах.

В то время как он разглядывал нижние ветви баньяна, поворачиваясь во все стороны, вытянув руку и растопырив пальцы, позади него кто-то произнес по-английски с сильным восточным акцентом:

— Ten thousand! ¹

Трегомен не понял этих двух слов, ибо не знал английского языка. Но зато английским языком владел Жюэль, и, перекинувшись несколькими словами с туземцем, он сказал своему другу:

— Здесь, кажется, десять тысяч ветвей.

— Десять тысяч?!

— По крайней мере, так утверждает этот араб.

Араб был не кто иной, как полицейский агент, представленный к иностранцам на время их пребывания в имамате. Теперь он воспользовался удобным случаем, чтобы с ними познакомиться.

После того как Жюэль задал еще несколько вопросов на языке англо-саксов и получил от араба столько же ответов, последний отрекомендовался переводчиком бри-

¹ Десять тысяч (англ.).

танской миссии в Маскате и любезно предоставил себя в распоряжение трех европейцев.

Жюэль поблагодарил туземца и рассказал дяде об этом счастливом, по его мнению, обстоятельстве, полезном для их дальнейших шагов по прибытии в Сохор.

— Хорошо, хорошо! — согласился Антифер. — Сговорись получше с этим человеком, скажи, что ему щедро заплатят...

— При условии, если будет чем платить! — пробормотал недоверчивый Трегомен.

Но, если Жюэль поздравлял себя с удачей, Саук, вероятно, был менее доволен. Увидев, что сыщик затеял разговор с малуинцами, он сильно встревожился и решил не спускать с туземца глаз. Если бы Бен-Омару удалось узнать, куда они направляются!.. Подходит ли путешествие к концу или последует продолжение? Где находится остров: в водах Оманского залива, или в Ормузском проливе, или в Персидском заливе? Придется ли его искать вдоль берегов Аравии, или у побережья Персии, до границ, где владения шаха примыкают к владениям султана? Как будут разворачиваться дальнейшие события и как долго все это продлится? Не собирается ли Антифер сесть в Сохоре на корабль? Раз он не сделал этого в Маскате, то нельзя ли заключить, что остров находится где-то за Ормузским проливом? А не может ли это путешествие продлиться до Шарджи, или до Эль-Катифа, или даже до Эль-Кувейта в глубине Персидского залива?

Жестокая неизвестность и тревожные предчувствия довели Саука до такой ярости, что это не могло не отразиться на бедном нотариусе.

— Да разве я виноват, — повторял он, — что Антифер обращается со мной, как с иностранцем?

Как с иностранцем? Нет, гораздо хуже — как с назойливым гостем, присутствие которого навязано ему завещателем!.. Ах, если бы не этот процент! Каких он стоил мучений! Когда же они кончатся?..

На следующий день караван тянулся по бесконечным равнинам, похожим на пустыни, лишённые оазисов. Нестерпимая жара и в этот и в следующие два дня делала переходы особенно утомительными. Трегомену казалось, что он растает, как ледяная глыба, плывущая из северных морей к низким широтам. Хорошо еще, если он поте-

рыл не более десятой части своего нормального веса, что, конечно, не могло не радовать двугорбого, изнемогавшего под непомерным грузом.

Последние переходы не сопровождались никакими достойными упоминания происшествиями. Следует только отметить, что араб — его звали Селик — ближе познакомился с Жюэлем благодаря тому, что и тот и другой владели английским языком. Но — какие могут быть сомнения! — молодой капитан сохранит свою обычную сдержанность и не выдаст тайны дядюшки Антифера. Басня, сочиненная для французского резидента в Маскате — об отыскании на побережье города для учреждения торговой конторы, — пригодилась и на этот раз для мнимого переводчика.

Поверил ли он? Жюэлю казалось, что да. В действительности же хитрец прикинулся простаком, чтобы продолжать выпытывать нужные ему сведения.

Наконец, после четырех с половиной дней пути, в полдень 27 марта караван вступил в Сохор.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой дядюшка Антифер, Жильдас Трегомен
и Жюэль проводят очень скучный день в Сохоре*

Как хорошо, что наши три француза прибыли в Сохор не для своего развлечения, а по делам! В городе нет ничего, что заслуживало бы внимания туристов, и посещение его не оправдывает путешествия: улицы хоть и чистые, но площади — на самом солнцепеке; одного водного источника едва хватает на несколько тысяч жителей, постоянно мучимых жаждой от нестерпимого зноя; дома разбросаны в беспорядке; окна, как принято на Востоке, выходят на внутренний двор. Выделяется лишь одно более приметное здание, впрочем без всякого стиля и лишнее причудливых арабских узоров. Оно вполне удовлетворяет имама, когда тот приезжает на две-три недели в северную часть своих владений, чтобы пожить деревенской жизнью.

Но как ни малозначителен Сохор, он все же существует на побережье Оманского залива, и лучшим доказательством этого служат его географические координаты: 54°29' восточной долготы и 24°37' северной широты.

Следовательно, принимая во внимание указания Камиль-паши, остров нужно было искать на 28' по дуге к востоку от Сохора и на 22' к северу, то есть на расстоянии примерно сорока — пятидесяти километров по побережью.

Гостиниц в Сохоре мало. Да и трудно назвать гостиницей какое-то подобие караван-сарая¹ с несколькими комнатами, вернее, клетушками; меблированными более чем скромно — одной кушеткой.

Именно туда услужливый переводчик Селик и привел Антифера, его племянника и друга.

— Как нам повезло, — повторял Жильдас Трегомен, — что мы встретили этого любезного араба! Жаль только, что он не говорит по-французски или хотя бы по-бретонски².

Однако Жюэль и Селик достаточно хорошо понимали друг друга, чтобы сговориться.

Измученные путешествием, Жюэль и Трегомен — и это вполне естественно — не могли в тот день мечтать ни о чем другом, кроме хорошего ужина и двенадцатичасового сна. Но не так-то просто было заставить Пьера-Сервана-Мало согласиться с этим благоразумным предложением. Его страстное нетерпение все возрастало по мере приближения к острову, и он не соглашался ждать... Ему хотелось лишь одного — нанять судно и отчалить, что называется, *hic et nunc!*³ Отдыхать, когда оставалось сделать последний шаг, один только шаг в двенадцать лье, отделяющий его от того уголка на земном шаре, где были зарыты соблазнительные бочонки!..

Словом, произошла сильная сцена, показавшая, до какой степени нетерпения, нервозности и даже болезненного возбуждения дошел дядюшка Антифер. В конце концов Жюэлю удалось его успокоить. Надо же принять какие-то меры предосторожности... Сохорской полиции такая поспешность может показаться подозрительной... Да

¹ Караван-сарай (перс.) — на Ближнем Востоке место стоянки караванов с гостиницей и складскими помещениями.

² Бретонский язык распространен преимущественно среди сельского населения полуострова Бретань во Франции. Относится к группе кельтских языков.

³ Немедленно, тотчас; «здесь и в настоящее время» (лат.) — правовая формулировка, обозначающая фактическое на данный момент положение вещей.

и сокровища не исчезнут же за эти двадцать четыре часа...

«Если они только там! — сказал про себя Жильдас Трегомен. — Мой бедный друг сойдет с ума, если их там не было... или если их там уже нет!»

Не исключена возможность, что опасения добряка Трегомена в какой-то мере были справедливы.

Если бы Антиферу и в самом деле суждено было обмануться в своих надеждах, он, наверное, кончил бы помешательством. На Саука подобное разочарование подействовало бы, вероятно, не так сильно, но, во всяком случае, последствия его были бы не менее страшными. Мнимый Назим впал бы в такую ярость, от которой не поздоровилось бы Бен-Омару. Лихорадка нетерпения трепала его ничуть не меньше, чем малуинца, и можно смело утверждать: в ту ночь в караван-сараях не смыкали глаз по крайней мере два путешественника. Не стремились ли они к одной и той же цели, только разными путями? Если один не мог дожидаться утра, чтобы поскорее нанять судно, то другой думал только о том, как бы нанять десяток два отчаянных головорезов, соблазнив их большим вознаграждением, и попытаться завладеть сокровищами на обратном пути в Сохор.

Наконец забрезжила заря, и первые солнечные лучи возвестили рождение памятного дня — 28 марта.

Прежде всего решено было прибегнуть к услугам Селика. Жюэль взял на себя переговоры с арабом, чтобы привести в исполнение намеченный план. Селик, которому французы казались все более и более подозрительными, провел всю ночь во дворе караван-сарая.

Жюэль, правда, испытывал некоторое смущение, думая о том, как он обратится за помощью к Селику. В самом деле, три иностранца, три европейца, прибывшие накануне в Сохор, торопятся нанять судно... ну конечно, для прогулки по Оманскому заливу — какой еще можно найти предлог? — для прогулки, которая продлится не менее сорока восьми часов... Не покажется ли это странным и даже более чем странным? Но, быть может, напрасно тревожился Жюэль, что переводчика удивит такая просьба?

Так или иначе, дело не терпело отлагательства. Встретив Селика, Жюэль попросил его достать какое-нибудь суденышко, способное продержаться в море двое суток.

— Вы собираетесь переехать залив и высадиться на персидском берегу? — спросил Селик.

У Жюэля мелькнула мысль обойти этот вопрос и ответить так непринужденно, чтобы усыпить всякие подозрения, которые могли бы возникнуть даже у сохорских властей.

— Нет... это просто географическое исследование, — ответил он. — Мы хотим определить положение наиболее значительных островов залива... или... разве их нет у берегов Сохора?

— Есть несколько островов, — сказал Селик, — но ни одного сколько-нибудь значительного.

— Безразлично, — промолвил Жюэль. — Мы хотели бы осмотреть залив, прежде чем обосноваться на берегу.

— Как вам будет угодно!

Селик не стал допытываться, хотя ответ молодого капитана показался ему подозрительным. И в самом деле, полицейский агент, знавший об их проекте, сообщенном французскому резиденту, то есть о намерении учредить торговую контору в одном из прибрежных городов имамата, прекрасно понимал, что учреждение конторы не имеет никакого отношения к исследованию Оманского залива.

Последствия этого разговора не замедлили сказаться. За малуинцем и его спутниками стали наблюдать еще более пристально.

Досадное осложнение, грозившее успеху задуманной операции! Как только сокровища будут найдены, несомненно, полиция его высочества тотчас же об этом узнает. А его высочество, столь же беззастенчивое, сколь и все- сильное, во избежание излишних объяснений отправит на тот свет наследника Камильк-паши.

Селик взялся найти судно, необходимое для исследования залива, и обещал также подобрать экипаж, на преданность которого можно будет положиться. Запасов продовольствия решено было взять на три-четыре дня. В период равноденствия, когда погода так непостоянна, следует предвидеть возможные задержки в пути.

Жюэль поблагодарил переводчика, заверив, что его услуги будут щедро оплачены. Это обещание, казалось, подействовало на Селика. Немного подумав, он добавил:

— А не лучше ли мне отправиться вместе с вами в эту

экспедицию? Незнание арабского языка может затруднить ваши отношения с хозяином судна и матросами...

— Вы правы,— согласился Жюэль.— Оставляйтесь при нас все время, пока мы будем находиться в Сохоре. Повторяю вам, вы об этом не пожалеете.

Расставшись с переводчиком, Жюэль поспешил найти дядю, который прогуливался по песчаному пляжу вместе с Трегоменом, и рассказал им, как обстоят дела. Трегомен был в восторге, узнав, что в качестве гида и переводчика с ними останется этот молодой араб, лицо которого показалось ему удивительно умным.

Пьер-Серван-Мало кивком головы одобрил действия племянника. Затем, заменив изгрызенный чубук другим, он спросил:

— А эта лодка?..

— Вот как раз, дядя, наш переводчик и занимается сейчас тем, что достает ее и снабжает необходимыми припасами.

— Мне кажется, за час или за два можно оснастить любое судно в этом порту... Черт возьми, ведь не о кругосветном же путешествии идет речь!

— Но, друг мой,— заметил Трегомен,— нужно какое-то время, чтобы найти судно и людей!.. Не будь ты таким нетерпеливым, я тебя очень прошу!

— А если я хочу таким быть! — возразил дядюшка Антифер, метнув на Жильдаса Трегомена огненный взгляд.

— Ну и будь, пожалуйста! — ответил добряк, отвесив Антиферу почтительный поклон.

Между тем солнце начало склоняться к западу, а Селик все не давал о себе знать. Легко догадаться, до какого накала дошло раздражение дядюшки Антифера. Он говорил уже, что нужно отправить на дно залива этого араба, который просто посмеялся над его племянником. Попытка молодого человека заступиться за Селика была встречена недоброжелательно, а Жильдасу Трегомену, когда тот попробовал заговорить о достоинствах переводчика, велено было заткнуть рот.

— Мошенник ваш переводчик! — кричал Антифер.— Негодяй, разбойник! Он не внушает мне ни малейшего доверия! Он только и думает о том, как бы выманить у нас наши деньги!

— Я ему ничего не дал, дядя.

— Вот на этом ты и промахнулся! Если бы ты дал ему хороший задаток...

— Но вы же сами говорите, что он хочет нас ограбить!

— Это неважно!

Жильдас Трегомен и Жюэль даже и не пытались внести ясность в столь противоречивые суждения. Главное, надо было сдерживать нетерпение малуинца, помешать ему совершить какую-нибудь глупость или, по крайней мере, неосторожность, уговорить его вести себя благоразумнее, чтобы не давать повода к подозрениям. Но чего можно добиться от человека, который не хочет вас слушать? Разве в гавани мало ошвартованных рыбацких баркасов?.. Разве не достаточно нанять один из них... сговориться с экипажем... погрузиться... поднять паруса... повернуть к северо-востоку?..

— А как мы сговоримся с этими людьми, — возразил Жюэль, — раз мы ни слова не знаем по-арабски?..

— А они не знают ни слова по-французски, — поддержал его Трегомен.

— А почему они не знают? — в ярости закричал дядюшка Антифер.

— Это ошибка с их стороны... непростительная ошибка!.. — ответил Жильдас Трегомен, желая умиротворить друга своей уступчивостью.

— Это все по твоей вине, Жюэль!

— Нет, дядя! Я сделал все как можно лучше! Наш переводчик, конечно, появится... Впрочем, если он вам не внушает доверия, обратитесь к Бен-Омару и его клерку — они говорят по-арабски... Да вот они идут по набережной...

— Обратиться к ним? Никогда! Довольно... Достаточно и того, что они тянутся за нами на буксире!

— Бен-Омар, кажется, собирается сюда причалить, — заметил Жильдас Трегомен.

— Хорошо, лодочник, пусть только попробует! Я встречу его таким залпом, что он отправится на дно!

Действительно, Саук и нотариус крейсировали в водах малуинца. Когда Антифер вышел из караван-сарая, они поспешили вслед за ним. Их обязанностью было — не терять его из виду; их правом — присутствовать при развязке этой финансовой операции, грозившей превратиться в драму.

Саук настаивал, чтобы Бен-Омар заговорил с ужасным Пьером-Серваном-Мало. Но, видя ярость дядюшки Антифера, нотариус не мог заставить себя пойти навстречу неизбежным оскорблениям. Саук с наслаждением уложился на месте этого трусливого крючкотвора и, должно быть, расканивал в том, что притворился не знающим французский язык, так как это лишало его возможности вступить в непосредственные переговоры с французами.

Жюэль, в свою очередь, хорошо понимал, что недопустимое обращение его дяди с Бен-Омаром может только ухудшить дело. Он снова попытался это ему внушить, воспользовавшись подходящим случаем: нотариус, как видно, все не решался подойти ближе к дядюшке Антиферу.

— Вот что, дядя,— сказал Жюэль,— вы должны меня выслушать. Можете сердиться на меня хоть в десять раз больше. Обсудим положение вещей серьезно, у нас на это хватит разума...

— Надо еще разобраться, Жюэль, не считаешь ли ты разумным то, что я считаю глупым!.. Итак, чего ты хочешь?

— Я хочу спросить вас, будете ли вы в тот момент, когда мы уже близки к цели, продолжать упорно поворачиваться спиной к Бен-Омару.

— Да, буду упорно поворачиваться! Этот негодяй хотел украсть у меня мой секрет, когда его обязанностью было открыть мне свой... Это мошенник! Караиб!..¹

— Я знаю, дядя, и не стараюсь его оправдать. Но так или иначе, по одному из параграфов завещания Камильки наши его присутствие ведь обязательно?

— Да.

— И он должен быть там, на острове, когда вы будете вырывать из земли три бочонка?

— Да.

— И он имеет право определить их стоимость — уже по одному тому, что ему завещан один процент?

— Да.

— Так вот, если он должен присутствовать при этой операции, как вам кажется — он имеет право знать, где и когда она будет происходить?

¹ К а р а и б ы (карибы) — группа племен южноамериканских индейцев.

— Да.

— И, если по вашей вине или даже по какому-нибудь другому обстоятельству он не сможет присутствовать в качестве душеприказчика, не будет ли оспорено наследование и не будет ли повода к процессу, который вы, несомненно, проиграете?..

— Да.

— Итак, дядя, значит, вы обязаны согласиться на общество Бен-Омара во время вашей экскурсии по заливу?

— Да.

— И теперь вы, конечно, скажете ему, чтобы он готовился в путь вместе с нами?

— Нет! — ответил дядюшка Антифер.

И это «нет» было произнесено таким страшным голосом, что ударилось, как пуля, прямо в грудь нотариусу.

— Послушай, — заговорил Жильдас Трегомен, — ты не хочешь внять голосу рассудка, и ты неправ. Почему ты упрямо идешь против течения? Умнее всего послушаться Жюэля и последовать его совету. Конечно, Бен-Омар внушает мне такую же неприязнь, как и тебе, но раз уж его присутствие неизбежно, давай лучше покормимся судьбе...

Жильдас Трегомен очень редко позволял себе такие длинные монологи, и еще реже его друг позволял ему их доканчивать. Но как сжимались у Антифера кулаки, как скрипели челюсти, какими гримасами подергивалось его лицо, пока Трегомен выкладывал свои аргументы... Можно даже поверить, что этот добряк, весьма довольный своим красноречием, вообразил, будто ему удалось убедить неукротимого бретонца.

— Ты все сказал, лодочник? — спросил Антифер.

— Да, — ответил Жильдас Трегомен, бросив торжествующий взгляд на Жюэля.

— И ты тоже, Жюэль?

— Да, дядя.

— Отлично! В таком случае, убирайтесь оба к черту! Если вам угодно совещаться с этим стряпчим, пожалуйста, я вас не неволю. Что же до меня, то я могу его называть только негодяем и мошенником! А затем — добрый день или добрый вечер, выбирайте сами!

И Пьер-Серван-Мало испустил такое проклятие, в котором, по флотскому обычаю, соединились вместе все

громы небесные; чубук вылетел у него изо рта, как горошина из стручка; затем, даже не подобрав трубки, он исчез, словно его ветром сдунуло.

И все-таки Жюэль отчасти добился своего. Дядюшка Антифер, сознавая, что это его прямой долг, не запретил племяннику посвятить нотариуса в их планы. И, когда Бен-Омар, понукаемый Сауком, приблизился к Жюэлю (без малуинца он немного осмелел), между ними тотчас же завязался разговор.

— Господин,— произнес нотариус, низко склоняясь, чтобы смиренной позой искупить смелость своего обращения,— господин, простите, если я себе позволяю...

— Приступайте прямо к делу! — сказал Жюэль. — Что вам угодно?

— Знать, достигли ли мы конца нашего путешествия.

— Почти.

— Где находится остров, который мы ищем?

— В открытом море, в двенадцати лье от Сохора.

— Как! — закричал Бен-Омар. — Опять ехать морем?

— Вероятно.

— Да, вам это трудно дается! — заметил Трегомен, посочувствовав бедняге, который, казалось, почти уже терял сознание, словно у него вот-вот остановится сердце.

Саук глядел на них с полным безразличием, как и подобало человеку, не понимающему ни слова из того, что говорят в его присутствии на незнакомом языке.

— Ну же... ободритесь,— сказал Жильдас Трегомен. — Два или три дня плавания пройдут незаметно. Я думаю, что в конце концов у вас вырастут ноги моряка... привыкнете! Когда зовешься Омаром...

Нотариус покачал головой и вытер лоб, с которого капали капли холодного пота. Затем он произнес жалобным голосом, обращаясь к Жюэлю:

— А где вы собираетесь сесть на судно?

— Здесь.

— Когда?

— Как только оно будет готово отчалить.

— И это произойдет?..

— Либо сегодня вечером, либо, скорее, завтра утром. Будьте же наготове, вы и ваш клерк Назим, если он вам так необходим.

— Я буду... я буду... — заверил Бен-Омар.

— И да поможет вам аллах! — прибавил Трегомен,

который в отсутствие Антифера мог свободно проявлять свою природную доброту.

Бен-Омару и Сауку больше нечего было узнавать, разве что географическое положение пресловутого острова. Но так как молодой капитан не счел нужным этого сказать, они удалились.

Не поторопился ли Жюэль, заявив, что судно отчалит вечером или не позднее завтрашнего утра? Жильдас Трегомен сразу сказал ему об этом. В самом деле, было уже три часа дня, а переводчик все не появлялся. Это сильно беспокоило их обоих. Если придется отказаться от услуг Селика, нелегко будет сговориться с рыбаками Сохора, пользуясь только языком жестов! Как условиться с ними о найме корабля, о характере поисков, о направлении, которого нужно будет придерживаться в глубине залива?.. Как они выйдут из такого положения? Правда, Бен-Омар и Назим умеют говорить по-арабски, но обращаться к ним...

К счастью, Селик исполнил свое обещание, да и почему ему было не исполнить его? Около пяти часов пополудни, когда Трегомен и Жюэль направились в караван-сарай, переводчик остановил их у эстакады¹ порта.

— Наконец-то! — воскликнул Жюэль.

Селик извинился за опоздание. Он с большим трудом нашел судно, и ему пришлось обещать за него очень высокую плату.

— Не имеет значения! — сказал Жюэль. — Можем мы выйти в море сегодня вечером?

— Нет, — ответил Селик. — Экипаж соберется очень поздно.

— Когда же мы отправимся?

— На заре.

— Решено!

— Я приду за вами в караван-сарай, — добавил Селик, — и с отливом мы выйдем в море.

— При попутном ветре у нас будет отличное плавание, — сказал Жильдас Трегомен.

И в самом деле, плавание обещало быть отличным, так как ветер дул с запада, а дядюшка Антифер должен был искать свой остров на востоке.

¹ Эстакада — помост на сваях для причала судов, которые не могут подойти к берегу вследствие мелководья.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой Жюэль по поручению дядюшки Антифера
измеряет высоту солнца, воспользовавшись
чудесной погодой*

На следующее утро, прежде чем первые солнечные лучи бросили золотой отсвет на поверхность залива, Селик постучал в дверь комнаты караван-сарая. Антифер, которому в ту ночь даже не удалось вздремнуть, собрался в одну минуту. Жюэль поспешил за дядей.

— Судно готово,— объявил Селик.

— Мы следуем за вами,— ответил Жюэль.

— А лодочник? — закричал Антифер. — Он, конечно, спит, как дельфин в своей родной стихии! Сейчас я его хорошенько потрясу!

И он направился в каморку этого дельфина, храпевшего на весь караван-сарай. Здоровый толчок заставил Трегомена открыть глаза.

Жюэль между тем, как условились накануне, пошел предупредить нотариуса и его клерка. Они были уже готовы. Назим с трудом скрывал свое нетерпение, а Бен-Омар, бледный как полотно, еле стоял на ногах.

Селик, увидев двух египтян, не мог сдерживать жеста удивления, не ускользнувшего от внимания молодого капитана.

И было чему удивляться! Каким образом завязалось знакомство у этих людей разной национальности и что побуждало их отправиться на одном судне исследовать залив? Этого было вполне достаточно, чтобы внушить подозрение полицейскому агенту.

— Эти два иностранца поедут с вами? — спросил он Жюэля.

— Да,— ответил тот не без смущения,— они наши попутчики. Мы ехали с ними вместе на одном пакетботе из Суэца в Маскат...

— Они ваши знакомые?

— Конечно. Но они держатся в стороне от нас... потому что у моего дяди очень дурное настроение...

Жюэль явно путался в своих объяснениях. Но, в конце концов, не обязан же он отчитываться перед Селиком! Египтяне пришли, потому что так захотелось французам, вот и все!

Однако Селик не настаивал, хотя такое стечение об-

стоятельств показалось ему более чем странным, и он решил следить за египтянами так же пристально, как и за тремя французами.

В эту минуту появился Антифер, таща на буксире Трегомена,— буксирный пароход вел за собой большое торговое судно. Если продолжить сравнения, можно добавить, что упомянутое судно еле-еле начало готовиться к отплытию: Трегомен еще не успел проснуться, глаза его слипались.

Нечего и говорить, что Пьер-Серван-Мало не желал замечать присутствия Бен-Омара и Назима. Он возглавил шествие, рядом с ним шагал Селик, остальные следовали по его стопам в направлении порта.

У конца маленького мола была ошвартована двухмачтовая яхта. Оставалось только распустить большой парус, уже взятый на гитовы¹, поставить кливер², парус на корме и выйти в море.

На этой яхте, под названием «Бербера», насчитывалось человек двадцать матросов — гораздо больше, чем требовалось для обслуживания маленького судна водоизмещением в пятьдесят тонн. Жюэлю это бросилось в глаза, но он ни с кем не поделился своим наблюдением. Впрочем, вскоре он сделал еще одно открытие: из двадцати человек экипажа по крайней мере половина не были моряками. Действительно, это были полицейские агенты из Сохора, севшие на судно по приказанию Селика.

Ни один здравомыслящий человек, взвесив обстановку, не дал бы теперь и десяти пистолей за сто миллионов наследника Камильк-паши... если, конечно, они вообще находились на острове.

Пассажиры вскочили на борт «Берберы» с ловкостью моряков, привыкших проделывать подобные упражнения. Ради истины стоит заметить, что под тяжестью Трегомена легкое суденышко дало чувствительный крен на бак-борт. Погрузить нотариуса, у которого уже останавливалось сердце, было бы делом нелегким, если бы Назим не сгрел его в охапку и не швырнул на палубу. Так как боковая качка не замедлила оказать на Бен-Омара свое

¹ Гитовы — снасти для подтягивания парусов к мачтам или реям.

² Кливер — косой треугольный парус; ставится перед фок-мачтой.

тлетворное действие, он поспешил забиться в кормовой отсек, откуда немедленно послышались протяжные жалобные стоны. Что касается инструментов, то переноска их была обставлена тысячью предосторожностей. Хронометр нес Жильдас Трегомен — в носовом платке, крепко держа платок за все четыре конца.

Хозяин судна, старый араб с суровым лицом, приказал выбрать якорную цепь, поднять паруса и, по указанию Жюэля, переданному через Селика, взял курс на северо-восток.

Итак, судно направилось к острову. При западном ветре добраться до него можно было за двадцать четыре часа. Но строптивая природа всегда что-нибудь да придумает во вред людям. Если ветер был благоприятный, зато небо сплошь обложило тучами. А нужно было не только держаться восточного направления, но и прибыть в строго назначенное место. Для этого требовалось сделать двойное наблюдение долготы и широты, первое — до и после полудня, второе — в тот момент, когда солнце будет переходить меридиан. Пока небесное светило не сочтет нужным осчастливить своим появлением, Жюэль не сможет определить высоту. А в этот день капризное светило упорно решило не показываться.

Вот почему Антифер, расхаживая взад и вперед по палубе «Берберы», с лихорадочным беспокойством глядел больше на небо, чем на море. Не остров высматривал он сейчас в туманной дали, а солнце!

Трегомен, усевшись у гакаборта, огорченно покачивал головой. На лице Жюэля — он стоял тут же, на корме, — сквозило выражение досады. Задержка... опять задержка... Неужели этому путешествию не будет конца? И он переносился мыслью за сотни, сотни лье, в Сен-Мало, в маленький дом, к своей дорогой Эногат, терпеливо ожидавшей письма, которое никак не могло дойти до нее.

— А если оно так и не покажется, это самое солнце? — спросил Трегомен.

— Тогда я не смогу произвести наблюдения, — ответил Жюэль.

— Но, когда нет солнца, разве нельзя сделать расчеты по луне или по звездам?

— Разумеется, можно, но сейчас ведь новолуние, а что касается звезд, то я боюсь, что и ночью будет так же

облачно, как днем. Да и наблюдения сами по себе очень сложные, и их трудно вести на борту такого неустойчивого судна, как эта яхта.

И в самом деле, ветер свежел. На западе клубились густые тучи, словно извергнутые гигантским кратером.

Трегомену было очень скучно. Он держал на коленях доверенный его заботам ящик с хронометром, а Жюэль с секстантом в руке тщетно ожидал случая пустить его в дело.

Внезапно тишину нарушили ужасные проклятия и бессвязные выкрики дядюшки Антифера. Он грозил кулаком солнцу, которое, как сообщает библия, послушалось когда-то Иисуса Навина¹, а сейчас не хотело выполнить куда более скромное желание нашего малуинца.

Оно словно смеялось над ним, посылая время от времени свои лучи в разрывы между тучами. Разрывы эти быстро затягивались, словно какой-то злой дух там, в вышине, мгновенно зашивал прорехи одним взмахом иглы. Не было никакой возможности уловить момент появления светила, чтобы определить высоту. Несколько раз Жюэль пытался это сделать, но все его попытки были безуспешны.

Так как употребление этих морских инструментов арабам почти неизвестно, они не понимали, чего добивается молодой капитан. Даже Селик, более образованный, чем другие, не отдавал себе отчета, какое громадное значение имеет для Жюэля наблюдение за солнцем. Однако всем было ясно, что путешественники чем-то очень раздосадованы. Глядя же на малуинца, который бежал взад и вперед по палубе, бранился, посылал проклятия, бесновался, словом, вел себя, как одержимый, арабы думали, не имеют ли они дело с сумасшедшим. Нет, конечно, он еще не был таким, но и не так уж далек был от сумасшествия, чего больше всего опасались Жюэль и Трегомен.

Антифер послал их обоих ко всем чертям, когда они пригласили его разделить с ними завтрак. Утолив голод куском хлеба, он растянулся на палубе у грот-мачты и запретил обращаться к нему с разговорами.

¹ В одном из библейских сказаний легендарный вождь израильтян Иисус Навин просит бога остановить движение солнца, чтобы не дать вражескому войску уйти от преследования под покровом ночной тьмы.

Погода не изменилась и после полудня. Небо все еще было покрыто густыми облаками. Море, довольно неспокойное, «предчувствовало что-то», как любят говорить моряки. И действительно, оно предчувствовало бурю, один из тех опустошительных юго-западных шквалов, которые часто проносятся над водами Оманского залива. Иногда эти ужасающие хамсины¹, налетающие из пустыни на Египет, внезапно отклоняются от своего пути и, уже ослабевшие, задевают аравийское побережье и разбиваются о волны Индийского океана.

«Берберу» страшно качало. Благодаря парусам с очень малыми рифами и плоскому обводу корпуса она не могла лечь в дрейф, иначе говоря — противостоять хлещущим через борт громадным волнам, грозившим ей гибелью. Оставалось только одно средство — бежать на северо-восток. Жюэль это понял так же хорошо, как сумел бы понять и Антифер, если бы он был способен обратить внимание на маневры, которые очень осторожно и ловко выполнял управлявший судном араб. Вообще экипаж проявлял хладнокровие и мужество, присущие истым морякам.

Этим храбрым людям не впервые приходилось бороться с бурей в Оманском заливе. Но если часть экипажа довольно легко переносила ужасный шторм, то остальные матросы, растянувшись на палубе, очень страдали от качки. Без сомнения, этим людям никогда раньше не приходилось плавать. Вот тут-то Жюэля и осенило: ну конечно, это переодетые полицейские агенты... и Селик, быть может... Действительно, дело оборачивалось очень плохо для наследника Камиль-паши!

Саук тоже был взбешен из-за дурной погоды. Если буря продлится еще несколько дней и нельзя будет сделать наблюдения, то как же тогда определить положение острова? Видя, что оставаться на палубе совершенно бесполезно, он решил укрыться в кормовом отсеке, где Бен-Омара перекачивало с борта на борт, как сорвавшуюся с креплений бочку.

Жюэль и Трегомен попытались было уговорить Антифера спуститься вниз, но он наотрез отказался. Тогда они решили оставить его у мачты под прикрытием просмолен-

¹ Х а м с и н — южный ветер, горячий и сухой, дующий над Египтом в течение пятидесяти дней во время разлива Нила.

ного брезента с загнутыми краями, а сами растянулись на скамейках в кубрике¹.

— Нашей экспедиции, кажется, угрожает плохой конец,— пробормотал Жильдас Трегомен.

— И я этого опасюсь,— ответил Жюэль.

— Не надо терять надежды, мой мальчик. Погода может уллучшиться, и тогда ты определишь высоту...

— Будем надеяться, господин Трегомен!

Но он так и не сказал, что его тревожило вовсе не состояние атмосферы (солнце в конце концов покажется даже и над водами Оманского залива... И остров найдется, если только таковой существует!..), а присутствие на борту «Берберы» этих подозрительных личностей.

Ночь, очень темная и туманная, грозила маленькому суденышку серьезной опасностью. Опасность эта вызывалась не легкостью яхты (благодаря своей легкости она ускользала от грозных валов, подымаясь на гребни волн), а страшными порывами шквального ветра, от которого она десятки раз уже могла перевернуться, если бы не опытность старого моряка-хозяина.

После полуночи пошел затяжной дождь, и ветер стал ослабевать. Может быть, это предвещало перемену погоды? Нет, с наступлением утра буря, правда, утихла и тучи уже не сулили грозы, но небо по-прежнему было облачным и атмосфера туманной. После ночного ливня из низких туч зарядил мелкий и частый дождь — водяная пыль не успевала стечь в крупные капли.

Жюэль поднялся на палубу и досадливо поморщился: при таком небе невозможны никакие наблюдения. Где сейчас находится судно после того, как оно изменило курс? Как далеко и в каком направлении угнала его буря минувшей ночью? Несмотря на свое хорошее знание Оманского залива, хозяин яхты не мог ответить на эти вопросы. В поле зрения не было ни малейшего клочка земли. Не остался ли остров позади? Это было вполне вероятно, так как под напором западного ветра «Бербера» могла уклониться к востоку больше, чем следовало. Впрочем, трудно что-либо утверждать, пока не будут сделаны наблюдения.

Пьер-Серван-Мало вылез из-под брезента и стал на носу яхты. И снова бешеные вопли, яростные жесты вы-

¹ Кубрик — жилое помещение для судовой команды.

рвались у него при виде горизонта. Но своему племяннику он не сказал ни слова и неподвижно замер на месте.

Жюэль не осмеливался прервать упорное молчание своего дяди, зато ему пришлось выдержать натиск Селика, засыпавшего его вопросами, на которые он отвечал весьма уклончиво.

Переводчик, подойдя к нему, проговорил:

— Какая досада — и этот день начался неудачно!

— Очень неудачно.

— И вам опять не удастся воспользоваться вашими инструментами, чтобы посмотреть на солнце?

— Боюсь, что так.

— Что же вы будете делать?

— Ждать.

— Напоминаю вам, что судно запаслось провиантом только на три дня, и, если погода не улучшится, мы должны будем вернуться в Сохор.

— Вероятно.

— В таком случае, вы откажетесь от вашего намерения исследовать Оманский залив?

— Возможно... или, по крайней мере, отложим экспедицию до лучшего времени года.

— Вы будете ждать в Сохоре?

— В Сохоре или в Маскате, безразлично.

Молодой капитан был очень сдержан с Селиком, который внушал ему теперь особенно сильное недоверие. Поэтому переводчику так и не удалось ничего выпытать.

Трегомен появился на палубе почти одновременно с Сауком. На лице одного выразилось разочарование, другой не мог удержаться от гневного жеста при виде тумана, затянувшего весь горизонт уже в двух-трех кабельтовых от «Берберы».

— Плохо наше дело? — спросил Жильдас Трегомен, пожав руку молодому капитану.

— Плохо! — ответил Жюэль.

— А наш друг?

— Там... впереди...

— Только бы он не расшиб себе голову о борт... — прошептал Трегомен.

Он все время боялся, как бы малуинец в припадке отчаяния не покончил с собой.

Все утро прошло в ожидании. Секстант лежал на дне ящичка и был так же бесполезен, как ожерелье,

спрятанное в шкатулке для драгоценностей. Ни один солнечный луч не пробивался сквозь непроницаемую завесу тумана. В полдень Жильдас Трегомен для очистки совести вынес на палубу хронометр, но он не мог служить для определения долготы вследствие разницы времени между Парижем и той точкой Оманского залива, где находилась «Бербера». Погода не улучшилась и после полудня. Местонахождение судна по-прежнему оставалось неясным.

Именно об этом и говорил Селику старый араб, предупредив его, что, если погода на следующий день не переменится, он вынужден будет повернуть на запад, чтобы добраться до ближайшей земли. Где они встретят ее? На широте Сохора, Маската или дальше к северу, у входа в Ормузский пролив, или к югу, у берегов Индийского океана, на широте мыса Рас-эль-Хад?

Селик счел своим долгом сообщить Жюэлю о намерениях хозяина «Берберы».

— Пусть будет так, — ответил молодой капитан.

Вплоть до ночи не произошло ничего нового. Даже в ту минуту, когда солнце садилось, оно не послало ни одного луча и не попыталось пробиться сквозь густой туман. Между тем дождь почти перестал и был незаметен, как тончайшие брызги волн. Не предвещало ли это изменений в состоянии атмосферы? Да и ветер успокоился; только изредка чувствовались его легкие дуновения.

Трегомен, смочив руку в воде и подняв над головой, ощутил слабый ветерок с востока.

«Ах! Если бы я был на «Прекрасной Амелии», — думал он, — среди великолепных берегов Ранса, я бы знал, что делать!»

Но уже много времени прошло с тех пор, как «Прекрасная Амелия» была продана на дрова, и «Бербера» плыла не среди великолепных берегов Ранса...

И Жюэль, со своей стороны, сделал такое же наблюдение, как и Жильдас Трегомен. Кроме того, ему показалось, что в тот момент, когда солнце скрывалось за линией горизонта, оно выглянуло в прореху туч, словно любопытный, подсматривающий в дверную щелочку.

Несомненно, и Пьер-Серван-Мало перехватил этот мимолетный луч, потому что глаза его сверкнули в ответ лучом ярости.

Наступил вечер. Так как провизии осталось едва на

сутки, все поужинали очень скромно. Необходимо было добраться до земли на следующий же день, если только «Бербера» не удалилась слишком далеко от берега.

Ночь прошла спокойно. Волнение быстро улеглось, как это часто бывает в узких заливах. Ветер, дувший с востока, мало-помалу заставил перейти на правый галс; хозяин, не зная положения судна, выполнил совет Жюэля, переданный через Селика, и яхта легла в дрейф в ожидании дня.

К трем часам утра небо полностью очистилось от густого тумана, и в предрассветной мгле засверкали последние созвездия. Все предвещало возможность удачного наблюдения.

В самом деле, с наступлением зари солнечный диск появился на горизонте во всем своем великолепии. Увеличенный от преломления света, пунцовый в низких слоях воздуха, он рассеивал ослепительные лучи по всей поверхности залива.

Жильдас Трегомен приветствовал солнце, вежливо сняв свою лощеную¹ шляпу. Ни один парс, ни один гебр² не встретил бы дневное светило с большим благоговением.

Легко себе представить, какой переворот произошел в умах. С каким нетерпением пассажиры и моряки ждали момента наблюдения! Арабы знают, что европейцы умеют точно определить местоположение корабля даже вдали от берегов. Естественно, их очень интересовало, находилась ли «Бербера» еще в заливе или была отброшена к мысу Рас-эль-Хад.

Между тем солнце поднималось все выше. На изумительно чистом небе не было ни облачка, и молодой капитан решил, что теперь-то он определит широту.

Перед самым полуднем Жюэль начал свои приготовления.

Антифер стоял подле него, стиснув зубы, со сверкающим взором, не говоря ни слова. Жильдас Трегомен, по-

¹ В XIX веке было модно лощить шляпы и цилиндры, то есть покрывать их для блеска особым лаком или воском.

² Парс — последователь парсизма, религии древних персов, основателем которой считается мифический пророк Зороастра (Заратустра). Парсы поклоняются огню и солнцу. Парсизм имеет своих сторонников в Иране и Индии. Парсы, живущие в Иране, называются гебрами.

качивая своей большой головой, держался справа, Саук — немного позади, Селик — по левую сторону. Все приготовились следить за предстоящей операцией в мельчайших ее деталях.

Жюэль, упершись ногами в палубу и взяв секстант в левую руку, уверенным движением направил трубу на горизонт.

Судно слегка покачивалось на едва заметных волнах. Высота была определена.

— Готово, — сказал Жюэль.

Затем, сверившись с показаниями на дугообразной шкале, он спустился в каюту, чтобы сделать вычисления.

Через двадцать минут он поднялся на палубу и сообщил результаты наблюдения.

«Бербера» находилась под $25^{\circ}2'$ северной широты.

Следовательно, судно находилось в трех минутах к северу от широты острова.

Для довершения операции оставалось измерить часовой угол. Нет, никогда еще время не тянулось так медленно для дядюшки Антифера, Жюэля, Трегомена и Саука! Им казалось, что желанный момент никогда не наступит!

Но он наступил, между тем как «Бербера» в соответствии с указаниями Жюэля подалась немного к югу.

В половине третьего молодой моряк сделал несколько определений высот, а Трегомен отмечал время по хронометру. Произведя необходимые вычисления, Жюэль нашел долготу: $54^{\circ}58'$. Следовательно, судно находилось на одну минуту к востоку от разыскиваемого острова.

В ту же минуту раздался крик. Один из арабов указывал на чернеющую вдали бесформенную возвышенность, приблизительно в двух милях к западу.

— Мой остров! — закричал дядюшка Антифер.

Да, это мог быть только его остров, так как никакой другой земли вокруг не было видно.

И тут малуинец стал бегать взад и вперед, жестикулировать, метаться, словно в припадке виттовой пляски¹. Жильдасу Трегомену ничего не оставалось, как попытаться успокоить его в своих могучих объятиях.

¹ Виттова пляска, или пляска святого Витта, — первое заболевание, выражающееся в судорожных подергиваниях головы и конечностей.

Судно сейчас же повернуло к замеченным скалам. Благодаря легкому восточному ветерку, надувавшему паруса, достаточно было и получаса, чтобы добраться до острова. И действительно, ровно через тридцать минут судно достигло цели. Принимая во внимание отрезок пути, пройденный с момента наблюдения, Жюэль убедился, что положение острова в точности соответствовало координатам, указанным Камильк-пашой: он лежал на той самой широте, которую завещал Томас Антифер своему сыну — $24^{\circ}59'$ к северу от экватора, — и на той самой долготе, привезенной в Сен-Мало Бен-Омаром, — $54^{\circ}57'$ к востоку от парижского меридиана.

И во все стороны горизонта, насколько хватал глаз, расстился только безграничный простор Оманского залива.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой неопровержимо доказывается, что Камильк-паша, скитаясь по морям, действительно побывал в водах Оманского залива

Итак, он существовал, этот остров, который дядюшка Антифер оценивал по крайней мере в сто миллионов! Нет! Он не уступил бы и полфранка, если бы, скажем, братья Ротшильды¹ захотели немедленно откупить его «в том виде, в каком он есть», выражаясь юридическим языком.

По внешнему виду это был голый массив, унылый, бесплодный, лишенный растительности, попросту — нагромождение скал овальной формы, от двух до двух с половиной тысяч метров в окружности. Берега были причудливо изрезаны острыми выступами и неглубокими бухточками. В одной из них, на западной стороне, «Бербера» нашла убежище и укрылась от ветра. Вода оказалась там настолько прозрачной, что на глубине двадцати футов можно было разглядеть песчаное дно, поросшее водорослями. Наконец яхту ошвартовали. Лишь слабый прибой заставлял ее слегка покачиваться с борта на борт.

¹ Ротшильды — богатейшие банкиры во Франции, Англии и Германии.

Но и этого было вполне достаточно и даже слишком, чтобы нотариус ни одной лишней минуты не захотел оставаться на борту «Берберы». Дотащившись кое-как до трапа, он вскарабкался на палубу и хотел уже ступить на сходни, как был остановлен дядюшкой Антифером, схватившим его за плечо.

— Ни шагу дальше, господин Бен-Омар!.. — закричал он грозно. — Первым сойду я, понятно?

И нотариус, понятно это ему было или нет, должен был выждать, пока упрямый малуинсец не примет во владение свой остров, что он и сделал, первым отпечатав на песке тяжелый след от своих морских сапог.

Только тогда Бен-Омар смог присоединиться к нему, и какой он испустил глубокий вздох облегчения, снова почувствовав под ногами твердую почву! Высадились и остальные — Трегомен, Жюэль и Саук.

А Селик тем временем испытующе оглядывал остров и никак не мог взять в толк, что собираются здесь делать эти иностранцы... К чему такое длинное путешествие, такие расходы, такие трудности?.. Нанести на карту эти скалы, определить их положение в море — кто поверил бы такому объяснению!.. Все выглядело настолько пелено, что походило на затею каких-то безумцев! Но если у дядюшки Антифера и проявлялись некоторые признаки помешательства, то этого никак нельзя было сказать о Жюэле и Трегомене: они-то уж, во всяком случае, были в полном уме!.. И тем не менее они принимали деятельное участие в этих загадочных исследованиях! Да к тому же еще и два египтянина замешались каким-то образом в эту авантюру...

Поведение иностранцев еще больше усилило подозрения Селика, и он приготовился высадиться на остров и следовать за ними по пятам... Но Пьер-Серван-Мало жестом показал Жюэлю, что это нежелательно, и тот сказал Селику:

— Вам незачем сопровождать нас. Переводчик здесь не понадобится... Бен-Омар говорит по-французски, как прирожденный француз...

— Хорошо, — вынужден был ответить Селик.

Как ни разбирала досада полицейского агента, он не захотел затевать спор по этому поводу. Он нанялся в услужение к дядюшке Антиферу и должен был до поры до времени исполнять все его приказания. Вот почему

Селик уступил, сохранив за собой право вмешаться в дело вместе со своими людьми, если, вернувшись из разведки, иностранцы принесут какие-нибудь вещи на борт «Берберы».

Было около четырех часов дня — еще не поздно, чтобы успеть вырыть три бочонка, если они находились в указанном месте, а в этом малуинец не сомневался.

Условились, что «Бербера» будет ждать в бухте. С помощью Селика хозяин яхты предупредил Жюэля, что простоят на якоре только до шести часов. Запасы провизии почти иссякли. Необходимо воспользоваться попутным восточным ветром, чтобы к рассвету вернуться в Сохор. Дядюшка Антифер не возразил ни слова. Ему хватит времени для благополучного завершения операции.

Да и что его могло задержать? Ведь не понадобится обходить весь этот остров и прорывать метр за метром. В письме было ясно указано, что клад находится на южной оконечности, у подножия скалы, которую легко распознать по начертанной на ней монограмме — двойному «К». С помощью кирки нетрудно будет вырыть три бочонка, и дядюшка Антифер без всяких затруднений сможет докатить их до судна. Понятно, он предпочел бы действовать без свидетелей за исключением Бен-Омара, присутствие которого предписано завещанием, и его клерка Назима. Поскольку экипаж «Берберы» вряд ли будет интересоваться содержимым этих бочонков, трудности возникнут только при возвращении караваном в Маскат. Но об этом еще будет время позаботиться...

Дядюшка Антифер, Жильдас Трегомен и Жюэль, с одной стороны, Бен-Омар и Назим — с другой, начали подниматься по склонам острова, средняя высота которого над уровнем моря не превышала ста пятидесяти футов.

Синьги¹ стаями разлетались при их приближении, выражая пронзительными криками свое негодование против вторжения этих незнакомцев в обжитое ими место. Кто знает, быть может, после короткого пребывания Камильк-паши человеческая нога больше не ступала на эту землю.

Малуинец нес на плече кирку, не пожелав никому ее доверить. Трегомен вооружился заступом, Жюэль вел всех по компасу, держа его перед глазами.

¹ Синьга — черная утка.

Нотариусу стоило больших усилий не давать Сауку вырываться вперед. Ноги у Бен-Омара все еще дрожали, хотя под ним уже и не качалась палуба. Но читатель не удивится, если мы скажем, что он вполне овладел собой, обрел свой прежний ум, забыл о тяготах путешествия и даже не думал о предстоящих испытаниях на обратном пути. Ведь именно на этом острове находился тайник, представлявший для Бен-Омара величайший соблазн, и, конечно, думал он, если Сауку удастся захватить сокровища, он не откажется выдать завещанный процент, хотя бы для того, чтобы купить его молчание.

Почва была довольно каменистой. Идти было нелегко. Чтобы добраться до центральной части острова, приходилось огибать труднопроходимые возвышенности. Достигнув самой высокой точки, путешественники увидели «Берберу» с развевающимся по ветру флагом.

Отсюда открывались очертания всего острова. Кое-где торчали высокие скалы, и среди них была одна с погребенными у ее подножия миллионами! Ошибки быть не могло — завещание ясно указывало, что она расположена на конце южного склона.

С помощью компаса Жюэль вскоре отыскал это место.

Острый мыс, похожий на длинный язык, был окаймлен белой пеной прибоя.

И снова молодой капитан подумал с болью в сердце, что богатство, зарытое под этими скалами, воздвигнет непреодолимую преграду между ним и его невестой! Никогда ему не удастся сломить упрямство дяди!.. И его охватило желание, дикое желание, которое он с трудом подавил, повести своих спутников по ложному следу...

Что касается Трегомена, то его раздирали два противоположных чувства: боязнь, что Жюэль и Эногат не смогут пожениться, и опасение, что его друг Антифер сойдет с ума, если не получит наследства Камильк-паши. И в ярости он с такой силой ударил заступом по гранитной почве, что вокруг так и брызнули осколки.

— Эй, ты там... лодочник, какая муха тебя укусила? — кричал Антифер.

— Никакая... никакая! — ответил Жильдас Трегомен.

— Сделай милость, побереги такие удары для настоящего дела!

— Поберегу, старина.

Маленькая группа, следуя вдоль южного склона, вскоре приблизилась к мысу, от которого ее отделяло теперь не более шестисот шагов.

Впереди держались дядюшка Антифер, Бен-Омар и Саук. Они ускорили шаг, словно притягиваемые к скале золотым магнитом, который властвует над людьми. Они задыхались. Казалось, они чувствовали запах сокровищ, втягивали его в себя, дышали им; казалось, они были пропитаны атмосферой миллионов и упали бы, задохнувшись, если бы это наваждение исчезло!

Через десять минут путешественники достигли мыса, заостренный конец которого терялся в море. Именно здесь надо было искать скалу, которую Камильк-паша пометил двойным «К».

И тут невыносимое возбуждение дядюшки Антифера достигло такой крайней степени, что он потерял сознание. Если бы Жильдас Трегомен не подхватил его на руки, он упал бы как подкошенный. Только судорожные подергивания показывали, что он еще жив.

— Дядя... дядя! — кричал Жюэль.

— Мой друг!.. — простонал Трегомен.

Гримаса, появившаяся на лице Саука, никого не могла бы ввести в заблуждение. Она говорила ясно:

«Чтоб он сдох, этот христианский пес! Я стал бы тогда единственным наследником Камильк-паши!»

Надо отдать справедливость, физиономия Бен-Омара говорила совсем о другом: «Если этот человек умрет — а он единственный, кто знает, где зарыты сокровища, — пропал тогда мой миллион».

Происшествие, однако, обошлось без печальных последствий. Благодаря мощным растираниям, на которые Трегомен не пожалел сил, дядюшка Антифер быстро пришел в себя и поднял выпавшую из рук кирку. После этого начались поиски в южной части острова.

Вскоре обозначилась узкая полоса, приподнятая настолько, что даже бурное море при юго-западном ветре не могло бы ее затопить. Лучшего места нельзя было и найти для сохранения клада! Отыскать скалу, конечно, будет нетрудно, если только шквальные ветры, господствующие в Оманском заливе, не стерли за истекшие десятилетия монограмму.

Хорошо же! Если понадобится, Пьер-Серван-Мало перероет все вокруг! Он взорвет скалы одну за другой,

хотя бы для этого пришлось провести здесь недели или месяцы! Он пошлет судно за съестными припасами в Сохор!.. Нет! Он не уйдет с острова, пока не вырвет у него свои сокровища, которые принадлежат только ему, только законному наследнику, и никому больше!

Точно так же рассуждал и Саук, и душевное состояние обоих было одинаково, что, конечно, не делает большой чести человеческому роду.

Итак, все принялись за работу: разрывали путаницу водорослей, заглядывали в расщелины, заросшие скользким мхом. Дядюшка Антифер ощупывал киркой отвалившиеся от скал камни. Трегомен разгребал их заступом. Бен-Омар ползал среди валунов на четвереньках, как краб. Жюэль и Саук тоже были заняты делом. Никто не произносил ни слова. Работа производилась в полном молчании. На похоронах не было бы большей тишины.

И правда, разве не кладбищем был этот островок, затерянный в глубине залива, и разве не могилу искали эти гробокопатели — могилу, из которой они хотели выкопать миллионы египетского паши?..

После получасовых поисков ничего не было найдено. Но никто не отчаивался и не сомневался, что находится именно на острове Камильк-паши и что бочонки зарыты где-то здесь, на южной оконечности.

Солнце обжигало их своими губительными лучами. Пот градом катился по лицам. Но эти люди не чувствовали усталости. Они работали с усердием муравьев, строящих муравейник,— все, даже Трегомен, которым вдруг овладел демон алчности. Только у одного Жюэля иногда появлялась на губах презрительная усмешка.

И вдруг раздался крик радости, вернее, это был рев хищного зверя. Испустил его дядюшка Антифер. В одной руке он держал шляпу, другой указывал на скалу, прямую, как надгробный памятник.

— Там... там...— повторял он.

И, если бы он распростерся ниц перед этим памятником, как какой-нибудь транстеверинец¹ перед статуей мадонны, ни один из его спутников не выразил бы удивления. Скорее, они присоединились бы к нему в общем порыве.

¹ Транстеверинцы — жители Транстевере, части Рима, расположенной на правом берегу Тибра.

Жюэль и Трегомен, Саук и Бен-Омар подбежали к дядюшке Антиферу, преклонившему колени... Они тоже опустились на колени рядом с ним.

Что же было на этой скале?..

Там было то, что они могли увидеть своими глазами и ощупать своими руками... Та самая знаменитая монограмма Камильк-паши — двойное «К», грани которого, наполовину стершиеся, все же были ясно различимы.

— Там... там... — продолжал повторять дядюшка Антифер.

И показывал на место у основания скалы, где нужно было рыть, место, где сокровища, помещенные тридцать два года назад, спали в каменном сундуке.

Тотчас кирка ударила о скалу так, что посыпались искры. Потом заступ Жильдаса Трегомена отбросил в сторону осколки. Отверстие расширялось и углублялось. Присутствующие с трудом переводили дух; их сердца бились так сильно, что, казалось, могли разорваться в ожидании последнего удара, который заставит недра земли исторгнуть из себя стомиллионный источник...

Рыли и рыли, а бочонков все не было видно. Но это лишь доказывало, что Камильк-паша счел нужным зарыть их очень глубоко. В конце концов, он поступил правильно: если и придется потратить немного больше времени и усилий, чтобы извлечь их на поверхность, не все ли равно?

Внезапно послышался звон металла. Ясно было, что кирка задела какой-то металлический предмет.

Дядюшка Антифер наклонился над ямой, его голова исчезла в ней, руки жадно шарили под землей...

Затем он поднялся с налившимися кровью глазами...

В руках у него был металлический ящик, не больше кубического дециметра в объеме.

Все глядели на эту находку с явным разочарованием. И Жильдас Трегомен, несомненно, выразил общую мысль, воскликнув:

— Пусть меня возьмут черти, если тут сто миллионов!..

— Замолчи! — прорычал дядюшка Антифер.

И снова начал рыться в яме, выбрасывая оттуда последние осколки гранита.

Бесполезный труд... Там ничего не было — ничего,

кроме железного ящика, на крышке которого было выгравировано двойное «К» египтянина!

Неужели дядюшка Антифер и его спутники перенесли напрасно столько лишений? Неужели они проделали такой далекий путь лишь затем, чтобы натолкнуться на шутку мистификатора?

По правде говоря, Жюэль готов был улыбнуться, если бы его не ужаснуло лицо дяди, — его безумные глаза, сведенный судорогой рот, нечленораздельные звуки, вырывавшиеся из горла...

Впоследствии Жильдас Трегомен рассказывал, что в ту минуту он больше всего опасался, что его друг скончается на месте.

Но внезапно дядюшка Антифер поднялся, схватил свою кирку, размахнулся и в неистовом бешенстве страшным ударом разбил ящик... Оттуда выпала бумага.

Это был пожелтевший от времени кусок пергамента, на котором довольно легко было разобрать несколько строк, написанных по-французски.

Дядюшка Антифер схватил эту бумагу. Упустив из виду, что его слушают Бен-Омар и Саук, что он им выдаст, быть может, тайну, которую ему выгодней хранить про себя, он начал читать дрожащим голосом первые строчки бумаги:

— «Этот документ содержит долготу второго острова, которую Томас Антифер или в случае его смерти его прямой наследник должен довести до сведения банкира Замбуко, живущего в...»

Дядюшка Антифер остановился и ударом кулака заткнул свой неосторожный, болтливый рот.

Саук достаточно хорошо владел собой, чтобы ничем не выдать охватившего его чувства разочарования. Еще несколько слов — и ему стала бы известна долгота этого второго острова, широта которого должна была находиться у упомянутого Замбуко, и, кроме того, он узнал бы, в какой стране живет этот банкир.

Нотариус, не менее Саука обманутый в своих надеждах, застыл на месте с открытым ртом и высунутым языком, как умирающая от жажды собака, у которой вытащили из-под носа миску с водой.

И все же вслед за тем, как чтение письма было прервано ударом кулака, о чем говорилось выше, Бен-Омар,

Это был пожелтевший от времени кусок пергамента.

имевший право знать намерения Камильк-паши, выпрямился и спросил:

— Ну так вот... этот банкир Замбуко... где он живет?

— У себя! — ответил дядюшка Антифер.

И, сложив бумагу, он спрятал ее в карман, предоставив Бен-Омару воздевать в отчаянии руки к небесам.

Итак, сокровищ не оказалось на этом острове в Оманском заливе! Единственным результатом путешествия было предложение дядюшке Антиферу вступить в переговоры с новым лицом, банкиром Замбуко!

Может быть, этот человек был вторым наследником Камильк-паши, которого он хотел вознаградить за оказанные некогда услуги?.. Может быть, малуинцу придется разделить с ним сокровища, которые, как он думал, были завещаны ему одному? Все это вполне возможно. Отсюда логический вывод: в карман дядюшки Антифера вместо ста миллионов попадет только пятьдесят!..

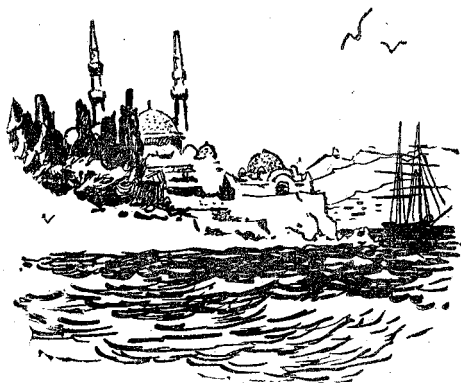
Жюэль понурил голову, думая о том, что и эта сумма слишком велика, чтобы дядя позволил ему обвенчаться с любимой Эногат.

А Жильдас Трегомен только улыбался, как бы желая сказать: «Пятьдесят миллионов тоже хороший подарок, когда они очутятся в ваших руках».

Надо сказать, что Жюэль совершенно точно угадал мысли дядюшки Антифера, который, обдумав положение вещей, принял такое решение:

«Ну что ж... разница только в том, что Эногат выйдет замуж не за принца, а за герцога и Жюэль женится не на принцессе, а на герцогине!..»

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*содержащая письмо Жюэля к Эногат с рассказом
о приключениях, героем которых был дядюшка Антифер*

Как уныло выглядел дом на улице От-Салль в Сен-Мало, каким вымершим казался он с тех пор, как его покинул дядюшка Антифер! В какой тревоге проходили дни и ночи у обеих женщин — у матери и дочери! Опустевшая комната Жюэля делала пустым все жилище; по крайней мере, такое ощущение было у Эногат. К тому же не было дядюшки и Трегомен не приходил в гости!

Наступило 29 апреля. Два месяца, уже два месяца прошло с того дня, как «Стирсмен» ушел в море, увозя трех малуинцев, отправившихся в свой авантурный поход — на завоевание сокровищ. Как проходило их путешествие? Где они теперь? Удалось ли им достигнуть цели?

— Мама... мама, они не вернутся! — твердила молодая девушка.

— Надейся, дитя мое... верь... они вернутся! — неизменно отвечала старая бретонка. — Конечно, лучше было бы им не уезжать...

— Да, — говорила шепотом Эногат, — особенно в то время, когда я должна была стать женой Жюэля!

Заметим кстати, что отъезд дядюшки Антифера произвел в городе огромное впечатление. Все привыкли видеть его разгуливающим с трубкой в зубах по улицам, вдоль набережной Силлон, по крепостному валу. А за ним — Жильдаса Трегомена, всегда в помятом сюртуке, всегда с выгнутыми колесом ногами, все с тем же орлиным носом и с тем же самым добрым, милым, невозмутимо-спокойным лицом!

И Жюэль, молодой капитан дальнего плавания, которым так гордился его родной город, любивший его не меньше, чем любила Эногат, или, лучше сказать, как мать любит своего сына, — он тоже уехал незадолго до того, как его должны были назначить помощником капитана на прекрасное трехмачтовое судно торгового дома «Байиф и К°».

Где теперь они были, все трое? Никто об этом не имел ни малейшего понятия. Известно лишь было, что «Стирмен» доставил их в Порт-Саид. Только Эногат и Нанон знали, что путешественники должны были спуститься по Красному морю и дойти почти до северных границ Индийского океана. Дядюшка Антифер поступил вполне благоразумно, не выдав никому своей тайны, поскольку он не хотел, чтобы Бен-Омар выведал хоть что-нибудь относительно расположения знаменитого острова.

Тем не менее, если никто не знал маршрута, то зато всем были известны планы дядюшки Антифера, слишком хвастливого, слишком болтливового, слишком общительного, чтобы умолчать об этом. И в Сен-Мало, и в Сен-Серване, и в Динаре — всюду повторяли историю Камилькпаши, рассказывали о письме, полученном Томасом Антифером, о прибытии обещанного в этом письме вестника, об установлении долготы и широты острова и о баснословных ста миллионах — ста миллиардах, как утверждали наиболее осведомленные. С каким нетерпением поэтому весь город ожидал новостей о розысках сокровищ, о возвращении капитана каботажного плавания, внезапно превратившегося в набоб¹, обладателя несметного количества алмазов и драгоценных камней!

Эногат и не думала об этом. Только бы они вернулись, ее жених, ее дядя и ее друг, — пусть даже с пустыми карманами! Она будет счастлива, она возблагодарит бога, и ее глубокая печаль сменится безграничной радостью!

Разумеется, молодая девушка получала вести от Жюэля. В первом письме, из Суэца, он подробно рассказывал, как протекало их путешествие, писал о душевном состоянии дяди, о его возрастающей раздражительности, о приеме, оказанном дядюшкой Бен-Омару и его клерку, аккуратно явившимся на назначенное свидание.

Во втором письме, из Маската, описывались перипетии плавания по Индийскому океану до столицы имама-та, говорилось, до какой крайней степени возбуждения, близкого к помешательству, дошел дядюшка Антифер, а также сообщалось о предстоящей поездке в Сохор.

Легко себе представить, с какой жадностью Эногат проглатывала письма Жюэля, который не ограничивался рассказами о путешествии и о душевном состоянии дяди, но изливал молодой девушке свою печаль жениха, разлученного с невестой накануне свадьбы; но, несмотря на то что их разделяло такое громадное расстояние, он надеялся вскоре увидеть ее и вырвать согласие у дяди даже в том случае, если тот вернется миллионером! Эногат и Нанон читали и перечитывали эти письма, на которые они не могли даже ответить, так как были лишены и такого утешения. Поэтому они строили различные предположения, рождавшиеся у них под влиянием этих рассказов, отсчитывали по пальцам дни, которые путешественники, по их мнению, должны были еще провести в далеких морях, зачеркивали число за числом в настенном календаре и, наконец, получив последнее письмо, заторелись надеждой, что скоро начнется вторая половина путешествия — возвращение домой.

Третье письмо пришло 29 апреля, два месяца спустя после отъезда Жюэля. Сердце Эногат забилося от радости, когда она увидела на конверте штемпель Тунисского регентства¹. Значит, путешественники покинули Маскат...

¹ С 1574 года Тунис был вассальным государством Османской империи, и тунисский бей (наследственный правитель страны) подчинялся турецкому султану. Отсюда название страны — регентство Тунис. С 1881 года Тунис — протекторат Франции. В 1956 году был подписан протокол о предоставлении Тунису национальной независимости.

они уже в европейских водах... они возвращаются во Францию... Сколько им понадобится времени, чтобы доехать до Марселя? Не более трех дней! А оттуда экспрессом до Сен-Мало? Не более двадцати шести часов!

Мать с дочерью сидели в одной из комнат нижнего этажа, заперев дверь после ухода почтальона. Никто им теперь не помешает отдаться своим чувствам.

Вытерев мокрые от слез глаза, Эногат вскрыла конверт, вынула письмо и стала его читать громко и внятно, отчеканивая каждую фразу:

— «ТУНИССКОЕ РЕГЕНТСТВО. ЛА-ГУЛЕТТ

22 апреля 1862 года

Моя дорогая Эногат!

Шлю поцелуй — прежде всего твоей матери, затем тебе. Но как далеко еще мы находимся друг от друга, и когда же кончится это бесконечное путешествие?!

Я писал тебе уже два раза, и ты, наверное, получила мои письма. Это письмо — третье, наиболее важное, так как ты узнаешь из него, что дело с наследством изменилось самым неожиданным образом, к величайшему огорчению моего дяди...»

Эногат захлопала в ладоши и радостно воскликнула:

— Мама, они ничего не нашли, и мне не придется выходить замуж за принца!..

— Продолжай, девочка, — сказала Нанон.

Эногат стала читать дальше:

— «...и вот с большой грустью должен сообщить тебе, что мы вынуждены продолжать наши поиски далеко... очень далеко...»

Письмо задрожало в руках Эногат.

— Продолжать поиски... очень далеко! — прошептала она. — Теперь-то уж они, мама, не вернуться... они не вернуться!..

— Мужайся, моя девочка, читай дальше, — ответила Нанон.

Эногат с полными слез глазами снова стала читать. В общих чертах Жюэль рассказывал о том, что произошло на острове в Оманском заливе, как вместо сокровищ в указанном месте обнаружили только документ и в этом документе сообщалась новая долгота. Далее Жюэль писал:

«Вообрази, моя дорогая Эногат, отчаяние дяди, гнев, который его охватил, а также мое разочарование — не потому, что мы не нашли сокровищ, а потому, что наш отъезд в Сен-Мало, мое возвращение к тебе откладывается! Я думал, что мое сердце разорвется...»

Эногат сама с трудом удерживала биение сердца и потому легко могла понять страдания Жюэля.

— Бедный Жюэль! — прошептала девушка.

— И ты, моя бедняжка! — сказала мать. — Продолжай, дочь моя!

Сдавленным от волнения голосом Эногат продолжала:

— «Камильк-паша велел сообщить об этой новой проклятой долготе некоему Замбуко, банкиру из Туниса, которому, в свою очередь, известна широта, вторая широта. Очевидно, сокровища зарыты на другом острове. По-видимому, наш паша чувствовал себя в неоплатном долгу перед этим человеком, который когда-то, так же как и наш дедушка Антифер, оказал ему большую услугу. Поэтому паше пришлось разделить свои сокровища между двумя наследниками, что, конечно, уменьшает наполовину долю каждого. Отсюда невероятный гнев — чей, ты сама знаешь! Всего лишь пятьдесят миллионов вместо ста!.. О, я бы предпочел, чтобы этот великодушный египтянин оставил только сто тысяч, и тогда дядюшка, унаследовав сравнительно скромное состояние, перестал бы чинить препятствия нашему браку!»

И Эногат произнесла:

— Разве нужны деньги, когда любят друг друга!

— Нет, они даже мешают! — убежденно ответила Панон. — Продолжай, моя дорогая!

Эногат повиновалась.

— «...Когда наш дядя начал читать этот документ, он был так ошеломлен, что чуть было не произнес вслух цифры новой долготы и адрес того, с кем он должен снестись, чтобы установить положение острова. К счастью, он вовремя удержался.

Наш друг Трегомен, с которым мы часто говорим о тебе, моя дорогая Эногат, скорчил ужасную гримасу, узнав, что речь идет о поисках второго острова.

«Скажи, мой мальчик, — сказал он мне, — он смеется над нами, что ли, этот паши-пашон-паша? Не собирается ли он отправить нас на край света?»

А вдруг и в самом деле это будет где-нибудь на краю света? Вот чего мы не знаем даже и сейчас, когда я пишу тебе это письмо.

Дело в том, что дядя не доверяет Бен-Омару и потому держит в секрете содержащиеся в документе сведения. С тех пор как этот плут нотариус пытался вытянуть из него в Сен-Мало его тайну, дядюшка подозревает его во всяких кознях. Возможно, что он не ошибается, и, говоря откровенно, клерк Назим кажется мне не менее подозрительным, чем его шеф. Ни мне, ни Трегомену не нравится этот Назим с его свирепой физиономией и мрачным взглядом!

Уверяю тебя, что наш нотариус господин Каллош с улицы Бея ни за что бы не взял такого к себе в контору. Я убежден, что, если бы Бен-Омар и Назим знали адрес этого Замбуко, они постарались бы нас опередить... Но дядюшка не проронил словечка об этом даже нам. Бен-Омар и Назим не подозревают, что мы направляемся в Тунис. И вот теперь, покидая Маскат, мы спрашиваем себя, куда еще заведет нас фантазия паши».

Эногат немного помолчала.

— Не нравятся мне все эти интриги,— заметила Нанон.

Затем Жюэль последовательно описывал все, что происходило на обратном пути,— отъезд с острова и явное разочарование переводчика Селика при виде иностранцев, вернувшихся с пустыми руками (теперь ему пришлось поверить, что это была простая прогулка), мучительное возвращение с караваном, прибытие в Маскат и двухдневное ожидание пакетбота из Бомбея.

«Я не писал тебе больше из Маската,— прибавлял Жюэль,— потому что надеялся узнать и сообщить тебе что-нибудь новое. Но нового пока ничего нет, и я знаю только одно: мы возвращаемся в Суэц, а оттуда отправимся в Тунис».

Эногат прервала чтение и взглянула на мать, которая, неодобрительно покачав головой, прошептала:

— Только бы они не поехали на край света! От неверных всего можно ожидать!

Эта славная женщина говорила о восточных народах примерно так же, как было принято во времена крестовых походов. Более того, набожной бретонке, при ее щепетильной честности, миллионы, получаемые из такого

ненадежного источника, казались «дурными». Попробовала бы она об этом заявить в присутствии дядюшки Антифера!

Далее Жюэль описывал путешествие из Маската в Суэц, переход через Индийский океан и Красное море, невероятные мучения Бен-Омара от морской болезни.

— Так ему и надо! — сказала Нанон.

И, наконец, мрачное настроение Пьера-Сервана-Мало, из которого за все время путешествия нельзя было вытянуть ни слова!

«Я не знаю, дорогая Эногат, что случится с нашим дядей, если он разочаруется в своих ожиданиях, — скорее всего, он сойдет с ума. И кто бы мог ожидать подобных крайностей от такого благоразумного и такого скромного в своих вкусах человека! Перспектива стать миллионером?.. На кого после этого надеяться?.. Кто устоит от соблазна?.. Но мы с тобой, уж во всяком случае, устоим, потому что для нас вся жизнь — в нашей любви!

Из Суэца мы поехали в Порт-Саид, где должны были ждать отправления торгового судна в Тунис. Там-то и живет банкир Замбуко, которому дядя должен вручить этот дьявольский документ.

Но, когда долгота, известная дяде, и широта, находящаяся у Замбуко, позволят определить местонахождение нового острова, — где его нам придется искать? Вот в чем вопрос, и вопрос немаловажный, так как от него зависит наше возвращение во Францию... мое возвращение к тебе...»

Эногат уронила письмо, Нанон подняла его.

Девушка так ясно представила себе, что ее близкие усудят за тысячи лье, в чужие страны, подвергнутся там страшным опасностям и, быть может, никогда не вернутся... Невольно у нее вырвался крик отчаяния.

— О дядя... дядя, какое горе вы приносите тем, кто вас так любит!

— Не будем осуждать его, дочь моя, — сказала Нанон, — и да сохранит его бог!

Прошло несколько минут в молчании, — обе женщины молились об одном и том же.

Затем Эногат опять стала читать письмо:

— «16 апреля мы покинули Порт-Саид. До Туниса нам не пужно было заходить в гавань. Первые дни мы не те-

ряли из виду египетского побережья, и, когда Бен-Омар увидел порт Александрию, он бросил на него такой взгляд!.. Я думал, он сбежит с судна, не побоясь даже потерять свой процент... Но тут появился клерк, и они начали о чем-то оживленно говорить на своем языке, и, хотя мы не поняли ни слова, ясно было, что он заставил патрона образумиться. Однако, как мне показалось, обращался он с ним довольно грубо. Вообще чувствуется, что Бен-Омар боится Назима, и я прихожу к заключению, что этот египтянин совсем не то лицо, за кого он себя выдает. Уж очень сильно смахивает он на разбойника! Но кто бы он ни был, я решил за ним наблюдать.

Пройдя Александрию, мы взяли курс на мыс Бон, оставив на юге заливы Триполи и Габес. Наконец на горизонте показались тунисские горы довольно дикого вида, с несколькими покинутыми фортами на вершинах и двумя-тремя марабутами¹, утопающими в зелени. Затем вечером 21 апреля мы добрались до Тунисского рейда, и на следующий день наш пакетбот бросил якорь у мола Ла-Гулетт.

Моя дорогая Эногаг, хотя в Тунисе я чувствую себя ближе к тебе, чем на острове в Оманском заливе, но все же как ты от меня далеко! И кто знает, не будем ли мы еще дальше друг от друга?.. По правде говоря, одинаково грустно находиться друг от друга в пяти лье или в пяти тысячах! Но не отчаивайся и помни: каков бы ни был исход этого путешествия, оно долго не продлится.

Я пишу тебе это письмо в каюте, чтобы сдать его на почту, как только мы высадимся в Ла-Гулетте. Ты получишь его через несколько дней. Конечно, оно не разъяснит тебе самого главного — в каких странах суждено нам еще побывать. Но дядя и сам этого не знает и узнает не раньше, чем обменяется сведениями с банкиром, которого наше появление в Тунисе должно, наверное, сильно взволновать. Когда на голову Замбуко свалится половина огромного наследства, он, разумеется, не откажется от своей доли и присоединится к нам, чтобы принять участие в дальнейших розысках. Вероятно, он станет таким же одержимым, как наш дядюшка...

Во всяком случае, как только я узнаю координаты второго острова — а я непременно их узнаю, так как дол-

¹ М а р а б у т — маленькая мечеть.

жен буду определить его географическое положение на карте,— я не замедлю тебе об этом сообщить. Возможно, что четвертое письмо очень быстро последует за третьим.

Как и все предыдущие, оно принесет твоей маме и тебе, моя дорогая Эногат, сердечный привет от нашего друга Трегомена, от меня и от нашего дядюшки, хотя, сказать по правде, можно подумать, глядя на него, что он забыл все на свете — и Сен-Мало, и свой родной старый дом, и любимых людей, живущих в этом доме.

Что же касается меня, моя дорогая невеста,— я посылаю тебе всю мою любовь! Ведь и ты ответила бы тем же, если бы могла мне написать.

Твой до гроба верный и нежно любящий

Жюэль Антифер».

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой читателю предоставляется возможность
познакомиться с сонаследником дядюшки Антифера*

Когда вы прибываете на Тунисский рейд, вы еще не в Тунисе. Вам предстоит еще сесть в туземную лодку и переправиться на берег в Ла-Гулетт.

В сущности, эту гавань нельзя даже и назвать гаванью, потому что корабли не только большого, но и среднего тоннажа не могут подойти к набережной, где пришвартовываются только мелкие каботажные суда и рыбацьи баркасы. Парусные корабли и пакетботы бросают якорь в открытом море; и если горы прикрывают их от восточного ветра, то они совершенно беззащитны перед ужасными штормами и шквалами, налетающими с запада или с севера. Давно уже пора создать настоящий порт, чтобы в него могли заходить любые суда, даже военные, либо расширив порт Бизерты на северном побережье регентства, либо, наконец, прорыв десятикилометровый канал, прорубив косу, отделяющую озеро Банра от моря.

Следует добавить, что, добравшись до Ла-Гулетта, дядюшка Антифер и его спутники все еще не попали в Тунис. Им нужно было еще пересечь в вагон поезда ма-

ленькой железнодорожной ветки Рубаттино, построенной итальянской компанией. Эта дорога, огибая озеро Баира, проходит у подножия Карфагенского холма, на котором высится французская часовня святого Людовика¹.

Когда наши путешественники миновали набережную, они очутились на единственной широкой улице Ла-Гуллетта. Вилла губернатора, католическая церковь, кафе, частные дома — все это вместе взятое напоминало уголок современного европейского города. Чтобы обнаружить первые признаки восточного колорита, следует отправиться на побережье к дворцу бея, где он проводит иногда сезон морских купаний.

Но Пьер-Серван-Мало меньше всего интересовался восточным колоритом или легендами о Регуле, Сциппоне,

Цезаре, Катоне, Марии и Ганнибале². Знал ли он вообще имена этих великих людей? Если и знал, то только понаслышке, как и добряк Трегомен, самолюбие которого было полностью удовлетворено славой его родного города. Один Жюэль мог бы предаться историческим воспоминаниям, если бы не был так погружен в заботы сегодняшнего дня. О нем можно было сказать то, что говорят обычно в Леванте о рассеянном человеке: «Он ищет своего сына, которого несет на плечах». Жюэль же «искал» свою невесту и грустил, что уедет от нее еще дальше.

Пройдя с легкими чемоданами в руках через весь город, дядюшка Антифер, Жильдас Трегомен и Жюэль (они рассчитывали обзавестись в Тунисе новыми вещами) прибыли на вокзал и стали ожидать первого поезда. Бен-Омар и Назим следовали за ними на известном расстоянии. Дядюшка Антифер, конечно, и не подумал сказать им, где живет банкир Замбуко, с которым всех их теперь соединял каприз Камильк-паши. Естественно, это создавало новые трудности, если не для нотариуса, которому и при разделе наследства полагается его закон-

¹ Имеется в виду французский король Людовик IX, предпринявший крестовый поход против Туниса и умерший в 1270 году у стен осажденного города. Христианская церковь создала Людовику IX ореол мученичества и причислила к лику святых.

² Здесь перечислены знаменитые полководцы и государственные деятели, имена которых связаны с историей древнего Рима и Карфагена, находившегося на территории Туниса.

ный процент, то, по крайней мере, для Саука. Сейчас ему придется вести борьбу уже не с одним, а с двумя наследниками. А каков еще будет этот новый наследник?..

После получасового ожидания наши путешественники заняли места в поезде. По дороге в течение нескольких минут они видели очертания Карфагенского холма и монастырь «Белых отцов», известный своим археологическим музеем. Через сорок минут поезд прибыл в Тунис, и малуинцы, пройдя аллею Морского Флота, остановились в гостинице «Франция» — в центре европейского квартала. В их распоряжение были предоставлены три комнаты с очень высокими потолками, почти без мебели; кровати помещались за кисейными пологам от москитов. В комфортабельном большом ресторане, который находился в пижнем этаже, в любое время можно было получить завтрак и обед. Словом, гостиница «Франция» в Тунисе почти не отличалась от хорошего отеля в Париже или в другом большом городе. Впрочем, для наших путешественников это не имело значения, так как они не собирались здесь задерживаться.

Дядюшка Антифер даже не захотел подняться по широкой лестнице в свою комнату.

— Мы встретимся потом здесь, — сказал он своим спутникам.

— Иди, иди, старина, — ответил Жильдас Трегомен. — Иди прямо на абордаж!

То, что ему нужно было идти «прямо на абордаж», признаться, беспокоило дядюшку Антифера. В его намерения, конечно, не входило хитрить со своим сонаследником, как хитрил с ним самим Бен-Омар. Честный и, несмотря на свои причуды, очень прямой человек, малуинец решил действовать без всяких уловок. Он пойдет к банкиру и скажет ему:

«Вот что я вам принес... А ну-ка, посмотрим, что вы можете предложить мне взамен?» А теперь в путь!

Впрочем, судя по документу, найденному на островке, упомянутый Замбуко должен был получить предупреждение о том, что некий француз, по имени Антифер, в один прекрасный день явится к нему с долготой, без которой невозможно определить местоположение того самого острова, где хранятся сокровища. Следовательно, банкира не удивит это посещение.

Дядюшка Антифер боялся только одного: а вдруг слу-

чится так, что его сонаследник не говорит по-французски? Если бы Замбуко понимал хотя бы по-английски, можно было бы выйти из положения с помощью молодого капитана. Ну, а если банкир не знает ни того, ни другого языка? Тогда поневоле будешь зависеть от переводчика. И тогда тайну ста миллионов будет знать третий...

Не сообщив своим спутникам, куда он идет, дядюшка Антифер вышел из гостиницы и подозвал проводника. Оба скрылись за углом, повернув на улицу, примыкавшую к площади Морского Флота.

— Ну, если мы ему не нужны...— сказал Жильдас Трегомен после ухода дядюшки.

— ...то пойдем гулять и начнем с того, что сдадим мое письмо на почту,— закончил Жюэль.

Зайдя сначала в почтовое бюро рядом с гостиницей, Жюэль и Трегомен направились затем к Баб-эль-Бахару — Воротам Моря, и обошли с наружной стороны зубчатую ограду, опоясывающую Белый Тунис. Ограда эта тянется на два добрых французских лье.

Отойдя от гостиницы шагов на сто, дядюшка Антифер спросил своего гида-переводчика:

— Вы знаете банкира Замбуко?

— Его здесь все знают.

— А где он живет?

— В нижнем городе, в Мальтийском квартале.

— Проводите меня туда!

— К вашим услугам, ваше сиятельство.

В этих восточных странах «ваше сиятельство» произносят так же часто, как во Франции — «мсье»¹.

И дядюшка Антифер направился к нижнему городу. Поверьте, он не обратил ни малейшего внимания на достопримечательности, встречающиеся на каждом шагу,— будь то многочисленные мечети с красивыми высокими минаретами², древние руины римского или сарацинского³ происхождения, живописная площадь под тенью пальм и фиговых деревьев или узкие улицы с домами, как бы глядящими в глаза друг другу, улицы поднимающиеся,

¹ Мсье (monsieur) — по-французски «господин».

² Минарет — высокая башня при мечети, с которой муэдзин (священнослужитель) созывает мусульман на молитву.

³ Сарацинского происхождения — то есть арабского. В эпоху раннего средневековья европейцы называли арабов сарацинами.

улицы спускающиеся, окаймленные по сторонам темными лавками, где нагромождены всевозможные товары: съестные припасы, материи, безделушки, смотря по тому, какой квартал — французский, итальянский, еврейский или мальтийский — обслуживают торговцы... Нет! Пьер-Серван-Мало думал только о визите к Замбуко, о приеме, какой он у него встретит... Хорошо! Больше никаких сомнений!.. Если кому-либо приносишь пятьдесят миллионов, можно быть уверенным, что будешь встречен очень радушно...

Минут через тридцать они дошли до мальтийского квартала. Это не самая чистая часть Туниса, города с полуторастатысячным населением, и вообще-то не блещущего чистотой, особенно в своей старой части. Впрочем, в ту пору Тунис еще не находился под протекторатом Франции, и французский флаг не развевался на его стенах.

В конце улицы, или, вернее, маленькой улочки, этого коммерческого квартала, проводник остановился перед одним из самых неказистых домов. Построенный по образцу всех тунисских жилищ, он представлял собой квадратную глыбу с террасой, без наружных окон и, как принято в арабских странах, с внутренним двориком — патио, — куда выходят окна всех комнат.

Увидев этот дом, дядюшка Антифер сделал заключение, что его владелец вряд ли купается в золоте, и подумал, что это может только способствовать успеху дела.

— Банкир Замбуко живет действительно здесь?.. — спросил он проводника.

— Именно здесь, ваше сиятельство.

— Это банк?

— Да.

— Может быть, у этого банкира есть другие дома?

— Нет, ваше сиятельство.

— И что же, он слывет богатым?

— Он миллионер!

— Черт возьми! — произнес дядюшка Антифер.

— Но так же скуп, как и богат! — добавил проводник.

— Сто чертей! — воскликнул дядюшка Антифер.

С этими словами он отпустил проводника, величавшего его «вашим сиятельством».

Само собой разумеется, что Саук, стараясь остаться

незамеченным, следовал за дядюшкой Антифером. Итак, адрес Замбуко он узнал. Но сможет ли он, встретившись с банкиром, повернуть дело в свою пользу? Представится ли ему случай сговориться с Замбуко таким образом, чтобы совершенно вытеснить дядюшку Антифера? Если между двумя сонаследниками Камильк-паши возникнут разногласия, можно ли будет на этом сыграть? Действительно, как не повезло ему, когда дядюшка Антифер вдруг спохватился и не произнес на первом островке после имени Замбуко цифры новой долготы! Если бы Сауку стали известны эти цифры, он успел бы первым прибыть в Тунис, привлек бы на свою сторону банкира, пообещав ему значительную премию... А может быть, ему бы даже удалось вырвать у него тайну, не развязывая кошелька... И тут же он вспомнил, что в документе был упомянут именно Антифер, и никто другой!.. Тем хуже для него! Саук свои планы менять не станет, он доведет их так или иначе до конца. Как только мальтиец и малуинец овладеют наследством, он ограбит обоих.

Пьер-Серван-Мало вошел в дом банкира, а Саук остался ждать на улице.

Налево за поворотом находилась пристройка, служившая конторой. Во внутреннем дворике не было ни души. Все казалось вымершим, как будто именно сегодня утром банк закрылся из-за прекращения платежей.

Но знайте — банкир Замбуко никогда не был банкротом.

Представьте себе этого тунисского банкира: человек лет шестидесяти, среднего роста, худощавый, нервный, сутулый, с быстрыми холодными глазами, с бегающим взглядом, с безбородым, оголенным лицом, пергаментным цветом кожи, седыми, свалянными, как войлок, волосами, напоминающими ермолку, наклеенную на череп, с морщинистыми руками, заканчивающимися длинными, кривыми пальцами. У него сохранились все зубы, — зубы, привыкшие кусать, что легко было заметить, когда он разжимал свои тонкие губы.

Как ни мало был наблюдателен дядюшка Антифер, все же он почувствовал, что личность этого Замбуко мало-симпатична и отношения с таким субъектом не могут доставить никакого удовольствия.

В сущности, банкир этот был просто ростовщиком мальтийского происхождения, ссужавшим деньги под за-

лог,— одним из тех мальтийцев, которых в Тунисе насчитывалось от пяти до шести тысяч.

Говорили, что Замбуко нажил громадное состояние довольно подозрительными банковскими операциями, такими, от которых прилипает к пальцам золото. Он действительно был очень богат и кичился этим. Но, по его мнению, человек никогда не может быть настолько богат, чтобы не желать еще больше разбогатеть. Его справедливо считали мультимиллионером¹, несмотря на убогую обстановку, в которой он жил, и невзрачный вид его дома, введший в заблуждение дядюшку Антифера. Но это только доказывало страшную скупость Замбуко во всем, что касалось житейских потребностей. Неужели у него не было никаких потребностей? Если и были, то очень ограниченные, и он не позволял им разрастаться, подчиняя все свои желания инстинкту накопления. Нагромождать один мешок с деньгами на другой, захватывать деньги, извлекать отовсюду золото, прибирать к рукам все, что представляет какую-нибудь ценность, не гнушаясь никакими махинациями и темными делишками,— этому он посвятил всю свою жизнь. В результате — несколько миллионов, запрятанных в сундуках, и ни малейшего желания пустить капитал в оборот.

Было бы, конечно, странно и даже противостоительно, если бы подобный человек не остался на всю жизнь холостяком. Не сама ли судьба предназначила людям такого типа удел безбрачия? У Замбуко и мысли никогда не возникало о женитьбе — «к счастью для его жены», как острили обычно шутники мальтийского квартала.

У него не было ни родных, ни двоюродных братьев и вообще никаких родственников, кроме единственной сестры. В его лице воплощался весь род Замбуко. Он жил одиноко в своем доме, вернее, в своей конторе, или еще лучше — в своем денежном сундуке, имея для услуг только старую туниску, жалованье и еда которой обходились ему недорого. Все, что попадало в эту пещеру, уже не выходило обратно. Теперь понятно, с каким соперником предстояло встретиться дядюшке Антиферу, и позволительно спросить, какого же рода услугу

¹ Мультимиллионер — обладатель многомиллионного состояния.

могла эта малосимпатичная личность когда-то оказать Камильк-паше, заслужив его признательность.

И тем не менее услуга была оказана. Мы легко можем в нескольких словах объяснить все читателю.

Двадцатисемилетний Замбуко, сирота без отца и матери — зачем ему родители, о которых он все равно бы не заботился? — жил в Александрии. С удивительной проицательностью и неутомимой настойчивостью он изучал различные виды маклерства. Он научился получать мзду и прикарманивать куши от покупающего и продающего; сначала он был посредником, затем торговцем и, наконец, менялой¹ и ростовщиком, то есть занялся самым прибыльным ремеслом из всех, какие находятся в распоряжении человеческого ума.

В 1829 году (мы не забыли этого) Камильк-паша, очень встревоженный тем, что его двоюродный брат Мурад и подстрекаемый Мурадом властолюбивый Мухаммед-Али алчут его богатств, решил переправить свои деньги в Сирию, где, как он полагал, они будут в бóльшей безопасности, чем в любом городе Египта.

Для такой большой операции ему необходимы были умелые агенты. Но он хотел иметь дело только с иностранцами, внушавшими ему доверие. Поддерживая богатого египтянина в ущерб вице-королю, они рисковали многим, самое меньшее — свободой. В числе агентов был также молодой Замбуко. Если он и вкладывал в дело много настойчивости, то его усердие щедро оплачивалось; он много раз ездил в Алеппо; наконец, он принял самое деятельное участие в реализации состояния своего клиента и перенесении сокровищ в надежное место.

Такие операции не проходят без трудностей и опасностей; после отъезда Камильк-паши некоторые из агентов, которым он давал поручения, и среди них Замбуко, заподозренные полицией Мухаммеда-Али, были заключены в тюрьму. Правда, за недостатком улик их решили выпустить. Но всё же они понесли наказание за свою преданность.

И вот, подобно тому как и отец дядюшки Антифера в 1799 году оказал неоценимую услугу Камильк-паше,

¹ Меняла — человек, обменивающий с определенной прибылью иностранную валюту на местные деньги и занимающийся всевозможными финансовыми спекуляциями.

подобрав его полумертвого на яффских скалах, точно так же и Замбуко тридцать лет спустя приобрел право на признательность богатого египтянина.

И Камильк-паша не мог этого забыть.

Теперь понятно, почему в 1842 году Томас Антифер в Сен-Мало и банкир Замбуко в Тунисе получили письма, извещавшие их, что настанет день, когда они смогут получить свою часть из стомиллионного наследства, обращенного в сокровища и хранящегося на острове, широта которого дана обом, а долгота будет сообщена и тому и другому в свое время.

Мы уже говорили о том, какое впечатление произвело это письмо на Томаса Антифера, а впоследствии и на его сына; нетрудно догадаться, как могло подействовать подобное сообщение на такого человека, как банкир Замбуко. Само собой разумеется, он не проронил никому ни слова об этом письме. Он запер цифры широты в один из ящиков сейфа с тройным секретным замком, и с тех пор не проходило в его жизни и минуты, чтобы он не ждал появления Антифера, о котором говорилось в письме Камильк-паши. Тщетно он старался узнать о дальнейшей судьбе египтянина. Никто не знал ни о его аресте на борту шхуны-брига в 1834 году, ни о том, что его перевезли в Каир, ни о его восемнадцатилетнем заключении в крепости, ни, наконец, о его смерти, последовавшей в 1852 году.

Итак, шел 1862 год. Двадцать лет прошло после получения письма, а малуинец все не появлялся, и долгожданная долгота не могла присоединиться к широте. Положение острова оставалось неизвестным... Однако Замбуко не терял уверенности. То, что обещание Камильк-паши рано или поздно будет исполнено, в этом он нисколько не сомневался. В его представлении вышеупомянутый Антифер должен был появиться на горизонте мальтийской улицы столь же неизбежно, как появляется в небесах комета, предсказанная обсерваториями Старого и Нового Света. Единственно, о чем он сожалел (и это вполне естественно для такого человека), — что придется поделить сокровища с другим наследником. Поэтому мысленно он не раз посылал его ко всем чертям. Однако изменить что-нибудь в распоряжениях, сделанных благодарным египтянином, было невозможно. И все же дележ ста миллионов казался ему

чудовищным!.. Вот почему уже много лет он думал и передумывал, перебирал тысячи комбинаций, которые сводились к одному: как устроить, чтобы все наследство попало целиком в его руки... Удастся ли это?.. Можно сказать одно: он очень хорошо подготовился к встрече с Антифером, кем бы ни был этот человек, который должен принести ему обещанную долготу.

Излишне добавлять, что банкир Замбуко, очень мало сведущий в вопросах, связанных с навигацией, долго не мог понять, каким образом посредством долготы и широты, то есть на пересечении двух воображаемых линий, определяют географическое положение какой-нибудь точки на земном шаре. Но, если это ему так и не удалось уяснить, то зато он очень хорошо понял, что объединение сонаследников неизбежно и что он ничего не сможет сделать без Антифера, так же как Антифер ничего не сможет сделать без него.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой дядюшка Антифер получает до такой степени странное предложение, что вместо ответа обращается в бегство

- Можно видеть банкира Замбуко?
- Да, если вы пришли по делу.
- По делу.
- Ваше имя?
- Скажите — иностранец, этого достаточно.

Приведенный разговор происходил между дядюшкой Антифером и старым, неприветливым туземцем, говорившим на ломаном французском языке. Старик сидел за столом в глубине узкой комнаты, разделенной на две части проволочной перегородкой с задвижным окошком.

Малуинец не счел нужным назвать себя, ему хотелось увидеть, какое впечатление произведет на банкира его имя, когда он скажет ему в упор:

«Я Антифер, сын Томаса Антифера из Сен-Мало!..»

Через минуту его ввели в кабинет — комнату без обоев, выбеленную известкой, с черным от копоти потолком, всю меблировку которой составляли массивный

несгораемый шкаф в одном углу, высокая конторка — в другом, стол да еще два табурета.

За столом сидел банкир. Оба последника Камильяпаши встретились лицом к лицу.

Замбуко, поправив большим и средним пальцами круглые широкие очки, сидевшие на его носу, похожем на клюв попугая, слегка приподнял голову и, не вставая, спросил:

— С кем имею честь говорить?

Он говорил по-французски с акцентом, свойственным уроженцам Лангедока или Прованса.

— С капитаном каботажного плавания Антифером, — ответил малуинец в полной уверенности, что, услышав эти пять слов, Замбуко вскрикнет, вскочит с кресла и радостно произнесет:

«Вы!.. Наконец-то!..»

Банкир не вскочил с кресла. Не вырвалось и крика из его сжатого рта. Ожидаемых слов тоже не последовало. Но внимательный наблюдатель заметил бы, что за стеклами очков словно блеснула молния, которую мгновенно погасили опустившиеся веки.

— Я вам говорю, что я капитан Антифер...

— Я слышал.

— Антифер Пьер-Серван-Мало, сын Томаса Антифера из Сен-Мало... Иль и Вилен... Бретань... Франция...

— У вас аккредитив¹ на мой банк? — спросил банкир, причем в голосе его не было заметно никакого волнения.

— Аккредитив... да! — произнес дядюшка Антифер, совершенно сбитый с толку этим холодным приемом. — Да, аккредитив на сто миллионов!..

— Дайте сюда!.. — просто сказал Замбуко, будто речь шла о нескольких пиастрах².

Одним ударом малуинец был выбит из седла. Как! Этот флегматичный банкир, который двадцать лет назад был предупрежден, что получит сказочное богатство, что в один прекрасный день к нему явится некий Антифер и поднесет, так сказать, на блюдечке его долю... и он даже

¹ Аккредитив — денежный документ, содержащий распоряжение об уплате определенной суммы какому-либо лицу кредитным учреждением (банком, сберкассой).

² Пиастр — мелкая монета в странах Ближнего Востока.

бровью не повел, увидев посланца Камильк-паши, не удивился, не обрадовался?.. Уж не ввел ли всех в заблуждение документ, найденный на первом острове? Может быть, следовало обратиться к кому-то другому, а не к этому тунисскому мальтийцу?.. Может быть, банкир Замбуко и понятия не имеет ни о какой широте, без которой невозможно найти второй остров?..

Дрожь пробежала по телу сонаследника, так жестоко обманутого в своих надеждах. Ноги у него подкашивались, сердце бешено колотилось; он едва успел опуститься на табурет.

Банкир даже не пошевелился, чтобы оказать ему помощь. Он разглядывал пришельца сквозь очки — уголки губ у него приподнялись, зубы чуть-чуть оскалились. Казалось, если бы он не должен был владеть собой, то не удержался бы от восклицания: «Однако этот матрос слабоват!», что могло бы означать: «Ну, с этим нетрудно будет справиться!»

Между тем дядюшка Антифер мало-помалу собрался с силами. Вытерев лицо платком и перекатывая свой чубук со стороны на сторону, он встал.

— Вы действительно банкир Замбуко?..— спросил он, ударив кулаком по столу.

— Да... в Тунисе только я один ношу эту фамилию.

— И вы не ждали меня?..

— Нет.

— Вас не предупреждали о моем приезде?

— О вашем приезде? Каким же образом?

— Письмом некоего паши...

— Паша?..— переспросил банкир.— Письмо паши?.. Да я их получаю сотнями...

— Камильк-паши... из Каира?..

— Не помню.

Эту игру Замбуко вел с той целью, чтобы дядюшка Антифер высказался начистоту и показал свой товар, то есть долготу острова, не дожидаясь, пока банкир покажет ему письмо с цифрами широты.

Однако, когда был упомянут Камильк-паша, он сделал вид, что слышит это имя не впервые. Казалось, он напрягает свою память...

— Подождите...— сказал он, поправляя очки.— Камильк-паша из Каира?..

— Ну да, ну да...— подхватил дядюшка Антифер.—

Этакий египетский Ротшильд... у него было огромное состояние в золоте, алмазах, драгоценных камнях...

— Припоминаю... в самом деле...

— Он должен был вас предупредить, что в свое время половина этого состояния перейдет к вам.

— Вы правы, господин Антифер, у меня где-то должно быть это письмо...

— Как — где-то! Вы не знаете, где оно?

— О! У меня ничего не пропадает. Я его найду.

Услышав этот ответ, дядюшка Антифер принял угрожающую позу, и пальцы его сжались в кулаки... Было совершенно ясно, что, если письмо не найдется, он свернет банкиру шею. Конечно, Антиферу было нелегко взять себя в руки.

— Ну, знаете, господин Замбуко, — начал он снова после некоторой паузы, — ваше спокойствие поразительно! Вы говорите об этом деле с таким равнодушием...

— Пф-ф! — произнес банкир.

— Как... как «пф-ф»!.. Ведь речь идет о ста миллионах франков!..

На губах Замбуко показалась презрительная усмешка. Положительно этому человеку миллионы были нужны не более, чем лимонная или апельсиновая корка.

«Ах, негодяй!.. У него и без того, наверное, сто миллионов в кармане!» — подумал дядюшка Антифер.

Но в эту минуту банкир перевел разговор на другие рельсы. Ему хотелось выяснить некоторые подробности: прежде всего, с какой целью явился к нему этот малуи-нец?

— Послушайте, неужели вы серьезно верите в эту историю с сокровищами? — спросил он, протирая очки кончиком платка, причем в его тоне сквозило сомнение.

— Верю ли я? Так же, как в святую троицу!

И дядюшка Антифер произнес эти слова с такой убежденностью, с такой верой, на которую способен только истинный бретонец.

Затем он рассказал обо всем, что произошло; при каких обстоятельствах в 1799 году его отец спас жизнь наши; как в 1842 году в Сен-Мало прибыло таинственное письмо, извещавшее о сокровищах, зарытых на неизвестном острове; как он, Антифер, узнал эту тайну от умирающего отца; как в течение двадцати лет он ждал посланца, который должен был дополнить гидрографиче-

скую формулу, необходимую для определения положения острова; как нотариус из Александрии Бен-Омар, душеприказчик Камильк-паши, привез ему завещание, содержащее желаемую долготу; как эта долгота дала возможность определить на карте координаты острова в Оманском заливе на широте Маската; как Антифер в сопровождении своего племянника Жюэля, друга Трегомена и Бен-Омара с клерком Назимом совершили путешествие из Сен-Мало в Маскат, как найден был островок в водах залива, неподалеку от Сохора; как, наконец, в определенном месте, отмеченном двойным «К», была обнаружена вместо сокровищ железная шкатулка с документом, содержащим указание долготы второго острова, долготы, которую он, капитан Антифер, должен сообщить банкиру Замбуко из Туниса, владеющему широтой, нужной для определения географического положения этого нового острова...

При всем старании казаться равнодушным, банкир выслушал рассказ Антифера с величайшим вниманием. Легкое дрожание его длинных крючковатых пальцев выдавало сильное волнение. Когда малуинец, с которого пот катился градом, закончил свое сообщение, Замбуко процедил сквозь зубы:

— Да, в самом деле... существование сокровищ, по видимому, не внушает сомнений... Но зачем понадобилось Камильк-паше поступать таким образом?

Действительно, это было неясно.

— Зачем понадобилось?.. — повторил дядюшка Антифер. — Думаю, что... Но прежде всего, господин Замбуко, приходилось ли вам когда-либо, при каких-либо обстоятельствах быть причастным к жизни Камильк-паши?.. Ну, скажем, оказать ему какую-нибудь услугу?..

— Разумеется... и даже очень большую.

— Когда и по какому поводу?

— Когда он, живя в Каире, решил реализовать свое состояние. В это время и я жил в Каире...

— Так... Это понятно... Он хотел, чтобы при вскрытии сокровищ встретились те два человека, которых он хотел отблагодарить... вы... и я, поскольку мой отец умер...

— А почему вы полагаете, что не может быть еще и других? — задал ему провокационный вопрос банкир.

— Не говорите мне этого! — вскричал дядюшка Ан-

тифер и с такой силой хватил кулаком по столу, что тот зашатался.— Довольно!.. Довольно и того, что нас двое!..

— Вы правы,— подтвердил Замбуко.— Но объясните, пожалуйста, почему вас сопровождает во время поисков этот нотариус из Александрии?

— По одной из статей завещания ему полагается вознаграждение с непременным условием, что он будет присутствовать при разделе наследства — после того как сокровища выкопают из земли.

— Какое же вознаграждение?

— Один процент.

— Один на сто!.. Ах, мошенник!

— Мошенник! Именно мошенник! — воскликнул дядюшка Антифер.— И поверьте — я ему это уже сказал!

На этой оценке Бен-Омара оба сонаследника полностью сошлись во взглядах, и каким бы равнодушным ни прикидывался Замбуко, он не сумел сдержать крик сердца.

— Теперь,— сказал малуинец,— вы в курсе дела, и, я думаю, разумнее всего будет, если мы не будем прибегать ни к каким уловкам.

На лице банкира ничего не отразилось.

— У меня есть цифры новой долготы, обнаруженной на острове номер один,— продолжал дядюшка Антифер,— а вам известна широта острова номер два.

— Да,— неохотно признался Замбуко.

— Так почему же, когда я пришел к вам и назвал свое имя, вы притворились, будто ничего не знаете об этой истории?

— Очень просто: не могу же я откровенничать с первым встречным... А вдруг вы бы оказались самозванцем — извините меня, господин Антифер! Я хотел сперва убедиться... Но раз у вас есть документ, который предписывает вам вступить со мной в переговоры...

— Да, есть.

— Покажите.

— Погодите, господин Замбуко! Даром ничего не даю!.. У вас есть письмо Камильк-паши?

— Есть.

— Очень хорошо. Письмо — за документ... Обмен должен быть честным и взаимным.

— Согласен! — ответил банкир.

И, направившись к несгораемому шкафу, он начал отпирать его секретные замки, но так медленно, что дя-дюшка Антифер еле сдерживал свою ярость.

Чем объяснить такое поведение банкира? Не надеялся ли он выманить у малуинца хитростью его секрет, как это попытался уже однажды сделать Бен-Омар?

Нет, никоим образом! Такая вещь невозможна, когда имеешь дело с человеком, твердо решившим продать свой товар за наличные деньги. У банкира был свой план, который он давно уже лелеял и тщательно обдумал со всех сторон. В случае удачи миллионы Камильк-паши остались бы в семье Замбуко, иначе говоря — в руках у самого банкира. Для выполнения этого плана требовалось только одно условие: чтобы сонаследник оказался вдовцом или холостяком.

И вот, когда уже оставалось открыть последний замок, банкир обернулся и спросил слегка дрожащим голосом:

— Вы женаты?

— Нет, господин Замбуко, не женат, с чем и поздравляю себя каждое утро и каждый вечер.

Последняя часть ответа заставила банкира нахмуриться, но тем не менее он вновь принялся за прерванное дело.

Разве у Замбуко была семья? Да, и в Тунисе никто об этом не подозревал. Правда, семья его, как мы уже говорили, состояла из одной сестры. Мадемуазель Талисма Замбуко жила в Мальте на ту скромную пенсию, которую посылал ей брат. Только вот что необходимо добавить — она там жила уже сорок семь лет, без малого полвека! Ей никогда не представлялся случай выйти замуж, во-первых, потому, что она оставляла многого желать в отношении красоты, ума, характера и состояния, и, во-вторых, потому, что брат не позаботился найти ей мужа, а женихи, по-видимому, и не думали появляться сами.

И все же Замбуко твердо рассчитывал: когда-нибудь его сестра выйдет замуж. За кого, о, боже?.. Ну, хотя бы за этого Антифера, появление которого он ждал уже двадцать лет и который в том случае, если он вдов или холост, осуществит желание старой девы выйти замуж. Если брак состоится, миллионы останутся в семье, и мадемуазель Талисма Замбуко ничего не потеряет, прождав

столько времени. Само собой разумеется, раз она находится в полной зависимости от брата, она выйдет с закрытыми глазами за любого человека, по его выбору.

Но согласится ли малуинец закрыть свои глаза и жеваться на этой мальтийской древности? Банкир не сомневался в этом, так как считал себя хозяином положения: он предложит сонаследнику те условия, которые устраивают его, Замбуко. К тому же моряки и не имеют права быть разборчивыми,— так, по крайней мере, думал банкир.

Ах! Несчастный Пьер-Серван-Мало, на какую галерею ты попал!..¹ Ты предпочел бы прогуляться по Рансу на борту «Прекрасной Амелии», на габаре твоего друга Трегомена, в те времена, когда она существовала!

Теперь становится понятным, почему банкир вел такую игру. Нельзя было придумать ничего проще и вместе с тем ничего остроумнее. Он отдаст широту только в обмен на жизнь дядюшки Антифера, мы хотим сказать — на жизнь, скованную нерасторжимыми цепями брака с мадемуазель Талисмой Замбуко.

И, вместо того чтобы сделать последний поворот ключом и вынуть письмо Камильк-паши из несгораемого шкафа, банкир внезапно передумал и снова сел за стол.

Глаза дядюшки Антифера метали двойные молнии — такие явления бывают в метеорологии, когда воздушное пространство перенасыщено электричеством.

— Чего вы ждете? — спросил он.

— Я размышляю об одной вещи,— ответил банкир.

— О какой, позвольте спросить?

— Как по-вашему, в этом деле наши права абсолютно равны?

— Конечно, равны!

— Я... я этого не думаю.

— Почему?

— Потому что услугу папе оказал ваш отец, а не вы, тогда как я... я оказал лично...

Дядюшка Антифер прервал его, и удар грома, возведенный двойной молнией, разразился наконец.

— Ах так! Вы что же, господин Замбуко, думаете

¹ Здесь автор перефразирует знаменитое восклицание Жеронта, героя комедии Мольера «Проделки Скапена»: «Какой черт его занес на эту галерею?», то есть: «Зачем он ввязался в это дело?»

издеваться над капитаном каботажного плавания? Разве права моего отца не являются моими правами, если я — его единственный наследник?.. Я вас спрашиваю: вы желаете подчиниться воле завещателя? Да или нет?

— Я поступаю так, как мне угодно! — сухо и ясно ответил банкир.

Дядюшка Антифер отшвырнул ногой табуретку и, чтобы не наброситься на банкира, ухватился за стол.

— Вы прекрасно знаете, что ничего не можете сделать без меня! — заявил мальтиец.

— Так же, как и вы без меня! — быстро нанес ответный удар малуинец.

Атмосфера накалилась. Один из противников покраснел от ярости, а другой, правда, был бледнее, чем обычно, но по-прежнему сохранял полное самообладание.

— Дадите вы мне наконец вашу широту? — закричал дядюшка Антифер в порыве негодования.

— Сначала дайте мне вашу долготу, — ответил банкир.

— Никогда!

— Хорошо, пусть будет так.

— Вот мой документ, — прорычал Антифер, вынимая из кармана бумажник.

— Держите его при себе... мне он не нужен!

— Вам он не нужен? Вы забываете, что речь идет о ста миллионах...

— В самом деле, о ста миллионах...

— ...которые будут потеряны, если мы не узнаем, на каком острове они зарыты!..

— Пф-ф! — произнес банкир.

И он так пренебрежительно скривил рот, что его собеседник, уже не владевший собой, пригнулся, чтобы броситься и вцепиться ему в горло... этому негодяю, осмелившемуся отказаться от ста миллионов без всякой пользы для кого бы то ни было!

Никогда еще, быть может, за всю свою долгую карьеру ростовщика, задушившего морально столько бедных людей, Замбуко не был так близок к тому, чтобы быть задушенным физически. И он, без сомнения, это понял, потому что, сразу же смягчившись, сказал:

— Я думаю, мы найдем способ сговориться.

Дядюшка Антифер спрятал руки в карманы, чтобы не поддаваться соблазну пустить в ход кулаки.

— Господин Антифер,— вновь заговорил банкир,— я богат, а вкусы у меня простые, и ни пятьдесят миллионов, ни даже сто не изменят моего образа жизни. Но у меня есть одна страсть — страсть собирать мешки с золотом, и должен вам сказать, что сокровища Камильк-паши очень украсят мои сундуки... И потому, как только я узнал о существовании этих сокровищ, меня преследует одна мысль — овладеть ими целиком.

— А это вы видели, господин Замбуко?..

— Погодите!

— А моя часть?

— Ваша часть?.. Нельзя ли сделать так, чтобы вы ее получили и в то же время она осталась бы в моей семье?

— Тогда она не будет больше в моей...

— Хотите — соглашайтесь, не хотите — не надо.

— Ну, хватит церемоний, господин Замбуко, довольно вилять, объяснитесь начистоту!

— У меня есть сестра, мадемуазель Талисма...

— Поздравляю!

— Она живет на острове Мальта.

— Тем лучше для нее, если климат ей подходит.

— Ей сорок семь лет, и она прекрасно выглядит для своего возраста.

— В этом нет ничего удивительного, если она похожа на вас!

— Итак, поскольку вы человек холостой... хотите вы жениться на моей сестре?

— Жениться на вашей сестре? — закричал Пьер-Серван-Мало, и его лицо покрылось багровыми пятнами.

— Да, жениться,— сказал банкир тоном, не допускающим возражений.— Благодаря этому браку ваши пятьдесят миллионов с одной стороны и мои пятьдесят миллионов — с другой останутся в моей семье.

— Господин Замбуко,— ответил дядюшка Антифер, перекатывая свой чубук со стороны на сторону с такой силой, как прибой перекатывает гальку на песчаном берегу,— господин Замбуко...

— Господин Антифер...

— Это серьезно... ваше предложение?..

— Серьезнее быть не может, и, если вы отказываетесь жениться на моей сестре, клянусь вам, между нами

все кончено, и вы можете отправляться к себе во Францию.

Послышалось глухое рычание. Дядюшка Антифер задыхался. Он сорвал с себя галстук, схватил шляпу, открыл дверь кабинета и опрометью бросился через двор на улицу. Он производил впечатление сумасшедшего — так быстры, так порывисты были его движения.

Карауливший его Саук пустился вслед за ним. Даже он встревожился, увидев дядюшку Антифера в таком необычайном волнении.

Добежав до гостиницы, малуинец влетел в вестибюль. Увидев своего друга и племянника, он закричал:

— Ах мерзавец!.. Знаете, чего он хочет?

— Убить тебя? — спросил Жильдас Трегомен.

— Нет, хуже! Он хочет, чтобы я женился на его сестре!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой яростный поединок между Западом
и Востоком заканчивается победой Востока*

Можно сказать с полной уверенностью, что ни Жильдасу Трегомену, ни Жюэлю, казалось бы уже привыкшим за последнее время к самым невероятным жизненным осложнениям, никогда бы в голову не пришло, что они столкнутся с подобным фактом!

Дядюшку Антифера, этого закоренелого холостяка, прижали к стене! И как прижали! И к какой стене!.. К стене брака, которую он должен был перескочить, чтобы не лишиться своей доли неслыханного наследства!

Жюэль попросил дядю рассказать подробно о том, что произошло. И дядюшка рассказал, сопровождая свои слова залпами таких отборных проклятий, что они взрывались подобно снарядам, к несчастью только безвредным для Замбуко, защищенного стенами своего дома в мальтийском квартале.

Попробуйте только представить себе этого старого холостяка в несвойственной ему роли: дожить до сорока шести лет, чтобы получить в жены сорокасемилетнюю деву и превратиться в восточного человека, в такого Антифера-пашу!

Жильдас Трегомен и Жюэль, растерянные и ошеломленные, молча переглядывались; одна и та же мысль пришла им в голову.

«Пропали миллионы!» — подумал Жильдас Трегомен.

«Теперь я могу жениться на моей дорогой Эногат!» — подумал Жюэль.

В самом деле, разве можно было допустить, что дядюшка Антифер пойдет навстречу требованиям Замбуко и согласится стать его шурином! Нет! Он ни за что не подчинится выдумке банкира, даже если речь будет идти о миллиарде!..

Между тем малуинец шагал назад и вперед по гостинной из угла в угол. Потом он остановился, сел, вскочил, подошел к Жюэлю и Трегомену, заглянул им в лицо, но, не выдержав, тут же отвел взгляд.

На него жалко было смотреть, и если Жильдас Трегомен и прежде утверждал, что его друг близок к помешательству, то сейчас, пожалуй, он был недалек от истины. Поэтому Жюэль и Трегомен, по молчаливому уговору, решили ни в чем не противоречить дядюшке Антиферу. Пройдет немного времени, он соберется с мыслями и сам сможет здраво оценить создавшееся положение.

И вот он наконец снова заговорил, но как! Прерывисто, разрубая с какой-то яростью каждую фразу:

— Сто миллионов... потерянных из-за упрямства этого негодяя... Разве его не следует гильотинировать? Повесить!.. Расстрелять!.. Проткнуть кинжалом!.. Отравить!.. Посадить на кол!! Он отказывается дать мне свою широту, если я не женюсь... Жениться на этой мальтийской уродине, которую не взяла бы ни одна сенегальская обезьяна!.. Как, по-вашему, я могу жениться на этой мадемуазель Талисме?!

Конечно, нет! Его друзья никак не могли этого вообразить!.. Одно предположение, что такую невестку и тетку можно ввести в лоно уважаемой семьи Антифера, казалось просто чудовищным!

— Ну, говори же, лодочник!

— Что, старина?

— Разве кто-нибудь имеет право оставить в глубине ямы сто миллионов, когда нужно сделать только один шаг, чтобы их взять?

— Я не могу сразу ответить на этот вопрос! — уклончиво сказал добряк Трегомен.

— А! Не можешь! — закричал дядюшка Антифер, метнув шляпу в угол гостиной. — Хорошо. Тогда, может быть, ты ответишь на другой вопрос?

— На какой?

— Если, допустим, какой-нибудь дурак нагрузит судно... скажем, габару... ту же «Прекрасную Амелию»...

Жильдас Трегомен понял, что «Прекрасной Амелии» предстоит тягостная минута.

— ...Если он нагрузит это старое корыто ста миллионами золота и объявит при этом всенародно, что прорубит в трюме дыру и потопит миллионы в открытом море... как ты думаешь, правительство разрешит ему это сделать?.. Ну! Говори же!..

— Не думаю, старина.

— А это чудовище, этот Замбуко вбил себе в голову именно это! Ему стоит лишь слово сказать — и его миллионы и мои миллионы будут найдены! А он уперся и молчит!

— В жизни я еще не видел более мерзкого мошенника! — воскликнул Жильдас Трегомен, стараясь придать своему голосу выражение гнева.

— А ты, Жюэль?

— Что, дядя?..

— Если мы заявим об этом властям?

— Конечно, это крайнее средство...

— Да... потому что власти могут сделать то, что запрещено частному лицу... Власти могут подвергнуть его пытке... терзать его грудь калеными клещами... жечь ему ноги на медленном огне... и для него не будет другого выхода, как только покориться.

— Мысль неплохая, дядюшка.

— Превосходная мысль, Жюэль, и, чтобы взять верх над этим гнусным торгашом, я готов пожертвовать моей долей сокровищ и отдать ее в общественное пользование...

— Ах! Вот это было бы прекрасно, благородно, великодушно! — воскликнул Жильдас Трегомен. — Вот это было бы достойно француза, малунца... настоящего Антифера.

Несомненно, дядюшка, высказывая это предположение, зашел слишком далеко, гораздо дальше, чем хо-

тел, потому что он бросил такой страшный взгляд на Жильдаса Трегомена, что достойный человек сразу же прекратил свои восторженные излияния.

— Сто миллионов!.. Сто миллионов! — повторял дядюшка Антифер.— Я его убью, этого проклятого Замбуко...

— Дядя!

— Друг мой!

Действительно, можно было опасаться, что малуинец в состоянии крайнего возбуждения решится на такое страшное дело, за которое, впрочем, ему и не пришлось бы отвечать, так как преступление было бы совершено в припадке психического расстройства.

Жильдас Трегомен и Жюэль попытались его успокоить, но он резко их оттолкнул, обвиняя в том, что они в сговоре с его врагами, что они — на стороне банкира и отказываются помочь ему раздавить Замбуко, как таракана, заползшего в камбуз!¹

— Оставьте меня!.. Оставьте! — закричал он, топая ногами.

Подобрав с полу свою шляпу, он выбежал из гостиной, с треском захлопнув дверь.

Жюэль и Трегомен, вообразив, что дядюшка Антифер помчался убивать Замбуко, решили броситься вслед за ним, дабы предотвратить несчастье. Но тут же они облегченно вздохнули, увидев, что он поднялся к себе в номер и запер дверь двойным поворотом ключа.

— Лучшее, что он мог сделать! — заключил Жильдас Трегомен, покачав головой.

— Да... бедный дядя! — вздохнул Жюэль.

Ясно, что после такой сцены они потеряли всякий аппетит и поели кое-как.

Кончив обед, друзья пошли подышать свежим воздухом к берегу озера Баира. Выходя из отеля, они столкнулись с Бен-Омаром и Назимом. Следует ли сообщить нотариусу о случившемся? Ну конечно, да. И тот не замедлил высказать свое мнение, когда узнал об условиях, предложенных банкиром дядюшке Антиферу:

— Он обязан жениться на мадемуазель Замбуко!

¹ Камбуз — кухня на судне.

Он не имеет права отказываться! Он не имеет права! Нет!

Такого же мнения держался и Саук, который, не задумываясь, женился бы на ком угодно, если бы получил подобное приданое.

Жильдас Трегомен и Жюэль повернулись к ним спиной и, глубоко задумавшись, пошли дальше по улице Морского Флота.

Был чудесный вечер. Легкий морской ветерок, принося прохладу, манил людей на прогулку.

Молодой капитан и Жильдас Трегомен направились к городской стене, вышли за ворота к порту и очутились на берегу озера. Заняв столик в первом попавшемся кафе, они заказали бутылку вина и занялись на свободе обсуждением последних событий. Им казалось, что в данную минуту все складывается просто. Дядюшка Антифер никогда не согласится уступить требованию банкира Замбуко. Следовательно, он откажется от поисков второго острова. Значит, они покинут Тунис с ближайшим пакетботом. И — какое счастье! — они быстро вернутся во Францию!

Конечно, это единственно возможный выход из положения. Только к лучшему, если они вернутся в Сен-Мало без колоссальных денег, завещанных Камильк-пашой. Да и зачем этот паша придумал столько ухищрений!..

К девяти часам Жильдас Трегомен и Жюэль вернулись в гостиницу. Они поднялись в свои комнаты, задержавшись на минуту перед дверью номера дядюшки Антифера. Он не только не спал, но даже не прилег. Быстро шагая взад и вперед по комнате, он разговаривал сам с собой, беспрестанно повторяя задыхающимся голосом:

— Миллионы... миллионы... миллионы!..

Жильдас Трегомен постучал себя по лбу, давая этим понять, что Антифер окончательно свихнулся. Затем, пожелав друг другу доброй ночи, они расстались в большой тревоге.

На следующий день Жильдас Трегомен и Жюэль поднялись очень рано. Они должны были увидеться с дядюшкой Антифером, в последний раз обсудить с ним положение, создавшееся в результате отказа Замбуко, и заставить дядюшку незамедлительно принять оконча-

тельное решение. И какое еще могло быть решение, кроме одного: сложить чемоданы и — чем быстрее, тем лучше — уехать из Туниса? По справкам, наведенным молодым капитаном, пакетбот, стоявший в Ла-Гулетте, должен был в тот же вечер отправиться в Марсель. Чего бы не дал Жюэль за то, чтобы его дядя был уже на борту пакетбота, в своей каюте, в доброй сотне миль от африканского побережья!..

Жильдас Трегомен и Жюэль прошли по коридору и постучали в дверь комнаты дядюшки Антифера.

Никакого ответа.

Жюэль постучал сильнее.

Опять молчание.

Неужели дядюшка все еще спал, спал крепчайшим сном моряка, на которого не действует даже грохот двадцатичетырехдюймовой пушки? Или... может быть... в минуту отчаяния, в припадке нервной горячки он покончил с собой?..

Жюэль сбежал с лестницы, перепрыгивая сразу через четыре ступеньки, и спустя несколько секунд был у швейцара, между тем как Жильдас Трегомен, чувствуя, что у него подгибаются колени, держался за перила.

— Где господин Антифер?

— Он вышел на рассвете, — ответил швейцар на вопрос молодого капитана.

— И не сказал, куда ушел?

— Не сказал.

— Неужели он опять побежал к этому негодяю Замбуко? — воскликнул Жюэль, увлекая за собой Жильдаса Трегомена на площадь Морского Флота.

— Но, если он там... значит, он согласился... — пробормотал Жильдас Трегомен.

— Это невозможно! — вскричал Жюэль.

— Нет, это возможно! Ты только подумай, Жюэль: он возвращается в Сен-Мало, в свой дом на улице От-Салль, а рядом с ним — мадемуазель Талисма Замбуко? Привезти нашей маленькой Эногат такую мальтийскую тетку? Он же сам назвал ее обезьяной!

В страшной тревоге они сидели за столиком в кафе, которое находилось напротив гостиницы «Франция». Отсюда легко было подстеречь возвращение дядюшки Антифера.

Говорят, утро вечера мудренее, но, как видно, это не всегда оправдывается. Мы знаем только одно: на рассвете наш малуинец пошел в сторону мальтийского квартала и за несколько минут, будто за ним по пятам гналась свора спущенных с цепи собак, достиг дома банкира.

Замбуко взял себе за правило вставать и ложиться с солнцем. И банкир и лучезарное светило вместе совершали свой дневной путь. Поэтому, когда дядюшка Антифер вошел к банкиру, тот уже сидел за письменным столом, словно оберегая несгораемый шкаф, находившийся за его спиной.

— Здравствуйте,— сказал Замбуко, поправляя очки, чтобы лучше рассмотреть лицо посетителя.

— Это было ваше последнее слово? — немедленно приступил к делу дядюшка Антифер.

— Последнее.

— И, если я не женюсь на вашей сестре, вы не дадите мне письма Камилль-паши?

— Не дам.

— Тогда я женюсь!

— Я это знал! Женщина, которая приносит вам в приданое пятьдесят миллионов!.. Сын Ротшильда был бы счастлив стать супругом Талисмы...

— Хорошо... Значит, и я буду счастлив,— ответил дядюшка Антифер с кислой гримасой, которую даже и не пытался скрыть.

— В таком случае, пойдемте, шурин,— предложил Замбуко.

И он вышел из-за стола, как бы намереваясь подняться по лестнице в верхний этаж.

— Она здесь?! — в ужасе закричал дядюшка Антифер.

И лицо его приняло такое выражение, какое бывает у осужденного на смерть в ту самую минуту, когда тюремный сторож будит его со словами: «Ну, идите же... мужайтесь!.. Да, это произойдет сегодня».

— Умерьте ваш пыл! Потерпите, влюбленный юноша! — сказал банкир.— Разве вы забыли, что Талисма на Мальте?..

— Так куда же мы идем? — произнес дядюшка Антифер со вздохом облегчения.

— На телеграф.

— Сообщить ей приятную новость?..

— Да. И пригласить ее приехать сюда...

— Вы можете ей сообщить эту новость, господин Замбуко, но я предупреждаю вас, что не намерен ждать... мою будущую... в Тунисе.

— Почему?

— Потому что ни вы, ни я не можем терять даром времени!.. Как только выяснится географическое положение острова, мы тотчас же отправимся на его поиски. Дело не терпит отлагательств.

— Э-э, шурин, неделей позже, неделей раньше, не все ли равно!

— Нет, вовсе не все равно! Вы, так же как и я, должны торопиться поскорее вступить во владение наследством Камильк-паши!

Да, этот жадный и хищный банкир должен был торопиться несколько не меньше, чем дядюшка Антифер. Хоть Замбуко и старался скрыть нетерпение под маской равнодушия, он сгорал от желания поскорее упрятать в сейф свою долю миллионов. Поэтому он не стал возражать своему собеседнику.

— Хорошо, я согласен,— сказал он.— Я приглашу сестру после того, как мы вернемся... Но я должен предупредить ее о счастье, которое ее ожидает.

— Да... которое ее ожидает! — ответил Пьер-Серван-Мало, не уточняя, какого рода счастье предназначено девице, столько лет мечтавшей о муже!

— Но прежде всего вы должны мне дать обязательство по всей форме,— заявил Замбуко.

— Составьте его, я подпишу.

— С неустойкой?

— Согласен. Сколько... неустойки?..

— Скажем, пятьдесят миллионов, которые причитаются на вашу долю...

— Пусть так... и покончим с этим! — ответил дядюшка Антифер, покоровшийся необходимости стать мужем мадемуазель Талисмы, раз уж он не сумел избежать этого счастья.

Банкир взял лист чистой бумаги и своим крупным почерком написал долговое обязательство, тщательно взвесив все его пункты. Было оговорено, что часть, полученная капитаном Антифером в качестве наследника Камильк-паши, целиком отдается мадемуазель Талисме

Замбуко в том случае, если ее жених, капитан Антифер, через пятнадцать дней после обнаружения сокровищ откажется вступить с ней в законный брак!

Яростным росчерком пера Пьер-Серван-Мало подписал обязательство, и банкир спрятал бумагу в секретный ящик своего сейфа.

Одновременно он вынул оттуда пожелтевшую бумагу... Это было письмо Камильк-паши, полученное банкиром двадцать лет назад.

Со своей стороны, дядюшка Антифер извлек из кармана бумажник и достал не менее пожелтевшую от времени бумагу... Это был документ, найденный на первом острове.

Взгляните, вот они, эти два наследника: они пристально следят друг за другом, как дуэлянты, скрестившие шпаги; их руки постепенно вытягиваются, их пальцы дрожат от прикосновения к документу, с которым им жалко расстаться... Какая сцена для наблюдателя! Сто миллионов! Еще одно движение — и они сосредоточатся в одной семье!

— Ваше письмо? — сказал Антифер.

— Ваш документ? — повторил банкир.

Обмен состоялся. И вовремя! Сердца обоих бились с такой силой, что могли разорваться!

На документе, гласившем, что он должен быть передан неким Антифером из Сен-Мало некоему Замбуко из Туниса, была указана следующая долгота: $7^{\circ}23'$ к востоку от парижского меридиана.

В письме, сообщавшем, что к вышеупомянутому Замбуко из Туниса явится в свое время некий Антифер из Сен-Мало, была отмечена следующая южная широта: $3^{\circ}17'$.

Теперь оставалось только скрестить эти две линии на карте, чтобы определить положение второго острова.

— У вас есть атлас? — спросил банкир.

— Атлас и племянник, — ответил Антифер.

— Племянник?

— Да. Молодой капитан дальнего плавания, который произведет эту операцию.

— Где же ваш племянник?

— В гостинице «Франция».

— Идемте туда, шурин, — предложил банкир, надевая старую шляпу с широкими полями.

Обмен состоялся.

— Идемте! — согласился дядюшка Антифер.

Оба направились к площади Морского Флота. Когда они поравнялись с почтовым бюро, Замбуко предложил войти туда и отправить телеграмму на Мальту.

Дядюшка Антифер не возражал. Таким образом, мадемуазель Талисма Замбуко была предупреждена, что ее руки домогаются «офицер французского флота», получивший уже от брата согласие, так как состояние и происхождение жениха вполне приемлемы.

Телеграмма была оплачена и зарегистрирована, после чего сонаследники вскоре оказались на площади. Жильдас Трегомен и Жюэль бросились им навстречу.

Как только дядюшка Антифер увидел их, его первым движением было отвернуться, но он устоял против этой непростительной слабости и высокомерным тоном представил им компаньона:

— Банкир Замбуко.

Банкир бросил исподлобья недружелюбный взгляд на спутников своего будущего шурина.

Затем дядюшка Антифер прибавил, обращаясь к Замбуко:

— Мой племянник Жюэль... Жильдас Трегомен, мой друг.

По знаку дядюшки все направились к отелю; по пути им встретились Бен-Омар и Назим, но малуинцы сделали вид, что незнакомы с ними.

Все вчетвером поднялись по лестнице и вошли в комнату дядюшки Антифера, тщательно запершего за собой дверь.

Он вынул из чемодана атлас, привезенный из Сен-Мало, открыл планисферную карту земных полушарий и произнес, обращаясь к Жюэлю:

— Семь градусов двадцать три минуты восточной долготы и три градуса семнадцать минут южной широты.

Жюэль не мог сдержать жест отчаяния. Южная широта?.. Значит, Камилк-паша посылает их по ту сторону экватора?.. Ах, бедная маленькая Эногат!... Жильдасу Трегомену было просто страшно на него смотреть...

— Ну что же! Чего ты ждешь? — спросил дядюшка таким тоном, что молодому капитану оставалось только повиноваться.

Он взял циркуль, приложил острое к седьмому мери-

днану и, добавив еще двадцать три минуты, спустился до линии экватора.

Затем, найдя 3°17' южной широты, он прошел по параллели до точки пересечения с меридианом.

— Ну что же? — снова спросил дядюшка Антифер.— Где мы находимся?

— В Гвинейском заливе.

— А точнее?

— На широте государства Лоанго.

— А еще точнее?

— В водах бухты Маюмба...

— Завтра утром,— сказал дядюшка Антифер,— мы сядем в дилижанс, направляющийся в Бон¹, а оттуда поедем по железной дороге в Оран...

Это было сказано таким непререкаемым тоном, что напоминало команду капитана «Все наверх!» при появлении неприятеля.

Затем, обращаясь к банкиру, дядюшка Антифер спросил:

— Вы, конечно, будете нас сопровождать?

— Без всякого сомнения.

— До Гвинейского залива?

— Хоть на край света, если понадобится!

— Хорошо. Будьте готовы к отъезду.

— Буду, шурин.

У Жильдаса Трегомена невольно вырвалось: «Ой!» Это непривычное для слуха обращение настолько его ошеломило, что он даже не ответил уходящему банкиру на иронический поклон, которым тот его удостоил.

Когда трое малуинцев наконец остались одни в комнате, Жильдас Трегомен спросил:

— Значит... ты согласился?

— Да, лодочник! Дальше?

Дальше? К чему было упрекать его?.. Поэтому Жильдас Трегомен и Жюэль нашли более уместным промолчать.

Два часа спустя банкир получил телеграмму с острова Мальта.

Мадемуазель Талисма Замбуко считала себя самой счастливой из девушек в ожидании, когда станет самой счастливой из женщин!

¹ Бон — город в Алжире (к западу от Туниса).

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой Бен-Омар получает возможность сравнить
два способа передвижения — сухопутный и морской*

В то время тунисской железнодорожной сети, ныне присоединенной к алжирской, еще не существовало. Наши путешественники рассчитывали воспользоваться в Боне железной дорогой, связывавшей провинции Константину, Алжир и Оран.

На рассвете дядюшка Антифер и его спутники покинули столицу регентства. Нечего и говорить, что банкир Замбуко был вместе с ними и что Бен-Омар с Назимом также не опоздали на дилижанс.

Настоящий караван из шести человек! Но на сей раз эти люди точно знали, куда влечет их непреодолимая страсть к миллионам! Не было никакого смысла скрывать от Бен-Омара и Саука, что для поисков второго острова экспедиция направляется в широкий Гвинейский залив, в воды, омывающие область Лоанго¹.

— Однако это длинный переход, — сказал Жюэль Бен-Омару, — не лучше ли вам отказаться от него, если вы бонтесь трудностей нового путешествия!

И в самом деле, сколько сотен миль надо пройти морем от Алжира до Лоанго!

Но Бен-Омар и не думал колебаться, да и Саук не позволил бы ему долго раздумывать. А главное — волшебный миллион так заманчиво блестел перед глазами нотариуса...

Итак, 24 апреля дядюшка Антифер, увлекая за собой Жильдаса Трегомена и Жюэля; Саук, увлекая за собой Бен-Омара, а Замбуко — самого себя, заняли места в дилижансе, курсировавшем между Тунисом и Бомом. Вполне возможно, что в дороге они не обменяются ни словом, но тем не менее будут путешествовать вместе!

Мы знаем, что накануне Жюэль послал еще одно письмо Эногат. Через несколько дней молодая девушка и ее мать узнают, к какой точке земного шара мчится теперь дядюшка Антифер в погоне за своим знаменитым наследством, которое уменьшилось ровно наполовину. В лучшем случае около месяца займет эта вторая часть

¹ Область Лоанго находится в Среднем Конго, в Экваториальной Африке.

путешествия, так что обрученным нечего и надеяться на встречу раньше середины мая. Как будет разочарована Эногат, получив это письмо! Если бы еще она могла рассчитывать, что по возвращении Жюэля все препятствия будут наконец устранены и свадьба состоится без новых помех! Увы!.. Как трудно строить свои планы, имея такого дядюшку!

Относительно Жильдаса Трегомена мы ограничимся только одним замечанием: ему, бывшему владельцу габары, речному судовщику, судьба предназначала пересечь экватор и совершить плавание по водам Южного полушария! Ничего не поделаешь! Жизнь преподносит иногда самые невероятные сюрпризы. И добряк Трегомен решил больше ничему не удивляться. Теперь он не удивился бы, даже если бы в указанном месте на острове номер два действительно нашлись три пресловутых бочонка Камилък-паши.

Впрочем, все эти соображения не мешали ему с любопытством разглядывать местность, по которой проезжал дилижанс, — местность, совершенно не похожую на бретонские равнины. Но, кажется, он был единственным из шести пассажиров, кому хотелось запечатлеть в памяти тунисские ландшафты.

Дилижанс был лишен всяких удобств, к тому же он двигался довольно медленно. Три лошади с трудом проходили рысью путь от одной подставы¹ до другой. Неровная, извилистая дорога с неожиданными поворотами и крутыми обрывами по краям оказалась особенно причудливой в долине Меджерда, которую орошают стремительные горные ручьи. Когда дилижанс переправлялся вброд через эти потоки, вода почти покрывала колеса.

Погода стояла превосходная. Небо пронзительно синее или, скорее, даже раскаленно-синее — такой палящий жар исходил от солнца.

Бардо, дворец бея, промелькнувший с левой стороны дилижанса, сверкал ослепительной белизной; смотреть на него можно было только сквозь дымчатые стекла, так же как и на другие дворцы, обсаженные фикусами и перечными деревьями, похожими на плакучие ивы, ветви которых сгибаются до земли. То здесь, то там виднелись желтые, полосатые, как зебры, палатки, откуда

¹ Подстава — место, где стоят сменные лошади.

выглядывали строгие лица арабских женщин и почти черные от загара рожицы детей, не менее серьезные, чем лица их матерей. Вдали на полях, на склонах, в горных лощинах паслись стада баранов и прыгали по скалам черные, как вороны, козы.

Птицы, испуганные хлещущим щелканьем бича, взлетали стаями при приближении дилижанса. Особенно выделялись своим ярким оперением мелкие попугаи. Их было много, тысячи; и если природа научила их петь, то, к счастью, они не научились еще говорить. Поэтому наши путешественники слушали птичий концерт, а не болтовню.

Остановки были частые. Жильдас Трегомен и Жюэль не пропускали случая выйти из дилижанса, чтобы размять ноги. Банкир Замбуко следовал иногда их примеру, но не вступал в разговоры со своими попутчиками.

— Этот симпатичный старичок, — заметил Трегомен, — жаждет миллионов Камильк-паши, кажется, насколько не меньше, чем наш друг Антифер!

— Вы правы, господин Трегомен, сонаследники стоят один другого!

Саук, выходя на остановке, всегда старался уловить хоть несколько слов из их разговора, хотя и делал вид, что не понимает по-французски. Нотариус же сидел неподвижно в углу дилижанса, заранее переживая тяготы предстоящего плавания. Ему становилось дурно уже при одной мысли, что после легких волн Средиземного моря ему придется испытать на себе чудовищную силу хлещущих волн Атлантического океана!

Пьер-Серван-Мало тоже не трогался с места; мысли его были прикованы к острову номер два, к скалам, затерянным среди жгучих африканских вод.

В этот день, перед заходом солнца, внезапно показалась группа мечетей и марабутов с белыми куполами и остроконечными минаретами. Это было небольшое, окруженное зеленью селение Табарка, сохранившее в полной неприкосновенности своеобразный колорит тунисского городка.

Дилижанс остановился в Табарке на несколько часов. Пассажиры нашли гостиницу или, вернее, постоялый двор, где их довольно прилично накормили. Об осмотре городка никто и не помышлял. Из шести человек только одному Трегомену и, может быть, Жюэлю, если бы он

уступил просьбам своего друга, могло прийти это в голову. Впрочем, дядюшка Антифер строго-настрого запретил им отходить от дилижанса, чтобы избежать каких бы то ни было промедлений, и они не стали ему противоречить.

В девять часов вечера путешествие возобновилось. Несмотря на то что светили звезды, путь для дилижанса, рискнувшего пересечь пустынную равнину между закатом и восходом солнца, был далеко не безопасен. Отвертительное состояние дорог, возможность нападения разбойников, особенно крумиров¹, или хищных зверей — все это заставляло путешественников все время быть начеку. Порою среди тишины и мрака у опушки густого леса, вдоль которого ехал дилижанс, ясно слышалось рычание львов и вой пантер. Тогда лошади начинали храпеть, и нужна была исключительная ловкость возницы, чтобы их успокоить. Но зато никого не тревожило мяуканье гиен, этих трусливых и хищных кошек.

Наконец около четырех часов стало светать. Ночная темнота постепенно сменилась предутренним рассеянным светом, достаточным для того, чтобы рассмотреть окружающую местность.

На все еще суженном горизонте серели волнистые складки холмов, наброшенных на землю подобно арабскому плащу. У подножия холмов расстилалась долина Меджерда со своей желтой рекой, то тихой, то бурной, извивающейся среди олеандровых рощ и цветущих эвкалиптов.

Эта часть регентства, прилегающая к землям крумиров, отличается особенно причудливым рельефом. Если бы Трегомен путешествовал когда-нибудь по Тиролю, ему показалось бы, что он видит перед собой один из самых диких альпийских уголков. Но он не бывал в Тироле и с каждым днем все больше удалялся от Европы. Стоило ему подумать об этом, как уголки его рта приподнимались, лицо становилось задумчивым, густые брови опускались — все это означало, что на душе у него тревога.

Иногда молодой капитан и Трегомен обменивались многозначительными взглядами: они понимали друг друга без слов.

¹ Крумиры — арабское племя, живущее в пограничных местностях между Алжиром и Тунисом.

В это утро дядюшка Антифер спросил своего племянника:

— Куда мы попадем до ночи?

— В Гардимау, дядя.

— А когда будем в Боне?

— Завтра вечером.

Мрачный малуинец снова впал в обычную молчаливость, или, вернее, он непрерывно возвращался к одной и той же мечте, переносившей его из вод Оманского залива в воды Гвинейского. Затем мысль его задерживалась на единственной точке земного шара, которая только и была ему интересна. Тогда он говорил себе, что и взоры банкира Замбуко устремлены на ту же самую точку. Действительно, эти два человека, столь разные по происхождению, привычкам и наклонностям и так неожиданно столкнувшиеся в этом мире, казалось, составляют сейчас одно существо, прикованы друг к другу, как каторжники к одной цепи, с тем только отличием, что цепь у них золотая.

Между тем фикусовые леса становились все более густыми. То тут, то там арабские деревушки, отстоящие одна от другой на довольно значительном расстоянии, появлялись среди листвы того серо-зеленого оттенка, в какой клещевина окрашивает цветы и листву. Здесь попадались шалаши, там паслись стада на берегу какого-нибудь потока, в русло которого стекают прибрежные воды. Потом возникала очередная подстава — чаще всего жалкая конюшня, где помещались попеременно люди и животные.

Вечером остановились в Гардимау, вернее — в деревенной хижине, окруженной еще несколькими другими, превратившимися через двадцать лет в одну из железнодорожных станций на пути между Бомом и Тунисом. После двухчасовой остановки (безусловно слишком продолжительной для незатейливого обеда на постоялом дворе) дилижанс снова тронулся в путь. Дорога вилась по излучинам долины, по краям Меджерды, пересекала речки (нередко вода проникала в кузов дилижанса, заливая ноги сидящих); дилижанс взбирался на такие кручи, что казалось, не выдержит упряжь, а потом быстро спускался под откос, и лошади мчались, закусив удила, так, что трудно было их сдерживать.

Местность была великолепна, особенно в окрестно-

стях Мухтара, хотя трудно было что-либо разглядеть в эту темную ночь, тьму которой увеличивали низкие туманы. К тому же нашим путешественникам непреодолимо хотелось спать после сорока трех часов дорожной тряски.

Начало уже светать, когда дядюшка Антифер и его спутники прибыли в Сук-Ахрас¹ после бесконечных поворотов дороги, проходившей по склону холма и связывавшей этот торговый город с плодородными долинами.

В комфортабельной гостинице «Тагаст», расположенной неподалеку от площади того же названия, до полусмерти уставшие пассажиры встретили хороший прием. На сей раз трехчасовой отдых не показался им слишком долгим, и, наверное, не хватило бы этих трех часов, если бы они захотели осмотреть живописный Сук-Ахрас. Нечего и говорить, что дядюшка Антифер и банкир Замбуко никак не могли примириться с потерей времени из-за вынужденной остановки. Тем не менее дилижанс отправился дальше только в шесть часов.

— Успокойся,— говорил Жильдас Трегомен своему вспыльчивому соотечественнику,— мы будем в Боне как раз вовремя, чтобы поспеть на утренний поезд.

— А почему бы нам не поторопиться и не уехать вечерним поездом? — возразил дядюшка Антифер.

— Сегодня нет поезда, дядя,— заметил Жюэль.

— Ну и что же? Неужели мы должны лежать в дрейфе в этой дыре?..

— Посмотри, старина, какую я подобрал тебе трубку... От твоей почти ничего уже не осталось, ведь ты ее всю изгрыз!

И Жильдас Трегомен преподнес своему другу прекрасный чубук из Меджерда величиной со стручок зеленого гороха. Антифер тут же стал его грызть.

Трегомен предложил дядюшке пройтись с ним и с Жюэлем до большой площади, но тот наотрез отказался; вытащив из чемодана свой атлас, он открыл карту Африки и погрузился в воды Гвинейского залива, рискуя утопить в них остатки своего разума.

Жильдас Трегомен и Жюэль пошли прогуляться по площади Тагаст. Это обширный четырехугольник, обса-

¹ Сук - А х р а с — город в Алжире к востоку от Константины. Прежнее название — Тагаст.

женный деревьями и окаймленный домами в ярко выраженном восточном стиле. Несмотря на ранний час, были уже открыты кофейни, заполненные местными жителями.

При первых лучах солнца туман рассеялся. Все предвещало прекрасный ясный день.

Трегомен весь обратился в зрение и слух. Он прислушивался к разговорам туземцев, хотя не понимал их языка; ему хотелось видеть все, что происходит внутри кофейен, в глубине лавок, хотя он и не собирался ничего покупать. Но раз уж капризная судьба забросила его в это невероятное путешествие, пусть, по крайней мере, у него останется побольше воспоминаний. Думая об этом, он сказал:

— Нет, Жюэль, просто непозволительно так путешествовать, как мы! Нигде не останавливаться!.. Три часа в Сук-Ахрасе... Одна ночь в Боне... Потом два дня по железной дороге с короткими остановками на станциях!.. Что я мог увидеть в Тунисе? И что я увижу в Алжерре? ¹

— Я согласен с вами, господин Трегомен. Конечно, это лишено здравого смысла, но попробуйте сказать об этом дяде, и вы сами знаете, что он вам ответит: «Это не развлекательная поездка, а деловое путешествие!» И кто знает, чем оно еще кончится!

— Боюсь, как бы оно не кончилось мистификацией!— ответил Трегомен.

— Да,— согласился Жюэль,— не исключена возможность, что и на втором острове мы найдем документ, который отошлет нас на третий остров!

— И на четвертый, и на пятый, и на все острова пяти частей света,— сказал Трегомен, сокрушенно покачивая доброй большой головой.

— И вы, конечно, всюду будете сопровождать моего дядю, господин Трегомен.

— Я?

— Да. Вы... вы же ни в чем не посмеете ему отказать!

— Это правда. Бедняга очень меня огорчает, и я опасюсь, как бы он совсем не свихнулся.

— Ну, так вот... А я, господин Трегомен, твердо решил ограничиться вторым островом. Разве Эногат мечтает о принце, а я — о принцессе?

¹ Трегомен неправильно произносит слово «Алжир».

— Конечно, нет! Впрочем, теперь, когда богатства делаются пополам с этим крокодилом Замбуко, речь может идти только о герцоге для нее и герцогине для тебя...

— Не надо так шутить, господин Трегомен!

— Прости меня, мой мальчик, во всем этом нет ничего веселого, и если придется продолжать поиски...

— Продолжать? — вскричал Жюэль. — Нет! Мы отправляемся в залив Лоанго, согласен! Но дальше — никуда! Я заставлю дядю вернуться в Сен-Мало!

— А если этот упрямец откажется?

— Если он откажется? Пусть тогда путешествует без меня. Я вернусь к Эногат. Через несколько месяцев она станет совершеннолетней, и я женюсь на ней наперекор всем препятствиям!

— Послушай, мой дорогой мальчик, не раздражайся, наберись терпения! Все образуется, поверь мне. Ты женишься на малютке Эногат, и я спляшу ригодон¹ на вашей свадьбе!.. А сейчас мы должны вернуться в гостиницу, чтобы не опоздать на дилижанс. Мне хотелось бы приехать в Бон до наступления ночи, чтобы увидеть хоть кусочек этого города! Ведь другие города, и Константиноу и Филиппвиль, мы увидим только из окна поезда! А что тут успеешь заметить?.. Если же нам не удастся осмотреть Бон, я наверстаю свое хотя бы в Алжере... Я полагаю, мы остановимся там хоть на несколько дней.

— Конечно, — ответил Жюэль, — едва ли найдется пароход, который сможет немедленно отправиться к западному берегу Африки, и мы волей-неволей должны будем подождать.

— Подождем, подождем! — повторял Трегомен, радуясь, что он увидит чудеса алжирской столицы. — Ты знаешь Алжир, Жюэль?

— Да, господин Трегомен.

— Мне рассказывали моряки, что это очень красивый, расположенный амфитеатром город. Мы посмотрим его набережные, площади, арсенал, мечети, дворцы... особенно дворец Мустафы.

— Алжир — хороший город, господин Трегомен, — ответил Жюэль. — Но я знаю еще более красивое место... Это Сен-Мало...

¹ Ригодон — старинный провансальский танец.

— ...и дом на улице От-Салль... и уютную комнатку в первом этаже... и очаровательную девушку, которая в ней живет! Конечно, я с тобой согласен, мой мальчик! Но раз уж мы здесь, разреши мне надеяться, что я смогу посмотреть хотя бы Алжерр!..

Лелея эту мечту, Трегомен вместе со своим молодым другом направился в гостиницу Тагаст. Да и пора уже было: запрягали лошадей. Дядюшка Антифер ходил взад и вперед большими шагами, ругая запоздавших, хотя те вовсе не опоздали.

Трегомен опустил голову, встретив его испепеляющий взгляд. Через несколько минут все разместились, и дилижанс покатиł по ухабистому спуску Сук-Ахрас.

Право, жаль, что Трегомену не разрешили осмотреть эти тунисские земли. Ничего более живописного нельзя себе представить: холмы, похожие скорее на горы, лесистые овраги, заставившие будущих строителей железной дороги делать бесчисленные повороты и объезды; среди могучей растительности — крепкие утесы, как бы насквозь пробивающие землю; повсюду разбросаны поселки, в которых копошится туземное население; ночью перед хижинами горят костры для защиты от диких зверей.

Жильдас Трегомен охотно делился со своими спутниками всем, что ему удавалось узнать от возницы, а разговаривал он с ним при каждом удобном случае.

За год в этих зарослях убивают не меньше сорока львов, несколько сотен пантер, не говоря уж о бесчисленных стаях воющих шакалов. Саук, как и подобает человеку, не знающему французского языка, оставался равнодушным к этим потрясающим рассказам; дядюшку Антифера тоже несколько не заботили тунисские пантеры и львы. Если бы их было по миллиону голов на острове номер два, то и тогда он бы не отступил ни на шаг.

Но банкир, с одной стороны, и нотариус — с другой, внимательно слушали истории Жильдаса Трегомена. Замбуко иногда хмурил брови и бросал косые взгляды через дверцу дилижанса, Бен-Омар, напротив, отводил глаза от этой дверцы, сжавшись в комок в своем углу, дрожа и бледнея, когда хриплый вой раздавался в густой придорожной чаще.

— Честное слово,— рассказывал в этот день Трего-

мен,— я узнал от кучера, что в прошлый раз на дилижанс напали звери. Пассажиры открыли стрельбу, чтобы испугать этих хищников... А вчера ночью пришлось даже поджечь дилижанс, чтобы отогнать огнем стаю пантер.

— А что же случилось с путешественниками? — спросил Бен-Омар.

— Путешественники вынуждены были идти до подставы пешком,— ответил Жильдас Трегомен.

— Пешком! — дрожащим голосом воскликнул нотапрнус.— Я... я никогда бы не смог!..

— Ну что ж, вы бы остались позади, господин Омар! Поверьте, мы не стали бы вас ждать!

Легко догадаться, что этот не очень милосердный и не очень утешительный ответ исходил от дядюшки Антифера. Иначе он не вступил бы в разговор. И Бен-Омар теперь окончательно убедился, что он не приспособлен к путешествиям ни на суше, ни на море.

Однако день проходил, а хищники давали знать о себе только издав далеко доносившимся воем.

К своему огорчению, Жильдас Трегомен убедился, что дилижанс доберется до Бона только к ночи.

В самом деле, было уже семь часов вечера, когда в трех или четырех километрах от Бона они миновали Хиппо, старинный нумидийский город, ставший знаменитым из-за могилы Блаженного Августина¹; этот городок интересен и своими глубокими водоемами, в которых арабские старые женщины занимались волхвованием и колдовством. Каких-нибудь двадцать лет спустя путешественники увидели бы на этом месте стены базилики² и госпиталя, появившиеся словно из-под земли благодаря могуществу кардинала Лавижери³.

Между тем глубокая темнота уже окутывала Бон, прибрежную аллею вдоль крепостных валов, продолговатый мол, заканчивающийся на западе песчаным кли-

¹ Августин Аврелий, прозванный Блаженным (354—430), — один из основоположников католической церкви; был епископом в Хиппо; оставил несколько богословских трактатов.

² Базилика — церковь вытянутой прямоугольной формы, с колоннадой, построенная по образцу древнеримских общественных зданий.

³ Лавижери Шагль (1825—1892) — кардинал, архиепископ туниисский, один из видных церковных деятелей Франции, содействовавших колоннальной политике.

ном, могучие деревья, осеняющие набережную, новую часть города с его обширной площадью, где возвышается теперь статуя Тьера в бронзовом сюртуке, и, наконец, Касба¹, которая предвосхитила бы впечатление Трегомена от Касбы в Алжире.

Следует признать, что неудача преследовала этого превосходного человека, и он утешал себя только мыслью взять реванш в столице Второй Франции².

Путешественники выбрали гостиницу, расположенную на площади, поужинали и в десять часов легли спать, чтобы вовремя проснуться к утреннему поезду. В эту ночь, утомленные шестидесятичасовым путешествием в дилижансе, все они спали глубоким сном, даже и этот ужасный дядюшка Антифер.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*повествующая о наиболее значительных событиях,
которыми ознаменовалось плавание из Бона
в Алжир и из Алжира в Дакар*

Дядюшка Антифер был уверен, что между Боном и Алжиром проложена железная дорога, но он поторопился на двадцать лет. Поэтому на следующий день ответ хозяина гостиницы поставил его в тупик.

— Как! Из Бона в Алжир нет железной дороги? — подпрыгнув, закричал дядюшка Антифер.

— Нет, но через несколько лет будет, и если вам угодно подождать!.. — сказал веселый хозяин.

Без сомнения, Бен-Омар не желал бы ничего лучшего, так как во избежание задержек приходилось опять схать морем.

Но Пьер-Серван-Мало Антифер повелительным тоном спросил:

— Есть пакетбот, готовый к отходу?

— Да, он отчалит сегодня утром.

— Мы отправляемся на нем!

Вот почему в шесть часов утра дядюшка Антифер от-

¹ К а с б а — дворец-крепость в мавританском стиле.

² Так называли во французской печати Алжир, французскую колонию в Северной Африке.

был из Бона на пакетботе вместе с пятью спутниками, из которых двое — Жильдас Трегомен и Жюэль — были выбраны им самим, а остальные трое — Замбуко, Бен-Омар и Назим — стали его спутниками по необходимости.

Не стоит рассказывать об этом переходе в несколько сот километров.

Конечно, Жильдас Трегомен предпочел бы плаванию путешествие в поезде, что позволило бы ему хоть мельком увидеть из окна вагона те самые земли, по которым через несколько лет предстояло проложить железнодорожную колею. Но он рассчитывал вознаградить себя в Алжире. Если дядюшка Антифер воображает, что в Алжире сразу же к его услугам окажется корабль, готовый к отплытию на западный берег Африки, то он жестоко ошибается, и, хочет он этого или нет, ему придется запастись терпением! А какие тем временем прелестные загородные прогулки можно будет предпринять, пожалуй, даже к ручью Обезьян!..

Конечно, Жильдас Трегомен ничего не выиграет, если и будут найдены сокровища Камильк-паши, ну и пусть! Но зато у него останется богатая коллекция воспоминаний о путешествии в алжирскую столицу.

Было восемь часов вечера, когда пакетбот, шедший на всех парах, бросил якорь в Алжирском порту.

В конце марта под этой широтой даже звездные ночи еще очень темны. На севере чернела неясная громада города с выступающей на переднем плане Касбой, той самой долгожданной Касбой, которую так хотелось увидеть Жильдасу Трегомену. Сойдя с пристани, он поднялся вместе со всеми по широкой лестнице, потом прошел сквозь массивную аркаду¹, которая вывела их на набережную. По левую руку остался сверкающий огнями сквер, где Трегомен охотно бы задержался; но мешкать было некогда, и вот он уже очутился перед ансамблем высоких домов; в одном из них помещалась гостиница «Европа».

Дядюшку Антифера и его спутников очень радушно приняли в этой гостинице. Заняв номера, путешественники оставили свои чемоданы и спустились в столовую. Обед продолжался до девяти часов, и, так как еще немало времени уйдет на ожидание пакетбота, право же, ра-

¹ Аркада — ряд арок.

зумнее всего будет хорошенько выспаться, чтобы наутро встать свежими, бодрыми и приступить к осмотру города.

Тем не менее, прежде чем позволить себе отдых, хотя и вполне заслуженный за эту долгую и утомительную дорогу, Жюэль решил написать письмо невесте, не дожидаясь наступления жаркого и пыльного алжирского дня. Письмо уйдет завтра, и уже через три дня Эногат будет знать все новости. Впрочем, для нее ничего особенно интересного в этом письме не содержалось. Разве что Эногат узнает, что Жюэль не находит себе места и любит ее от всего сердца. Но это тем более не было для нее новостью.

Кстати, надо заметить, что, если Бен-Омар и Саук, с одной стороны, и Жильдас Трегомен и Жюэль — с другой, разошлись по своим комнатам, то дядюшка Антифер и Замбуко, два шурина — разве нельзя применить к ним это определение семейного родства, по всем правилам скрепленное договором? — исчезли после обеда, не сказав ни слова, по какому делу они уходят из гостиницы. Это, конечно, удивило Трегомена и молодого капитана и, несомненно, встревожило Саука и Бен-Омара. Но малуинец, по всей вероятности, не счел бы нужным ответить, если бы его об этом спросили.

Так куда же они ушли, эти два наследника? Может быть, их охватило желание пробежаться по живописным кварталам Алжира? Или это было любопытство путешественников, вздумавших побродить по улице Баб-Азум, по другим улицам или пройтись вдоль набережной, все еще заполненной гуляющими? Нет, подобное предположение невероятно, его просто невозможно было допустить.

— Тогда что же? — сказал Трегомен.

Молодой капитан и остальные пассажиры дилижанса заметили еще в пути, что дядюшка Антифер несколько раз нарушал свое добровольное молчание и о чем-то беседовал вполголоса с банкиром. И Замбуко, казалось, соглашался с тем, что ему предлагал собеседник.

О чем же они совещались? Не был ли их внезапный уход заранее обусловлен? Не было ли у них каких-нибудь особых планов? Ведь от этих двух несносных свояков можно ожидать самых неожиданных комбинаций...

Пожелав спокойной ночи Жюэлю, Трегомен ушел в свою комнату. Прежде чем раздеться, он широко распахнул окно, желая подышать чудесным алжирским воздухом. При бледном свете звезд ему открылось огромное пространство: весь рейд до мыса Матифу, на котором светились сигнальные огни кораблей, стоявших на якоре или приблизившихся к берегу с вечерним ветерком. Зажгли свои факелы и рыбаки; а еще ближе в порту разводили пары мрачные пакетботы; из широких труб валил дым и сыпались искры.

За мысом Матифу уже расстилалось открытое море, упиравшееся в горизонт, над которым сверкали, словно огни фейерверка, великолепные созвездия.

Прекрасная ночь сулила не менее прекрасный день. Пройдет еще несколько часов, и лучезарное светило погасит последние утренние звезды.

«С каким удовольствием,— думал Жильдас Трегомен,— я похожу по этому благородному городу Алжеру и, перед тем как начнутся новые странствия до острова номер два, воспользуюсь несколькими днями передышки после проклятого путешествия в Маскат... Мне говорили о ресторане Моисея на Пескаде. Почему бы нам хорошенько не пообедать у Моисея?..»

Часы пробили десять, и в этот момент раздался стук в дверь.

— Ты, Жюэль? — спросил Жильдас Трегомен.

— Нет, это я, Антифер.

— Сейчас я открою, старина.

— Не надо. Одевайся и упакуй чемодан!

— Чемодан?

— Мы отправляемся через сорок минут!

— Через сорок минут?

— И не мешкай. Пакетботы не имеют привычки ждать! Я предупрежу Жюэля..

Ошеломленный Трегомен спрашивал себя, не во сне ли это. Нет! Он услышал стук в соседнюю дверь и голос дяди, который приказывал Жюэлю подняться. Затем ступеньки лестницы заскрипели под тяжелыми шагами.

Жюэль, все еще сидевший за письмом к Эногат, успел лишь приписать, что все они покидают Алжир в этот же вечер. Так вот зачем уходили Замбуко и дядюшка Антифер!.. Они хотели узнать, нет ли корабля, готового немедленно отправиться к африканскому берегу... Да,

только счастливое стечение обстоятельств помогло им найти пакетбот, уже собиравшийся поднять якорь. Они поспешили заручиться местами на борту этого пакетбота, и тогда дядюшка Антифер, не церемонясь со своими спутниками, вернулся в гостиницу предупредить Трегомена и Жюэля, а банкир тем временем сообщил об отъезде Бен-Омару и Назиму.

Трегомен, укладывая чемодан, думал о том, какое его постигло горькое разочарование. Но спорить было бесполезно. Начальник приказал — надо повиноваться.

Почти тотчас же в комнате Трегомена появился Жюэль.

— Вы этого не ожидали? — спросил он.

— Нет, мой мальчик, — ответил Жильдас Трегомен, — хотя от твоего дядюшки я должен был всего ожидать!.. А я-то надеялся погулять хотя бы двое суток по Алжерру!.. А порт!.. А ботанический сад!.. А Касба!

— Ничего не поделаешь, господин Трегомен. Действительно, нам не повезло. Как некстати дядя нашел пакетбот, готовый к отправке.

— Да! И я могу в конце концов взбунтоваться! — вскричал Жильдас Трегомен, поддавшись чувству негодования.

— Увы, господин Трегомен, вы не взбунтуетесь... А если бы вы и рискнули, то достаточно будет дяде серdito на вас посмотреть, ворочая чубуком, как...

— Ты прав, Жюэль, — понутив голову, ответил Трегомен, — я послушаюсь его. Ты хорошо меня знаешь!.. И все же очень грустно... А этот тонкий обед у Моисея на Пескаде, как я его предвкушал!..

Напрасные сожаления! Бедняга, тяжело вздохнув, закончил свои сборы. Десять минут спустя оба спустились в вестибюль и застали там дядюшку Антифера, банкира Замбуко, Бен-Омара и Назима.

Если их по прибытии встретили любезно, то провожали весьма холодно, хотя заплатили они за полные сутки, Жюэль опустил письмо в почтовый ящик. Затем все проследовали на набережную и спустились по лестнице, ведущей в порт, а Жильдас Трегомен в последний раз окинул грустным взглядом еще освещенную Губернаторскую площадь.

В полукабельтове от берега стоял на якоре пакетбот, и слышен был рев котла под давлением пара. Черный

дым грязнил звездное небо. Резкие свистки возвещали, что пакетбот скоро снимается с якоря.

У пристани покачивалась лодка, ожидавшая пассажиров. Дядюшка Антифер и его спутники заняли места. Несколько ударов весел, и лодка подошла к пакетботу.

Жильдас Трегомен не успел опомниться, как очутился вместе с Жюэлем в одной каюте. Другую каюту заняли дядюшка Антифер и Замбуко, а нотариус и Саук — третью.

Пакетбот «Каталан» принадлежал марсельской судовой компании по перевозке грузов и пассажиров. Предназначенный для регулярных рейсов вдоль западного берега Африки до Сен-Луи и Дакара, он заходил по мере надобности в промежуточные порты, чтобы взять на борт или спустить на берег пассажиров, встать на погрузку или грузить товары. Довольно хорошо оборудованный, он делал от десяти до одиннадцати узлов — вполне достаточно для таких рейсов.

Через четверть часа после прибытия дядюшки Антифера и его спутников раздался последний оглушительный свисток, была поднята якорная цепь, «Каталан» вздрогнул всем корпусом и подался вперед; неистово заработали, взбивая белую пену, лопасти винта; обойдя корабли, стоявшие на рейде, «Каталан» поравнялся с большими средиземноморскими пакетботами, казалось заснувшими на месте, прошел по фарватеру между цейнгаузом и молом, выбрался в открытое море и взял курс на запад.

Перед взором Трегомена возникло, как в тумане, какое-то нагромождение зданий. Это была Касба, которую ему так и не удалось повидать вблизи. Потом на побережье показался мыс Пескада. Там находился знаменитый ресторан Моисея, где готовят такой вкусный буйабес!..¹

И это все, что Жильдас Трегомен вынес из своего пребывания в «Алжере»...

Само собой разумеется, что по выходе из порта Бен-Омар, свалившись в каюте на кушетку, заново испытал все прелести морской болезни. Ему становилось хуже при одной мысли, что придется еще проделать обратный путь!.. К счастью, это будет его последнее плавание!.. На

¹ Б у й а б е с — рыбная похлебка с чесноком и пряностями; национальное блюдо на юге Франции.

втором острове он наверняка получит свой вожаделенный процент!.. Конечно, ему было бы легче бороться с болезнью, если бы нашелся товарищ по несчастью. Но нет! Не тошнило ни одного из его спутников. Никто не хотел разделить с ним его страданий. Ему не дано было утешиться зрелищем чужой беды, такой же, как его собственная...

Пассажирами на «Каталане» большей частью были моряки, возвращавшиеся в прибрежные порты, несколько сенегалцев и солдат морской пехоты, привыкших к случайностям морского плавания. Все направлялись в Дакар, где пароход должен был выгрузить товары. Поэтому в пути не предвиделось никаких остановок. И дядюшка Антифер мысленно хвалил себя за то, что ему так быстро удалось попасть на борт «Каталана».

— Правда, прибыть в Дакар — это еще не значит достигнуть цели, — заметил Замбуко.

— Да, — согласился дядюшка Антифер, — но я и не рассчитывал найти пакетбот, идущий из Алжира прямо в Лоанго. А когда приедем в Дакар, что-нибудь придумаем.

В самом деле, иначе нельзя было поступить. Несомненно, последняя часть путешествия вызовет немало трудностей, и это очень тревожило будущих шуринов.

В течение почти «Каталан» продолжал идти на расстоянии двух-трех миль от берега. Показались огни Тенеса, потом смутные очертания Эль-Марса. На следующее утро прошли мимо возвышенностей Орана, и часом позже пакетбот обогнул высокий мыс, по ту сторону которого находится рейд Мерс-эль-Кебир.

Затем по бакборту открылся марокканский берег с далеким профилем гор, которые возвышаются над изобилующей дичью провинцией Риф. Через некоторое время на горизонте показался сверкающий под солнечными лучами Тетуан; дальше, в нескольких милях к западу, на скале между двумя бухточками — Сеута, испанская крепость, которая держит под контролем, так же как английская крепость на противоположном берегу¹, одну из створок двустворчатой двери, открывающей проход в Средиземное море. А еще дальше широкий пролив сливался с водами необозримого Атлантического океана.

¹ Имеется в виду Гибралтар.

Яснее обозначились лесистые гребни гор Марокканского побережья. По ту сторону Танжера, спрятанного за изгибом залива, ослепительно выделялись среди зеленых деревьев виллы и мечети. На море чувствовалось большое оживление: множество парусных судов скопилось в ожидании попутного ветра, чтобы войти в Гибралтарский пролив.

Но «Каталану» нечего было бояться вынужденной остановки. Ни ветер, ни течение, которое дает себя знать по особому волнению при входе в Средиземное море, не могли бороться с могучим винтом пакетбота, и к девяти часам вечера он уже бороздил своими тремя лопастями воды Атлантического океана.

Трегомен и Жюэль, прежде чем предаться отдыху, вышли на палубу и завели между собой беседу. Совершенно естественно, что, когда «Каталан», обогнув мыс на юго-западе, оказался у крайней точки Африканского материка, им пришла в голову одна и та же грустная мысль.

— Да, мой мальчик,— произнес Жильдас Трегомен,— было бы гораздо лучше, если бы при выходе из пролива мы повернули не налево, а направо. По крайней мере, мы не показывали бы пятки Франции...

— Для того чтобы идти... куда? — сказал Жюэль.

— Боюсь, что к дьяволу! — ответил Трегомен. — Ничего не поделаешь, Жюэль, приходится терпеть! Люди отовсюду возвращаются, им и дьявол не страшен!.. Через несколько дней мы будем в Дакаре, а из Дакара поплывем в самую глубину Гвинейского залива.

— Еще неизвестно, сможем ли мы сразу выбраться из Дакара. В тех местах нет регулярных рейсов. Вполне может статься, что мы там задержимся на несколько недель, и, если мой дядя воображает...

— Не сомневайся — воображает!..

— ...что добраться до второго островка очень просто, то он ошибается!.. Знаете, о чем я думаю, господин Трегомен? ..

— Нет, мой мальчик, но если ты скажешь...

— Так вот, я думаю, что мой дедушка Томас Антифер лучше бы сделал, если бы оставил этого проклятого Камилька на скалах Яффы...

— О Жюэль! Этот несчастный человек...

— Если бы дедушка его там оставил, этот египтянин

не завещал бы миллионы своему спасителю, и если бы он их не завещал, то дядя не гонялся бы за ними, и Энотгат была бы моей женой!

— Все это так,— ответил Трегомен.— Но, если бы ты сам там был, Жюэль, ты точно так же спас бы жизнь несчастному паше, как и твой дедушка... Смотри,— прибавил он, указывая на блестящую точку по бакборту,— что это за огонь?

— Это огни мыса Спартель¹,— ответил молодой капитан.

И в самом деле, это был тот самый маяк, расположенный на крайней западной точке Африканского континента, который содержится на средства нескольких европейских государств; это первый из цепи маяков, освещающих своими огнями африканские воды.

Подробный рассказ о рейсе «Каталана» занял бы слишком много места. Погода чрезвычайно благоприятствовала плаванию. Ветер дул с материка, так что можно было держаться на небольшом расстоянии от берега. При спокойном море, подернутом легкой зыбью, нужно было быть действительно самым чувствительным из всех омаров, чтобы страдать от морской болезни, несмотря на такую превосходную погоду!..

Берег не исчезал из поля зрения. Отчетливо проступали возвышенности Мекнеса, Могадора, гора Тезат, высота которой над уровнем моря достигает тысячи метров, Тарудант и мыс Джуби, замыкающий марокканскую границу.

Жильдасу Трегомену не удалось увидеть Канарские острова, так как «Каталан» прошел в пятидесяти милях от ФуэртеVENTУРЫ, ближайшего из этой группы островов, но зато, перед тем как пересечь тропик Рака, он мог приветствовать мыс Бохадор.

2 мая после полудня показался мыс Блан. На следующее утро, с первыми лучами зари, промелькнул Портендик, и наконец взорам путешественников открылись сенегальские берега.

Как известно, все пассажиры направлялись в Дакар, поэтому «Каталану» не пришлось останавливаться в Сен-Луи, столице этой французской колонии.

¹ С п а р т е л ь — мыс на Марокканском побережье, неподалеку от Танжера.

Впрочем, Дакар в морском отношении, видимо, более значительный порт, чем Сен-Луи. Большинство трансатлантических пароходов, обслуживающих Рио-де-Жанейро в Бразилии и Буэнос-Айрес в Аргентинской республике, останавливаются здесь, перед тем как пуститься в плавание через океан. Дядюшке Антиферу, конечно, легче будет найти в Дакаре судно, которое поможет ему добраться до Лоанго!

Наконец 5 мая около четырех часов утра «Каталан» обогнул знаменитый Зеленый мыс, находящийся под той же широтой, что и одноименные острова. Обойдя затем треугольный полуостров, по форме напоминающий приспущенный флаг, пакетбот достиг самой крайней точки Африканского континента в Атлантическом океане. Вслед за тем в правом углу полуострова показался Дакар. Таким образом, считая от «Алжерра», о котором так сожалел Жильдас Трегомен, пакетбот покрыл расстояние в восемьсот лье.

Поскольку Сенегал принадлежит Франции, Дакар можно назвать французской землей. Но как далека была Франция!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой речь идет о разных событиях с момента прибытия в Дакар и до высадки в Лоанго

Жильдас Трегомен никогда бы не поверил, что в один прекрасный день будет разгуливать с Жюэлем по набережной Дакара. А между тем не кто иной, как он, осматривал порт, защищенный двойным молом из гранитных глыб, в то время как дядюшка Антифер и банкир Замбуко, столь же неразлучные, как Бен-Омар и Саук, направлялись к французскому пароходному агентству.

Вполне достаточно и одного дня, чтобы ознакомиться с этим городом, не представляющим ничего особенно примечательного. Имеется там довольно красивый общественный сад, крепость, служащая казармой для гарнизона, больница Бель-Эр, расположенная на высоком холме, куда администрация помещает заболевших желтой лихорадкой. Если бы нашим путешественникам пришлось задержаться подольше в Дакаре, эти дни показали бы им бесконечностью.

«Но не надо жаловаться на судьбу»,— утешали друг друга Жильдас Трегомен и Жюэль. И они прохаживались по набережной, бродили по залитым солнцем улицам, которые содержались в чистоте благодаря заключенным, работавшим под присмотром надзирателей.

Но больше всего наших путешественников, конечно, интересовали суда, курсировавшие между Бордо и Рио-де-Жанейро; в 1862 году эти пакетботы принадлежали так называемой Имперской экспедиции по перевозке пассажиров и грузов. Дакар еще не был в те годы значительным перевалочным пунктом, каким он стал впоследствии, хотя и тогда уже торговые обороты Сенегала исчислялись в двадцать пять миллионов франков, причем большую часть из них пускали в оборот французские колонисты. Жителей в городе было не больше девяти тысяч, но со временем население возросло благодаря работам, предпринятым для улучшения порта.

Трегомену, никогда не выдавшему сенегальских негров, теперь довелось с ними познакомиться на улицах Дакара. Крепкое телосложение и густые курчавые волосы, лежащие шапкой на плотном черепе, позволяют туземцам безнаказанно переносить палящее сенегальское солнце.

Жильдас Трегомен, не в пример местным жителям, изнемогал от зноя. Он закрыл голову большим клетчатым платком, который кое-как заменял ему зонтик.

— Господи, какая жара! — восклицал он. — Нет, я не создан для жизни под тропиками!

— Это еще что, господин Трегомен, — отвечал Жюэль, — а вот когда мы попадем в Гвинейский залив, на несколько градусов южнее экватора...

— Там я наверняка расплаволюсь, — сказал толстяк, — и привезу домой только кожу да кости!.. Впрочем, — добавил он с доброй улыбкой, отирая лившийся ручьями пот, — меньше никак уж не привезешь, не так ли?

— О! Вы уже похудели, господин Трегомен, — заметил молодой капитан.

— Ты находишь?.. Ба! Не так-то просто мне будет превратиться в скелет! По-моему, даже лучше быть худым, когда забираешься в такие страны, где люди питаются человеческим мясом... Как ты думаешь, есть еще людоеды на берегу Гвинейского залива?

— Теперь их не так много... по крайней мере, я надеюсь! — ответил Жюэль.

— Хорошо, мой мальчик, постараемся не искушать туземцев нашей полнотой! И затем — кто знает, не придется ли после второго островка искать третий... в таких странах, где поедают друг друга даже родственники...

— Как в Австралии или на островах Тихого океана, господин Трегомен!

— Да! Говорят, там все туземцы людоеды!

Достойный Трегомен отчасти был прав, так как в этих странах действительно распространен ужасный обычай людоедства¹.

Но думать о том, что дядюшка Антифер дойдет до такого безумия и отправится искать свои миллионы в страны, населенные людоедами, было еще преждевременно. Жюэль и Трегомен помешали бы ему предпринять подобную экспедицию, если бы даже его пришлось для этого упрятать в сумасшедший дом.

Жильдас Трегомен и Жюэль вернулись в гостиницу, где застали дядюшку Антифера и банкира.

Французский резидент принял очень любезно своего соотечественника. Тем не менее на вопрос последнего, нет ли в Дакаре какого-нибудь судна, уходящего в Лоанго, последовал неутешительный ответ. Рейсы таких пакетботов совершаются очень нерегулярно и, во всяком случае, не чаще одного раза в месяц. Правда, есть пакетбот на линии Сьерра-Леоне — Гран-Бассам; рейс его продолжается неделю, но оттуда до Лоанго еще далеко. Так или иначе, первый пакетбот ожидается в Дакаре не раньше чем через семь-восемь дней. Какая досада! Целую неделю проторчать в этой дыре, грызя удила². Да и удила должны быть не иначе как из вороненой стали, чтобы противостоять зубам Пьера-Сервана-Мало, который изводил теперь ежедневно по чубуку.

По правде сказать, неделя в Дакаре — это долго... более чем долго. Прогулки в порт, поездки до реки, вернись, до ее рукава, омывающего восточную часть города, — этих развлечений хватает туристам только на один день. Наши путешественники поэтому волей-неволей должны

¹ Этот обычай, имевший главным образом ритуальное происхождение, давно уже искоренен.

² Французское выражение «грызть удила» (*ronger son frein*) употребляется в переносном смысле: с трудом сдерживать нетерпение.

были запастись терпением; а это не так-то просто, если не обладаешь философским спокойствием. Но, за исключением Жильдаса Трегомена, человека замечательно одаренного в этом отношении, никто из них не обладал ни терпением, ни тем более философским взглядом на вещи. Если дядюшка Антифер и Замбуко благословляли Камильк-пашу за то, что он избрал их своими наследниками, то они же и проклинали его за дикую фантазию зарыть наследство так далеко. Мало ему было Оманского залива, теперь он посылает их еще и в Гвинейский! Неужели этот египтянин не мог превратить в несгораемую кассу какой-нибудь более благопристойный и не менее укромный островок в европейских морях, скажем — в Средиземном море, в Балтийском, в Черном, в Северном или, на худой конец, в прибрежных водах Атлантического океана? Право же, паша все это обставил чрезмерными предосторожностями. Но что сделано, то сделано, изменить ничего нельзя, разве что отказаться от своей части... Отказаться? Попробуйте сделать такое предложение дядюшке Антиферу, или банкиру Замбуко, или даже нотариусу, из которого Саук просто веревки вил!

Связи между этими людьми постепенно все больше ослабевали. Образовались три группы: Антифер — Замбуко, Омар — Саук, Жюэль — Трегомен. Жили они раздельно, виделись только в часы еды, избегали друг друга во время прогулок и при встречах старались не говорить о главном деле. Они ограничивались дуэтами, которые, казалось, никогда не перейдут в финальный секстет¹. Впрочем, тогда получилась бы невыносимая какофония².

Первая группа Жюэль — Трегомен. Обычный предмет их разговоров всегда один и тот же: бесконечно затянувшееся путешествие; разлука жениха и невесты, отсрочка свадьбы; опасения, что все поиски и труды приведут к мистификации; душевное состояние дяди и друга, чрезмерная раздражительность которого увеличивалась с каждым днем и грозила ему безумием. Все это очень огорчало Трегомена и молодого капитана, твердо решив-

¹ Секстет — произведение для шести голосов или инструментов.

² Какофония — беспорядочный набор звуков, неблагозвучие.

ших как можно меньше раздражать дядюшку Антифера и ни в коем случае не покидать его.

Вторая группа Антифер — Замбуко. Какой любопытный материал для изучения дали бы знатоку нравов эти два будущих шурина! Один — человек с очень простыми вкусами, живший до сих пор тихой, спокойной жизнью в тихом провинциальном городе, рассудительно относившийся к жизни, как и подобает моряку в отставке, — теперь охвачен «священной жаждой» золота и потерял голову от ослепившего его золотого миража! Другой, уже давно составивший себе громадное состояние, но не познавший никаких других желаний, как только умножать и умножать свои богатства, готов подвергаться любым лишениям, даже опасностям, лишь бы его груда денег стала еще больше.

— Целую неделю плесневеть в этой дыре! — твердил дядюшка Антифер. — И кто знает, не опоздает ли этот проклятый пакетбот?..

— А кроме того, — отвечал банкир, — еще неизвестно, захочет ли он высадить нас в Лоанго. А ведь оттуда нужно еще пройти пятьдесят лье до бухты Маюмба!

— Э! Буду я еще думать о конце пути! — вспылыв, закричал малуинец.

— Рано или поздно придется об этом подумать, — заметил Замбуко.

— Хорошо... позднее, черт возьми! Не бросают же якорь в глубину, пока не придут на место стоянки. Доберемся сначала до Лоанго, а там видно будет!

— Может быть, нам удастся уговорить капитана пакетбота зайти в порт Маюмба?.. Ведь эта остановка не очень отклонит его от курса?

— Сомневаюсь, чтобы он согласился, по той простой причине, что он не имеет на это права.

— А мы предложим ему приличное вознаграждение... за это отклонение, — настаивал банкир.

— Увидим, Замбуко... Вы всегда заботитесь о том, что меня совершенно не тревожит! Главное сейчас — попасть в Лоанго, а оттуда мы сумеем добраться до Маюмбы. Тысяча чертей! У нас есть ноги, и, если будет нужно, если не будет другого способа уйти из Дакара, я, не колеблясь, пойду по берегу.

— Пешком?

— Пешком.

Легко сказать, Пьер-Серван-Мало! А опасности, препятствия, трудности такого перехода! Восемьсот лье по землям Либерии, Берега Слоновой Кости, Ашанти, Дагомеи, Гран-Бассама!

Нет, для него было бы счастьем сделать этот переход на борту пакетбота и таким образом избежать опасностей пешего путешествия! Из подобной экспедиции, если бы нашлись желающие принять в ней участие, пожалуй, никто бы не вернулся! И мадемуазель Талисме Замбуко пришлось бы напрасно ожидать в своем доме на Мальте возвращения слишком смелого жениха!..

Итак, ничего не оставалось, как согласиться на переезд пакетботом, который должен был прибыть только через неделю. Но как долго тянулось время в Дакаре!

Третья группа, Саук — Омар, вела совсем иные беседы. Не потому, что сын Мурада с меньшим нетерпением стремился попасть на остров и завладеть сокровищами Камилек-паши, — нет! К великому ужасу Бен-Омара, он думал и говорил только об одном: каким способом лучше будет ограбить обоих сонаследников. Если раньше он думал на вербовать шайку головорезов и произвести нападение на пути из Сохора в Маскат, то сейчас он решил сделать то же самое на пути из Маюмбы в Лоанго. На этот раз будет больше шансов на успех. Среди туземцев или контрабандистов с ближайших факторий он сможет на вербовать людей, способных на все, даже на убийство, людей, которые за хорошее вознаграждение примут участие в любой преступной операции.

Именно эти планы Саука и пугали малодушного Бен-Омара, если не из благородных побуждений, то, по крайней мере, из боязни быть замешанным в скверную историю. Чувство страха не покидало его ни на минуту.

Он решился даже робко возражать Сауку. Он утверждал, что дядюшка Антифер и его спутники — люди, которые дорого продадут свою жизнь. Он уверял, что сколько бы Саук ни заплатил наемным негодяям, все равно на них нельзя положиться. Рано или поздно они всё разболтают, слух о преступлении разнесется по всей стране, и в конце концов правда выплывет наружу. Никогда нельзя быть уверенным в сохранении тайны, даже в этих диких краях, поскольку дело будет касаться исследователей, убитых в наиболее отсталых областях Африки... Отсюда видно, что доводы нотариуса отнюдь не

вытекали из преступности предполагаемого действия, а взывали прежде всего к чувству страха: так или иначе, преступление откроется. Впрочем, это был единственный довод, который мог бы подействовать на такого человека, как Саук.

Но в действительности его это нисколько не трогало. То ли он видел на своем веку, то ли еще совершал! И, бросив на нотариуса один из тех взглядов, от которых тот цепенел до мозга костей, Саук ответил:

— Я знаю лишь одного дурака, способного предать меня!

— Кто же это, ваша светлость?

— Ты, Бен-Омар.

— Я?

— Да. И берегись! У меня есть верное средство заставить людей молчать!

Бен-Омар, задрожав всем телом, опустил голову. Он слишком хорошо понимал, что лишний труп на дороге между Маюмбой и Лоанго не остановит Саука.

Ожидаемый пакетбот стал на якорь в Дакаре утром 12 мая.

Это было португальское судно «Цинтра», служившее для перевозки пассажиров и товаров в Сен-Поль-де-Луандо — главный порт значительной лузитанской колонии в тропической Африке¹. Пакетбот всегда делал остановку в Лоанго, и, так как он отправлялся на рассвете следующего дня, наши путешественники поспешили занять на нем места. Переход должен был продолжаться неделю, со средней скоростью от девяти до десяти миль. Бен-Омар заранее приготовился ко всем ужасам морской болезни.

На следующий день, в прекрасную погоду, при слабом береговом ветре, «Цинтра» вышла из порта, высадив в Дакаре нескольких пассажиров.

Дядюшка Антифер и банкир испустили такой глубокий вздох облегчения, словно их легкие не дышали всю неделю. Это был последний переход. Недалек тот час, когда они ступят на землю второго острова и наложат руки на сокровища, которые остров верно хранил в своих недрах.

¹ Лузитания — старинное название Португалии. Речь идет о португальской колонии Анголе.

Сила притяжения, которым обладал этот остров, все возрастала по мере приближения к нему, в соответствии с законами природы и в обратном отношении к квадрату расстояния. И при каждом повороте винта «Цинтры» это расстояние уменьшалось... уменьшалось...

Увы! Для Жюэля оно, наоборот, увеличивалось. Он все больше и больше удалялся от Франции, от Бретани; где его ждала печальная Эногат. Он написал ей по прибытии в Дакар, потом — накануне отъезда, и бедная девушка скоро узнает, что ее жених уехал от нее еще дальше. И он даже не мог назвать примерную дату своего возвращения!

Саук первым делом постарался узнать, нет ли на «Цинтре» пассажиров, отправляющихся в Лоанго. Не найдется ли среди авантюристов, совесть которых не подвержена ни сомнениям, ни укорам, среди людей, едущих за удачей в эти отдаленные области, таких, которые, зная страну, согласятся стать его сообщниками? Но в этом деле его светлость потерпел неудачу. В таком случае, он будет искать мошенников в самом Лоанго! К несчастью, ни он, ни Бен-Омар не говорили по-португальски — довольно затруднительное обстоятельство, когда надо вести переговоры о щекотливых делах и объясняться с полной ясностью. Впрочем, дядюшка Антифер, Замбуко, Жильдас Трегомен и Жюэль тоже должны были ограничиться разговорами друг с другом, так как на борту никто другой не знал французского языка.

Но был на «Цинтре» один человек, чье удивление равнялось его радости,— это нотариус Бен-Омар. Сказать, что он чувствовал себя превосходно в течение этого перехода, было бы преувеличением. Но невыносимые страдания, мучившие его раньше, теперь не повторялись. Благодаря легкому ветерку с материка плавание проходило великолепно. Море было спокойно, и «Цинтра», шедшая на расстоянии двух или трех миль от берега, почти не испытывала качки.

Так продолжалось все время, даже когда пакетбот, вступив в воды Гвинейского залива, обогнул мыс Пальмас.

Действительно, как это часто бывает, ветерок, не прекращаясь, шел по береговой линии, и залив был так же благоприятен для плавания, как и океан. Взяв между тем курс на Лоанго, «Цинтра» потеряла из виду возвы-

шенности континента. Не видно было ни земель Ашанти, ни Дагомеи, ни даже вершины горы Камерун, которая возносится на три тысячи девятьсот шестьдесят метров над уровнем моря¹.

19 мая после полудня Жильдас Трегомен испытал легкое волнение. Жюэль сообщил ему, что они пересекают экватор. Итак, в первый раз — и, несомненно, в последний — бывший хозяин «Прекрасной Амелии» проникнет в Южное полушарие! Какое романтическое приключение для него, моряка Ранса! Поэтому он без всякого сожаления передал матросам «Цинтры», по примеру других пассажиров, свой пиастр в честь перехода линии экватора.

На следующий день при восходе солнца «Цинтра» находилась уже на широте бухты Маюмба, приблизительно в ста милях от нее. Если бы капитан согласился остановиться в этой гавани, входящей в состав государства Лоанго, от каких лишений, от каких опасностей он, может быть, избавил бы дядюшку Антифера и его спутников! Благодаря этой остановке они освободились бы от очень трудного путешествия вдоль побережья.

Жюэль, по настоянию дядюшки, попытался выведать у капитана «Цинтры», что он думает по этому поводу. Португалец знал по-английски несколько слов, а какому моряку не доступен хоть немножко английский морской жаргон? Ну, а Жюэль, как известно, довольно бегло говорил на этом языке и широко пользовался им в переговорах с мнимым переводчиком из Маската и в других случаях. Он передал капитану предложение остановиться в Маюмбе. Этот небольшой крюк удлинит переход на каких-нибудь сорок восемь часов... Конечно, за непредвиденную задержку, за лишний расход угля и продуктов для экипажа будет щедро заплачено, не говоря уж о возмещении убытков судовладельцам.

Понял ли капитан предложение Жюэля? Да, в этом можно не сомневаться, тем более что оно было подкреплено демонстрацией географической карты. Моряки понимают друг друга с полуслова. И в самом деле, что могло быть проще — отклониться немного к востоку, чтобы высадить в Маюмбе полдюжины пассажиров, ко-

¹ Речь идет о вулкане Камерун. По уточненным данным, его высота достигает 4070 метров.

торые к тому же предлагали приличное вознаграждение? Капитан отказал. Раб корабельного устава! Раз пароход был зафрахтован в Лоанго — он пойдет в Лоанго. Из Лоанго он должен идти в Сен-Поль-де-Луандо — он пойдет в Сен-Поль-де-Луандо. Никуда, ни в какое другое место, даже если захотят купить его корабль на вес золота! Таковы были его выражения, Жюэль их точно понял и перевел дяде.

Антифер пришел в ярость и пустил в адрес капитана целый залп отборнейшей ругани. Но ничто на него не действовало, и, если б не вмешательство Жюэля и Трегомена, дядюшку в его буйном состоянии, возможно, даже заперли бы в трюм на остаток пути.

Двумя днями позже, вечером 21 мая, «Цинтра» остановилась перед длинной песчаной косой, ограждающей берег Лоанго, высадила нетерпеливых пассажиров, а затем через несколько часов отправилась дальше, в столицу португальской колонии Сен-Поль-де-Луандо.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

из которой видно, что иных пассажиров не следовало бы брать на борт африканского судна

На следующий день два человека, стоя в тени баобаба, охранявшей их от жгучих солнечных лучей, вели оживленную беседу. Они встретились совершенно случайно, поднимаясь по главной улице Лоанго, и, увидев друг друга, страшно удивились.

— Ты? Здесь? — воскликнул один.

— Да... я! — ответил другой.

Первый был не кто иной, как Саук; он сделал знак второму, португальцу, по имени Баррозо, и оба вышли за пределы города.

Если Саук не говорил на языке Баррозо, то Баррозо, прожив долгое время в Египте, говорил на языке его светлости. Сразу можно было заметить, что они старые знакомые. Баррозо принадлежал к шайке авантюристов, существовавшей на средства Саука в те времена, когда он занимался всякого рода вымогательствами и грабежами. Полиция вице-короля была хорошо осведомлена о сыне влиятельного Мурада, поэтому она не беспокоила

Саука своим вниманием. Но после нескольких громких дел, которые не могли пройти безнаказанно, шайка разбежалась. Баррозо исчез. Он вернулся в Португалию, но там его природные дарования не могли найти применения. Поэтому он покинул Лиссабон и решил уехать на работу в одну из факторий Лоанго. В то время торговля колонии была почти сведена на нет вследствие запрещения вывоза ряда товаров; она ограничивалась экспортом слоновой кости, пальмового масла, земляного ореха и красного дерева.

Сейчас этот португалец, моряк лет пятидесяти, командовал судном довольно большого тоннажа, по названию «Порталегри»¹. Оно несло береговую службу и отчитывалось перед местными негоциантами.

Баррозо с его прошлым, Баррозо, абсолютно лишенный укоров совести и в то же время смелый благодаря своей прежней профессии бандита, был именно тем человеком, в котором нуждался Саук, чтобы удачно завершить свои преступные замыслы.

Остановившись у подножия баобаба, ствол которого не охватили бы, взявшись за руки, даже двадцать человек — какое может быть сравнение со знаменитым баньяном в Маскате! — они, не боясь быть услышанными, могли говорить о делах, угрожавших жизни дядюшки Антифера и его спутников.

Они рассказали друг другу о своей жизни с той поры, как португалец покинул Египет, и его светлость без обвиняков приступил к делу. Из предосторожности Саук скрыл от собеседника настоящую ценность сокровищ, которые он собирался присвоить, но постарался соблазнить корыстолюбивого Баррозо возможностью заработать значительную сумму.

— Итак, — сказал он, — мне нужна помощь человека решительного, храброго...

— Вы меня знаете, ваша светлость, — ответил португалец, — вам известно, что я не отступаю ни перед каким делом...

— Если ты не изменился, Баррозо!

— Я остался таким же.

— Знай: четыре человека должны исчезнуть... может быть, и пять, если я найду нужным освободиться от не-

¹ Порталегри — название города в Португалии.

когого Бен-Омара. Под именем Назима я считаюсь его клерком.

— Одним больше, одним меньше — это безразлично, — ответил Баррозо.

— Тем более, что на этого достаточно дунуть, и о нем больше не будет разговора.

— И вы решили...

— Мой план таков, — сказал Саук, проверив, что никто их не может услышать. — Люди, о которых я говорил, — три француза: малуинец Антифер, его друг, его племянник, затем тунисский банкир, по имени Замбуко, — приехали в Лоанго, отсюда они отправятся дальше с целью завладеть сокровищами, зарытыми на одном из островков Гвинейского залива...

— В каких водах? — живо спросил Баррозо.

— В водах бухты Маюмба, — ответил египтянин. — Они хотят добраться сушей до этого маленького селения, и я подумал, что было бы хорошо напасть на них, когда они будут возвращаться со своими сокровищами в Лоанго. Они намерены ждать в Лоанго пакетбот из Сен-Поль-де-Луандо, который должен их увезти в Дакар.

— Нет ничего легче, ваша светлость! — подтвердил Баррозо. — Я ручаюсь, что найду вам дюжину честных авантюристов, всегда готовых на хорошее дело. Они с удовольствием окажут вам помощь, конечно, за соответствующую плату...

— Я никогда в этом не сомневался, Баррозо, и я верю в удачу: в этих пустынных местах нападение пройдет незамеченным.

— Несомненно, ваша светлость. Но я могу вам предложить более выгодную комбинацию.

— Ну, говори же!

— Я команду каботажным судном «Порталегри» в сто пятьдесят тонн. Оно перевозит товары по этому побережью из одного порта в другой. Так вот, это судно должно отправиться через два дня в Барака дю Габон, немного севернее Маюмбы.

— А-а! — закричал Саук. — Этим случаем надо воспользоваться! Антифер несомненно согласится сесть на борт твоего судна, чтобы избежать тягот и опасностей путешествия пешком. Ты высадишь нас в Маюмбе, доставишь свои товары в Габон и вернешься за нами. А на обратном пути в Лоанго...

— Понял, ваша светлость.

— Сколько у тебя людей на борту?

— Двенадцать.

— Ты в них уверен?

— Как в себе самом.

— А что ты перевозишь в Габон?

— Груз земляного ореха и, кроме того, шесть слонов; их купил торговый дом в Барака и должен переправить в Голландию, в цирк.

— Ты не говоришь по-французски, Баррозо?

— Нет, ваша светлость.

— Не забывай, что для других я тоже не говорю и не понимаю по-французски... Я поручу Бен-Омару поговорить с тобой, и малуинец, конечно, пойдет на это предложение.

Да, теперь уж нельзя было сомневаться, что оба наследника, обобранные и разоренные, погибли со своими спутниками на обратном пути из Гвинейского залива.

И кто бы мог помешать преступлению? Кто бы мог отыскать преступников?

Лоанго, в отличие от Анголы и Бенгелы¹, находится под португальским владычеством. Это одно из независимых королевств Конго, расположенное между рекой Габон на севере и рекой Заиром на юге, которое вскоре должно было отойти к Франции. Но в те годы туземные царьки от мыса Лопес до Заира еще признавали владычество Лоанго и платили ему дань, главным образом рабами: таковы Кассанж, Томба-Либоло и некоторые другие вассалы, царившие на маленьких, очень разрозненных территориях. Общественный строй у негров таков: выше всех — царек и его семья, затем «принцы крови», то есть отпрыски «принцессы», — она одна может передавать высокое происхождение; затем мужья принцессы, далее жрецы, идолы, или янга; их предводитель Шитома — священная особа; и, наконец, комиссионеры, купцы, клиенты, иными словами — народ.

Что касается рабов, то их много, их слишком много. Правда, негров больше не продают за границу, и запрещение работорговли является следствием европейского вмешательства. Что вызвало эту отмену — может быть,

¹ Бенгела — провинция на территории португальской колонии Ангола.

забота о достоинстве, о свободе человека? Нет! Жильдас Трегомен не считал этого и безусловно показал себя отличным знатоком и людей и жизни, когда сказал Жюэлю:

— Если бы не изобрели свекольного сахара, а продолжали класть в кофе тростниковый, торговля неграми продолжалась бы до сих пор и, возможно, продолжалась бы вечно!

Но, хотя король Лоанго является королем страны, пользующейся полной независимостью, из этого еще не следует, что дороги в этом государстве охраняются достаточно бдительно, а путешественники защищены от любой опасности. Поэтому на суше или на море трудно было бы найти место, более пригодное для совершения преступления.

Именно эта мысль и волновала Жюэля, по крайней мере в отношении суши. Если его дядя, потеряв всякое душевное равновесие, мало об этом беспокоился, то молодой капитан не мог без чувства страха думать о переходе в двести километров по побережью до бухты Маюмбы. Он счел своим долгом поговорить об этом с Жильдасом Трегоменом.

— Чего ж ты хочешь, мой мальчик? — ответил ему тот. — Вино палито, нужно его выпить!

— Подумать только, — продолжал Жюэль, — ведь путь, проделанный от Маската до Сохора, по сравнению с этим был просто приятной прогулкой, и, кроме того, мы были в хорошей компании!

— Послушай, Жюэль, нельзя ли нанять в Лоанго караван из туземцев?..

— Я доверяю дешевым неграм не больше, чем их гиенам, пантерам, леопардам и львам!

— А-а! Эти животные здесь водятся?

— В изобилии, не считая пресмыкающихся — ядовитых гадюк, кобр, которые плюют свою пену прямо в лицо, и десятиметровых удавов-боа.

— Прелестное местечко, мой мальчик! Право, его светлость паша мог бы выбрать что-нибудь более приличное! И ты говоришь, что эти туземцы...

— ...очень мало развиты, как и вообще все жители Конго, но достаточно сообразительны для того, чтобы убивать и грабить безумцев, рискнувших забраться в эту ужасную страну...

Конец диалога дает точное понятие о тревоге, которую испытывал Жюэль и вполне разделял Жильдас Трегомен. Поэтому оба они почувствовали большое облегчение, когда Саук с помощью Бен-Омара, взявшего на себя роль переводчика, представил дядюшке Антиферу и тунисскому банкиру португальца Баррозо. Значит, не будет длинных переходов через эти опасные местности, не будет безумной усталости после длительного пути, да еще в таком невыносимом климате! Так как Саук ничего не сказал о своем прежнем знакомстве с Баррозо и так как Жюэль не мог подозревать, что эти два негодяя встречались раньше, он не испытывал никакого недоверия. Самое важное, что переход до бухты Маюмба они проделают морем. Погода прекрасная... Они доедут туда за сорок восемь часов. Судно высадит их в порту, потом оно пойдет в Барака, на обратном пути погрузит их вместе с их сокровищами... Они доберутся до Лоанго, а оттуда ближайший пакетбот доставит их в Марсель... Нет! Никогда еще фортуна не улыбалась так благосклонно Пьеру-Сервану-Мало! Конечно, за переезд на судне придется заплатить, и заплатить хорошо! Но какое это имеет значение!..

В Лоанго¹ нужно было остановиться на два дня, пока вывезенные из глубины страны шесть слонов не будут помещены на борт «Порталегри». Поэтому Жильдас Трегомен, как всегда жадный до новых впечатлений, и молодой капитан с интересом осматривали этот маленький городок — «банза», как говорят на своем языке жители Конго.

Лоанго, или Буала, старый город в четыре тысячи пятьсот метров окружностью, выстроен среди пальмового леса. Он состоит из множества факторий, окруженных ширюбеками — род хижин, сооруженных из стеблей рафии² и покрытых листьями папируса. Здесь находятся торговые конторы португальцев, испанцев, французов, англичан, голландцев, немцев. Как видите, смесь порядочная. Но как все это ново для Трегомена! Бретонцы с берегов Ранса нимало не похожи на этих туземцев, наполовину голых, вооруженных луками, деревянными саб-

¹ Теперь через Лоанго направляются в Браззавиль по реке Конго. (Примеч. автора.)

² Рафия — африканская пальма с перистыми листьями, из которых вырабатывают волокно.

лями и закругленными топорами. Короля Лоанго, наряженного в смешной поношенный мундир, только издали можно принять за префекта¹ Иль и Вилеш. В портовых городках между Сен-Мало и Динаном нет таких затененных гигантскими кокосовыми пальмами хижин. Наконец, малуинцы не многоженцы, как эти лентяи из Конго, которые переключивают всю трудную работу на своих жен и преспокойно спят, когда те больны. Вот только земля Бретани не стоит земли Лоанго! Здесь достаточно пошевелить немного почву, чтобы получить превосходный урожай. Это такие растения, как *manfrigo*, или просо, чей колос иногда весит целый килограмм; *holcus*, злак, не требующий никакого ухода; *luso*, из которого пекут хлеб; маис, приносящий по три урожая в год; рис, картофель, маниок²; *tamba*, род пастернака; *insanguis*, или чечевица; табак, сахарный тростник в болотистых местах; виноград, привезенный с Канарских островов и Мадейры и созревающий вблизи Заира; фиги, бананы, апельсины, называемые «*manbrochas*», лимоны, гранаты, *cudes*, плоды в виде еловой шишки, содержащие питательное вещество, мучнистое и сочное; *neubanpams*, сорт орехов, которые очень нравятся неграм; ананасы, растущие сами по себе на пустынных землях.

А какие огромные деревья — мангровые³, сандаловые⁴, кедры, тамаринды⁵, пальмы и большое количество баобабов, из которых извлекают растительное мыло и выжимки плодов, очень ценимые неграми!

И какое множество разнообразнейших животных, птиц и насекомых: свиньи, кабаны, зебры, буйволы, дикие козы, газели, стада антилоп, слоны, куницы, соболя, шакалы, ягуары, дикобразы, летающие белки, дикие кошки, не говоря уж о бесчисленном разнообразии обезьян, шимпанзе и марушек с длинным хвостом и го-

¹ Префект — во Франции высший правительственный чиновник департамента.

² Маниок, или маниока, — тропическое кустарниковое растение, клубневидный мучнистый корень которого употребляется в пищу.

³ Мангровые деревья и кустарники произрастают на болотистой почве тропических стран, образуя непроходимые заросли.

⁴ Сандаловые деревья содержат растительный краситель сандал и эфирные масла; обладают твердой, тяжелой и пахучей древесиной.

⁵ Тамаринды — тропические вечнозеленые деревья из семейства бобовых.

лубоватой мордочкой, страусов, павлинов, дроздов, красных и серых куропаток, съедобной саранчи, пчел, москитов и неистребимых полчищ комаров — всего этого более чем достаточно!

Поразительная страна! Из какого неиссякаемого источника мог бы черпать Жильдас Трегомен, если бы у него было время для изучения естественной истории!

Можно быть уверенным, что ни дядюшка Антифер, ни банкир Замбуко не могли бы сказать, состоит ли население Лоанго из белых или из черных. Нет! Их глаза были устремлены в другое место — они искали вдали, ближе к северу, одну почти незаметную, единственную в мире точку, род огромного ослепительного алмаза, который весит множество каратов и стоит миллионы франков! Ах, как им не терпелось вступить на остров номер два, составляющий конечную цель этого необычайного путешествия!

22 мая с восходом солнца судно было готово к отплытию. Доставленных накануне слонов погрузили на борт со всеми необходимыми в отношении таких громадных животных предосторожностями. Эти великолепные представители африканской фауны не испортили бы любой программы в цирке Сэм-Локарта!

По-видимому, поступили опрометчиво, взяв на корабль водоизмещением всего лишь в сто пятьдесят тонн таких колоссов. Ведь это могло привести к нарушению равновесия! Жюэль тут же поделился этим соображением с Трегоменом. Правда, бимсы¹ у судна были достаточно широкими, и оно вытесняло немного воды, что облегчало ход на малой глубине. Обе его мачты с четырехугольными парусами были расставлены далеко одна от другой, потому что судно этого рода ходит хорошо только при кормовом ветре; если оно и не отличается быстрым ходом, то, по крайней мере, построено таким образом, чтобы держаться в безопасности под защитой берегов.

К тому же и погода была благоприятная. В Лоанго, как и на всей территории, прилегающей к Гвинейскому заливу, сезон дождей начинается в сентябре и заканчивается в мае под влиянием ветров, дующих с северо-запа-

¹ Бимсы — металлические или деревянные крепления, придающие судну поперечную прочность.

да. Зато, когда от мая до сентября прекращаются дожди, какая настает невыносимая жара, едва умеряемая обильной ночной росой! Со дня высадки наши путешественники худели на глазах, буквально расплавлились. Больше тридцати четырех градусов в тени! В этих странах, как сообщают некоторые исследователи, не внушающие большого доверия (надо полагать, они уроженцы Буш-дю-Рон или Гаскони¹), собаки не могут стоять на месте, а должны все время прыгать, чтобы не сжечь своих лап на раскаленной почве, а кабанов находят сваренными в их логовищах!.. Жильдас Трегомен был недалеко от того, чтобы поверить всем этим рассказам.

«Порталегри» поднял паруса около восьми часов утра. Все пассажиры были в сборе — люди и слоны. И опять путешественники разбились на прежние группы: дядюшка Антифер и Замбуко, более чем когда-либо загипнотизированные мыслью о втором острове (какая тяжесть спадет у них с сердца, когда марсовой² увидит его на горизонте!); Жильдас Трегомен и Жюэль, первый, поглощенный одной заботой — хоть сколько-нибудь освежиться, — жадно вдыхал свежий морской ветерок, второй, забыв обо всех африканских морях, погрузился в воспоминания о бретонском Ла-Манше³ и порте Сен-Мало; Саук и Баррозо, не отходившие друг от друга, что, впрочем, никого не удивляло, так как они говорили на одном языке, да и, кроме того, ведь только благодаря их встрече судно было предоставлено в распоряжение дядюшки Антифера.

Экипаж «Порталегри» состоял из двенадцати молодых людей довольно отталкивающего вида, в большинстве португальцев. Если дядя, погруженный в свои мысли, ничего не замечал, то племянник, пристально наблюдавший за ними, сообщил о своем впечатлении Трегомену. Последний ответил, что при такой температуре трудно судить о людях по их внешнему виду. И, в конце концов, нельзя предъявлять особых требований к экипажу африканского судна.

¹ Буш-дю-Рон — департамент на юге Франции. Гасконь — прежнее название области. Гасконцы часто изображаются во французской литературе как люди, любящие солгать и прихвастнуть.

² Марсовой — матрос, наблюдающий за горизонтом с площадки мачты.

³ Имеется в виду залив Сен-Мало.

При господствующих попутных ветрах переход вдоль побережья обещал быть восхитительным. «Portentosa Africal»¹ — воскликнул бы Жильдас Трегомен, будь ему известен пышный эпитет, которым римляне наградили этот континент. И в самом деле, если бы дядюшка Антифер и его спутники не были так поглощены своими мыслями, они пришли бы в восторг, проходя мимо факторин Шиллю, ибо нельзя не восхищаться красотой этого берега. Один только Жильдас Трегомен не пропускал ничего, стараясь вынести побольше воспоминаний о своем путешествии. И можно ли представить себе зрелище более великолепное, чем эти вечнозеленые леса, нескончаемой чередой вздымающиеся уступами по первобытным изгибам почвы и громоздящиеся по склонам прекрасных гор, окутанных горячим туманом! Песчаный берег в разных местах размывается горными потоками, бегущими из густых лесов и не просыхающими даже от тропической жары. Правда, не все эти воды уходят в море; кое-что перепадает и бесчисленным пернатым.

Павлины, страусы, пеликаны, нырки оживляют эти чудесные пейзажи. Здесь мелькают стада грациозных антилоп. Там купаются огромные млекопитающие, которым так же легко проглотить бочку этой прозрачной воды, как Трегомену выпить стакан. Это — гиппопотамы, похожие издали на розовых свиней; туземцы, кажется, не пренебрегают их мясом.

Но, когда Жильдас Трегомен сказал дядюшке Антиферу, стоявшему на носу судна: «Скажи, старина, а не съел ли бы ты копченую ножку гиппопотама?», Пьер Серван-Мало только пожал плечами, устремив на своего друга тупой, отсутствующий взгляд.

— Он ничего не понимает! — пробормотал Трегомен, обмахиваясь, как веером, платком.

На опушке леса резвилась стая обезьян, с криками и кривляниями прыгавших с дерева на дерево, в то время как «Порталегри» приближался к песчаному берегу.

Заметим, что ни пернатые, ни гиппопотамы, ни обезьяны не испугали бы наших путешественников, если бы они и в самом деле вздумали идти пешком из Лоанго в Маюмбу. Но что представляло бы действительную опасность — это пантеры и львы, ловкие и быстрые хищники, встреча

¹ Чудесная Африка (лат.).

с которыми была бы не особенно приятна. С наступлением темноты хриплый рев и заунывный лай нарушили торжественную тишину. Этот концерт доносился до судна, словно завывание бури. Встревоженные и возбужденные слоны фыркали, храпели в глубине трюма и так сильно топали, что трещал весь корпус «Порталегри». По правде говоря, этот живой груз вызывал некоторое беспокойство у пассажиров.

Прошло четыре дня. Ничто не нарушало однообразного течения жизни на судне. Все время держалась превосходная погода. Море было таким спокойным, что даже Бен-Омар не чувствовал никаких симптомов морской болезни. Не ощущалось ни килевой, ни боковой качки, и «Порталегри» с тяжело нагруженным трюмом оставался совершенно нечувствительным к волнам, тихо замиравшим на песчаном побережье.

Жильдас Трегомен никогда не думал, что плавание по морю может проходить так спокойно.

— Можно подумать, что находишься на борту «Прекрасной Амелии», у берегов Ранса,— сказал он своему молодому другу.

— Да,— согласился Жюэль,— но с той лишь разницей, что на «Прекрасной Амелии» не было такого капитана, как Баррозо, и такого пассажира, как Назим! Их тесная дружба мне кажется все более и более подозрительной.

— Ну что они могут сейчас замышлять против нас, мой мальчик, когда мы уже близки к цели?

Действительно, 27 мая, обогнув с восходом солнца мыс Банда, судно очутилось в двадцати милях от Маюмбы. Жюэль узнал об этом от Бен-Омара, тот, в свою очередь,— от Саука, а Саук — от Баррозо.

Значит, вечером они уже будут в этом маленьком порту области Лоанго.

Вскоре показалась широкая бухта позади мыса Матути, в глубине которой прятался городок. Если второй остров действительно существовал, если он находился именно в том месте, какое было указано в последнем документе, то искать его следовало только в этой бухте.

Поэтому дядюшка Антифер и Замбуко не отрываясь смотрели в подзорную трубу, то и дело протирая стекла.

К несчастью, ветер утих, почти замер. Судно шло медленно, делая в среднем два узла.

Около часу дня обогнули мыс Матути. Вдруг раздался радостный крик. Будущие шурины одновременно заметили в глубине бухты группу островков. Безусловно, среди этих островков находился и тот, который они искали! Но который из них? Это можно будет определить только на следующий день по солнцу.

В пяти или шести милях к востоку, между морем и заболоченной речкой, виднелась лежащая как бы на песчаной стреле Маямба с ее факториями и сверкающими среди деревьев белыми домиками. У самого берега снова вразд и вперед рыбацьи лодки, похожие на больших белых птиц.

Какое спокойствие царило на поверхности этой бухты! Шлюпка не держалась бы спокойнее на поверхности озера... даже не озера, а пруда и даже не пруда, а огромной чаши с маслом! Сноп солнечных лучей, падавших отвесно на эти воды, раскалили воздух. Жильдас Трегомен истекал потом, он был похож на каскад в королевском парке в день, когда открываются все фонтаны.

И все же благодаря небольшому ветерку, порывами налетавшему с запада, «Порталегри» подвигался вперед. Вот уже отчетливо обозначились островки в бухте. Можно было насчитать островков шесть-семь, похожих на корзины с зеленью.

В шесть часов вечера судно поравнялось с этим архипелагом. Дядюшка Антифер и Замбуко стояли впереди всех на носу. Саук, забывшись немного, не мог сдерживать свое нетерпение, и это только усилило подозрения Жюэля. Оба сонаследника и Саук буквально пожирали глазами первый из островков. Не надеялись ли они, что из склонов, как из золотого кратера, брызнет сноп миллионов?

А ведь если бы они узнали, что островок, в недрах которого Камильк-паша зарыл свои сокровища, состоит только из бесплодных скал, голых камней, что на нем нет ни единого деревца, ни одного кустика, они закричали бы в отчаянии:

«Нет, это не тот! Все еще не тот!»

Правда, с 1831 года, то есть за тридцать один год, природа могла покрыть островок густой зеленью.

Между тем «Порталегри» тихо подходил к острову, чтобы обогнуть его с северной стороны; последний вечер-

ний ветерок слабо надувал паруса. Если бы ветер упал совсем, пришлось бы бросить якорь и ждать рассвета.

Но вдруг возле Трегомена, облокотившегося на правый борт, раздался жалобный стон.

Жильдас Трегомен обернулся.

Рядом с ним стоял Бен-Омар.

Нотариус бледен, он свинцового цвета... у него морская болезнь...

Как! В такую тихую погоду, в этой заснувшей бухте, без единой бороздки на зеркале вод?

Да! И не приходится удивляться, что бедняга почувствовал себя так скверно!

На судне в самом деле началась необъяснимая, нелепая, недопустимая боковая качка. Оно последовательно дает крен то с бакборта на штирборт, то со штирборта на бакборт.

Экипаж бросается вперед, потом назад. Прибегает капитан Баррозо.

— Что же это такое? — спрашивает Жюэль.

— Что случилось? — спрашивает Трегомен.

Может быть, извержение подводного вулкана грозит гибелью «Порталегри»?

Впрочем, ни дядюшка Антифер, ни Замбуко, ни Саук ничего не замечают.

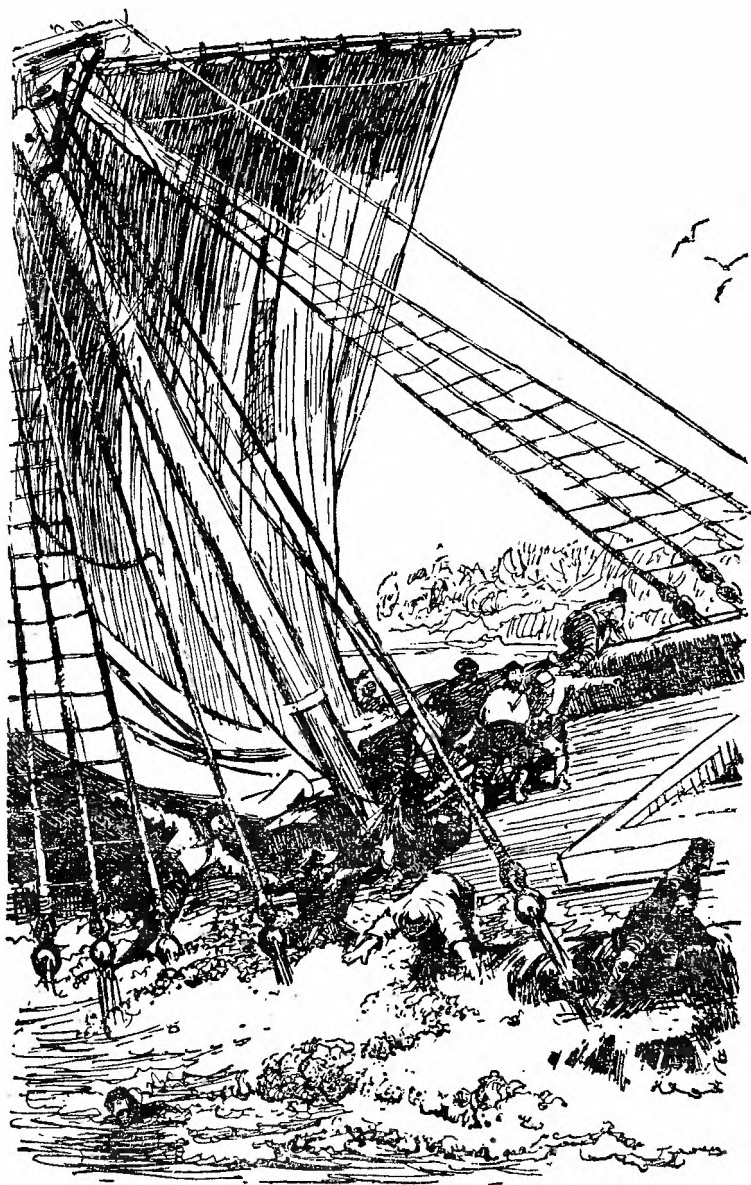
— А-а! Слоны! — закричал Жюэль.

Да! Это слоны устроили качку. По какому-то необъяснимому капризу им вздумалось опускаться всем вместе то на задние, то на передние ноги. На судне увеличивается страшная качка, которая слонам очень нравится, как нравится белке вертеться в своем колесе. Хороши белки — эти огромные толстокожие животные!

Качка становится все сильнее, абордажные сетки уже касаются воды, судно рискует наполниться водой с бакборта или со штирборта...

Баррозо и несколько матросов бегут в трюм. Они пробуют успокоить чудовищных животных. Ничто на них не действует: ни крики, ни удары. Слоны потрясают хоботами, выпрямляют уши, размахивают хвостами, возбуждаются все больше и больше. «Порталегри» вращается, вращается, вращается... и вода хлещет через борт.

Это продолжается недолго. В десять секунд море наводняет трюм. Судно идет ко дну, и из бездны доносится рев неосторожных животных.

Качка становится все сильнее, абордажные сетки уже касаются воды.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

*в которой дядюшка Антифер и банкир Замбуко заявляют,
что не уйдут с острова, послужившего им убежищем,
прежде чем не осмотрят его*

«Наконец-то я потерпел кораблекрушение!» — мог бы сказать на следующий день бывший хозяин «Прекрасной Амелии».

Действительно, накануне вечером судно погрузилось на глубину от тридцати до сорока метров, и один из островков в бухте Маюмба послужил убежищем для потерпевших кораблекрушение. Никто не погиб при этой невероятной катастрофе. При перекличке все оказались налицо — и пассажиры и экипаж судна. Помогая друг другу — дядюшка Антифер поддерживал банкира Замбуко, Саук — Бен-Омара, — они достигли скал острова, для чего им пришлось сделать только несколько взмахов руками. Слоны же, не созданные для водной стихии, исчезли в пучине. И они сами виноваты в том, что утонули. Нельзя обращать судно в качели!

Не успел дядюшка Антифер выбраться на остров, как закричал:

— А наши инструменты?! Наши карты!..

К несчастью — это была непоправимая потеря, — они не успели спасти ни секстанта, ни хронометра, ни атласа, ни книги «Таблицы исчисления времени». Бедствие свершилось в несколько секунд. Повезло только в одном: банкир и нотариус, равно как и Трегомен, хранили деньги каждый в своем поясе, так что потерпевшие кораблекрушение хотя бы с этой стороны не должны были в дальнейшем испытывать никаких затруднений.

Заметим кстати, что Жильдасу Трегомену было очень легко держаться на поверхности: вес вытесняемой им воды едва ли не превышал вес его тела, и потому, спокойно подчинившись движению волн, он тихо выплыл на песчаный желтый берег, словно кит, очутившийся на мели.

Прежде всего надо было высушить одежду. На жарком солнце она высохла за полчаса.

Предстояло провести довольно неприятную ночь под защитой деревьев, каждому — наедине со своими невеселыми мыслями. Не было сомнений, что они попали именно в те места, где должен был находиться второй

остров — последний документ давал на этот счет очень точные указания.

Но как определить точку, где пересекаются южная параллель под $3^{\circ}17'$ и восточный меридиан под $7^{\circ}23'$ (первая цифра — из документа с острова в Оманском заливе, вторая — из письма, хранившегося в сундуке тунисского банкира), как теперь определить эту точку, когда Жюэль без секстанта и хронометра не сможет установить высоту?

Поэтому каждый, сообразно своему характеру и наклонностям, думал про себя.

Замбуко:

«Потерпеть крушение у самой гавани!»

Дядюшка Антифер:

«Я не уйду отсюда до тех пор, пока не перерою все островки в бухте Маюмба, если даже придется посвятить этому десять лет жизни!»

Саук:

«Нападение было так хорошо подготовлено, и все пропало из-за этой дурацкой катастрофы!»

Баррозо:

«А мои слоны, они даже не были застрахованы!»

Бен-Омар:

«Аллах милостив, аллах милостив, но эта премия могла бы мне дорого обойтись... если я вообще когда-нибудь ее получу!»

Жюэль:

«Теперь мне ничто не мешает вернуться в Европу к моей дорогой Эногат!»

Жильдас Трегомен:

«Нет, никогда не следует садиться на судно, нагруженное веселыми слонами!»

В эту ночь никому не удалось заснуть. Если потерпевшие крушение сейчас и не страдали от голода, то что они скажут завтра утром, когда желудок предъявит свои требования? Разве что на острове найдутся кокосовые пальмы. За неимением лучшего пришлось бы довольствоваться их плодами до того момента, пока не подвернется случай переправиться в Маюмбу. Но как попасть в это селение, расположенное в глубине бухты, в пяти или шести милях отсюда? Подавать сигналы? Но будут ли они замечены? Пуститься вплавь? Но найдется ли среди экипажа «Порталегри» хоть один человек, способный

проплыть такое расстояние? Впрочем, утро вечера мудренее.

Все говорило за то, что этот островок необитаем,— речь идет, разумеется, о людях. Других живых существ, шумных, беспокойных, несносных, может быть даже опасных благодаря своей многочисленности, было сколько угодно. Жильдас Трегомен невольно подумал, что обезьяны всего мира назначили здесь друг другу свидание. Положительно, они очутились в обезьяньем царстве, в столице Обезьянии!..

Вот почему, хотя стояла тихая погода и прибой был едва слышен, жертвы кораблекрушения не могли даже и часа провести спокойно на этом островке. Тишина все время нарушалась — о сне нечего было и думать.

И в самом деле, в лесистой чаще постоянно происходила какая-то странная возня; казалось, доносится грохот барабанов целого отряда конголезцев¹. Меж стволами, среди ветвей беспрестанно кто-то двигался, суетился, сновал взад и вперед, сопровождая быстрые движения гортанными хрипыми криками. Ночной мрак не давал ничего разглядеть.

Только с наступлением дня стало ясно, что островок служил убежищем целому племени четвероруких, тех громадных шимпанзе, о смелости и хитрости которых рассказывал охотившийся на них во внутренних областях Гвинеи француз Шайю.

И, право же, хоть обезьяны и помешали его сну, Жильдас Трегомен не мог не восхищаться великолепными образцами антропидов². Это были именно шимпанзе, о которых писал Бюффон³, обезьяны, способные выполнять работы, предназначенные скорее для человеческого ума и человеческих рук,— большие, сильные, крепкие, с незначительно выдвинутой вперед челюстью, с почти нормальной выпуклостью надбровных дуг. Раздувая грудную клетку и сильно колотя по ней кулаками, они-то и производили шум, напоминавший грохот барабанов.

Но почему эта стая обезьян — их было не меньше

¹ Конголезцы — жители Конго.

² Антропиды — человекообразные обезьяны.

³ Бюффон Жорж-Луи-Леклерк (1707—1788) — знаменитый французский ботаник и зоолог, автор тридцатипяти томного труда о жизни животных.

пятидесяти — выбрала себе пристанищем этот островок, как они перебрались сюда с материка, каким образом находили здесь в достаточном количестве необходимую пищу, предоставим судить другим. Впрочем, как сумел довольно быстро определить Жюэль, островок длиной в две мили и в одну милю шириной густо порос деревьями самых разных видов, обычных для этих тропических широт. Без сомнения, здесь должны произрастать съедобные плоды, обеспечивающие пропитание четвероруким. А плоды, корни и овощи, поедаемые обезьянами, могут служить пищей и людям. Жюэль, Трегомен и матросы с «Порталегри» прежде всего хотели в этом удостовериться. После кораблекрушения, после бессонной ночи позволительно испытывать чувство голода и стараться по мере возможности его утолить.

Догадка подтвердилась. На почве этого островка произрастало в диком состоянии множество плодов и корней. В сыром виде есть их не очень приятно, если не обладаешь желудком обезьяны. Но ведь их можно испечь! А как добыть огонь?

Ничего нет легче, когда под руками спички. К счастью, они оказались у Назима (он запасся ими в Лоанго) и несколько не отсырели, так как хранились в медной коробке. Благодаря такой удаче с первыми лучами утренней зари под деревьями уже пылал костер.

Потерпевшие кораблекрушение собрались вокруг огня. Дядюшка Антифер и Замбуко еще не остыли от гнева. По-видимому, гнев питателен, ибо они отказались разделить вместе со всеми более чем скромный завтрак; к плодам и корням было добавлено несколько горстей орехов, которыми любят лакомиться жители Гвинеи. Но охотно поедают орехи и шимпанзе, и потому, вероятно, они так недружелюбно смотрели на незваных гостей, которые не только заняли остров, но и уничтожали их запасы. Вскоре дядюшку Антифера и его спутников со всех сторон окружили обезьяны. Некоторые сидели неподвижно, другие прыгали, но все они ни на минуту не прекращали кривляться и гримасничать.

— Берегитесь, дядя, — заметил Жюэль, — шимпанзе очень сильные животные; их в десять раз больше, чем нас, а мы безоружны...

Но малунцу не было никакого дела до обезьян.

— А знаешь, ты прав, мой мальчик, — сказал Трего-

мен.— По-моему, эти господа не знают законов гостеприимства... и их угрожающие позы...

— Разве есть какая-нибудь опасность? — спросил Бен-Омар.

— Опасность быть изувеченными, только и всего, — ответил серьезно Жюэль.

Услышав это, нотариус почувствовал сильное желание немедленно испариться. Но, увы, это было невозможно!

Баррозо между тем расставил своих людей таким образом, чтобы они готовы были в любую минуту отбить нападение; а затем он и Саук отошли в сторону и стали совещаться. Жюэль внимательно следил за ними.

Тему их разговора легко было угадать. Саук плохо скрывал свое раздражение из-за того, что неожиданное кораблекрушение провалило задуманный им план. Значит, надо изобретать другой. Сейчас они находятся неподалеку от острова номер два. Несомненно, сокровища Камильк-паши зарыты на одном из островков бухты Маюмба — на этом самом или на другом. Саук по-прежнему думал, что с помощью Баррозо и его людей он сумеет освободиться от француза и его спутников. Только делает он это не сейчас, а позднее... Хотя у молодого капитана и не было больше инструментов, но все же указания, обнаруженные в последнем документе, помогут ему найти островок скорее, чем Сауку, если бы тот взялся за поиски.

Все это подробно обсудили оба негодяя, понимавшие друг друга с полуслова. Само собой разумеется, Баррозо получит щедрое вознаграждение и, кроме того, будут полностью возмещены понесенные им убытки — стоимость погибшего судна, всего груза, слонов...

Главное — добраться поскорее до Маюмбы. С острова видно было, как несколько рыбацких лодок отделились от берега. Самая близкая находилась примерно в трех милях. При таком слабом ветре она приблизится к лагерю не раньше чем через три-четыре часа; ей подадут сигналы, и в тот же день потерпевшие крушение на «Порт-алегри» попадут в Маюмбу и будут размещены в какой-нибудь фактории, где, без сомнения, встретят радушный прием.

— Жюэль!.. Жюэль!..

Эти неожиданные возгласы прервали беседу Саука и португальца.

Дядюшка Антифер снова закричал:

— Жильдас! Жильдас!

Молодой капитан и Трегомен, следившие с берега за рыбацкими лодками, поспешили на зов дядюшки Антифера.

Рядом с ним стоял банкир Замбуко; по знаку дядюшки приблизился и Бен-Омар.

Расставшись с Баррозо, Саук не замедлил подойти поближе, чтобы подслушать разговор. А так как считалось, что он не понимает по-французски, его присутствие никого не тревожило.

— Жюэль,— сказал дядюшка Антифер,— слушай внимательно, сейчас наступило время принять решение.

Он говорил прерывающимся голосом, как человек, дошедший до крайней степени возбуждения.

— В последнем документе сказано, что второй островок расположен в бухте Маюмба, и вот... мы находимся в бухте Маюмба... Это бесспорно?

— Совершенно бесспорно, дядя.

— Но у нас больше нет ни секстанта, ни хронометра... потому что этот ротозей Трегомен, которому я имел глупость их доверить, умудрился их потерять...

— Но, друг мой...— произнес Трегомен.

— Я бы скорей утонул, чем потерял их! — резко прервал его Пьер-Серван-Мало.

— Я тоже! — добавил банкир Замбуко.

— А вы в этом уверены, господин Замбуко? — с негодованием спросил Трегомен.

— Одним словом... они потеряны,— продолжал дядюшка Антифер,— и без этих инструментов ты не сможешь, Жюэль, определить точное положение второго островка...

— Не смогу, дядя. По-моему, самым разумным решением было бы переправиться на одной из этих лодок в Маюмбу, вернуться оттуда в Лоанго сухим путем и сесть на первый же пакетбот, который сделает остановку...

— Никогда! — воскликнул дядюшка Антифер.

И банкир Замбуко, как верное эхо, повторил:

— Никогда!

Бен-Омар переводил взгляд с одного на другого, тряся головой с самым идиотским видом, а Саук жадно ловил каждое слово, притворяясь, будто ничего не понимает.

— Да, Жюэль, мы переправимся в Маюмбу... но в

Лоанго нам нечего делать... В Маюмбе мы пробудем столько времени, сколько понадобится для того... ты хорошо меня слышишь?.. чтобы осмотреть все островки бухты. Да, все!..

— Что, дядя?!

— Их немного... пять или шесть... по будь их сотня, будь их тысяча, я бы все равно осмотрел их один за другим!

— Дядя! Это неблагоприятно!..

— Вполне разумно, Жюэль! На одном из них находятся сокровища... Документ указывает даже место, где Камильк-паша зарыл...

— Чтоб его черти взяли! — пробормотал Жильдас Трегомен.

— При желании и терпении, — продолжал дядюшка Антифер, — мы найдем место, помеченное двойным «К»...

— А если мы не найдем этого места? — спросил Жюэль.

— Не говори этого, Жюэль! — закричал дядюшка Антифер. — Во имя бога, не говори этого!

В припадке неопишуемой ярости дядюшка грыз кремневый чубук, перекатывая его между челюстями. Никогда еще он не был так близок к апоплексическому удару.

Жюэль понимал, что сопротивляться подобному упрямству нет никакого смысла. На поиски, которые, по его мнению, все равно будут бесполезны, потребуется не более пятнадцати дней. Когда дядюшка Антифер убедится, что надеяться больше не на что, он поневоле должен будет вернуться в Европу. Поэтому Жюэль ответил:

— В таком случае, надо сесть на рыбацью лодку, когда она подойдет к берегу...

— Но не раньше чем мы осмотрим островок, — ответил дядюшка Антифер, — потому что... в конце концов... а может быть, это и есть тот самый остров?

Замечание вполне логичное. Кто знает, а вдруг кладоискатели и в самом деле уже достигли цели и очутились по воле случая там, куда должны были попасть с помощью секстанта и хронометра? Нам возразят на это, что такая удача невозможна? Пожалуй! Но почему бы после стольких препятствий, лишений и невзгод фортуны не повернуться лицом к своим упорным поклонникам?

Жюэль не решался возражать дядюшке, да и вообще лучше было не терять времени. Надо было осмотреть весь

островок, прежде чем подойдет рыбацья лодка. Когда она уже будет около скал, матросы, конечно, захотят немедленно отчалить, чтобы поскорее попасть в Маюмбе в какую-нибудь факторию, где они смогут поесть досыта и отдохнуть. Разве их заставишь задержаться здесь без объяснения причин? А с другой стороны, нельзя же им открыть тайну Камильк-паши и рассказать о существовании сокровищ!

И еще одно соображение. Когда дядюшка Антифер и Замбуко вместе с Жюэлем и Жильдасом Трегоменом, нотариусом и Назимом внезапно покинут лагерь, как отнесется к этому Баррозо и что подумают его люди? Не возникнет ли у них желание последовать за ними?..

Это было серьезное препятствие. Неизвестно еще, как поведет себя экипаж, если сокровища будут найдены и у всех на глазах извлекут из тайника три бочонка с золотом, алмазами и другими драгоценными камнями. Не последуют ли за этим грабеж и насилие? Велик будет соблазн для авантюристов, не стоящих даже веревки, на которой их повесят! Их вдвое больше, они быстро справятся с малуинцем и его спутниками, изобьют их, зарежут! Капитан, конечно, и не подумает их удерживать. Скорее всего, он сам будет их подстрекать, а при дележе заберет себе львиную долю...

Но не так-то просто внушить дядюшке Антиферу, что действовать надо крайне осмотрительно; нелегко убедить его, что для пользы дела лучше потерять несколько дней; уговорить его добраться с экипажем «Порталегри» до Маюмбы, устроиться там на ночлег, отделаться от этих людей и уже на следующий день нанять, что называется *ad hoc*¹, лодку и вернуться на остров... Но дядюшка Антифер не считался ни с какими аргументами. На него не действовали никакие доводы. Пока остров не будет осмотрен, он его не покинет, и никакие уговоры тут не помогут...

Само собой разумеется, что Трегомен самым деликатным образом был послан к черту, когда попытался изложить все эти соображения своему упрямому другу. Тот ограничился одним словом:

— В путь!

— Я прошу тебя...

¹ Для данного случая, для данной цели (лат.).

— Оставайся, если хочешь. Обойдусь и без тебя!

— Ну будь же благоразумен...

— Идем, Жюэль!

Ничего не оставалось, как подчиниться.

Дядюшка Антифер и Замбуко двинулись вперед. Жильдас Трегомен и Жюэль последовали за ними. Но матросы, по-видимому, и не собирались идти по их следам. Даже Баррозо не поинтересовался, по какой причине его пассажирам вздумалось покинуть лагерь.

Чем же объяснить такую сдержанность?

Тем, что Саук, подслушавший всю беседу и не желавший задерживать поиски или мешать им, шепнул об этом португальскому капитану.

Баррозо вернулся к своему экипажу и дал приказ ожидать прибытия рыбацких лодок и никуда не удаляться от лагеря.

Бен-Омар по знаку Саука поспешил присоединиться к дядюшке Антиферу, которого несколько не удивило появление нотариуса вместе с его клерком Назимом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой дядюшка Антифер и банкир Замбуко
остаются с длинным носом*

Было около восьми часов утра. Мы говорим «около», потому что судить о времени наши путешественники могли только по высоте солнца — после кораблекрушения часы у всех остановились.

Если матросы капитана Баррозо и не последовали за группой пассажиров, то иначе повели себя обезьяны.

Не менее десятка шимпанзе отделилось от стаи с явным намерением конвоировать пришельцев, осмелившихся хозяйничать на острове и осматривать чужие владения.

Большая часть стаи осталась возле лагеря.

Жильдас Трегомен бросал на ходу косые взгляды на свирепых телохранителей, а те отвечали ему отвратительными гримасами, угрожающими жестами, глухим урчанием.

«Несомненно, — думал он, — эти животные как-то объясняются между собой... Как жаль, что я их не по-

нимаю... Интересно было бы с ними побеседовать на их языке!»

В самом деле, превосходный случай для филологических наблюдений и для проверки рассказов американского натуралиста Гарнера¹, прожившего несколько месяцев в гвинейских лесах и утверждавшего, будто обезьяны выражают разные понятия определенными гортанными звуками. Например, звуко сочетание «whouw» обозначает пищу, «cheny» — питье, «iegk» — предостережение от опасности. Если гласные а и о в обезьяньем языке отсутствуют, звук и очень редок, так же как е и ё, то зато очень употребительны у и ю.

Читатели, конечно, помнят, что в документе, найденном на островке в Оманском заливе, были даны координаты островка в бухте Маюмба и указывалось, где именно нужно искать знак двойного «К», обозначающий местонахождение клад.

В первом случае раскопки пришлось производить в южной части острова, что было выполнено согласно указанию, содержавшемуся в письме Камильк-паши к отцу дядюшки Антифера.

Относительно второго островка в документе говорилось, что скала с монограммой находится на северной стороне.

Так как потерпевшие кораблекрушение высадились в южной части островка, им предстояло пройти приблизительно две мили к северу.

И вся компания двинулась в этом направлении: дядюшка Антифер и Замбуко — во главе шествия, Бен-Омар и Назим — в середине, Жильдас Трегомен и Жюэль — в арьергарде.

Никого не удивляло, что группу возглавляли оба сонаследника. Они стремительно продвигались к цели, не обмениваясь ни словом, и не разрешили бы никому себя опередить.

Время от времени нотариус окидывал Саука беспокойным взглядом. Он был уверен, что тот вместе с португальским капитаном замышляет недоброе. Тревожила его еще и такая мысль: не потеряет ли он свою премию, свой процент, если сокровища ускользнут от малуинца? Он

¹ Гарнер — американский естествоиспытатель; он отправился изучать на месте обезьяний язык и в течение нескольких месяцев жил в лесах Гвинеи вместе с обезьянами. (Примеч. автора.)

пытался выведать что-нибудь у Саука, еще более мрачного и свирепого, чем обычно, но тот ничего не отвечал, чувствуя, должно быть, что за ним следит Жюэль.

Действительно, недоверие Жюэля все возрастало, когда он наблюдал, как обращается Назим с Бен-Омаром. Вряд ли допустимо даже в нотариальных конторах Александрии, чтобы командовал клерк, а подчинялся нотариус; между тем не было никаких сомнений, что взаимоотношения этих двух личностей складывались именно таким образом.

Трегомена интересовали сейчас только обезьяны. Иногда на его добром, славном лице отражались ужимки четвероруких — он прищуривал глаз, вздергивал нос, выпячивал губы. Если бы Нанон и Эногат увидели, как он гримасничает, подражая обезьянам, они бы его не узнали.

Эногат!.. Бедное дитя! Конечно, она и в эту минуту думала о своем женихе, потому что она думала о нем всегда! Но то, что Жюэль потерпел кораблекрушение и, счастливо избежав гибели, тут же попал под конвой шимпанзе, этого она никогда бы не могла вообразить!

«А этим весельчакам, как видно, совсем не жарко. Глядя на них, поневоле захочешь превратиться в обезьяну», — рассуждал про себя Трегомен, наблюдая, как беснуются четверорукие на обоих флангах маленькой экспедиции.

А может быть, путешественникам лучше было бы идти в тени деревьев, где они укрылись бы от ливня солнечных лучей? Нет, эти гиганты с густыми ветвями, начинавшимися у самой земли, стояли сплошной стеной. Если бы человек мог превратиться, как того пожелал Трегомен, в обезьяну, то и тогда ему было бы нелегко проложить себе путь сквозь эти заросли. Поэтому дядюшка Антифер и его спутники шли вдоль берега, старательно обходя маленькие бухточки и высокие скалы, торчавшие повсюду, как каменные столбы. Когда невозможно было пройти по песчаному, заливаемому приливом берегу, они пробирались, спотыкаясь, среди невероятного нагромождения камней. Не правда ли, дорога, ведущая к богатству, — тяжелая и неровная!.. Они напрягали свои силы до кровавого пота, и надо согласиться, что, если каждый шаг, приближавший их к цели, будет оплачен по тысяче франков, это не покажется слишком дорогой ценой!

За час они прошли только милю, иначе говоря — половину пути. С этого места уже видны были северные пределы острова. Отчетливо обрисовывались три или четыре утеса. Но который из них приведет к заветной цели? Разве что исключительный случай поможет сразу же пасть на след и избавит от мучительных поисков под жгучими лучами тропического солнца!

Жильдас Трегомен выбился из сил.

— Отдохнем хоть минутку! — взмолился он.

— Ни одной секунды! — ответил дядюшка Антифер.

— Дядя, — сказал Жюэль, — но господин Трегомен может расплавиться...

— Ну что ж, пусть расплавится!

— Спасибо, друг мой.

И Жильдас Трегомен зашагал дальше, не желая остаться позади. Но если он даже доберется до конечного пункта, то, наверное, в виде потока, струящегося к самым отдаленным скалам островка.

Только через полчаса дошли до того места, где виднелись четыре утеса. Дорога становилась все труднее, и могли еще встретиться непреодолимые препятствия. Какой невообразимый хаос громадных валунов, булыжников с заостренными гранями! Стоит только упасть — и неизбежны серьезные ранения! Да, Камильк-паше посчастливилось найти хорошее местечко для своих сокровищ, которым позавидовали бы властители Басры, Багдада и Самарканда! ¹

Но вот уже кончилась лесистая часть островка. И тут стало ясно, что господа шимпанзе не собираются идти дальше. Эти животные неохотно покидают лесные убежища — завывание бури и грохот волн их не привлекают. Надо полагать, что американскому натуралисту Гарнеру не так-то легко было бы найти в их неполном языке тот звук, который обозначает слово «поэзия».

Когда конвой из четвероруких остановился на границе леса, обезьяны обнаружили далеко не мирные, скорее, даже враждебные намерения по отношению к этим чужеземцам, стремившимся дойти в своих исследованиях до крайних выступов островка. Какое свирепое рычание издавали обезьяны! С каким остервенением они скребли

¹ Самарканд — один из древнейших городов Средней Азии, некогда был столицей могущественной империи монгольских ханов.

себе грудь! Одна из них схватила камень и бросила его сильной рукой. А так как пример заразителен, особенно когда имеешь дело с обезьянами, то дядюшка Антифер и его спутники рисковали быть забитыми насмерть. Если бы они неосторожно ответили ударами, то это и произошло бы, так как ни силой, ни числом они не были равны нападающей стороне.

— Не бросайте... не бросайте! — закричал Жюэль, видя, что Жильдас Трегомен и Саук начали подбирать камни.

— Однако... — произнес Трегомен, с которого была уже сбита шляпа.

— Не надо, господин Трегомен, удалимся отсюда поскорее, и мы будем в безопасности! Обезьяны дальше не пойдут.

Это было самое умное решение. Они прошли шагов пятьдесят, и камни их уже не достигали.

Было около половины одиннадцатого. Как много времени отнял этот двухмильный переход вдоль побережья! На северной оконечности островка скалы вдавались в море на сто пятьдесят — двести метров. Дядюшка Антифер и Замбуко выбрали самую длинную скалу, направленную на северо-запад, и решили ее осмотреть в первую очередь.

Какое унылое и безотрадное зрелище являли собой эти нагроможденные друг на друга каменные глыбы! Некоторые прочно вросли своим основанием в песчаную почву, другие были повалены и разбросаны в разные стороны неистовыми ударами волн во время бурь. Никакого следа растительности, даже лишайников, покрывающих влажные скалы бархатистым ковром. Никаких водорослей, которыми изобилуют морские берега умеренного пояса. А потому нечего было опасаться за сохранность монограммы Камильк-паши. Вырезанная тридцать один год назад на одной из скал северной оконечности острова, она должна была сохраниться в полной неприкосновенности.

И вот наши исследователи вновь принялись за поиски, подобные тем, какие вели уже на островке в Оманском заливе. Это кажется невероятным, но оба наследника в своем безумном нетерпении, казалось, совершенно не страдали ни от усталости после этого трудного пути, ни от палящего зноя. И Саук, по-видимому, в инте-

ресах своего патрона — кто бы мог подумать иначе? — тоже работал с неутомимым рвением.

Нотариус, усевшись среди скал, не шевелился и не произносил ни слова. Если будут найдены сокровища, он всегда успеет вовремя вмешаться и потребовать свой процент, причитающийся ему как душеприказчику, раз он присутствовал при вскрытии клада. И аллах свидетель, это не столь уже большое вознаграждение, если принять во внимание перенесенные им муки в течение трех долгих месяцев и опасности, из которых ему удалось выпутываться с большим трудом!

Само собой разумеется, что, по приказанию Пьера-Сервана-Мало, Жюэль, находившийся рядом с ним, начал методически и тщательно обследовать скалы.

«Маловероятно,— думал он,— чтобы миллионы были спрятаны здесь, а не в ином месте. Во-первых, они должны быть зарыты именно на этом, а не на каком-нибудь другом островке бухты; во-вторых, именно на этой оконечности островка; в-третьих, среди нагромождения скал нужно найти одну-единственную, помеченную двойным «К»... Но, в конце концов, если бы даже все эти условия так счастливо совпали, если это не злая шутка мерзкого паши и если эту монограмму найду я, а не кто-нибудь другой, не умнее ли всего будет промолчать?.. Тогда дядя поневоле откажется от своей вздорной идеи женить меня на герцогине, а мою дорогую Эногат выдать замуж за герцога... Но нет, дядя не переживет такого удара! Он сойдет с ума... У меня на совести будет преступление... Надо идти до конца!»

В то время как Жюэль предавался своим размышлениям, Трегомен, примостившись на обломке скалы и беспомощно свесив руки и вытянув ноги, тяжело дышал, как тюлень, отдыхающий после длительного плавания под водой... Пот с него так и лился ручьями.

Понски между тем продолжались, но без всякого успеха. Дядюшка Антифер, Замбуко, Жюэль и Саук осматривали и ощупывали глыбы, направление и расположение которых казались им наиболее подходящими для драгоценной монограммы. Были потрачены впустую два мучительных часа. Обшарили все скалы, вплоть до самого крайнего выступа, и все напрасно. Ничего! Ничего! И в самом деле, разве мог Камильк-паша выбрать место, со всех сторон открытое ярости волн, натиску прибоя?

Нет!.. А после того как кончится обследование этого последнего мыса, неужели поиски возобновятся? Конечно! Завтра же... Если дядюшку Антифера постигнет здесь неудача, он примется за другой остров и, поверьте, не пожалеет своих сил, не пожалеет! Он может поклясться всеми святыми, имена которых даны ему при крещении!

Так и не найдя желанного знака, кладоискатели отошли от конца стрелки, внимательно рассматривая обломки скал, разбросанные повсюду на песке. Ничего!..

Теперь оставалось только вернуться, сесть в лодку, которая, наверное, уже подошла к лагерю, добраться до Маямбы и затем приступить к поискам на другом острове.

Когда дядюшка Антифер, банкир Замбуко, Жюэль и Саук поднялись к основанию мыса, они увидели Трегомена и нотариуса на прежнем месте.

Дядюшка Антифер и Замбуко, не сказав ни слова, направились к опушке леса, где шимпанзе только и ожидали момента, чтобы возобновить враждебные действия.

Жюэль подошел к Трегомену.

— Ну что? — спросил тот.

— Ни малейшего следа ни двойного, ни простого «К»!

— Значит, придётся начинать сначала в другом месте?

— Да, господин Трегомен. Встаньте, мы идем к лагерю.

— Встать? Хорошо, попробую!.. Будь добр, помоги мне, мой мальчик!

Жюэль протянул свою сильную руку и помог измученному толстяку подняться на ноги.

Бен-Омар стоял уже рядом с Сауком.

Дядюшка Антифер и Замбуко опередили остальных шагов на двадцать. От угрожающих криков и жестов обезьяны перешли к действиям. В сторону людей опять полетели камни. Нужно было соблюдать всяческую осторожность.

Неужели эти проклятые обезьяны намерены помешать дядюшке Антиферу и его спутникам вернуться к Баррозо и матросам, оставшимся в лагере?

Вдруг послышался чей-то крик. Кричал Бен-Омар. Уж не ударило ли его камнем по какому-нибудь чувствительному месту?.. Но нет! То не был крик боли... скорее, крик удивления, даже радости!

Все остановились. Нотариус с открытым ртом и за-

стывшим взглядом показывал рукой на Жильдаса Трегомена.

— Там... там! — повторял он.

— Что это значит? — спросил Жюэль. — Вы сошли с ума, господин Бен-Омар?

— Нет... там... «К», двойное «К»! — ответил нотариус, задыхаясь от волнения.

При этих словах дядюшка Антифер и Замбуко мгновенно обернулись.

— «К»... двойное «К»?.. — вскричали они в один голос.

— Да! Да!

— Где?

И они стали искать взглядом скалу, на которой Бен-Омар увидел монограмму Камильк-паши. Ничего... Они не видят ничего!

— Да где же она, осел вы этакий? — спросил малуинец в гневе и тревоге.

— Там! — повторил нотариус в последний раз.

И он указал на Трегомена, который стоял к нему вполоборота, пожимая плечами.

— Смотрите!.. На его спине! — закричал Бен-Омар.

Действительно, на куртке Жильдаса Трегомена ясно отпечаталось двойное К. Несомненно, на скале, к которой он прислонился, была выгравирована монограмма, и очертания ее запечатлелись на спине почтенного лодочника.

Дядюшка Антифер подбежал к нему, схватил за руку и заставил вернуться к тому месту, где он сидел.

Все последовали за ними и через минуту стояли уже перед скалой с отчетливо проступавшей у ее основания долгожданной монограммой.

Жильдас Трегомен не только прислонился к скале, помеченной двойным «К», но, оказывается, еще и сидел на том самом месте, где были зарыты сокровища.

Никто не произнес ни слова. Все принялись за дело. Работа предстояла тяжелая, так как не было ни заступа, ни мотыги. Помогут ли простые ножи, если придется прорывать скалистую породу? Да, когда ломают ногти и не желеют рук, помогают и ножи!..

К счастью, выветрившиеся от времени камни поддавались довольно легко. Час работы — и бочонки будут отрыты... Останется только перенести их в лагерь, потом

переправить в Маюмбу... Конечно, транспортировка не обойдется без трудностей. Главное — не возбудить подозрений...

Но сейчас не до того. Прежде всего—сокровища! Вырыть сокровища из могилы, где они покоятся уже добрую треть века, а там видно будет...

Дядюшка Антифер работал окровавленными руками. Он никому не уступил бы радости первому коснуться обручей на этих драгоценных бочонках!

— Наконец-то! — воскликнул он в тот момент, когда его нож ударился о металлическую поверхность.

Но какой вслед за тем он издал крик! Боже всемогущий! Это не был крик радости; изумление, оцепенение, ужас отразились на его внезапно побледневшем лице...

В яме вместо указанных в завещании Камильк-паши бочонков оказалась всего лишь железная шкатулка, подобная той, какую нашли на первом острове.

— Опять! — не удержался от возгласа Жюэль.

— Это просто мистификация, и ничего больше! — пробормотал Жильдас Трегомен.

Шкатулка была вынута из ямы, и дядюшка Антифер с яростью ее открыл...

Там хранился документ — пожелтевший от времени пергамент; Антифер громко прочел начертанные на нем строки:

— «Третий остров — на пятнадцати градусах одиннадцати минутах восточной долготы. Сонаследники Антифер и Замбуко должны передать долготу в присутствии нотариуса Бен-Омара эсквайру¹ Тиркомелю в Эдинбурге, в Шотландии, которому известна широта третьего острова».

Значит, ни на одном из этих островков в бухте Маюмба сокровища не были зарыты!.. Значит, их надо искать в другой точке земного шара, присоединив эту новую долготу к широте, хранящейся у вышеназванного Тиркомеля из Эдинбурга!.. Значит, уже не вдвоем, а втроем они будут делить наследство Камильк-паши!

— Кто знает,— воскликнул Жюэль,— не пошлют ли нас с этого третьего островка еще на двадцать других... на сто других?.. Ах, дядя, неужели вы будете таким упрямым... таким... простаком, что объедете весь свет?..

¹ Эсквайр — одно из низших дворянских званий в Англии.

— Не говоря уж о том,— добавил Жильдас Трегомен,— что если Камильк-паша считал своих наследников сотнями, то стоит ли его наследство таких мытарств?

Антифер взглянул исподлобья на друга и племянника, стиснул зубы с такой силой, что сломал чубук, и произнес:

— Молчать!.. Это еще не конец!

И он прочитал последние строки документа:

— «А сейчас в награду за труды и в возмещение убытков каждый сонаследник возьмет себе по алмазу, которые находятся в этом ящике; стоимость этих двух камней ничтожна по сравнению с теми драгоценностями, которые они получают впоследствии».

Замбуко бросился к шкатулке и вырвал ее из рук дядюшки Антифера.

— Алмазы! — закричал он.

И действительно, там было два великолепных кабошона¹, каждый из которых стоил — а банкир понимал в этом толк — не меньше ста тысяч франков.

— Хоть что-нибудь! — сказал банкир, беря один алмаз и оставляя другой своему сонаследнику.

— Капля в море! — ответил дядюшка Антифер, засунув камень в жилетный карман, а документ — в карман своей куртки.

— Э!.. Э!.. — заметил Трегомен, покачивая головой. — Это серьезнее, чем я думал!.. Посмотрим, посмотрим!..

Жюэль только пожал плечами. А Саук? Тот кусал себе кулаки при мысли, что никогда больше ему не представится такого благоприятного случая!

Что же касается Бен-Омара, не получившего на свою долю даже крохотного бриллиантика, хотя это последнее письмо опять возлагало на него посредничество, то он застыл с вытянутым лицом, с опустившимися руками, негнущимися коленями, напоминая наполовину опустошенный мешок, который вот-вот повалится набок.

Правда, Саук и он находились теперь в лучших условиях, чем раньше: во-первых, покидая Сен-Мало, они не знали, что едут в Маскат; во-вторых, покидая Маскат, они не знали, что направятся в Лоанго. Дядюшка Антифер, не сдержав на этот раз своего порыва, неосторожно

¹ Кабошон — негравеный драгоценный камень.

выдал тайну, которую должен был свято хранить. Все слышали новое определение: пятнадцать градусов одиннадцать минут восточной долготы... Все слышали имя эсквайра Тиркомеля, живущего в Эдинбурге, в Шотландии...

Можно не сомневаться, что Саук, не полагаясь на Бен-Омара, хорошо запомнил эти цифры и этот адрес, чтобы при первой же возможности записать их в свою книжку. Так что дядюшке Антиферу и банкиру Замбуко теперь уже нельзя терять из виду ни нотариуса, ни его усатого клерка; а то как бы они не опередили сонаследников во второй столице Великобритании!

Разумеется, можно было допустить, что Саук, не зная французского языка, ничего не понял, но если даже и так, то Бен-Омар все равно откроет ему тайну.

Впрочем, Жюэль успел заметить, что Назим даже не постарался скрыть чувство удовлетворенного любопытства, когда цифры долготы и имя Тиркомеля сорвались так неосторожно с уст дядюшки Антифера.

Но, в конце концов, не все ли равно! Не подчиняться же в третий раз посмертным фантазиям Камильк-паши?.. По мнению Жюэля, это было бы по меньшей мере бессмысленно. Теперь нужно было только вернуться в Лоанго и воспользоваться первым проходящим судном, чтобы поскорее попасть в славный город Сен-Мало.

Такое разумное и логичное предложение Жюэль и сделал своему дяде.

— Никогда! — ответил Антифер. — Паша посылает нас в Шотландию — мы поедем в Шотландию! И если бы я должен был посвятить остаток дней своих поискам...

— Моя сестра Талисма так горячо любит вас, что согласится ждать... хоть десять лет! — добавил банкир.

«Черт возьми! — подумал Жильдас Трегомен. — К тому времени барышне будет под шестьдесят!»

Но дядюшка Антифер не терпел беспредметных разговоров. Он уже принял решение. Он не прекратит погони за сокровищами. А между тем наследство богатого египтянина благодаря появлению господина Тиркомеля делилось теперь не на две, а на три части... На долю каждого сонаследника придется только по одной трети...

Ну что ж, Эногат выйдет замуж за графа, а Жюэль женится на графине!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой дядюшка Антифер и его спутники слушают
без всякого удовольствия проповедь
преподобного Тиркомеля*

— Да, братья мои, да, сестры мои, обладание богатством неизбежно ведет к злодеяниям и преступлениям! Богатство — это главная, чтобы не сказать единственная, причина всех зол в нашем бренном мире! Жажда золота влечет за собой потерю душевного равновесия! Вы только представьте себе общество, где не будет ни богатых, ни бедных!.. От скольких несчастий, страданий, неурядиц, бедствий, треволнений, болезней, скорбей, печалей, мучений, разорений, опустошений, крушений, забот, тревог, невзгод, катастроф и всяческих пагуб было бы избавлено человечество!

Красноречивый пастор достиг предела красноречия, нагромождая один синоним¹ на другой, которых ему все же не хватало, чтобы дать исчерпывающее представление обо всех земных горестях. Он мог бы влить еще немало других синонимов в этот бурный словесный поток, который он низвергал с высоты своей кафедры на головы слушателей. Но надо отдать ему должное — он сумел ограничить свою способность говорить легко и долго.

Это происходило вечером 25 июня в церкви Престола Господня, которую позже частично разрушили, чтобы расширить перекресток на Гай-стрит. Преподобный Тиркомель, представитель «свободной шотландской церкви», произносил свою проповедь перед аудиторией, явно подавленной этими тяжеловесными периодами. Можно было подумать, что после такой проповеди все верующие тут же кинутся к своим несгораемым шкафам и бросят все содержащиеся в них ценности в воды залива Фёртоф-Форт, омывающего северные берега Мидлотиана, того самого знаменитого графства, столицей которого выпала честь служить городу Эдинбургу, по праву называемому Северными Афинами².

Вот уже битый час, как почтенный пастырь неугомонно

¹ Синонимы — слова, разные по звуковой форме, но тождественные или очень близкие по значению.

² Афины — город в Древней Греции; прославившийся высоким развитием наук, искусств и ремесел. Эдинбург, культурный центр Шотландии, называли Северными Афинами.

наставлял паству своего прихода¹. Казалось, он не устанет говорить и его не устанут слушать. Благодаря этому проповеди не предвиделось конца.

— Братья и сестры,— продолжал преподобный Тиркомель,— евангелие гласит: «Блаженны нищие духом». Вот глубокая аксиома, смысл которой дурные насмешники, столь же неверующие, сколь и невежественные, всячески стараются извратить. Нет! Здесь говорится не о тех, кто «беден умом», то есть не о глупцах, а о тех, кто сами себя делают нищими в душе и презирают мерзкие богатства — главный источник бед и зол в современном обществе. Поэтому евангелие призывает вас относиться к богатству с презрением и пренебрежением, и если, к несчастью, вы обременены благами мира сего, если в ваших сундуках скопились деньги, если к вам пригоршнями прибывает золото, сестры мои...

При таком сильном образе женская половина этой внимательной аудитории задрожала под своими мантильями.

— ...Если бриллианты, драгоценные камни прилипают к вашему шеем, к вашим рукам и пальцам, как зловредная сыпь, если вы из тех, кого называют счастливицами, то я вам говорю, я,— вы несчастны, и добавлю: вашу болезнь надо лечить самыми сильными средствами, вплоть до огня и железа!

Слушатели затрепетали; некоторым уже мерещилось, что проповедник вонзает хирургический нож в их открытые раны.

Единственный оригинальный способ лечения, который преподобный Тиркомель рекомендовал несчастным людям, обремененным состоянием, заключался в том, чтобы избавиться от него физически, то есть уничтожить все богатства. Он не говорил: «Раздайте ваше богатство бедным! Уступите его тем, у кого ничего нет!» Напротив! Он хотел бы начисто истребить золото, алмазы, деньги, акции промышленных и торговых предприятий. Он требовал полного уничтожения богатств, хотя бы для этого их нужно было сжечь или выбросить в море.

Чтобы понять непримиримость этой доктрины², надо

¹ Приход — определенный участок, обслуживаемый церковью.

² Доктрина — учение; научная или философская теория, религиозные принципы и т. п.

знать, к какой религиозной секте принадлежал неистовый эсквайр Тиркомель.

Шотландия, разделенная на тысячу приходов, объединяется в административном и религиозном отношении церковными сессиями, синодом¹ и верховным судом. Как и во всем Соединенном Королевстве, в Шотландии существует веротерпимость. Кроме этого внушительного количества приходов, здесь насчитывается еще полторы тысячи церквей, принадлежащих диссидентам², каково бы ни было их название: католики, баптисты, методисты и т. д. Из этих полутора тысяч церквей больше половины принадлежит «Свободной шотландской церкви» — «Free Church of Scotland», которая двадцать лет назад³ открыто порвала с пресвитерианской церковью⁴ Великобритании. По какой причине? Единственно потому, что находила ее недостаточно насыщенной истинно кальвинистским⁵ духом, иначе говоря — недостаточно пуританской⁶.

И вот преподобный Тиркомель как раз и проповедовал от имени самой суровой из этих сект, не допускавшей никаких компромиссов в отношении моральных устоев. Он считал, что бог, доверив ему свои громы небесные, послал его на землю, дабы разить всех богачей или, по крайней мере, их богатства! И преподобный действительно старался преуспеть на этом поприще.

Это был человек одержимый, одинаково суровый и к себе и к другим. Лет пятидесяти, высокий, худощавый, с изможденным лицом, лишенным всякой растительности,

¹ Синод — учреждение, ведающее церковными делами.

² Диссиденты — несогласные, инакомыслящие. В Англии так называют сторонников различных вероучений, отступающих от догматов господствующей церкви.

³ То есть в 70-х годах прошлого века.

⁴ Пресвитерианская церковь (иначе — протестантская) возникла в Англии в XVI веке и заняла господствующее положение. Пресвитериане отвергают власть епископа и признают исключительно пресвитера (священника) как служителя культа.

⁵ Кальвинистский — от слова «кальвинизм», обозначающего одно из протестантских вероучений, основателем которого был Жан Кальвин (1509—1564).

⁶ Пуритане — последователи одной из сект английской протестантской церкви. Пуритане выступали против роскоши в быту, запрещали театральные зрелища, призывали к строжайшему соблюдению религиозных обрядов и т. п. Так как вероучение пуритан всегда расходилось с их истинным поведением, пуританами обычно называют людей, отличающихся строгой, но главным образом показной нравственностью.

пламенным взглядом, с видом апостола и проникновенным голосом брата-проповедника — таков был эсквайр Тиркомель. Окружающие считали его подвижником, действующим по наитию свыше. Однако, если верующие и сбегались на его проповеди, если они и слушали его с волнением, все же нет никаких свидетельств в пользу того, что ему удалось привлечь хотя бы небольшое число прозелитов¹, которые решились бы применить его доктрины на практике путем полного отречения от земных благ.

А потому преподобный Тиркомель удваивал свое усердие, собирая над головами слушателей заряженные электричеством тучи, из которых низвергались молнии его красноречия.

Проповедник продолжал говорить. Тропы, метафоры, антонимы, эпифонемы², создаваемые его пылким воображением, сыпались как из рога изобилия и нагромождались друг на друга с беспримечной смелостью. Но если головы и склонялись, то карманы, по-видимому, не испытывали никакого желания освободиться от своего содержимого и утопить его в водах залива Фёрт-оф-Форт.

Несомненно, прихожане, наполнившие церковь Престола Господня, не проронили ни слова из проповеди этого воинствующего фанатика, и если они не спешили сообразовать свои поступки с его доктриной, то происходило это не по причине их непонятливости. Из числа слушателей следует, однако, исключить пятерых людей, не понимавших по-английски. Они остались бы в полном неведении относительно темы проповеди, если бы шестой человек из их группы не перевел им впоследствии на прекрасный французский язык ужасные истины, которые в виде евангелического ливня низвергались с высоты кафедры.

Вряд ли стоит прибавлять, что это были дядюшка Антифер и банкир Замбуко, нотариус Бен-Омар и Саук, Жильдас Трегомен и молодой капитан Жюэль.

Мы оставили их 28 мая на островке в бухте Маюмба и встретили снова 25 июня в Эдинбурге.

¹ Прозелиты — новые приверженцы какого-нибудь учения.

² Термины, принятые в поэтике; тр о п ы — всякие образные выражения; м е т а ф о р ы — образные слова или выражения, употребляемые в переносном смысле; а н т о н и м ы — противопоставления, слова, противоположные по значению; э п и ф о н е м ы — обращения, имеющие назидательный смысл.

Что же произошло между этими двумя датами?

В общих чертах вот что.

После того как нашли второй документ, оставалось только покинуть обезьяний островок и воспользоваться шлюпкой, которая причалила к берегу, привлеченная сигналами матросов. Тем временем дядюшка Антифер и его спутники подошли к лагерю под конвоем стаи шимпанзе, проявлявших свое враждебное отношение к чужеземцам всеми доступными им средствами: воем, ревом, угрожающими жестами, метанием камней.

Все же до лагеря добрались вполне благополучно. Саук в двух словах дал понять Баррозо, что дело сорвалось. Нельзя украсть у людей сокровища, которых у них нет.

В шлюпке, приставшей в глубине маленькой бухточки, поместились все потерпевшие кораблекрушение, правда, как сельди в бочке. Но, поскольку преодолеть нужно было каких-либо шесть миль, на это не стоило обращать внимание. Через два часа шлюпка уже подошла к косе, вдоль которой раскинулось маленькое селение Маюмба. Все наши путешественники, независимо от их национальности, были гостеприимно встречены во французской фактории. Тотчас же там занялись поисками транспорта, чтобы помочь им переправиться в Лоанго. Выяснилось, что туда возвращалась группа европейцев, которые охотно приняли их в свою компанию. Теперь можно было не опасаться нападения хищников или дикарей. Но какой мучительный климат, какая несносная жара! Попав уже в Лоанго, Трегомен уверял, как Жюэль ни пытался его переубедить, будто он обратился в скелет. Согласимся с тем, что добрейший человек все же несколько преувеличивал.

По счастливой случайности, — а судьба не очень-то баловала дядюшку Антифера, — ни ему, ни его спутникам не пришлось долго засиживаться в Лоанго. Уже через два дня там остановился испанский пароход, следовавший из Сен-Поля-де-Луандо в Марсель. Стоянка, вызванная необходимостью небольшого ремонта машины, продолжалась не более суток. Благодаря тому, что деньги при кораблекрушении удалось спасти, сразу же были куплены билеты. Короче говоря, 15 июня дядюшка Антифер и его спутники покинули наконец воды Западной Африки, где они нашли вместе с двумя ценнейшими алмазами новый

документ и где их постигло новое разочарование. Что же касается капитана Баррозо, то Саук обещал вознаградить его впоследствии, после того как приберет к рукам миллионы паша, и португалец должен был довольствоваться этим обещанием.

Жюэль даже и не пробовал отвлечь дядюшку от его навязчивой идеи, хотя имел основания думать, что вся эта история кончится какой-нибудь колоссальной мстификацией. Но вот Трегомен — тот придерживался сейчас иного мнения. Два алмаза стоимостью в сто тысяч франков каждый, найденные в шкатулке на втором островке, заставили его не на шутку призадуматься.

«Если паша,— думал Трегомен,— подарил нам два таких драгоценных камня, почему бы не найтись и остальным на острове номер три?»

Но, когда он заводил об этом разговор, Жюэль только пожимал плечами.

— Увидим... Увидим! — повторял молодой капитан.

А Пьер-Серван-Мало рассуждал таким образом. Раз третий сонаследник, обладатель широты третьего острова, живет в Эдинбурге, надо ехать в Эдинбург и ни в коем случае не дать опередить себя Замбуко или Бен-Омару. Ведь им известна восточная долгота, которую нужно сообщить господину Тиркомелю, эсквайру! Следовательно, с ними нельзя разлучаться. Все вместе, и чем быстрее, тем лучше, они доедут до столицы Шотландии и в полном составе предстанут перед Тиркомелем. Разумеется, такое решение не устраивало Саука. Теперь, когда секрет для него перестал быть секретом, он предпочел бы действовать самостоятельно, то есть опередить своих спутников, встретиться с глазу на глаз с человеком, упомянутым в документе, определить местоположение нового острова, отправиться туда и вырыть сокровища Камильк-паша. Но уехать одному, не возбуждая ни в ком подозрений, было невозможно, а он чувствовал, что Жюэль внимательно за ним следит. Да и переезд до Марселя нельзя было совершить иначе, как со всеми. А так как дядюшка Антифер на последнем отрезке пути решил воспользоваться железными дорогами Франции и Англии, что значительно сэкономило время, то у Саука не было надежды приехать раньше его. Ничего не оставалось, как покориться обстоятельствам. Рассчитывать теперь он мог только на выяснение дела с Тиркомелем: задуманный

план, потерпевший неудачу в Маскате и Лоанго, быть может, удастся осуществить в Эдинбурге!

Переход до Марселя совершился очень быстро, так как португальское судно не останавливалось ни в одном промежуточном порту. Само собой разумеется, что Бен-Омар, верный до конца своим привычкам, из каждых двадцати четырех часов проболел все двадцать четыре и был выгружен в бессознательном состоянии на набережной Жолиэт, как какой-нибудь тюк хлопка.

Жюэль написал Эногат длинное письмо. Сообщив ей обо всех происшествиях в Лоанго, он поставил ее в известность, что беспримерное упрямство дядюшки заставило их предпринять новое путешествие, и пока еще неизвестно, какая над ними нависла новая угроза, то есть куда их теперь занесет фантазия паши... Он писал еще, что дядюшка Антифер, вроде Вечного Жида¹, намерен, по-видимому, скитаться по всему свету и что скитания его, наверное, прекратятся не раньше, чем он окончательно сойдет с ума, а все теперь идет к тому, так как первое возбуждение, прогрессирующее у него из-за последних неудач, приняло угрожающий характер.

Все это было очень печально. И их свадьба, отложенная на неопределенное время... и их счастье... и их любовь... и т. д.

Жюэль поторопился закончить свое безутешное послание, чтобы успеть сдать его на почту. Все они ринулись на скорый поезд, идущий из Марселя в Париж, потом — в экспресс из Парижа в Кале, потом — на пароход из Кале в Дувр, на поезд из Дувра в Лондон, из Лондона молниеносно в Эдинбург, — все шестеро, как будто они были прикованы к одной цепи! И вот вечером 25 июня, едва успев занять комнаты в «Королевском отеле», они отправились на поиски господина Тиркомеля! И тут — большая неожиданность! Тиркомель оказался пастором. Поэтому, побывав у него на квартире в доме 17, Норс-Бридж-стрит — адрес был получен легко, так как пламенный отрицатель земных благ был в Эдинбурге довольно популярной личностью, — они явились в церковь Пре-

¹ Вечный Жид, или Агасфер, — персонаж средневековой легенды; был проклят богом за прегрешения и обречен на вечные скитания. Легенда об Агасфере положена в основу многих произведений мировой литературы.

стола Господня в то время, когда его голос гремел с высоты кафедры.

Они решили, что подойдут к нему по окончании проповеди, проводят его домой, введут в курс дела, сообщат о последнем документе... Черт возьми!.. Если человеку приносят внушительное количество миллионов, он не станет сетовать, что его нехотели потревожили!

Однако во всем этом было что-то странное. Какие отношения могли существовать между Камильк-пашой и этим шотландским пастором? Отец Антифера спас жизнь египтянину... понятно. Банкир Замбуко помог ему спасти богатства... понятно. В благодарность за это Камильк-паша сделал обоих своими наследниками. И это понятно. Но неужели преподобный Тиркомель обладал такими же правами на признательность Камильк-паши, как и они? Да, безусловно. И тем не менее сама мысль, что Камильк-паша был чем-то обязан Тиркомелю, казалась невероятной. Однако иначе и быть не могло, раз пастор являлся владельцем третьей широты, необходимой для открытия третьего острова.

— На этот раз... последнего! — неизменно повторял дядюшка Антифер, надежды которого или, быть может, иллюзии стал разделять и Трегомен.

Но, когда наши кладонскатели увидели на кафедре человека не старше пятидесяти лет, им пришлось придумать другое объяснение. В самом деле, Тиркомелю не могло быть больше двадцати пяти лет, когда Камильк-паша по приказу Мухаммед-Али был заключен в каирскую тюрьму. Было трудно предположить, что Тиркомель мог тогда оказать ему услугу. Может быть, египтянин был обязан отцу, дедушке, наконец, дяде этого Тиркомеля?..

Впрочем, все это неважно. Важно то, что Тиркомель владеет драгоценной широтой — это указывается в документе, найденном в бухте Маямба, — и сегодня должен выясниться дальнейший план действий.

Итак, они находились в церкви, возле самой кафедры. Антифер, Замбуко и Саук пожирали глазами страстного проповедника, не понимая ни слова из того, что он говорил, а Жюэль слушал его, не веря своим ушам.

А проповедь продолжалась — все на одну и ту же тему, все с тем же иступленным красноречием. Призыв к королям, чтобы они бросили в море свои цивилизные ли-

сты¹, призыв к королевам, чтобы они вышвырнули бриллианты, украшающие их диадемы, призыв к богачам, чтобы они уничтожили свое богатство! Согласитесь, что нельзя произносить такие неумные речи, упорно желая завоевать новообращенных!

Изумленный Жюэль раздумывал: «Вот это действительно осложнение! Решительно моему дядюшке не везет!.. И зачем понадобилось чертову паше посылать нас к этому фанатику!.. У такого полоумного пастора искать содействия? У человека, который, не раздумывая, уничтожит сокровища, как только они попадут ему в руки!.. Да, такого препятствия мы никак уж не ожидали, и на этот раз препятствия непреодолимого! Тут-то и кончатся все наши приключения. Ясное дело, мы натолкнемся на решительный отказ, на окончательный отказ, который создаст преподобному Тиркомелю громадную популярность! Это погубит дядю, он не выдержит такого потрясения! Замбуко с дядюшкой, да, наверное, и этот Назим пойдут на все, чтобы вырвать у Тиркомеля тайну... Они способны подвергнуть его пытке... даже, может быть... Нет, надо поскорее уехать!.. Пусть преподобный хранит про себя свою тайну! Я не знаю, все ли несчастья исходят от миллионов, как он уверяет, но зато я знаю другое: гонясь вместе с дядюшкой за сокровищами египтянина, я все дальше и дальше откладываю свое собственное счастье... И так как Тиркомель никогда не согласится скрестить свою широту с долготой, доставшейся нам ценою таких мытарств, то нам останется только спокойно вернуться во Францию и...»

— Нужно повиноваться воле божьей! — изрекал в эту минуту проповедник.

«И я так считаю,— подумал Жюэль,— дядя должен смириться перед неизбежностью».

Но проповедь все не кончалась, и трудно было надеяться, что у пастора когда-нибудь иссякнет запас красноречия. Дядюшка Антифер и банкир выказывали явное нетерпение. Саук кусал свои усы. Нотариуса, после того как он сошел с палубы корабля, ничто уже не волновало. Жильдас Трегомен, склонив голову набок, наострив уши и открыв рот, тщетно старался уловить хоть несколько

¹ Цивильный лист — определенная сумма, ежегодно отпускаемая монарху в его личное пользование и на содержание двора из бюджета государства.

знакомых слов. И все они обращали вопросительные взгляды на молодого капитана, как бы спрашивая его:

«О чем может так долго и с таким пылом разглагольствовать этот проклятый пастор?»

И в ту минуту, когда им уже казалось, что проповедь подходит к концу, все началось снова.

— Это просто невозможно! О чем он говорит, Жюэль? — с досадой воскликнул дядюшка Антифер, вызвав дружное шиканье слушателей.

— Я вам скажу потом, дядя.

— Если бы этот надоедливый болтун только подозревал, какие я ему принес новости, он бы живо сошел с кафедры, чтобы с нами побеседовать!

— Гм!.. Гм!.. — присизнес Жюэль таким странным тоном, что дядюшка Антифер грозно нахмурил брови.

Однако все на свете кончается, даже проповедь пастора «свободной шотландской церкви». Чувствовалось, что преподобный Тиркомель дошел до заключительной части своей вдохновенной речи. Его дыхание стало более прерывистым, жесты — более беспорядочными, метафоры — более смелыми, предостережения — более грозными. И наконец, как удар дубины, обрушился на аудиторию его последний сокрушительный выпад против обладателей презренного металла, сопровождавшийся категорическим приказом — бросить золото на этом свете в раскаленную печь, дабы самим не угодить в адское пекло на том свете! И затем в порыве крайнего возбуждения, сделав намек на название церкви, под сводами которой гулко перекатывались его громоподобные периоды, он воскликнул:

— И, подобно тому как в прежние времена на этом месте было судилище, где пробивали гвоздями уши лукавым нотариусам и другим нечестивцам, так и в день последнего суда вас будут судить без всякого милосердия, и под тяжестью вашего золота чаша весов опустится в бездны ада!..

И, закончив свою проповедь этой страшной угрозой, преподобный Тиркомель сделал прощальный и одновременно благословляющий жест, после чего мгновенно исчез.

Дядюшка Антифер, Замбуко и Саук решили ждать его у выхода из церкви, перехватить на ходу и тут же, на месте, получить у него нужные сведения. Да и могли ли они выдержать до утра, прождать еще семь или восемь

часов?.. Разве они могут вытерпеть муки любопытства, которые терзали бы их в продолжение всей ночи? Нет, они бросились к центральному выходу на паперть, бесцеремонно расталкивая верующих, возмущенных этой грубостью, особенно неприличной в подобном месте!

Жильдас Трегомен, Жюэль и нотариус следовали за ними спокойно и чинно. Но все старания были напрасны. Очевидно, преподобный Тиркомель, желая ускользнуть от неизбежной овации — единственного, впрочем, результата его проповеди о презрении к земным богатствам, — вышел из бокового придела церкви Престола Господня.

Тщетно Пьер-Серван-Мало и его спутники ждали Тиркомеля на паперти, искали в толпе прихожан, спрашивали о нем то того, то другого... Проповедник оставил в толпе не бóльший след, чем оставляет рыба в воде или птица — в воздухе.

Все собрались вместе, раздраженные и раздосадованные, — казалось, какой-то злой дух внезапно вырвал у них желанную добычу!

— Ну что ж!.. Семнадцать, Норс-Бридж-стрит! — закричал дядюшка Антифер.

— Но, дядя...

— И, прежде чем он ляжет спать, мы сумеем вырвать у него... — добавил банкир.

— Но, господин Замбуко...

— Без замечаний, Жюэль!

— Хорошо. Одно только замечание, дядя!

— По поводу чего? — спросил дядюшка Антифер, задышавшись от гнева.

— По поводу проповеди этого Тиркомеля.

— А какое нам до нее дело?

— Очень большое, дядя.

— Ты что, смеешься, Жюэль?

— Напротив, дядя, это очень серьезно и, добавлю, даже очень неприятно для вас!

— Для меня?

— Да... Слушайте!

И Жюэль обрисовал в нескольких словах душевное состояние преподобного Тиркомеля, объяснил, какая мысль проходила через всю его бесконечную проповедь, и, наконец, высказал убеждение, что, если бы только это зависело от Тиркомеля, все миллиарды мира покоились бы уже давно на дне океана!

Банкир был сражен, Саук тоже, хотя ему и приходилось притворяться, что он ничего не понимает. Даже Жильдас Трегомен скорчил кислую гримасу. Да, надо сознаться, здоровый кирпич свалился им на голову!

Но дядюшка Антифер не обнаружил никакой растерянности. Он ответил Жюэлю довольно ехидным тоном:

— Глупец... глупец... глупец!.. Кто проповедует такие вещи, у того нет в кармане ни одного су!.. Покажи ему только тридцать миллионов, которые приходятся на его долю, и ты увидишь, захочет ли он их утопить!

Безусловно, этот ответ свидетельствовал о глубоком знании человеческого сердца!..

Но как бы то ни было, решили отказаться от намерения посетить в тот же вечер преподобного Тиркомеля в его доме на Норс-Бридж-стрит.

Все шестеро проследовали в обычном порядке в «Королевский отель».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*из которой видно, что нелегко заставить пастора
говорить, если он решил молчать*

Дом преподобного Тиркомеля был расположен в квартале Кенонгет, на самой известной улице старого города, «Старой копилки», как его называют в старинных рукописях. Это здание примыкало к дому Джона Нокса¹, а окна в доме Нокса в середине XVI века частенько открывались, когда знаменитый шотландский реформатор обращался с воззваниями к толпе. Это близкое соседство очень нравилось преподобному Тиркомелю. Он тоже стремился проводить в жизнь свои реформы. Правда, он произносил проповеди не из окна, но на это была особая причина.

Дело в том, что окно его комнаты не выходило на улицу. Оно выходило на северную сторону, на овраг, ныне изборожденный рельсами и превращенный в общественный сад. С фасада это окно было бы на уровне третьего этажа, а со стороны оврага благодаря понижению

¹ Джон Нокс (1505—1572) — шотландский реформатор, основатель пресвитерианской церкви.

почвы — на уровне восьмого. А разве можно проповедовать с такой высоты?

В общем, это был мрачный и неуютный дом, окруженный узкими, грязными переулками, где самый воздух заражен миазмами. С давних пор эта часть города именуется «Ловушка». Подобные кварталы прилегают к исторической центральной магистрали Кенонгет, которая тянется под разными названиями от замка Холируд до Эдинбургского замка, одной из четырех крепостей Шотландии, которые, по союзному договору, всегда обязаны сохранять готовность к обороне.

И вот на следующее утро, то есть 26 июня, как раз в тот момент, когда на соседней церкви раздался последний, восьмой удар колокола, перед дверью упомянутого дома остановились дядюшка Антифер, банкир Замбуко и сопровождавший их Жюэль. Бен-Омар не получил приглашения присоединиться к ним, так как его присутствие при первом свидании не было необходимым, а следовательно и Саук, к его большой досаде, тоже не попал в число визитеров. Если пастор откроет тайну широты, Саук ничего не узнает и не сможет опередить малуинца в поисках третьего острова.

Трегомен тоже остался в отеле. Дожидаясь своих спутников, он развлекался созерцанием чудес улицы Принца и вычурного великолепия памятника Вальтеру Скотту¹.

Жюэль, конечно, не мог отказаться сопровождать своего дядю, хотя бы потому, что был нужен ему в качестве переводчика. Да, кроме того, ему и самому не терпелось узнать, где находится новый островок и не заставит ли их на этот раз фантазия Камильк-паши прогуляться по морям Нового Света.

А Саук, поняв, что его устранили от визита к Тиркомелю, впал в сильнейший гнев и, как обычно, обрушил всю свою ярость на Бен-Омара. После ухода сонаследников он осыпал несчастного нотариуса самыми грубыми ругательствами, самыми страшными угрозами.

— Да, это ты виноват! — кричал Саук, опрокидывая стулья. — У меня так и чешутся руки дать тебе палкой по голове за твою глупость...

¹ Вальтер Скотт (1771—1832) — великий шотландский писатель, автор знаменитых исторических романов.

— Ваша светлость, я сделал все, что мог...

— Нет, не сделал! Ты должен был заявить этому проклятому матросу, ты должен был внушить ему, что твое присутствие необходимо, неизбежно, обязательно... тогда они хоть взяли бы тебя одного и ты бы узнал и сообщил мне широту этого третьего острова... И, может быть, мне бы удалось добраться до него раньше других!.. Чтоб тебя Магомет задушил! Первый раз мои планы рухнули в Маскате, во второй раз — в Маюмбе, и подумать только, что они могут лопнуть и в третий раз! И все потому, что ты засел на одном месте, как чучело старого ибиса...

— Я прошу вас, ваша светлость...

— А я клянусь тебе, что, если я потерплю неудачу, ты заплатишься своей шкурой!

Эта сцена приняла под конец столь бурный характер, что Трегомен услышал крики и подошел к двери их комнаты, и счастье для Саука, что он изливал гнев на египетском языке. Если бы он ругал Бен-Омара по-французски, Трегомен узнал бы о его гнусных замыслах, узнал бы, что за личность скрывается под именем Назима, и эта личность получила бы по заслугам.

И все же, хотя Трегомен и не понял сути дела, его поразило грубое обращение клерка с Бен-Омаром. Подозрения молодого капитана полностью подтверждались.

Дядюшка Антифер, Замбуко и Жюэль, переступив порог пасторского дома, стали подниматься по деревянной лестнице, держась за засаленную веревку, висевшую на стене. Ни за что Трегомен, хоть и сильно похудевший за это время, не взобрался бы по такой узкой и темной винтовой лестнице.

Посетители дошли до площадки третьего этажа, последнего на этой стороне дома. Маленькая стрельчатая дверь в глубине, на ней — дощечка с именем преподобного Тиркомеля.

Дядюшка Антифер испустил глубокий вздох облегчения: «Уф!» Затем он постучал в дверь. Никакого ответа. Неужели пастора нет дома? По какому праву, позвольте вас спросить? Человек, которому приносят миллионы...

Антифер постучал еще раз, немного сильнее.

На этот раз изнутри послышался легкий шум. Дверь, правда, осталась на запоре, но под дощечкой с именем преподобного Тиркомеля приоткрылось задвижное окошечко.

В окошечке показалась уже знакомая им голова пастора.

— Что вам угодно? — спросил Тиркомель тоном человека, которому не нравится, когда его тревожат.

— Нам хотелось бы поговорить с вами... очень недолго, — ответил по-английски Жюэль.

— О чем?

— По очень важному делу.

— У меня нет никаких дел, ни важных, ни неважных.

— Да откроет ли он наконец, этот преподобный? — закричал Антифер, которому надоели церемонии.

Услышав это, пастор спросил на чистейшем французском языке, которым владел в совершенстве:

— Вы французы?

— Французы, — ответил Жюэль. И, считая, что это облегчит им доступ к Тиркомелю, добавил: — Французы, которые присутствовали вчера на вашей проповеди в церкви Престола Господня...

— ...и у которых есть желание принять мои доктрины? — живо спросил проповедник.

— Может быть, ваше преподобие.

— Скорее, он примет наши, — пробурчал дядюшка Антифер. — Впрочем, если он предпочитает уступить нам свою долю...

Дверь открылась, и мнимые неофиты¹ очутились перед преподобным Тиркомелем.

Они вошли в комнату, освещенную в глубине единственным окном, выходившим на северный овраг. В одном углу стояла железная кровать с соломенным тюфяком и одеялом, в другом — стол с туалетными принадлежностями. Вместо стула — табурет. Вместо мебели — один запертый шкаф, в котором, по-видимому, хранилась одежда. Несколько книг на полке, среди них — традиционная библия в переплете с истрепанными углами, бумаги, перья, чернильница. Никаких занавесок. Голые стены, побеленные известью. На ночном столике — лампа с низко опущенным абажуром. Это была одновременно и спальня и рабочий кабинет; пастор, видимо, ограничивался лишь самым необходимым. Обедал он в соседнем кабачке, и, конечно, это отнюдь не был модный ресторан.

¹ Неофит — новообращенный в какую-либо веру.

Преподобный Тиркомель, весь в черном, затянутый в длинный сюртук, из-под воротничка которого виднелась узкая белая лента галстука, при появлении иностранцев снял цилиндр и если не пригласил их сесть, то исключительно потому, что мог предложить только один табурет.

По правде говоря, миллионы нигде бы так не пригодились, как в этой монашеской келье, все содержимое которой едва ли можно было оценить в тридцать шиллингов...

Дядюшка Антифер и банкир Замбуко переглянулись. Пора уже открыть огонь. Раз их сонаследник говорит по-французски, они больше не нуждались в посредничестве Жюзеля, и молодой капитан превращался в простого зрителя. Такой оборот дела вполне его устраивал, и он не без любопытства готовился присутствовать при этой баталии. Кто будет победителем? Вряд ли он согласился бы держать пари за дядюшку...

Вначале Антифер так смутился, что сам бы этому не поверил. Когда ему стали известны взгляды непримиримого проповедника на земные блага, он решил действовать хитро и осторожно и, предварительно позондировав почву, незаметно подготовить преподобного Тиркомеля к тому, что он должен показать имеющееся у него письмо Камильк-паши, в котором, без сомнения, указаны цифры новой и, надо надеяться, последней широты.

Такого же мнения придерживался и Замбуко, не устававший поучать своего будущего шурина, как ему нужно действовать. Но хватит ли сил у этого бешеного малуинца сдержать свою ярость, если его нервы все время находятся во взвинченном состоянии, не вспылит ли он при первом же возражении и не начнет ли бить стекла?

Между тем первым заговорил не он. Пока три визитера переминались с ноги на ногу, преподобный Тиркомель стал перед ними в позе проповедника. Убежденный, что эти люди явились к нему, горя желанием последовать его доктрине, он думал только о том, как бы красноречивее изложить им свои принципы.

— Братья мои,— сказал он, складывая руки в порыве признательности,— я благодарю всевышнего, который даровал мне силу убеждения, давшую мне возможность вселить в ваши души презрение к богатству и отречение от земных благ...

Стоило только взглянуть при этом вступлении на лица обоих сонаследников!

— Братья мои,— продолжал проповедник,— уничтожая сокровища, которыми вы владеете...

«Которыми мы еще не владеем!» — хотелось крикнуть дядюшке Антиферу.

— ...вы подадите достойный удивления пример, которому последуют все те, кто способен возвысить свой дух над материальными благами жизни...

Дядюшка Антифер резким движением челюсти передвинул чубук с одной стороны на другую, в то время как Замбуко прошептал ему на ухо:

— Не объясните ли вы наконец этому болтуну цель нашего посещения?

Утверительно кивнув головой, малуинец подумал про себя:

«Нет уж, я не допущу, чтобы он нагнал на меня своей проповедью такую скуку, как вчера!..»

Преподобный Тиркомель, открыв свои объятия как бы для того, чтобы принять в них раскаявшихся грешников, сказал умиленным голосом:

— Ваши имена, братья мои, чтобы...

— Наши имена, господин Тиркомель,— прервал его дядюшка Антифер,— вот наши имена и звания: я, Антифер Пьер-Серван-Мало, капитан каботажного плавания в отставке. Жюэль Антифер, мой племянник, капитан дальнего плавания, господин Замбуко, банкир из Гуниса...

Тиркомель подошел к столу, чтобы записать эти имена.

— И, конечно,— сказал он,— вместе с отречением от земных благ вы принесли ваши тлетворные богатства... может быть, миллионы?

— Совершенно верно, господин Тиркомель, речь идет о миллионах, и, когда вы получите свою долю, вы вольны ее уничтожить... Но что касается нас, то мы сами придумаем, как нам поступить...

Дядюшка Антифер допустил большую оплошность. Жюэль и Замбуко сразу же это поняли по изменившемуся выражению лица Тиркомеля. Лоб его покрылся морщинами, глаза почти закрылись, руки, раскрытые для объятия, захлопнулись на груди, как захлопывается дверь несгораемого шкафа.

— В чем же дело, господа? — спросил он, отступая на шаг.

— В чем дело? — повторил дядюшка Антифер.— Послушай, Жюэль, выложи ему все по порядку, потому что я не отвечаю за свои слова!

И Жюэль «выложил» без всяких недомолвок. Он рассказал все, что было известно о Камильк-паше, об услуге, оказанной ему Томасом Антифером и банкиром Замбуко, о приезде в Сен-Мало душеприказчика Бен-Омара, нотариуса из Александрии, о путешествии в Оманский залив на поиски первого острова, о дальнейшей поездке в бухту Маюмба, где находился второй остров, о содержании второго документа, отсылавшего двух сонаследников к третьему наследнику, которым является не кто иной, как преподобный Тиркомель, эсквайр из Эдинбурга, и т. д.

Пока Жюэль говорил, проповедник даже не шелохнулся; глаза его ни разу не блеснули, ни один мускул лица не дрогнул. Мраморная или бронзовая статуя и та не была бы более неподвижной. И, когда молодой капитан, окончив рассказ, спросил Тиркомеля, имел ли он когда-нибудь какое-нибудь отношение к Камильк-паше, пастор ответил:

— Нет.

— А ваш отец?

— Может быть.

— Может быть — не ответ, — заметил Жюэль, стараясь успокоить своего дядю, который вертелся на одном месте, словно его ужалил тарантул.

— Это единственный допустимый для меня ответ, — сухо возразил Тиркомель.

— Настаивайте, господин Жюэль, настаивайте... — прошептал банкир.

— По мере возможности, господин Замбуко, — ответил Жюэль.

И, обращаясь к Тиркомелю, который всем своим видом показывал, что будет держаться с предельной замкнутостью, Жюэль спросил:

— Разрешите мне задать вам вопрос... единственный?

— Да, хотя я могу и не ответить на него.

— Известно ли вам, бывал ли когда-нибудь ваш отец в Египте?

— Нет.

— Но если не в Египте, то, по крайней мере, в Сирии или еще точнее — в Алеппо?

Не надо забывать, что в этом городе Камильк-паша провел несколько лет до своего возвращения в Каир.

После некоторого колебания преподобный Тиркомель признался, что его отец действительно жил в Алеппо и был связан с Камильк-пашой. Значит, не оставалось никаких сомнений, Камильк-паша был обязан благодарностью отцу Тиркомеля так же, как Томасу Антиферу и банкиру Замбуко.

— В таком случае, я спрошу вас еще,— продолжал Жюэль,— не получал ли ваш отец письма от Камильк-паши?

— Да.

— Письма, в котором говорилось о местоположении островка с зарытыми сокровищами?

— Да.

— А не была ли в том письме указана широта этого островка?

— Да.

— А не говорилось ли там, что в один прекрасный день некий Антифер и некий Замбуко придут по этому поводу к вашему отцу?

— Да.

Эти «да» Тиркомеля падали точно удары молота, все с большей и большей силой.

— Ну что ж,— сказал Жюэль,— капитан Антифер и банкир Замбуко перед вами, и, если вы захотите показать письмо паши, им останется только отправиться в путь, чтобы выполнить волю завещателя, по которой вы и они являетесь тремя наследниками.

По мере того как Жюэль задавал вопросы, Антифер сдерживал себя с величайшим трудом, багровея, когда кровь бросалась ему в голову, бледнея, когда она отливала к сердцу.

Тиркомель помолчал некоторое время, потом сказал, сжав губы:

— А когда вы отправитесь в то место, где находятся сокровища, что вы намерены делать?..

— Конечно, вырыть их! — закричал дядюшка Антифер.

— А когда вы их выроете?

— Разделить на три части!

— А как вы собираетесь поступить с вашими частями?

— Как нам заблагорассудится, ваше преподобие!

Еще одна неудачная выходка малуинца, давшая возможность Тиркомелю сесть на своего конька.

— Так. Прекрасно, господа! — воскликнул он, и в глазах его вспыхнуло пламя. — Вы намерены использовать эти богатства для удовлетворения ваших инстинктов, ваших appetитов, ваших страстей, другими словами — умножать несправедливость на этом свете...

— Позвольте, — прервал его Замбуко.

— Нет, не позволю! Я требую от вас ответа на следующий вопрос: если эти сокровища попадут вам в руки, вы дадите слово их уничтожить?

— Каждый может распорядиться своей частью наследства так, как ему будет удобнее, — уклончиво ответил банкир.

Пьер-Серван-Мало взорвался.

— Дело совсем не в этом! — закричал он. — Догадываетесь ли вы, ваше преподобие, какова стоимость этих сокровищ?

— Не все ли мне равно!

— Сто миллионов франков!.. Сто миллионов!.. И третья часть — тридцать три миллиона — принадлежит вам...

Тиркомель пожал плечами.

— Знаете ли вы, ваше преподобие, — продолжал дядюшка Антифер, — что завещание обязывает вас сообщить сведения, которыми вы располагаете?

— Неужели?

— Знаете ли вы, что вы не имеете права оставлять без движения сто миллионов, точно так же как не имеете права их украсть?

— Я с этим не согласен.

— Знаете ли вы, что, если вы будете настаивать на вашем отказе, — зарывал дядюшка Антифер, доведенный до последней степени ярости, — мы не остановимся перед тем, чтобы обратиться к правосудию... возбудить против вас дело... объявить вас преступником!..

— Преступником!.. — гневно, но не теряя самообладания, повторил Тиркомель. — Поистине ваша смелость, господа, равна вашей глупости! Неужели вы думаете, что я соглашусь разбросать эти сто миллионов по всей земле

и дам возможность людям совершить на сто миллионов больше грехов? Вы полагаете, что я изменю своему учению и дам право верующим свободной шотландской церкви, людям строгой нравственности, непоколебимой честности, бросить мне в лицо эти сто миллионов?

Надо сказать, его преподобие был просто великолепен, просто велик в своем взрыве красноречия. Жюэль не мог не восхищаться этим неистовым фанатиком, между тем как Антифер, одержимый припадком бешенства, готов был его задушить.

— Да или нет? — закричал он, сжав кулак. — Да или нет? Вы покажете нам письмо паши?

— Нет!

Дядюшка Антифер дошел до исступления.

— Нет? — повторил он с пеной у рта.

— Нет!

— А! Мошенник!.. Я вырву у тебя это письмо!

Жюэль стал между ними, чтобы помешать дяде перейти от слов к действию, но тот резко оттолкнул его. Антифер хотел задушить проповедника, стоявшего перед ним так же холодно и бесстрастно, как раньше. Его разрывало желание обыскать эту комнату, этот шкаф, перерывать бумаги (надо сказать, что обыск был бы недолгим). Его остановили слова преподобного Тиркомеля, произнесенные очень просто, но тоном, не допускающим возражений:

— Это письмо бесполезно искать...

— Почему? — спросил банкир Замбуко.

— Потому что у меня его больше нет.

— Что же вы с ним сделали?

— Я его сжег.

— В огонь... Он его бросил в огонь! — завопил дядюшка Антифер. — Негодяй!.. Письмо, в котором была тайна ста миллионов... тайна, которую нельзя будет больше узнать!..

И это была истинная правда. Чтобы уберечься от соблазна и ни при каких обстоятельствах не воспользоваться сокровищами, что противоречило бы его убеждениям, преподобный Тиркомель действительно сжег это письмо уже много лет назад.

— А теперь уходите, — сказал он, указывая посетителям на дверь.

Дядюшка был совершенно убит. Документ уничто-

жен... Никогда, никогда нельзя будет определить местоположение острова!.. Был потрясен до глубины души и банкир Замбуко. Он плакал, как ребенок, у которого отняли игрушку!..

Жюэль вытолкнул обоих сонаследников сперва на лестницу, затем на улицу, и все трое отправились в «Королевский отель».

После их ухода преподобный Тиркомель воздел руки к небу и возблагодарил бога за то, что он помог ему остановить лавину грехов, которую нагромоздили бы эти сто миллионов!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*в которой исчезает второстепенное действующее лицо,
иначе говоря — «злодей» этой трагикомической
истории*

Дядюшка Антифер не смог вынести все эти тревоги, мытарства, потрясения, бесконечную смену разочарований и надежд. Даже у капитана большого каботажа физические и моральные силы имеют свой предел, который нельзя переступать. Как только Антифер добрался до гостиницы, он тут же слег. Его мучила лихорадка, нервная лихорадка с горячечным бредом, грозившая самыми тяжелыми последствиями. В его воспаленном мозгу проносились вереницы обманчивых видений: картины злополучного путешествия, прерванного у самой цели; несметные сокровища, погребенные в неизвестном месте; третий островок, затерянный в каких-то неведомых водах; письмо, брошенное в огонь ужасным проповедником; заветные цифры, которые пастор не выдаст даже под страхом пытки... Да! Были все основания опасаться, что потрясенный рассудок малуинца не выдержит этого последнего удара. Врач, спешно вызванный к больному, подтвердил, что пациент близок к помешательству.

Разумеется, дядюшке был обеспечен самый лучший уход. Жильдас Трегомен и Жюэль не покидали его ни на минуту, и если он выздоровел, то только благодаря их заботам.

Возвратившись в гостиницу, Жюэль посвятил в курс дела Бен-Омара, который, в свою очередь, рассказал Сауку о решительном отказе преподобного Тиркомеля сооб-

щить широту третьего острова. Легко вообразить, как рассвирепел мнимый Назим! Но на этот раз он не сделал несчастного нотариуса козлом отпущения и внешне никак не проявил своей ярости. Саук замкнулся в себе, обдумывая, по-видимому, каким способом ему выведать тайну, ускользнувшую от Антифера, и использовать ее для себя одного. Надо полагать, что он решил направить все свои усилия для достижения этой цели. Во всяком случае, было замечено, что ни в этот, ни в следующие дни в гостинице он не показывался.

Трегомен, узнав от Жюэля, как вел себя проповедник, ограничился таким замечанием:

— Я думаю, что теперь на это дело надо поставить крест... А ты как считаешь, мой мальчик?

— И мне так кажется, господин Трегомен. Переубедить такого упряма невозможно...

— Какой же все-таки чудак этот проповедник! Ему приносят миллионы, а он от них отказывается!

— Приносят миллионы! — сказал молодой капитан с сомнением в голосе.

— Ты не веришь в них, Жюэль?.. А не ошибаешься ли ты?..

— Как вы изменились, господин Трегомен!

— Еще бы! После того, как были найдены алмазы!.. Разумеется, я не утверждаю, что миллионы находятся именно на третьем острове, но, в конце концов, они могут там быть... К несчастью, мы никогда не узнаем местоположения третьего острова, потому что этот проповедник ни о чем не хочет слышать.

— И все-таки, господин Трегомен, даже те два алмаза из Маюмбы не разуверили меня в том, что паша задумал сыграть с нами злую шутку...

— Как бы то ни было, это может дорого обойтись твоему бедному дяде, Жюэль. Сейчас самое важное — поставить его поскорее на ноги. Только бы выдержала его голова! Будем выхаживать его, как сестры милосердия, и, когда он встанет с постели и у него хватит сил сесть в вагон, я думаю, он сам захочет вернуться во Францию... Опять зажить спокойной жизнью, как бывало...

— Ах, господин Трегомен, почему он уже не на улице От-Салль!

— А ты — возле нашей маленькой Эногат, мой мальчик!.. Кстати, ты собираешься ей написать?..

— Я сегодня же ей напишу и на этот раз думаю известить ее о нашем окончательном возвращении!

Прошло несколько дней. Состояние больного не ухудшилось. Лихорадка, вначале очень сильная, стала уменьшаться. Но доктор по-прежнему опасался за рассудок бедного дядюшки. Положительно, он был не в своем уме. Правда, он узнавал своего друга Трегомена, своего племянника Жюэля, своего будущего шурина... Шурина?.. Между нами, если некая представительница прекрасного пола и рисковала остаться навсегда в девушках, то это была, конечно, пятидесятилетняя мадемуазель Талисма Замбуко, нетерпеливо ожидавшая обещанного супруга в своей девичьей комнате на Мальте! Увы, сокровищ нет и мужа нет, так как одно являлось дополнением к другому!

Ни Трегомен, ни Жюэль не выходили из гостиницы. Больной все время звал их к себе, требовал, чтобы они день и ночь сидели в его комнате, выслушивая бесконечные жалобы, обвинения и угрозы по адресу этого гнусного проповедника. Дядюшка хотел подать на Тиркомеля в суд, пожаловаться на него мировому судье или шерифу, довести дело до верховного уголовного суда, даже до министерства юстиции! Судьи быстро заставят его говорить... Тут уж не позволят молчать, когда достаточно одного слова, чтобы бросить в обращение сто миллионов франков... Должны же существовать наказания за такие преступления, и даже самые суровые и самые страшные, и если виселица не предназначена для подобных преступников, то кто же тогда заслуживает виселицы?! И так далее.

Антифер не умолкал с утра до вечера. Жильдас Трегомен и Жюэль по очереди дежурили у его ложа, если какой-нибудь особенно бурный припадок не требовал присутствия обоих. В такие моменты больной порывался встать с кровати, выскочить из комнаты, бежать к преподобному Тиркомелю, прострелить ему голову, и только сильная рука Трегомена приковывала его к месту.

А потому, как ни хотелось Трегомену осмотреть этот прекрасный, построенный из камня и мрамора Эдинбург, он вынужден был от этого отказаться. Позднее, когда его друг будет на пути к выздоровлению и немножко успокоится, он наверстает упущенное. Он осмотрит прежде всего дворец Холируд, древнюю резиденцию правителей Шотландии, королевские апартаменты, опочивальню

Марии Стюарт¹, сохранившуюся в том виде, в каком она была при жизни несчастной королевы... Он поднимется по Кенонгет до Кэстля, так гордо возвышающегося на базальтовой скале: там еще сохранилась маленькая комната, в которой появился на свет ребенок — будущий Иаков VI Шотландский и Иаков I Английский². Трегомен поднялся бы и на «Трон Артура», похожий на спящего льва, если смотреть на него с западной стороны; оттуда, с высоты двухсот сорока семи метров над уровнем моря, можно охватить глазом весь город, холмистый, как древняя часть города цезарей³, до Литы⁴, который является подлинным портом Эдинбурга в заливе Фёрт-оф-Форт, до берега графства Файф, до вершин Бен-Ломонд, Бен-Леди, Ламмермур-Хилс, до безграничного морского простора...

Сколько красот природы, сколько чудес, созданных руками человека! Трегомен, все еще грустя о сокровищах, потерянных из-за упрямства проповедника, сгорал, однако, от желания насладиться всем этим великолепием, но чувство долга заставляло его сидеть у изголовья деспотического друга.

Поэтому добряку ничего не оставалось, как смотреть из открытого окна гостиницы на знаменитый памятник Вальтеру Скотту, готические пилястры⁵ которого вздымаются ввысь почти на двести футов в ожидании, пока все ниши не будут заполнены фигурами пятидесяти шести героев, созданных воображением великого шотландского романиста.

Затем Жильдас Трегомен переводил взгляд на длинную перспективу улицы Принца, тянущуюся к Колтон-Хиллу, и за несколько минут до полудня начинал следить за большим золотым шаром на мачте обсерватории, падение которого в точности совпадало с моментом прохождения солнца через меридиан столицы.

¹ Мария Стюарт (1542—1587) — шотландская королева; поддерживала реакционную католическую партию английских баронов; была казнена по приказанию английской королевы Елизаветы.

² Иаков I, он же Иаков VI Шотландский (1566—1625) — английский король; его притязания на абсолютную власть вызвали резкую оппозицию со стороны буржуазии и парламента.

³ Имеется в виду Рим.

⁴ Лит — портовый город, в непосредственной близости от Эдинбурга, на берегу залива Фёрт-оф-Форт.

⁵ Пилястр — четырехугольная колонна, одной стороной немного вдающаяся в стену.

Между тем в квартале Кенонгет, а затем и по всему городу стали носиться слухи, которые способствовали увеличению и без того уже немалой популярности преподобного Тиркомеля. Рассказывали, что знаменитый проповедник, как подобает человеку, у которого слово не расходится с делом, отказался от совершенно невероятного, почти баснословного наследства. Говорили о нескольких миллионах, даже о нескольких сотнях миллионов, которые он хотел скрыть от человеческой жадности. Может быть, пастор и сам содействовал распространению выгодных для него слухов, так как ему не было никакого смысла делать из этого тайну. Газеты подхватили слухи, печатали и перепечатывали сведения о сокровищах Камильк-паши, зарытых под скалами какого-то таинственного островка. Что же касается его местоположения, то, если верить газетам — а проповедник и не думал давать опровержения,— оно якобы было известно преподобному Тиркомелю, и только он один мог бы дать на этот вопрос точные указания, хотя в действительности нельзя было обойтись без участия двух других сонаследников. Впрочем, подробностей этого дела никто не знал, и имя Антифера ни разу не было упомянуто. Само собой разумеется, что одни газеты одобряли доблестное поведение лучшего из пастырей свободной шотландской церкви, а другие порицали его, так как эти миллионы, вместо того чтобы без всякой пользы лежать в какой-то яме, могли бы облегчить положение многих несчастных бедняков Эдинбурга, если бы были им розданы. Но преподобный Тиркомель не придавал никакого значения ни порицаниям, ни похвалам — и то и другое ему было одинаково безразлично.

Легко вообразить, какой успех имела его проповедь, произнесенная в церкви Престола Господня на следующий день после этих сенсационных разоблачений. Вечером 30 июня верующие буквально осаждали церковь. Толпы людей, не поместившихся внутри храма, запрудили близлежащие улицы и перекрестки. Появление на кафедре проповедника было встречено громом аплодисментов. Можно было подумать, что находишься в театре, когда публика устраивает овацию любимому актеру, выходящему на вызовы под восторженные крики «ура». Сто миллионов, двести миллионов, триста миллионов — нет, целый миллиард! — вот что предлагали этому фено-

менальному Тиркомелю, и вот чем он пренебрег! И он начал свою обычную проповедь фразой, произведшей на всех поистине потрясающее впечатление:

— Есть человек, который одним своим словом может исторгнуть из недр сотни миллионов, но этого слова он не произнесет!

На этот раз дядюшки Антифера и его спутников, конечно, не было среди присутствующих. Но за одной из колонн притвора притаился странный слушатель-чужеземец, не известный никому из прихожан, лет тридцати — тридцати пяти, смуглый, чернобородый, с грубыми чертами лица и отталкивающей физиономией. Был ли ему знаком язык, на котором говорил преподобный Тиркомель? Мы не знаем этого. Но как бы то ни было, он стоял в полумраке, не сводя с проповедника пылающих глаз!

Так, не меняя положения, незнакомец дождался конца проповеди, а когда заключительные слова вызвали новый взрыв аплодисментов, он стал пробираться сквозь толпу поближе к проповеднику. Может быть, он хотел идти следом за ним на улицу Кенонгет? По-видимому, да, так как он очень энергично расталкивал локтями толпу на ступеньках паперти.

В этот вечер преподобный Тиркомель возвращался домой не один. Тысячи людей составили триумфальное шествие. Странный чужеземец держался позади, не присоединяя своего голоса к крикам восторженной толпы.

Дойдя до дома, популярный оратор поднялся на верхнюю ступеньку крыльца и обратился к своим почитателям с несколькими словами, вызвавшими новые взрывы «ура» и «гип», «гип». Потом он вошел в темные сени, не заметив, что за ним последовал посторонний человек.

Толпа медленно расходилась, наполняя улицу шумом и возгласами.

Преподобный Тиркомель поднимался по узкой лестнице, ведущей на третий этаж. Незнакомец неслышно шел за ним следом, так тихо, что даже кошка не смогла бы легче касаться ступенек.

Проповедник вошел в свою комнату и запер дверь.

Неизвестный остановился на площадке, притаившись в темном углу, и стал ждать...

Что же произошло?..

На следующий день жильцы дома были поражены тем, что проповедник, который всегда выходил в один и

тот же час рано утром, не появился. Не видели его и днем. Несколько человек, пришедших навестить его, тщетно стучались в дверь.

Отсутствие пастора показалось настолько подозрительным, что после полудня один из соседей счел нужным заявить об этом в полицейский участок. Констебль и его помощники явились в дом проповедника, поднялись по лестнице, постучали в дверь и, не получив ответа, проникли в комнату, высадив дверь плечом,— особым приемом, известным только полисменам.

Какое зрелище! Очевидно, кто-то взломал замок... проник в комнату... перерыл ее сверху донизу... Шкаф был открыт, одежда валялась на полу... Стол опрокинут... Лампа брошена в угол... Книги и бумаги раскиданы по полу... А возле сломанной, перевернутой кровати лежал преподобный Тиркомель, крепко-накрепко связанный, с кляпом во рту...

Поспешили оказать ему первую помощь. Он был без сознания и едва дышал... Когда произошло нападение?.. Сколько времени он провел в таком состоянии?.. Только он один сможет это сказать, если удастся вернуть ему сознание...

Пастора принялись энергично приводить в чувство, не раздевая, потому что он и так лежал почти голый: рубашка на нем была разорвана, плечи и грудь обнажены.

И когда один из полисменов стал по всем правилам растирать его, у констебля вырвался крик изумления. На левом плече преподобного Тиркомеля он увидел буквы и цифры!

В самом деле, на белой коже проповедника отчетливо проступала коричневая татуировка,— это была какая-то записка... И вот как она выглядела:

* 77°19' N

Легко догадаться, что это и была искомая широта!.. Очевидно, отец пастора выжег клеймо на плече своего маленького сына (подобно тому как записал бы в памятную книжку), чтобы лучше сохранить драгоценные сведения. Может затеряться записная книжка, но не плечо! Вот почему Тиркомель, хотя он и действительно сжег письмо Камильк-паши, адресованное его отцу, тем не менее остался хранителем столь необычной записи, кото-

рую он, впрочем, даже не полюбопытствовал прочесть с помощью зеркала.

Но злоумышленник, проникший в комнату во время сна проповедника, несомненно ее прочитал!.. Он захватил врасплох несчастного пастора, обшарил шкаф, рылся в бумагах... Напрасно Тиркомель сопротивлялся... Негодяй связал его, заткнул ему рот и скрылся...

Таковы были подробности, сообщенные самим Тиркомелем после того, как спешно вызванный врач привел его в чувство. По мнению пастора, это нападение было совершено с единственной целью — вырвать у него тайну, которую он отказался открыть, — тайну острова, где зарыты миллионы.

Преступника он, конечно, хорошо разглядел, так как вынужден был бороться с ним. Он сумел даже точно сообщить все его приметы. Не преминул он рассказать и о визите, который нанесли ему два француза и один мальтиец, прибывшие в Эдинбург, чтобы расспросить его по поводу завещания Камильк-паши.

Это послужило для констебля указанием, и он немедленно начал следствие; через два часа полиция уже знала, что иностранцы, о которых шла речь, остановились несколько дней назад в «Королевском отеле».

И, право, было большим счастьем для Антифера, банкира Замбуко, Жильдаса Трегомена, Жюэля и Бен-Омара, что им удалось неопровержимо доказать свое алиби¹. Больной малуинец не покидал своей постели, молодой капитан и Трегомен не выходили из его комнаты: банкир Замбуко и нотариус ни на минуту не выходили из гостиницы. К тому же ни один из них не подходил под описание, данное проповедником.

Итак, наши кладоискатели не были арестованы, а известно, что тюрьмы Соединенного Королевства неохотно выпускают своих гостей, которым предоставляют даровой кров и пищу!

Но был ведь еще Саук...

Да, не кто иной, как Саук, совершил преступление... Это он задумал налет, чтобы вырвать тайну у преподобного Тиркомеля... И теперь благодаря цифрам, которые

¹ А л и б и — доказательство невиновности, основанное на утверждении, что обвиняемый не мог участвовать в приписываемом ему преступном деянии, так как в момент совершения преступления он находился в другом месте.

он мог прочесть на плече проповедника, он стал хозяином положения. Ведь ему известна была и долгота, указанная в документе, найденном на островке в бухте Маюмба, следовательно, ему оставалось только заглянуть в географический атлас, чтобы установить местоположение третьего островка.

Несчастный Антифер! Тебе не хватало только этого последнего удара!

Действительно, по описанию примет преступника, помещенному в газетах, дядюшке Антиферу, Замбуко, Жильдасу Трегомену и Жюэлю сразу же стало ясно, что преподобный Тиркомель имел дело с Назимом, клерком Бен-Омара. И как только они узнали о его исчезновении из гостиницы, они должны были заключить, что, во-первых, он прочитал цифры на плече Тиркомеля и, во-вторых, отправился на новый остров, чтобы завладеть неслетными сокровищами.

Меньше всех был удивлен Жюэль, давно уже подозревавший Назима, а также Жильдас Трегомен, с которым молодой капитан делился своими подозрениями. Что касается Антифера и Замбуко, впавших в неописуемую ярость, то, к счастью для обоих, они смогли сорвать ее на злополучном нотариусе.

Само собой разумеется, что Бен-Омар больше чем кто-либо был уверен в виновности Саука. Да и мог ли он сомневаться, зная его черные замыслы, зная, что этот человек ни перед чем не остановится, даже перед преступлением?

Какой скандал пришлось выдержать нотариусу! А на его долю и без того уже выпало немало неприятных сцен... По приказанию Антифера, Жюэль привел Бен-Омара в комнату больного. Больного?! Разве он может сейчас болеть?.. Разве можно быть больным при таких обстоятельствах? К тому же, если Антифер страдал желчной лихорадкой (таков был диагноз врача), то теперь ему представлялся прекрасный случай излить накопившуюся желчь и избавиться от недуга.

Мы не в состоянии дать читателю сколько-нибудь полное представление о том, какой прием был оказан бедному Бен-Омару! Прежде всего ему сообщили, что покушение на проповедника и кража...— да, да, презренный Омар!..— и кража была делом рук Назима... Вот каких клерков выбирает нотариус для своей конторы! Вот ка-

кого человека он взял себе в помощники, чтобы тот присутствовал вместе с ним при передаче сокровищ законным наследникам!.. Вот какого негодяя, проходимца, мошенника, каналью он посмел навязать Антиферу и его спутникам!.. А теперь этот мерзкий разбойник... да! разбойник!.. сбежал... Зная местоположение третьего островка, он завладеет миллионами Камилък-паши... и попробуйте теперь его поймать... Погоняйтесь-ка за этим египетским бандитом, которому ничего не стоит вышвырнуть бешеные деньги, чтобы обеспечить себе безопасность и безнаказанность!..

— Ах! Саук!.. Саук!.. — вырвалось у ошеломленного нотариуса.

Подозрения Жюэля подтвердились... Назим не был Назимом... Это был Саук, сын Мурада, которого Камилък-паша лишил наследства в пользу сонаследников...

— Как, это был Саук? — вскричал Жюэль.

Нотариус стал было отнекиваться, уверять, что это имя вырвалось у него случайно... Но его пришибленный вид и выражение ужаса в глазах ясно показывали, что Жюэль не ошибся.

— Саук! — повторил Антифер и одним прыжком соскочил с кровати.

Он с такой яростью изрыгнул это презренное имя, что его кремневая трубка пулей вылетела изо рта и попала нотариусу в грудь.

И если не этот метательный снаряд поверг наземь Бен-Омара, то уж паверняка здоровый пинок пониже поясицы, такой пинок, какого никогда еще, должно быть, не получал ни один нотариус ни в Египте, ни в какой другой стране! И Бен-Омар, распластавшись на полу, лежал ничком, не смея поднять голову!

Итак, это был не Назим, а Саук, тот самый Саук, который поклялся во что бы то ни стало завладеть сокровищами и преступного вмешательства которого должен был бояться дядюшка Антифер!..

После того как был излит весь поток всевозможных морских ругательств, имеющихся в репертуаре капитана большого каботажа, Антифер почувствовал истинное облегчение, и, когда затем Бен-Омар, опустив плечи и поджав живот, потихоньку ретировался, чтобы запереться в своей комнате, Антифер чувствовал себя уже значительно лучше. Поспешим добавить, что окончательно поставила

его на ноги новость, принесенная несколько дней спустя одной эдинбургской газетой.

Известно, на что способны репортеры и интервьюеры! Скажем прямо — на все! В ту эпоху они начали вмешиваться в общественные и частные дела с таким рвением, с такой пронизательностью и с такой дерзостью, что сделались как бы агентами новой исполнительной власти.

И вот один из репортеров, проявив необычайную ловкость, не только получил сведения о татуировке, которой отец Тиркомеля украсил много лет назад левое плечо будущего проповедника, но и воспроизвел ее точное факсимиле¹ в ежедневном листке, причем тираж этого листка поднялся в тот день с десяти до ста тысяч.

Вслед за тем вся Шотландия, потом Великобритания, потом Соединенное Королевство, потом Европа и, наконец, весь мир узнали знаменитую широту третьего острова: семьдесят семь градусов, девятнадцать минут к северу от экватора.

В сущности, эти цифры не могли удовлетворить любопытства, так как их было недостаточно для решения так называемой «проблемы сокровищ» (это выражение успело войти в обиход). Из двух необходимых элементов недоставало... только одного — долготы...

Но Антиферу-то ведь долгота была известна! (Впрочем, она была известна еще и Сауку.) И когда Жюэль принес дяде газету и тот увидел факсимиле, он сбросил одеяло, вскочил с постели и... выздоровел... выздоровел, как не выздоравливал ни один больной, прошедший курс лечения у лучших медиков Эдинбургского университета.

Банкир Замбуко, Жильдас Трегомен и молодой капитан тщетно силились удержать дядюшку Антифера. Говорят, что религиозный пыл иногда способствует исцелению... Ну что ж, почему бы и вере в золотого тельца не сотворить подобное чудо?..

— Жюэль! Ты купил атлас?

— Да, дядя.

— Если не ошибаюсь, третий остров, как сказано в последнем документе, находится на пятнадцати градусах одиннадцати минутах восточной долготы?

— Да, дядя.

¹ Факсимиле — точное воспроизведение чьего-либо почерка или подписи.

— А татуировка на плече проповедника — семьдесят семь градусов девятнадцать минут северной широты?

— Да, дядя.

— Ну, так... ищи третий островок!

Жюэль взял атлас, развернул карту северных морей, определил циркулем точку пересечения обоих координат и ответил:

— Шпицберген, южная оконечность большого острова.

Шпицберген?.. Значит, Камильк-паша зарыл свои алмазы, драгоценные камни и золото на островке в этих северных водах! Но последний ли это островок?..

— В путь! — закричал дядюшка Антифер. — И сегодня же, если мы сможем найти пароход, готовый к отплытию!

— Дядя! — воскликнул Жюэль.

— Нельзя давать этому негодяю Сауку выигрыш во времени!

— Ты прав, старина, — сказал Трегомен.

— В путь! — повелительно повторил Пьер-Серван-Мало. И затем прибавил: — Надо предупредить этого идиота нотариуса, раз Камильк-паша требует его присутствия при откапывании сокровищ.

Оставалось только подчиниться неукротимой воле дядюшки Антифера, которого поддерживал к тому же банкир Замбуко.

— Нам еще повезло, — сказал молодой капитан, — что этот шутник паша не послал нас к антиподам! ¹

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой дядюшка Антифер находит еще один документ с монограммой Камильк-паши

Дядюшке Антиферу и его четырем спутникам, считая и Бен-Омара, ничего не оставалось, как отправиться в Берген, один из главных портов западной Норвегии.

Решение было мгновенно принято и тут же приведено в исполнение. Поскольку Назим, он же Саук, опередил их

¹ Антиподы — обитатели двух взаимно противоположных пунктов земного шара.

на четыре или пять дней, нельзя было терять ни одного часа. Не успел еще упасть полуденный шар Эдинбургской обсерватории, как трамвай¹ доставил наших пятерых путешественников в Лит, где они надеялись найти пароход, отбывающий в Берген — первый этап маршрута, который должен был привести их на Шпицберген.

Расстояние от Эдинбурга до этого норвежского порта не превышает четырехсот миль. Отсюда можно легко и быстро добраться до самого северного порта Норвегии — Гаммерфеста. В теплое время года пароход, обслуживающий эту линию, возит туристов до мыса Нордкап².

От Бергена до Гаммерфеста считается не более восьмисот миль и около шестисот — из Гаммерфеста до южной оконечности Шпицбергена, точки, которую удалось определить благодаря татуировке на плече преподобного Тиркомеля. На этом последнем этапе придется нанять судно, способное выдержать любую погоду. Правда, пока еще стояло лето, а летом над водами Северного Ледовитого океана не проносятся опустошительные бури.

Надо было подумать и о деньгах. Это третье путешествие обойдется, конечно, очень дорого, так как последний отрезок пути — от Гаммерфеста до Шпицбергена — можно будет преодолеть только на специально зафрахтованном судне. Кошелек Жильдаса Трегомена уже заметно истощился со времени отъезда из Сен-Мало. К счастью, подпись банкира Замбуко стоила золота. Есть же на свете такие баловни судьбы, которые могут запускать свои руки во все без исключения кассы Европы! Замбуко принадлежал к их числу. Он предоставил свой кредит в распоряжение сонаследника. Они потом сочтутся, эти два шурина, когда найдут свои сокровища. А пока что разве не достаточно такой гарантии, как алмаз дядюшки Антифера, который поможет ему, на худой конец, расплатиться за все взятое вперед?

Поэтому до отъезда из Эдинбурга банкир заглянул на несколько минут в Шотландский банк, где встретил наилучший прием. Снабженные дополнительным балластом,

¹ До появления электроходного трамвая в Англии так называлась конная железная дорога (конка).

² Нордкап — мыс на крайнем севере Европы, в Норвегии. Скала около трехсот метров высоты. Название в переводе — Северный мыс.

наши путешественники могли теперь отправиться хоть на край света, а кто знает, как еще повернутся события, куда их еще закинет судьба!

В Лите, расположенном на берегу залива Фёрт-оф-Форт, всегда стоит много кораблей. Не найдется ли среди них одного, готового отплыть к норвежским берегам?

Такой нашелся. На этот раз судьба, казалось, была благосклонна к Пьеру-Сервану-Мало.

Правда, упомянутое судно отправлялось не в этот же день, а через день. Это был простой торговый пароход «Викен». За хорошую цену капитан согласился доставить пассажиров в Берген. Предстояло ждать тридцать шесть часов. Дядюшка Антифер тем временем грыз свои «удила», пока не раздробил их между зубами. Он даже не позволил Жильдасу Трегомену и Жюэлю побродить по Эдинбургу. Это очень огорчило нашего Трегомена, хотя у него тоже появился вкус к миллионам паши.

Наконец утром 7 июля «Викен» покинул рейд, захватив Антифера и его спутников, из которых один свалился при первом же повороте руля—конечно, все догадываются, кто именно...

После двухдневного довольно легкого перехода на горизонте показались крутые норвежские берега, и уже в три часа пополудни пароход отдал якорь в порту Бергена.

Само собой разумеется, что перед отъездом из Эдинбурга Жюэль позаботился приобрести секстант, хронометр и «Таблицы исчисления времени» взамен книги и инструментов, потерянных во время кораблекрушения «Порталегри» в бухте Маюмба.

Конечно, если бы в Лите удалось зафрахтовать судно на Шпицберген, это дало бы значительный выигрыш во времени, но такого случая не представилось.

Впрочем, терпение дядюшки Антифера, перед глазами которого неотступно стояла тень Саука, не подверглось слишком тяжелому испытанию. Пакетбот, совершавший рейсы на Нордкап, должен был отойти не позже чем через день. Конечно, дядюшке Антиферу, так же как и банкиру Замбуко, эти новые тридцать шесть часов ожидания показались ужасно долгими! Ни тот, ни другой не захотели покинуть своего номера в гостинице «Скандинавия». К тому же лил дождь, а дождь здесь бывает, кажется, ежедневно. Берген лежит на дне широкой котловины,

окруженной горами,— не мудрено, что над ним всегда собираются тучи.

Однако дождь не помешал Трегомену и Жюэлю использовать свободное время для прогулок по городу. Дядюшка Антифер, окончательно излечившийся от своей лихорадки, не удерживал их возле себя. Да и к чему? Проклинать негодяя Саука, перебежавшего им дорогу, сонаследники могли и вдвоем.

Согласитесь, что, если вам не удалось познакомиться с великолепием Эдинбурга, вы никак не компенсируете себя прогулкой по улицам Бергена, хоть он был одним из значительных городов Ганзейского союза¹. Этот город представляет не больший интерес, чем любой, пусть даже и очень большой, рыбный рынок. Правда, Жильдасу Трегомену никогда еще не приходилось видеть столько бочек сельди, такой массы трески, выловленной у Лофотенских островов, такой груды лососины, которую потребляют в Норвегии в огромном количестве. При этом какой характерный запах не только вблизи набережной, у стен которой стоят на причале сотни рыбацких шлюпок, не только рядом с высокими домами на близлежащих улицах, где под белыми навесами происходит внушающая отвращение обработка рыбы, но и в богатых антикварных лавках, ведущих торговлю старинными коврами, шкурами белых и черных медведей, даже внутри музея, даже в виллах, разбросанных вдоль обоих рукавов фиорда, отделенного узкой косой от большого пресного озера с живописными деревенскими домиками на берегу!

Одним словом, Жильдас Трегомен и Жюэль успели вдоволь набегаться по городу и его окрестностям, когда наконец 11 июля «Викен» взял на борт туристов, желавших полюбоваться полночным солнцем на горизонте Нордкапа.

Вот прекрасное явление природы, к которому с полным равнодушием отнеслись дядюшка Антифер и банкир Замбуко, не говоря уж о Бен-Омаре. Несчастный нотариус распластался на своей койке наподобие выпотрошенной трески.

¹ Ганзейский союз — в XIII—XVII веках объединение купцов северогерманских городов для защиты интересов торговой буржуазии. Ганзейский союз контролировал значительную часть торговых оборотов не только в Германии, но и в других странах Западной Европы. Отделения Ганзейского союза имелись и в Норвегии, в частности в Бергене.

Какой восхитительный переход совершили наши путешественники вдоль норвежских берегов, изрезанных глубокими фиордами, покрытых сверкающими ледниками, которые сползают иногда до самого моря, мимо величественных гор, чьи вершины теряются в дымке северных туманов!

Больше всего злили дядюшку Антифера частые остановки пакетбота в местах, рекомендованных путеводителем для удовлетворения любопытства туристов. Мысль, что Саук опередил его на несколько дней, приводила Антифера в страшное раздражение, невыносимое для всех окружающих. Замечания Жильдаса Трегомена и Жюэля он оставлял без всякого внимания; усмирила его только угроза капитана высадить его в первом порту, если он не прекратит своих резких попреков из-за каждой стоянки и не перестанет нарушать покой пассажиров.

А потому он вынужден был принять как неизбежное и остановку в Тронхейме, старинном городе Святого Олафа¹, менее значительном, чем Берген, но, может быть, более интересном.

Никого не удивило, что оба сонаследника отказались сойти на берег. Но Жильдас Трегомен и Жюэль не пропустили возможности познакомиться с новым городом.

Если вид Тронхейма, в общем, приятен глазу туристов, то ноги их сильно страдают от острых, как бутылочное стекло, камней, которыми вымощены улицы города.

— Сапожники должны быстро богатеть в этой стране,— резонно заметил Трегомен, тщетно стараясь уберечь свои подметки от грозной опасности.

Оба друга почувствовали себя на ровном месте только под сводами кафедрального собора, в котором шведские короли после коронавания в Стокгольме принимают норвежскую корону². Жюэль заметил, что хотя этот памятник романо-готической архитектуры и нуждается в серьезном ремонте, но это несколько не умаляет его исторической ценности.

Добросовестно осмотрев собор, затем обширное клад-

¹ Олаф Святой, при жизни прозванный Толстым (XI век),— норвежский король; преследовал язычество, насильственно насаждая христианскую веру. После смерти был назван Святым. Погребен в Тронхейме.

² Норвегия до 1905 года находилась в зависимости от Швеции.

бище вокруг его стен, Трегомен и Жюэль прошлись по берегам широкого Нида, воды которого то прибывают, то убывают, в зависимости от прилива и отлива, и, орошая город, проходят между длинными деревянными эстакадами, заменяющими набережные. Вдоволь надышавшись едкими солеными испарениями рыбного рынка, впрочем не уступающего бергенскому, побродив по зеленым рядам (овощи доставляются сюда преимущественно из Англии), наконец, добравшись до предместья на другом берегу Нида, где возвышается старинная крепость, они вернулись на пароход в полном изнеможении. В тот же вечер было сдано на почту письмо в Сен-Мало, адресованное Эногат, с милой припиской Трегомена, сделанной крупным, размашистым почерком его огромной ручки.

На следующий день, на рассвете, «Викен», захватив несколько новых пассажиров, снялся с якоря и направил свой путь к высоким широтам. Бесконечные стоянки и заходы в промежуточные порты доводили дядюшку Антифера до иступления. При пересечении Полярного круга он, вопреки морскому обычаю, отказался перепрыгнуть через веревку, протянутую на палубе (символическое изображение Полярного круга!), между тем как Жильдас Трегомен с готовностью принес себя в жертву этому традиционному обряду. Поднимаясь к северу, пароход отклонился от знаменитого Мальстрима¹, ревущие воды которого кипели в гигантском водовороте. Наконец на западе показались Лофотенские острова — архипелаг, часто посещаемый норвежскими рыбаками, и 17 июля «Викен» бросил якорь в порту Тромсё.

Сказать, что во время этого перехода дождь шел из двадцати четырех часов — шестнадцать, будет справедливо только в количественном отношении. Слова «идет дождь» недостаточно выразительны, чтобы дать представление о таком потопе. Тем не менее нашим пассажирам нравилась дождливая погода. Ведь она доказывала, что температура держалась довольно высокая. А люди, стремящиеся к семьдесят седьмой параллели, больше всего должны бояться арктических холодов, которые могут сильно затруднить и даже сделать невозможным прибли-

¹ Мальстрим — чрезвычайно опасный для судоходства водоворот в районе Лофотенских островов. В переводе значит: «Дурное течение». Описание Мальстрима можно найти в романе Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой».

жение к Шпицбергену. В это время года, то есть в июле, уже поздно начинать плавание в высокие широты. От внезапной перемены ветра море может быстро замерзнуть. И, если только дядюшка Антифер задержится в Гаммерфесте до того момента, когда двинутся к югу первые ледяные глыбы, вряд ли будет благоразумно идти им навстречу на рыбацьем судне.

Это и заставляло тревожиться молодого капитана.

— А если море сразу замерзнет? — спросил его однажды Жильдас Трегомен.

— Если море замерзнет, дядюшка Антифер перезимует на Нордкапе в ожидании весны!

— Но, мой мальчик, нельзя же бросить миллионы! — возразил Трегомен.

Да, и он не устоял, этот бывший лодочник с берегов Ранса! Что поделаешь! Алмазы, найденные в бухте Мажумба, не выходили у него из головы!

И все же не очень приятна перспектива — испытать на себе палящий зной Лоанго, коченеть от стужи в ледниках северной Норвегии. Чтоб черти взяли этого окаянного пашу!.. Зачем ему вздумалось прятать свои сокровища в таких невозможных местах?

В Тромсё «Викен» остановился лишь на несколько часов; здесь пассажиры впервые увидели лапландцев¹. Утром 21 июля пароход вошел в узкий фиорд Гаммерфеста.

И тут наконец высадились наши пассажиры — дядюшка Антифер и банкир Замбуко, Жильдас Трегомен и Жюэль, а также Бен-Омар, больше всего напоминавший теперь сушеную рыбу. На следующий день «Викен» повезет туристов к Нордкапу, крайнему мысу северной Норвегии. Но Пьер-Серван-Мало меньше всего интересовался Нордкапом. Разве может этот обыкновенный валун, каким бы его ни считали знаменитым, соперничать с островом помер три, лежащим в шпицбергенских водах!

В Гаммерфесте оказалась гостиница «Норд-Полен Отель», где и остановился малунец со своей свитой.

И вот они в городе, который находится на границе обитаемых стран. Около двух тысяч жителей ютятся в деревянных домиках: десятка три католиков, остальные — протестанты. Норвежцы — красивый народ, особенно моряки и рыбаки, но, к несчастью, они склонны к

¹ Имеются в виду саами (чопари).

пьянству. Что же до лапландцев, коренного населения здешних мест, то они небольшого роста, очень трудолюбивы и предприимчивы.

Устроившись в гостинице и решив не терять ни одного часа, дядюшка Антифер и его спутники отправились в порт на поиски судна, которое доставило бы их на Шпицберген.

Гавань, с вливающимися в нее чистыми водами прекрасной реки, перегороженная эстакадами, на которых возвышаются дома и магазины, вся пропахла запахом соседних сушилен.

Гаммерфест — по преимуществу город рыбы и всех добываемых рыбной ловлей продуктов. Рыбу едят собаки, рыбу ест рогатый скот, рыбу едят бараны и козы, и сотни судов, работающих в этих удивительных краях, вывозят гораздо больше того, что в действительности съедается.

В общем, очень своеобразный город этот Гаммерфест, с его вечными дождями, долгими светлыми летними днями, долгими темными зимними ночами, — город, где часто можно любоваться неповторимым по своему великолепию северным сиянием.

При входе в гавань дядюшка Антифер и его спутники остановились у подножия гранитной колонны с бронзовой капителью¹, увенчанной гербом Норвегии и изображением глобуса. Эта колонна воздвигнута в царствование Оскара I² в память о проделанных работах по измерению дуги меридиана между устьем Дуная и Гаммерфестом. Отсюда наши путешественники направились к эстакадам, где ошвартовываются суда всевозможной оснастки и водоизмещения, занимающиеся как большой, так и мелкой рыбной ловлей в водах полярных морей.

Но, спросит читатель, на каком языке хотели объясняться наши французы? Разве кто-нибудь из них знал норвежский? Нет, но Жюэль знал английский, а так как этот язык понятен всем морякам, то была надежда пустить его в ход и в скандинавских странах.

И действительно, день еще не кончился, как они зафрахтовали, — разумеется, за очень дорогую цену, но кто на это обращал внимание! — рыбацье судно «Кроон» в сто

¹ Капитель — верхняя часть колонны.

² Оскар I (1797—1859) — король Швеции и Норвегии.

тонн водоизмещением, под начальством капитана Олафа, с экипажем из одиннадцати человек. Судно это должно было переправить пассажиров на Шпицберген, подождать их там, пока они будут производить свои розыски, взять их потом на борт вместе с грузом и вернуться обратно в Гаммерфест.

Дядюшка Антифер не мог нарадоваться такому счастливому стечению обстоятельств. Ему казалось, что теперь у него все козыри в руках. Жюэль между тем навел справки, не видели ли за последние дни в Гаммерфесте какого-нибудь иностранца и не отправлялся ли кто-нибудь на Шпицберген. На оба вопроса ответили отрицательно. Итак, было маловероятно, чтобы Саук — ах, этот негодяй Омар — сумел опередить сонаследников Камильк-паши, если только он не отправился на Шпицберген другим путем... Но вряд ли это могло случиться — ведь недаром Антифер выбрал самый прямой и краткий путь!

Остаток дня прошел в прогулках. Дядюшка Антифер и банкир Замбуко были убеждены, что на этот раз они достигнут цели.

Когда, около одиннадцати вечера, легли спать, было еще светло как днем; а наступившие сумерки быстро сменились лучами утренней зари.

В восемь часов утра «Кроон», подгоняемый легким юго-восточным ветром, вышел под парусами из гавани и взял курс на север.

При хорошей погоде потребовалось бы не более пяти дней, чтобы преодолеть эти шестьсот миль. Нечего было опасаться ни столкновения с несущимися на юг льдинами, ни возможности образования вокруг Шпицбергена ледяных полей. Температура держалась умеренная, и при господствующих ветрах было почти невероятным внезапное замерзание моря. Небо, затянутое не снежными, а дождевыми облаками, тоже не предвещало ничего тревожного. Иногда в просветы между тучами прорывались яркие солнечные лучи, и Жюэль мог надеяться, что в нужную минуту появится лучезарный диск и с секстантом у глаза удастся взять высоту солнца и определить положение третьего острова.

Решительно начиналась полоса везения, и ничто не заставляло думать, что Камильк-паша, приведя своих наследников на крайнюю точку Европы, вздумает отослать

их в четвертый раз на несколько тысяч миль от Шпицбергена.

«Кроон», надув паруса, быстро подвигался вперед; капитан Олаф уверял, что никогда ему не приходилось совершать такого легкого перехода. И вот около четырёх часов утра 26 июля на северном горизонте совершенно свободного от льда моря показались какие-то возвышенности.

Это были первые подступы к Шпицбергену, хорошо известные Олафу, часто занимавшемуся рыболовством в здешних водах.

Еще каких-нибудь двадцать лет назад этот уголок земного шара почти не посещался туристами, а теперь мало-помалу он начал завоевывать их внимание. Несомненно, уже не за горами время, когда будут выдавать обратные пассажирские билеты на посещение этой части норвежских владений, как выдают сейчас билеты на мыс Нордкап, а в дальнейшем можно будет проехаться тем же порядком и на Северный полюс.

Известно, что Шпицберген представляет собой архипелаг, доходящий до восьмидесятой параллели. Он состоит из трех островов: Западного Шпицбергена, острова Эдж и Северо-Восточной Земли. Какой части света принадлежит этот архипелаг—Европе или Америке? Вопрос чисто научного характера, который мы не беремся решить. Можно только с уверенностью сказать, что китобойным промыслом и охотой на ластоногих большей частью занимаются в этих водах англичане, датчане и русские. Впрочем, наследникам Камилек-паши было безразлично, какая нация имеет больше прав претендовать на этот архипелаг; им важно было только, чтобы он отдал миллионы, которые они заслужили своим мужеством и упорством.

Шпицберген в переводе значит «Остроконечные горы». Само название говорит о том, что это горы крутые и труднодоступные. Хотя архипелаг был открыт в 1553 году англичанином Уиллоуби¹, но удержавшееся за ним название присвоили ему голландцы Баренц и Корне-

¹ Уиллоуби Хью — английский мореплаватель; возглавил в 1553 году экспедицию из трех кораблей, отправившуюся на поиски Северо-Восточного морского пути; был затерт льдами и погиб вместе с экипажем. Слутник Уиллоуби, капитан Ченслер, достиг Архангельска и заключил с Иваном Грозным торговый договор.

лисон¹. Кроме трех главных островов, в этот архипелаг входят и окружающие их многочисленные мелкие островки.

Найдя на карте точку пересечения 15°11' восточной долготы и 77°19' северной широты, Жюэль приказал капитану Олафу держать на южную оконечность Западного Шпицбергена.

«Кроон» быстро продвигался вперед. Ветер был попутный, что позволило судну нестись на всех парусах. Четыре или пять миль, отделявших его от земли, «Кроон» прошел меньше чем за час и стал на якорь в двух кабельтовых от крутого утеса на южной оконечности островка, примыкающего к Западному Шпицбергену.

Было четверть первого. Дядюшка Антифер, Замбуко, Бен-Омар, Жильдас Трегомен и Жюэль сели в шлюпку, спущенную с «Кроона», и направились к мысу.

При их появлении поднялись с оглушительными криками громадные стаи чаек, кайр и других полярных птиц.

Обратились в бегство целые стада тюленей, торопясь уступить место этим пришельцам и все же протестуя жалобными криками, похожими на плач младенца.

Ничего не скажешь, сокровища бережно охранялись!

Очутившись на выбранном Камилък-пашой островке, дядюшка Антифер за неимением пушки и флага сильным ударом ноги о землю возвестил о своем вступлении во владение этой набитой миллионами территорией.

Какая невероятная удача после стольких разочарований! Даже не пришлось блуждать среди несметного множества скалистых островков!

Кладоискатели сразу же высадились на той точке земного шара, где богатый египтянин зарыл свои богатства!

Само собой разумеется, островок был необитаем. Ни одного человеческого существа... Ни одного эскимоса, которые превосходно приспособились к жизни в этих полярных странах... Ни одного корабля в поле видимости... Ничего, кроме необъятных просторов арктического моря!

¹ Баренц Виллем (1550—1597) — голландский мореплаватель. В поисках Северо-Восточного прохода достиг Новой Земли, где зазимовал вместе со своим экипажем; погиб на обратном пути. Спутник Баренца, Корнелисон Рейп, командовавший другим кораблем, повернул обратно в районе Шпицбергена. Плававшая Уиллоуби и Баренца Жюль Верн подробно описывает в книге «Открытие Земли».

Дядюшка Антифер и банкир Замбуко не могли справиться с охватившим их волнением. Даже в потухших, как у разварного судака, глазах Бен-Омара зажегся огонек. Даже Жильдас Трегомен изменился в лице и выказывал признаки нетерпения. В конце концов, почему бы ему не порадоваться счастьем своего друга?..

Радость наследников увеличивалась еще и оттого, что на острове не видно было никаких человеческих следов. Если бы здесь кто-нибудь недавно высаживался, земля, размягченная дождями, прекрасно сохранила бы эти следы. Итак, можно было не сомневаться: этому негодяю Сауку не удалось опередить законных наследников! Либо он был арестован в пути, либо его что-то задержало. Так или иначе, если он и появится здесь после дядюшки Антифера, его постигнет горькое разочарование.

Во втором документе указывалось, что поиски надо вести на южной оконечности острова. Поэтому наши путешественники направились к группе скал, которые дальше других вдавались в море. Эти четко выделявшиеся выступы не были покрыты ни мхом, ни снегом, что в значительной мере облегчало поиски.

Если уж фортуна взяла вас за руку, нужно только послушно следовать за ней... Именно этим можно объяснить, что она сразу же привела Пьера-Сервана-Мало к скале, похожей на памятный столб, которые оставляют на своем пути арктические мореплаватели.

— Здесь! Здесь! — кричал он, задыхаясь от волнения. Все сбежались и стали смотреть.

На наружной стороне отвесной скалы видна была монограмма Камильк-паши, его двойное «К», так глубоко врезанное в камень, что даже вредоносный полярный климат не изгладил этих букв.

Все замерли в молчании, и все пятеро — нужно в этом сознаться — обнажили головы, словно стояли перед могилой героя.

Да и в самом деле, пусть это была простая яма, но ведь в ней покоились сто миллионов. Впрочем, не будем настаивать на этом — во имя чести человеческого рода!

Дело быстро пошло на лад. От сильных ударов заступа и кирки осколки так и сыпались по сторонам. При каждом ударе казалось, что железо вот-вот натолкнется на металлические обручи или разобьет деревянные днища бочонков...

На отвесной скале видна была монограмма Камильк-паши.

Действительно, острие кирки, которой работал дядюшка Антифер, вскоре наткнулось на какое-то препятствие.

— Наконец-то! — заорал он, вытащив из ямы последний камень, закрывавший доступ к сокровищам.

Но за этим радостным возгласом последовал безумный вопль — его можно было услышать за километр.

Это главный герой нашего рассказа закричал так отчаянно, бросив на землю свою кирку.

В яме была только шкатулка, металлическая шкатулка с монограммой Камильк-лаши, точно такая же, как и две другие, найденные в Оманском заливе и в бухте Мажумба!

— Опять! — простонал Трегомен, воздевая руки к небу.

Это слово как нельзя лучше определяло ситуацию. Да! Опять! Опять им придется ехать на поиски... теперь уже четвертого острова...

Дядюшка Антифер в припадке бешенства поднял кирку и с такой силой хватил ею по шкатулке, что она разбилась...

Оттуда выскользнул пергамент, пожелтевший, запятнанный, в очень дурном состоянии, — видимо, внутрь шкатулки проникали дождь и снег.

На этот раз в шкатулке не оказалось бриллианта для преподобного Тиркомеля, у которого, впрочем, не было расходов, не то что у его сонаследников! Но это и к лучшему: бриллиант — такому фанатику! Да он бы его обратил в пар!

Но вернемся к пергаменту. Жюэль, единственный, кто сохранил самообладание, поднял его и бережно развернул, боясь, чтобы ветхая бумага не разорвалась.

Дядюшка Антифер, грозя небу кулаком, Замбуко, попуриив голову, Бен-Омар, согнувшись под бременем горя, Жильдас Трегомен, весь обратясь в зрение и слух, хранили глубокое молчание.

Текст уместился на одном листе пергамента, верхняя половина которого не была тронута сыростью. Несколько строк, написанных, как и в прежних документах, по-французски, сохранились довольно хорошо.

Жюэль прочел их, почти не запинаясь:

— «Три человека оказали мне большую услугу, и я хочу засвидетельствовать им мою признательность. Если

я поместил три документа на трех разных островах, то сделал это с той целью, чтобы эти три человека за время совместного путешествия поближе познакомились друг с другом и соединились нерасторжимыми узлами дружбы...»

(Да, да, ему это вполне удалось... он просто великолепен, этот паша!)

— «Впрочем, если им суждено испытать некоторые лишения и трудности, прежде чем они вступят во владение этим богатством, их испытания все же не могут сравниться с теми, которым подвергался я, стараясь сохранить для них сокровища!

Эти три человека: француз Антифер, мальтиец Замбуко, шотландец Тиркомель. В случае их смерти наследники их будут пользоваться теми же правами на мое наследство. Итак, открыв эту шкатулку и ознакомившись с содержанием этого последнего документа в присутствии нотариуса Бен-Омара, которого я назначаю своим душеприказчиком, сонаследники могут теперь отправиться на четвертый островок, где мною лично зарыты три бочонка с золотом, алмазами и драгоценными камнями».

Несмотря на огорчение, которое всем им принесла мысль о неизбежности нового путешествия, и дядюшка Антифер и его спутники вздохнули с облегчением. Ведь этот четвертый островок будет последним! Оставалось только узнать его географическое положение.

— «Чтобы найти этот островок,— продолжал Жюэль,— достаточно провести...»

К несчастью, нижняя часть пергамента была совершенно испорчена. Фразы были неразборчивы... Многих слов не доставало...

Молодой капитан тщетно старался их разобрать:

— «Островок... расположен... закон... геометрический...»

— Ну же... читай! — вскричал дядюшка Антифер.

Но Жюэль не мог продолжать чтение. На нижней половине пергамента сохранились лишь отдельные слова, которые он тщетно пытался связать. Что же касается цифр широты и долготы, то от них и вовсе не осталось следа...

И Жюэль повторял начало фразы:

— Расположен... закон... геометрический...

Наконец ему удалось разобрать последнее слово — «полюс»...

— Полюс?..— воскликнул он.— Как!.. Он посылает нас на Северный полюс?..

— Хорошо еще, что не на Южный! — пробормотал обескураженный Трегомен.

Очевидно, это была мистификация! Они же предчувствовали, что этим дело кончится! Полюс! Не хватало еще только полюса! Да разве ступала на полюс человеческая нога?..

Дядюшка Антифер подскочил к своему племяннику, вырвал у него документ, попробовал, в свою очередь, прочесть его, но с трудом разобрал еще несколько полустертых слов.

Ничего... ничего, что дало бы возможность установить координаты четвертого островка... Не оставалось никакой надежды когда-нибудь его найти!

И, когда дядюшка Антифер убедился, что игра окончательно проиграна, он упал, словно сраженный молнией.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой рассказывается, как Эногат провела пальчиком
на глобусе окружность и каковы были последствия
этого невинного развлечения*

12 августа в Сен-Мало, в доме на улице От-Салль, царило торжество. Около десяти часов утра из дому вышли жених и невеста в свадебных нарядах, в сопровождении многочисленных друзей и знакомых.

Сперва свадебный кортеж направился в мэрию, где его встретили очень радушно, потом в церковь. В мэрии к новобрачным обратился с очаровательной речью помощник мэра, в церкви они выслушали утонченнейшую проповедь на одну из тех изящных тем, которых преподобный Тиркомель предпочитал вовсе не касаться. Затем все проводили до дому жениха и невесту, дважды превращенных в мужа и жену благодаря двум церемониям — гражданской и церковной.

А чтобы у читателя не осталось сомнений — вы, конечно, помните, какие невероятные трудности предшествовали свадебной церемонии! — скажем прямо, что супругами стали Эногат и Жюэль.

Итак, Жюэль не женился ни на принцессе, ни на герцогине, ни на баронессе! Эногат не вышла замуж ни за принца, ни за герцога, ни за барона! За несметным миллионом дядюшкина мечта не сбылась. Но есть основания думать, что молодые чувствовали себя от этого не менее счастливыми.

Не говоря уж о двух главных заинтересованных лицах, были еще два человека, чьи глаза светились неподдельной радостью: с одной стороны, Нанон, обеспечившая счастье своей дочери, с другой — Жильдас Трегомен, превосходный сюртук, нарядные брюки, шелковый цилиндр и белые перчатки которого уже сами по себе свидетельствовали, что он является шафером жениха.

Чудесно!.. А Пьер-Серван-Мало Антифера? Почему же мы о нем не говорим?

Поговорим и о нем и обо всех остальных, кто принимал участие в утомительных и несчастных поисках неуловимых сокровищ.

Уже через час после того, как на третьем острове был найден документ, вызвавший у всех чувство глубочайшего разочарования, пассажиры вернулись на борт «Кроона». Дядюшку Антифера несли на руках специально вытребованные по этому случаю матросы.

Не естественнее ли всего предположить, что рассудок дядюшки не вынес последней катастрофы? Трудно подумать иначе. И все же это несчастье миновало Антифера, хотя, быть может, самым лучшим исходом для него было бы навсегда покончить счеты с жизнью. Во всяком случае, он был так подавлен, так безмерно угнетен, что ни Трегомен, ни Жюэль не могли вытянуть из него ни слова.

Обратный путь был проделан с наивозможной скоростью — морем и сушей. «Кроон» доставил своих пассажиров в Гаммерфест, потом пакетбот, возвращавшийся с Нордкапа, высадил их в Бергене. Железная дорога между Тронхеймом и Христианией¹ тогда еще не функционировала, поэтому в столицу Норвегии им пришлось поехать в экипаже. Затем пароход довез их до Копенгагена, и, наконец, железные дороги Дании, Германии, Голландии, Бельгии и Франции, помогли им попасть сначала в Париж, а оттуда в Сен-Мало.

¹ Христиания — прежнее название столицы Норвегии Осло.

Именно в Париже и расстались дядюшка Антифер и банкир Замбуко, весьма недовольные друг другом. Мадемуазель Талисма Замбуко, по-видимому, навсегда останется старой девой. Нет, не суждено было Пьеру-Сервану-Мало извлечь ее из этого тягостного положения, с которым она боролась столько лет! Нечего и говорить, что все путевые расходы, приходившиеся на долю дядюшки Антифера, были полностью возмещены банкиру Замбуко, который финансировал последнее путешествие, и это составило кругленькую сумму! Однако продажа бриллианта дала возможность Антиферу не только расплатиться с бывшим сонаследником, но и положить еще в карман довольно солидную сумму. Так что в этом отношении ему нечего было жаловаться.

Что касается Бен-Омара, то он мечтал только об одном — поскорее убраться восвояси.

— А теперь убирайтесь к черту! — сказал ему на прощанье дядюшка Антифер.

— И постарайтесь жить с ним в добром согласии! — прибавил в виде утешения Жильдас Трегомен.

И Бен-Омар кратчайшим путем помчался в Александрию, клянясь аллахом, что никто и никогда его больше не уговорит гоняться за сокровищами!

На следующий день дядюшка Антифер, Жильдас Трегомен и Жюэль были уже в Сен-Мало. Как их встретили соотечественники? Встретили довольно мило, хотя и нашлись злые языки, которые подняли на смех этих незадачливых кладоискателей, которые, подобно дурню Жану¹, с чем пошли, с тем и вернулись.

Но зато Нанон и Эногат всячески утешали своих близких: брата, дядю, кузена и друга. Встретились нежно, душили друг друга в объятиях... И дом на улице От-Салль снова зажил своей обычной жизнью.

Так как дядюшка Антифер не мог выделить ни племяннику, ни племяннице миллионного приданого, ему ничего не оставалось, как изъяснить согласие на их брак, выраженное, правда, в такой изысканной форме:

— Ради бога, делайте что хотите, только оставьте меня в покое!

Пришлось удовольствоваться и этим. Занялись приготовлениями к свадьбе. Дядюшка Антифер не прини-

¹ Ж а н — персонаж французских народных сказок, неудачник, который все делает невпопад.

мал в них никакого участия. Не выпуская изо рта чубука, весь во власти своих мрачных дум и глухого гнева, который мог прорваться каждую минуту по любому поводу, он почти не выходил из комнаты.

Его невозможно было уговорить присутствовать на свадебной церемонии. Не подействовали на него и мольбы Жильдаса Трегомена, осмелившегося даже сказать:

— Ты неправ, старина!

— Ну и пусть!

— Ты мучаешь детей... Я прошу тебя...

— А я прошу тебя оставить меня в покое, лодочник!

Наконец Эногат и Жюэль стали мужем и женой и поселились теперь в одной из комнат в доме на улице От-Салль. Они покидали ее только затем, чтобы провести вместе с Нанон несколько приятных часов в гостях у лучшего из людей — их общего друга Трегомена.

Больше всего говорили, конечно, о дядюшке Антифере, который доставлял им столько огорчений своей раздражительностью и унынием. Он перестал выходить из дому, ни с кем не встречался. Прекратились его ежедневные прогулки по крепостному валу или по набережной с неизменной трубкой в зубах. Поговаривали, что после такого громкого поражения ему стыдно показываться на людях, и, в сущности, так оно и было.

— Я боюсь, что его здоровье ухудшается,— говорила Эногат, и ее прекрасные глаза становились печальными, когда она заводила речь о дядюшке.

— Я тоже этого боюсь, девочка,— отвечала Нанон,— и каждый день молю бога, чтобы он вернул Пьеру душевное спокойствие!

— Этот проклятый паша! — воскликнул Жюэль.— Нужно было ему влезть в нашу жизнь со своими миллионами!..

— Да еще с миллионами, которых мы не нашли! — ответил Жильдас Трегомен.— И все же... ведь они есть... они где-то там... Если б можно было дочитать последний документ до конца!..

Однажды он сказал Жюэлю:

— Знаешь ли, о чем я думаю, мой мальчик?

— О чем, господин Трегомен?

— Пожалуй, твой дядя был бы не так расстроен, если бы знал, где зарыты сокровища, хотя бы и не мог их никогда достать.

— Может быть, вы и правы, господин Трегомен. Дядюшку доводит до бешенства одно только сознание, что у него на руках документ с координатами четвертого острова, а прочесть его до конца невозможно.

— Да, на этот раз все было бы кончено! — ответил Трегомен. — В документе об этом ясно сказано...

— Дядя с ним не расстанется, вечно держит его перед глазами, только и делает, что читает и пересчитывает его...

— Пустая трата времени, мой мальчик, и, к несчастью, это отражается на нас. Сокровища Камилек-паши никогда не будут найдены, никогда!

По-видимому, Трегомен был прав.

Кстати сказать, через несколько дней после свадьбы стало известно, что произошло с подлым Сауком... Этому негодяю не удалось побывать на Шпицбергене раньше дядюшки Антифера и его спутников, так как он был схвачен в Глазго в ту самую минуту, когда садился на судно, направлявшееся в арктические воды. Читатель помнит, сколько шуму наделало преступное нападение на преподобного Тиркомеля, едва не стоившее ему жизни, и при каких обстоятельствах была обнаружена на плече проповедника татуировка с цифрами знаменитой широты. Не мудрено, что вся эдинбургская полиция была поставлена на ноги и сделала все возможное для поимки бандита, точные приметы которого сообщил преподобный Тиркомель.

Совершив покушение, Саук, даже не заходя в «Королевский отель», бросился в поезд на Глазго. Там он рассчитывал поймать корабль, идущий в Берген или Тронхейм. Вместо того чтобы отправиться с восточного берега Шотландии, как это сделал дядюшка Антифер, он хотел двинуться в путь с западной стороны. Расстояние было почти одинаково, и он надеялся достичь цели раньше законных наследников Камилек-паши.

Но, на его беду, в Глазго ему пришлось дожидаться целую неделю попутного парохода, и, к счастью для человеческого правосудия, он был опознан в ту минуту, когда садился на судно. Его тотчас же арестовали и приговорили к нескольким годам тюрьмы, так что ему даже и не пришлось тратить на путешествие. Впрочем, поездка на Шпицберген в любом случае не принесла бы ему никакой выгоды.

Весь этот комплекс событий, от первых исследований в Оманском заливе до последних поисков в Северном Ледовитом океане, приводил к простому заключению: сокровища до окончания века будут покоиться на неизвестном островке, которому Камильк-паша так опрометчиво решил их доверить. Был, правда, один человек, который не только не пожалел бы об этом, но даже поблагодарил бы небо, радуясь такому стечению обстоятельств. Мы говорим о преподобном Тиркомеле. Сколько миллионов грехов прибавилось бы на этом свете, считая по франку на каждое прегрешение, если бы богатства паши стали достоянием малодушного человечества!

Дни проходили за днями. Жюэль и Эногат наслаждались бы полным счастьем, если бы их не тревожило плачевное состояние дядюшки. Кроме того, молодой капитан не мог без грусти думать о приближении часа разлуки с любимой женой, семьей и друзьями. Постройка трехмачтового судна для торгового дома «Байнф и К°» быстро подвигалась вперед, а читатель знает, что место помощника капитана на этом корабле было оставлено за Жюэлем. Прекрасная карьера в его возрасте! Еще каких-нибудь шесть месяцев — и он отправится в Индию.

Жюэль часто говорил об этом с Эногат. Молодая женщина чувствовала себя несчастной, сознавая, что ей придется скоро расстаться с мужем. Но таков уж удел жены моряка, а в семьях моряков и не бывает иначе! Эногат не хотела выдавать подлинную причину своего горя и уверяла, что ее мучает мысль о дядюшке Антифере... Жюэлю трудно покинуть дядюшку в таком состоянии... Кто знает, застанет ли он его в живых?

Между тем Жюэль постоянно возвращался мыслью к не прочитанному до конца документу, к последним неразборчивым строкам пергамента. Да! Эти строки безусловно были началом какой-то фразы, и она не давала ему покоя...

Фраза начиналась так: «Достаточно провести...»

Провести... Что провести?

Затем слова: «островок... расположен... закон... геометрический... полюс...»

О каком геометрическом законе могла идти речь?.. Не было ли какой-то определенной связи между островка-

ми? Разве паша выбирал их с особым умыслом, а не по воле случая? Неужели не только чистая фантазия увлекала его последовательно то в Оманский залив, то в бухту Маюмба, то на Шпицберген? А что, если богатый египтянин, обладавший, как известно, математическим складом ума, поставил перед ними какую-то задачу для разрешения?

И можно ли предположить, что под словом «полюс» он имел в виду географический полюс земли? Нет, сто раз нет!.. Но что же тогда он хотел сказать?

Как Жюэль ни бился над решением этой загадки, все было напрасно.

«Полюс... полюс... вот где тантся разгадка...» — повторял он про себя.

Он часто заговаривал об этом с Трегоменом, который весьма одобрительно относился к попыткам решить китайскую головоломку, поскольку у него теперь не было ни малейших сомнений в существовании миллионов.

— Однако, мой мальчик, — говорил он, — не стоит терять здоровье из-за этого ребуса...

— Ах, господин Трегомен, ведь я не для себя стараюсь. Вы же знаете мое отношение к этим сокровищам, для меня они ничто! Я делаю это для дяди...

— Да, для твоего дяди, Жюэль! Я понимаю, как ему тяжело... держать в руках... видеть... этот документ... и не быть в состоянии. Ну и как, ты еще не напал на след?

— Нет, господин Трегомен. Но там есть слово «геометрический», и, конечно, в документе не зря говорится о существовании какой-то геометрической связи... И потом: «достаточно провести...» Что провести?

— Вот именно... что?.. — повторял Трегомен.

— А особенно это слово «полюс» — я никак не могу понять, в каком смысле оно тут употребляется.

— Как жаль, мой мальчик, что я ничего в этом не понимаю!.. А то бы я направил тебя на верный путь!

Прошло два месяца. Угнетенное состояние дядюшки Антифера несколько не изменилось, не подвинулось ни на шаг и решение задачи.

Однажды, 15 октября Эногат и Жюэль в ожидании завтрака сидели в своей комнате. Было уже прохладно; в камине пылал яркий огонь.

Держась за руки, они молча смотрели друг на друга.

Чувствуя, что Жюэль чем-то озабочен, молодая женщина решила отвлечь его от дум.

— Жюэль,— сказала она,— я часто получала твои письма и без конца их перечитывала... Сколько мучений нам доставило это злополучное путешествие!.. Я бережно храню все твои письма.

— Они напоминают об очень грустных днях, моя дорогая.

— Да... И все же я всегда буду их хранить!.. Но в них мало подробностей о вашем путешествии, а мне бы так хотелось побольше обо всем узнать! Расскажи мне, пожалуйста, Жюэль, расскажи сегодня же, как все происходило!

— К чему?

— Это доставит мне удовольствие! Мне будет казаться, что я вместе с тобой на пароходе, на железной дороге, в караване!..

— Милочка, для этого нужна карта. Тогда я смогу показать тебе наш маршрут шаг за шагом.

— Постой! Вот глобус. Разве этого не достаточно?..

— Вполне достаточно.

Эногат сняла со стола Жюэля глобус на металлической ножке и поставила его на стол перед камином.

Жюэль, видя, какое это доставляет удовольствие Эногат, сел подле нее и, найдя на глобусе Сен-Мало, сказал:

— Итак, в дорогу!

Их склоненные головы касались друг друга, и нет ничего удивительного, если, следя за маршрутом, молодые люди иногда обменивались поцелуем.

Жюэль одним махом перескочил из Франции в Египет и задержался в Суэце, где дядюшка Антифер оставался со своими спутниками. Потом он провел пальцем вдоль Красного моря, по Аравийскому морю, вошел в Оманский залив и остановился в Маскате.

— Итак, здесь Маскат,— сказала Эногат,— и первый островок находится где-то поблизости?

— Да. Чуть подальше от берега, в заливе.

Потом, повернув глобус, Жюэль дошел до Туниса, где дядюшка Антифер встретился с банкиром Замбуко, прошел по Средиземному морю, остановился в Дакаре, пересек экватор, спустился по африканскому берегу и достиг бухты Маюмба.

— Здесь второй островок? — спросила Эногат.

— Да, дорогая.

Отсюда нужно было подняться вдоль Африки, пересечь Европу, остановиться в Эдинбурге, где произошла встреча с преподобным Тиркомелем. Потом молодые супруги направились к северу, и наконец пальцы их опустились на пустынные скалы Шпицбергена.

— Мы нашли третий островок? — спросила Эногат.

— Да, дорогая, третий островок, где нас ожидала самая большая неудача... И вообще все это оказалось глупейшей авантюрой!

Эногат молча смотрела на глобус...

— Но почему Камильк-паша выбрал именно эти три островка... один за другим? — спросила она.

— Вот чего мы не знаем и, конечно, не узнаем никогда!

— Никогда?

— И, тем не менее, эти три островка должны быть связаны между собой каким-то геометрическим соотношением. Это ясно из последнего документа... И, кроме того, там есть еще слово «полюс», которое не дает мне покоя...

Отвечая как бы самому себе на вопросы, которые не выходили у него из головы, Жюэль опять задумался... Казалось, в эту минуту он собрал всю силу своего ума, чтобы решить наконец труднейшую задачу.

Эногат между тем, придвинув к себе глобус, водила пальчиком по маршруту, показанному ей Жюэлем. Сначала ее указательный палец остановился на Маскате, потом, описав кривую, задержался в бухте Маямба, потом, еще раз описав кривую, поднялся к Шпицбергену и затем, сделав полный круг, вернулся к исходной точке.

— Послушай,— улыбаясь, сказала Эногат,— получается круг... Вы путешествовали по кругу.

— По кругу?

— Да, милый, по окружности.

— По окружности! — воскликнул Жюэль.

Он встал, сделал несколько шагов по комнате, повторяя это слово:

— Окружность... окружность!..

Потом он повернулся к столу, взял глобус и, в свою очередь описав пальцем круговую линию маршрута, вдруг закричал как одержимый.

Эногат в ужасе смотрела на него. Он сошел с ума!.. Он тоже... как и дядюшка!.. Она задрожала, слезы брызнули у нее из глаз.

А Жюэль опять закричал:

— Я нашел... я нашел!..

— Что?!

— Четвертый островок!

Да, и молодой капитан, как видно, сошел с ума... Четвертый островок?.. Это невероятно!

— Господин Трегомен... господин Трегомен! — крикнул Жюэль своему соседу, открыв окно...

Потом он повернулся к глобусу, как бы задавая ему какой-то вопрос. Можно было подумать, что он разговаривает с этим картонным шаром.

Через минуту Жильдас Трегомен был уже в комнате, и молодой капитан бросился ему на шею:

— Я нашел!

— Что ты нашел, мой мальчик?

— Я нашел геометрическое соотношение, я понял, как связаны между собой три островка, и знаю, где должен находиться четвертый!..

— Что ты говоришь?! — воскликнул Жильдас Трегомен.

Жюэль казался таким растерянным, у него был такой блуждающий взгляд, что Трегомен невольно подумал так же, как и Эногат, — уж не помешался ли молодой капитан?..

— Нет, нет, — сказал Жюэль, почувствовав смущение Трегомена, — нет, я в своем уме! Слушайте!..

— Я слушаю!

— Наши три островка расположены по линии окружности. Так вот, допустим, что они находятся на одной плоскости; соединим их попарно прямой линией — линией, которую «достаточно провести», как сказано в документе, — и проведем перпендикуляр к центру от каждой из этих двух линий... Эти два перпендикуляра встретятся в центре круга и на этой центральной точке, на этом «полюсе», так как речь идет о сферическом отрезке шара, непременно должен находиться четвертый островок!

Простейшая геометрическая задача, как видит читатель, которую Камиль-паша, по соглашению с капитаном Зо, применил на практике!.. И если это решение не пришло раньше в голову Жюэлю, то только потому, что

он не обратил внимания, что три островка занимают три точки на одной окружности.

И для решения задачи понадобился хорошенький маленький пальчик Эногат, случайно описавший эту трижды благословенную окружность...

— Невозможно! — повторил Жильдас Трегомен.

— И тем не менее это так, господин Трегомен! Посмотрите сами и вы убедитесь!

Поставив глобус перед Трегоменом, Жюэль провел окружность, по которой расположены были три островка. Окружность проходила через следующие точки, дававшие Камильк-паше большие возможности для выбора: Маскат, Баб-эль-Мандебский пролив, экватор, Маюмба, острова Зеленого мыса, тропик Рака, мыс Фарвель в Гренландии, остров Западный Шпицберген, острова Адмиралтейства, Карское море, Тобольск в Сибири, Герат в Персии. Итак, если Жюэль был прав, четвертый островок должен был находиться в центре этой окружности, потому что то, что правильно для круга, нанесенного на план, правильно и для сферического отрезка шара, полюс которого образует центр.

Жильдас Трегомен не мог опомниться от изумления. Молодой капитан, совершенно не владея собой, ходил взад и вперед по комнате, то прижимая к груди глобус, то целуя свежие щеки Эногат, куда более привлекательные, чем этот грубо раскрашенный картонаж, и повторял:

— Это она нашла, господин Трегомен... Без нее мне никогда бы и в голову не пришла такая мысль!..

Глядя на охваченного радостью Жюэля, Трегомен пришел в неистовый восторг. Он подпрыгнул раз, другой... Потом стал покачиваться на месте, закруглив руки с грацией сильфиды весом в двести килограммов, потом стал раскачиваться все сильнее и сильнее, со штир-борта на бакборт, как никогда не качалась «Прекрасная Амелия», на Рансе или «Порталегри» с грузом веселых слонов, и наконец завопил страшным голосом песню Пьерра-Сервана-Мало:

У меня есть дол, дол, дол!

У меня есть го, го, го!

У меня есть та, та, та!

Долгота!

Долгота!

Долгота!

Наконец друзья уgomонились.

— Надо предупредить дядю! — сказала Эногат.

— Предупредить дядю? — переспросил Трегомен, несколько смущенный этим предложением. — А не разумнее ли будет пока помолчать?

— Надо подумать, — ответил Жюэль.

Позвали Нанон и в нескольких словах объяснили ей все. На вопрос Жюэля, как поступить в отношении ее брата, старая бретонка ответила:

— Мы ничего не должны от него скрывать.

— А если его опять постигнет разочарование, — заметила Эногат, — перенесет ли его наш бедный дядя?

— Разочарование! — воскликнул Трегомен. — Нет, на этот раз — нет!..

— В последнем документе определенно сказано, что сокровища зарыты именно на четвертом островке, — добавил Жюэль, — а четвертый островок расположен в центре круга, который мы описали, и на этот раз я твердо убежден...

— Тогда я позову брата! — объявила Нанон.

Через минуту в комнате Жюэля появился дядюшка Антифер, несколько не изменившийся, по-прежнему озабоченный, все с тем же блуждающим взглядом и сумрачным выражением лица.

— Что случилось?

В его грозном тоне сквозила растерянность, но чувствовалось, что он с трудом сдерживает свою неукротимую ярость.

Жюэль рассказал ему, что произошло, каким образом была открыта геометрическая связь между тремя островками и почему четвертый островок должен непременно находиться в центре этой окружности.

К крайнему удивлению присутствующих, дядюшка Антифер выслушал это известие без всякого раздражения. Он даже не насупился. Можно было подумать, что он ждал этих новостей, что они не были для него неожиданностью, что они казались ему чем-то совершенно естественным. Он только спросил у Жюэля:

— Где эта центральная точка?

Действительно, вопрос был вполне резонный.

Жюэль поставил глобус посередине стола. С рейсфедером и гибкой линейкой в руке, словно действовать нужно было на плоской поверхности, он соединил одной

линией Маскат и Маюмбу, другой линией Маюмбу и Шпицберген. От середины этих двух линий он провел два перпендикуляра, точка пересечения которых находилась в самом центре круга.

Центр этот приходился на Средиземное море, между Сицилией и мысом Бон, неподалеку от острова Пантеллерия.

— Тут, дядя... тут! — сказал Жюэль.

И, тщательно измерив меридиан и параллель, он уверенно произнес:

— Тридцать семь градусов двадцать шесть минут северной широты и десять градусов тридцать три минуты восточной долготы от парижского меридиана.

— Но есть ли там островок? — спросил Жильдас Трегомен.

— Должен быть! — ответил Жюэль.

— Есть ли там островок?.. Нечего сомневаться, лодочник, — произнес дядюшка Антифер, — нечего сомневаться, он есть!.. Ах! Тысяча миллионов, миллиардов, несметное число несчастий, только этого еще не доставало!

И, испутив это проклятие таким страшным голосом, что задребезжали стекла, он выбежал из комнаты Эногат, заперся у себя и в этот день его больше не видели.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*обращенная к нашим правнукам, которые будут
жить через несколько столетий после нас*

Если бывший капитан большого каботажа не окончательно сошел с ума, то чем же тогда объяснить его более чем странное поведение в ту минуту, когда было определено истинное положение четвертого островка, в недрах которого хранились сокровища Камильк-паши?

В последующие дни произошла полная и совершенно непонятная метаморфоза: Пьер-Серван-Мало вернулся к своим прежним привычкам, к своим прогулкам — с неизменной трубкой в зубах — по крепостному валу и по набережной. Но это был уже не тот Антифер. Сардоническая улыбка не сходила с его губ. Он не позволял себе ни малейшего намека на сокровища Камильк-паши, даже не упоминал о своих путешествиях и не заговари-

вал о новой экспедиции, которая сделала бы его обладателем долгожданных миллионов!

Жильдас Трегомен, Нанон, Эногат и Жюэль были окончательно сбиты с толку. Каждую минуту они ждали возгласа дядюшки Антифера: «В путь!» — но он, как видно, и не думал готовиться к новой поездке.

— Что с ним случилось? — спрашивала Нанон.

— Его словно подменили! — говорил Жюэль.

— Может быть, его страшит мысль о женитьбе на мадемуазель Талисме Замбуко? — заметил Трегомен. — Не все ли равно!.. Нельзя же, в самом деле, допустить, чтобы пропали миллионы!

Как резко изменились взгляды у того и у другого! Можно было подумать, что дядюшка Антифер и Жильдас Трегомен поменялись ролями. Не Антифера, а Трегомена разбирала теперь жажда золота! Впрочем, последний рассуждал вполне логично. Как же так: когда не было никакой уверенности, что удастся найти островок, помчались на поиски, а теперь, когда его положение точно установлено, даже речи нет о том, чтобы отправиться в путь!..

Трегомен все время заговаривал об этом с Жюэлем.

— Зачем это нам? — отвечал молодой капитан.

Тогда Трегомен обращался к Нанон.

— Да ну их!.. Пусть они там лежат!

Потом он обращался к Эногат:

— Послушай, малютка, у тебя звенели бы в кармане тридцать три миллиона!..

— А не хотите ли, господин Трегомен, тридцать три поцелуя?..

Наконец — после той знаменательной сцены прошло пятнадцать дней — он решился заговорить об этом с дядюшкой Антифером.

— А как же будет... с этим... с островком?..

— С каким островком, лодочник?

— Островком в Средиземном море!.. Ведь, пожалуй, он существует?

— Существует ли он, лодочник? В его существовании я больше уверен, чем в твоём или в моём!

— Так почему бы нам не отправиться туда?

— Отправиться туда, моряк пресных вод?.. Подождем, пока у нас не вырастут плавники!

Что он хотел этим сказать? Жильдас Трегомен

тщетно ломал голову, но так и не мог найти подходящее объяснение. Однако он не успокоился. В конце концов, эти тридцать три миллиона нужны не ему, а детям... И, если влюбленные не думают о своем будущем, кто же тогда позаботится о них, как не он!

Словом, он так приставал ко всем, что однажды дядюшка Антифер сказал ему:

— Значит, теперь ты требуешь поездки?

— Да, старина.

— По-твоему, нужно ехать?

— Нужно... и чем скорей, тем лучше!

— Хорошо. Мы поедем!

Но каким тоном он произнес это последнее слово!

Перед отъездом следовало принять решение относительно банкира Замбуко и нотариуса Бен-Омара. Как сонаследника и душеприказчика, их нужно было, во-первых, известить об открытии четвертого островка и, во-вторых, пригласить в известный день на известный островок, одного — за получением своей доли наследства, другого — за получением своего процента.

Дядюшка Антифер, пожалуй, даже больше, чем Трегомен, настаивал на том, чтобы были соблюдены все условия... В Тунис и в Александрию в адрес обоих заинтересованных лиц были посланы две телеграммы. Свидание пазначалось на 23 октября в Сицилии, в городе Агридженто, откуда предстояло отправиться за сокровищами на четвертый островок.

Что касается преподобного Тиркомеля, то его часть будет ему своевременно отослана, и он сможет при желании утопить свои миллионы в заливе Фёрт-оф-Форт, если они будут жечь ему руки!

О Сауке, конечно, не было и речи — ему ничего не причиталось. И, кроме того, он по заслугам был приговорен к нескольким годам заключения в одиночной камере Единбургской тюрьмы.

Никого не удивило, что на этот раз Жильдас Трегомен непременно хотел участвовать в экспедиции. И было бы еще удивительнее, если бы Жюэль не взял с собой Эногат. Через два месяца после свадьбы едва ли он остался бы со своей женой и вряд ли она захотела бы остаться дома...

Как долго продлится это новое путешествие? Ну, разумеется, оно займет немного времени. Они только

доедут до места и сразу же вернутся домой. Ведь пятого документа искать не придется. Несомненно, Камилль-паша не прибавил ни одного нового звена к этой и без того уже длинной цепи островов! В последней записи сказано точно, что сокровища погребены под одной из скал четвертого островка, а положение этого островка — между побережьем Сицилии и островом Пантеллерия — определено с математической точностью.

— По-видимому, это очень незначительный островок, так как он не обозначен на карте, — заметил Жюэль.

— Возможно! — ответил дядюшка Антифер с мефистофельской усмешкой.

Трудно было понять, к чему она относилась!..

Прежде всего решили воспользоваться самым быстрым способом передвижения, иными словами — железной дорогой. Непрерывная колея тянулась от Сен-Мало через всю Францию и Италию до Неаполя. Нечего было считаться с путевыми расходами, раз дело шло о приобретении тридцати миллионов!

Утром 16 октября Нанон проводила своих путешественников, взявших билеты на первый отходящий поезд. Даже не задерживаясь в Париже, они пересели в экспресс Париж — Лион, затем пересекли франко-итальянскую границу и, не удостоив вниманием ни Милан, ни Флоренцию, ни Рим, вечером 20 октября прибыли в Неаполь. Жильдас Трегомен был настолько же уверен в благополучном исходе нового путешествия, насколько был измучен непрерывной тряской в железнодорожном вагоне, продолжавшейся не менее ста часов.

Покинув на следующий день гостиницу «Виктория», дядюшка Антифер, Жильдас Трегомен, Жюэль и Эногат сели на пароход, отправлявшийся в Палермо, и после восхитительного однодневного перехода высадились в столице Сицилии. Только не подумайте, что они собирались осматривать палермские чудеса! Даже у Жильдаса Трегомена не было намерения вывести из этого последнего путешествия хотя бы беглые воспоминания о достопримечательностях. Он не порывался даже послушать знаменитую Сицилийскую вечерню¹, о которой ему столь

¹ Сицилийская вечерня — восстание против французского владычества, вспыхнувшее в Палермо в 1282 году во время одного из вечерних богослужений. В память этого события вечернюю службу называют в Палермо Сицилийской вечерней.

ко говорили. Нет! В его глазах Палермо был не прославленным городом, последовательно переходившим из рук в руки к норманнам, французам, испанцам, англичанам... Для него это была просто станция отправления почтовых карет и дилижансов, следующих два раза в неделю в Корлеоне, в девять часов утра, а затем в двенадцать часов из Корлеоне — в Агридженто.

Агридженто больше всего интересовал наших путешественников, потому что в этом старинном городе, расположенном на южной стороне Сицилии, было назначено свидание банкиру Замбуко и нотариусу Бен-Омару.

Быть может, этот способ передвижения сопряжен с какими-нибудь неприятными происшествиями или грустными случайностями? Ведь почтовые дороги отнюдь не безопасны, а в Сицилии есть еще разбойники и будут всегда. Они пустили там глубокие корни, подобно оливковым деревьям или алоэ.

Как бы то ни было, на следующий день дилижанс отправился в дорогу, и путешествие прошло благополучно. В Агридженто приехали вечером 24 октября, и если пассажиры еще и не достигли цели, то, по крайней мере, приблизились к ней...

Банкир и нотариус, один — из Александрии, другой — из Туниса, не опоздали на назначенное свидание. На что только не толкает людей неутолимая жажда золота!

При встрече оба сонаследника обменялись лишь следующими словами:

— На этот раз вы уверены в острове?

— Уверен.

Но каким саркастическим тоном произнес это дядюшка Антифер и какой иронический взгляд бросил он на банкира!

Найти в Агридженто какой-нибудь парусник было самым легким делом. В этом порту нет недостатка ни в рыбачьих, ни в каботажных судах — баланчеллы, тартаны, фелуки, сперонары и другие виды судов средиземноморского флота представлены там в изобилии.

Впрочем, речь шла всего лишь о небольшой морской экскурсии, своего рода прогулке за сорок миль от берега, по направлению к западу. Отплыв вечером при попутном ветре, можно было к полудню следующего дня добраться до места назначения.

Наняли судно. Называлось оно «Провиденца». Это

была фелука примерно тонн в тридцать, управляемая старым морским волком, который добрых полвека плавал в этих водах. Знал ли он их!.. Он мог с закрытыми глазами править судном от Сицилии до Мальты, от Мальты до тунисского побережья!

— Нет никакой надобности посвящать его в наши дела, Жюэль.

Жюэль прислушался к этому благоразумному совету Трегомена.

Хозяина фелуки звали Джакопо Граппа, и, так как счастье решительно стало на сторону наследников Камильк-паши, этот Джакопо Граппа говорил хоть и на ломаном, но достаточно понятном французском языке.

И, кроме того, еще одна удача, необычайная удача! Стоял октябрь, то есть начинался плохой сезон, создающий тысячу поводов для неблагоприятной погоды,— бурное море, обложенное тучами небо... Так вот — ничего этого не было. Холод, правда, уже покалывал, но воздух был сухой, ветерок тянул с материка, и, когда «Провиденца» вышла в широкое море, великолепная луна залила своим светом высокие горы Сицилии.

У Джакопо Граппа было всего только пять матросов — экипаж, вполне приспособленный к работе на фелуке. Легкое суденышко быстро скользило по гладкой водной поверхности, такой спокойной, что даже Бен-Омар не испытывал ни малейшего признака морской болезни. Никогда еще судьба не была к нему на море так благосклонна!

Ночь прошла без происшествий, утренняя заря предвещала наступление прекрасного дня.

Удивительный человек этот Пьер-Серван-Мало! С видом полнейшего безразличия, засунув руки в карманы, с трубкой во рту, он спокойно прогуливался по палубе. Глядя на него, Жильдас Трегомен, находившийся в состоянии сильнейшего возбуждения, просто не верил глазам своим. Он устроился на носу. Рядом сидели неразлучные Эногат и Жюэль. Молодая женщина наслаждалась очарованием этой поездки. Ах, почему она не может следовать за своим мужем всюду, куда его закинут случайности дальнего плавания!

Время от времени Жюэль подходил к рулевому проверить курс, то есть лишний раз удостовериться, повернут ли нос «Провиденцы» на запад. Рассчитав скорость,

он надеялся, что к одиннадцати часам фелука подойдет к долгожданному острову. Затем он возвращался к Энотгат и каждый раз выслушивал наставление Жильдаса Трегомена:

— Не занимайся только своей женой, Жюэль, а больше нашим делом!

Трегомен теперь говорил «наше дело»! О, как изменился этот добрейший человек! Но ведь он заботился о них, о детях!

В десять часов не было еще никаких признаков земли. Действительно, в этой части Средиземного моря, между Сицилией и мысом Бон, есть только один значительный остров — Пантеллерия. Впрочем, наши путешественники искали не остров, а крошечный островок; но и такого нигде не было видно...

Когда банкир и нотариус устремляли на дядюшку Антифера вопрошающий взгляд, им с трудом удавалось различить сквозь голубоватое облако табачного дыма только его сверкающие глаза и растянутый в насмешливую улыбку рот.

Джакопо Граппа не мог понять, почему фелука должна следовать в таком направлении. Неужели его пассажиры хотят подойти к тунисскому побережью? Вообще это его не касается. Ему платят, и платят хорошо, за то, чтобы он шел на запад, и он пойдет, пока ему не прикажут переменить курс.

— Сначит,— сказал он Жюэлю,— все время следоват дорога к запад?

— Да.

— *Va bene!*¹

И он пошел *bene*.²

В четверть одиннадцатого Жюэль с секстантом в руке сделал первое наблюдение. Оказалось, что фелука находится под 37°30' северной широты и 10°33' восточной долготы.

В то время как он производил эту работу, дядюшка Антифер искоса поглядывал на него и подмигивал.

— Ну что, Жюэль?..

— Дядя, мы находимся точно на нужной долготе, и нам следует только спуститься на несколько миль к югу!

¹ Все в порядке! (итал.).

² Хорошо (итал.).

— Спускайся, племянничек, спускайся!.. Мне кажется, мы можем спускаться до бесконечности!..

Попробуйте понять хоть слово из того, что говорит этот самый необыкновенный из всех малуинцев — прошлого, настоящего и будущего!

Фелука повернулась левым бортом, чтобы подойти ближе к Пантеллерини.

Старик хозяин, прищулив глаза, сжав губы, стоял, ничего не понимая. И так как Жильдас Трегомен был рядом, итальянец тихо спросил его, что они ищут в этих водах.

— Носовой платок, который мы здесь потеряли! — ответил Трегомен.

Так отвечает человек, которого, как бы он ни был хорош по натуре, начинает охватывать злость.

— *Va bene*, синьор!

Без четверти двенадцать. Никакого признака земли! А между тем «Провиденца» уже достигла того места, где должен находиться четвертый островок...

Но, кроме бесконечного моря, ничего не открывалось глазу...

По ванте штирборта Жюэль поднялся на верхушку мачты. Оттуда линия горизонта простиралась на двенадцать — пятнадцать миль в окружности...

Ничего.. По-прежнему ничего!

Когда он спустился на палубу, Замбуко подошел к нему вместе с нотариусом и спросил с тревогой в голосе:

— Четвертый островок?..

— Его не видно!

— А ты уверен в своих вычислениях? — прибавил дядюшка Антифер насмешливым тоном.

— Уверен, дядя!

— В таком случае, племянник, по-видимому, ты разучился делать наблюдения...

Молодой капитан, задетый за живое этим замечанием, вспыхнул, но Эногат успокоила его умоляющим жестом.

Тут вмешался Жильдас Трегомен. Он обратился к хозяину фелуки:

— Граппа!..

— К вашим услугам.

— Мы ищем островок...

— Так, синьор.

— Есть в этих водах островок?..

— Островок?
— Да.
— Вы говорите — один островок?..
— Ну да, островок... Мы спрашиваем тебя про островок! — повторил дядюшка Антифер. — Ты слышишь... такой малюсенький, такой хорошенький, такой миленький островочек!.. Ты что, не понимаешь?
— Извините, синьор! Вы ищете один островок?
— Да... — сказал Жильдас Трегомен. — Есть тут такой?

— Нет, синьор.
— Нет?
— Нет! Но был один... я его видел и сам высаживался на его поверхность.
— На его поверхность? — повторил Трегомен.
— Но он исчез...
— Исчез? — закричал Жюэль.
— Да, синьор, уже тридцать один год, как исчез...
Клянусь святой Люцией!

— А что это был за островок? — спросил Жильдас Трегомен, умоляюще сложив руки.

— А! Тысяча габар, лодочник! — закричал дядюшка Антифер. — Это был островок или, вернее, остров Джулия!

Остров Джулия!.. Жюэль мгновенно все вспомнил!..

Да! Действительно, остров Джулия, или Фердинанда, или Отам, или Грейам, или Нерита — как хотите, так и называйте, — появился на этом месте 28 июня 1831 года. Разве можно было усомниться в его существовании? Неаполитанский капитан Коррао лично наблюдал тот момент, когда произошло подводное извержение. Князь Пиньятелли видел своими глазами в центре новорожденного острова пылающий столб, заканчивающийся огненным снопом, подобным фейерверку. Капитан Иртон и доктор Джон Дэви тоже были свидетелями этого феноменального явления. В течение двух месяцев остров, покрытый вулканическими извержениями и горячим песком, был доступен для посетителей. Это был кусок морского дна, поднятый на поверхность вод внезапным действием плутонических сил¹.

¹ Плутонические силы — подземные силы, вызванные процессами, происходящими внутри Земли (от имени Плутона — бога земных недр в древнегреческой мифологии).

Затем в декабре 1831 года скалистый массив стал опускаться, и островок исчез, не оставив на морской поверхности ни малейших следов.

Так вот, именно в этот короткий промежуток времени злая судьба привела Камильк-пашу и капитана Зо в эту часть Средиземного моря. Они искали неизвестный островок, и надо было так случится, что попали на такой, который появился в июне и снова исчез в декабре! И вместе с островком драгоценные сокровища опустились на глубину в сотни метров, на самое дно этой бездны — те самые миллионы, которые преподобный Тиркомель хотел бросить в пучину!.. Сама природа взяла на себя выполнение этого высокопоучительного акта, и теперь можно было не опасаться, что эти сокровища когда-нибудь вернутся на землю...

Мы считаем долгом сказать, что дядюшке Антиферу все это было известно! Когда Жюэль за три недели до того сообщил ему местоположение островка номер четыре — между Сицилией и Пантеллерней, — дядюшка сразу же сообразил, что речь идет об острове Джулия. Еще будучи новичком во флоте, он часто заходил в эти воды и хорошо знал о двойном феномене, появившемся в 1831 году, о рождении и исчезновении недолговечного островка, ушедшего на триста футов в глубину моря!..

Проверив это и точно выяснив, дядюшка Антифер перенес самое страшное за всю свою жизнь потрясение. Потом он успокоился и решил навсегда отказаться от мысли унаследовать сокровища Камильк-паши. Вот почему он никогда больше не заговаривал о возобновлении поисков и не собирался предпринимать последнюю экспедицию. И если он подчинился настойчивому желанию Трегомена и все же решил ехать, если он согласился пойти на новые издержки, то единственно только из самолюбия, потому что не желал быть одураченным более других в этом деле... И если он назначил свидание в Агридженто банкиру Замбуко и нотариусу Бен-Омару, то единственно только затем, чтобы дать им урок, который они вполне заслужили своим коварством.

Обратившись к мальтийскому банкиру и египетскому нотариусу, он закричал:

— Да! Миллионы — вот они, здесь! Под нашими ногами! И, если вы хотите взять вашу часть, стоит только нырнуть!.. Ну же, в воду, Замбуко!.. В воду, Бен-Омар!..

И если когда-нибудь эти люди — Замбуко и Бен-Омар — проклинали себя за то, что поддались на удочку, то именно в этот момент, когда неукротимый малуинец осыпал их своими сарказмами, забывая, что сам проявил в погоне за сокровищами такую же алчность, как мальтиец и египтянин.

— А теперь держи на восток, — закричал Пьер-Серван-Мало, — и домой!

— Где мы будем так счастливы... — сказал Жюэль.

— Даже без миллионов паши, — прибавила Эногат.

— Ну конечно!.. Раз они утонули! — комически разведя руками, сказал Жильдас Трегомен.

Но молодому капитану захотелось из чистого любопытства бросить зонд в этом месте...

Джакопо Граппа, с сомнением покачав головой, подчинился, и, когда веревка размоталась на глубину от трехсот до трехсот пятидесяти футов, свинцовая гиря ударилась о крепкий пласт...

Это был остров Джулия... Это был островок номер четыре, затерявшийся в морской глубине!

По приказу Жюэля, фелука повернула в обратный путь.

Ветер был встречный, всю ночь пришлось лавировать, пока не достигли гавани. Несчастному Бен-Омару этот последний переход стоил восемнадцатичасового мучительного приступа морской болезни.

Уже рассвело, когда «Провиденца», проделав бесплодную экспедицию, стала на якорь у набережной Агридженто.

Когда пассажиры прощались с хозяином фелуки, старый моряк обратился к дядюшке Антиферу:

— Синьор?

— Чего ты хочешь?..

— Я хочу говорить вам одна вещь...

— Говори... мой друг... говори...

— Синьор, надежда не весь вышел... не все потеряно!

Пьер-Серван-Мало мгновенно выпрямился, и как будто молния зажгла его взгляд.

— Не все потеряно? — повторил он.

— Да... Синьор!.. Остров Джулия исчез на конце один тысяча восемь сотен и еще тридцать один год, но...

— Но...

— Да! Миллионы — вот они, здесь! Под вашими ногами!

— Он опять поднимался выше с одна тысяча восемь сотен и еще пятьдесят...

— Как мой барометр, когда он должен стать на «ясно», — громко расхохотавшись, воскликнул дядюшка Антифер. — К несчастью, когда остров Джулия снова появится со своими миллионами... нашими миллионными!.. нас давно уже не будет на свете и тебя тоже, лодочник, если ты даже проживешь хоть триста лет!..

— Это вполне возможно! — ответил бывший хозяин «Прекрасной Амелии».

Старый моряк говорил правду: остров Джулия действительно мало-помалу поднимается на поверхность Средиземного моря...

Пройдет еще несколько веков, и — кто знает? — может быть, удивительные приключения дядюшки Антифера получат совсем другую развязку!

ЖЮЛЬ ВЕРН И ЕГО РОМАНЫ

1

Роман «Удивительные приключения дядюшки Антифера» вышел в свет в 1894 году. Это сорок первый по счету роман из шестидесяти трех, принадлежащих перу Жюль Верна. К тому времени он написал еще около двух десятков повестей и рассказов, вошедших вместе с романами в многотомную серию «Необыкновенные путешествия», поставил на сцене разных театров не менее пятнадцати пьес, выпустил десять научно-популярных книг по географии и истории географических открытий.

Всего этого вполне могло бы хватить на два или даже на три человеческих века! Но творческий путь Жюль Верна не был еще завершен. Оставалось целое десятилетие, заполненное, как и вся его жизнь, неустанным повседневным трудом. Даже мучительная болезнь, почти полная слепота и потеря слуха не ослабили творческой энергии старого писателя. Он угасал в своем кабинете, у стола, заваленного законченными и неопубликованными рукописями.

Жюль Верн умер 24 марта 1905 года, на семьдесят восьмом году, оставив десять неизданных книг. Он давно уже покоем в могиле, но до конца 1910 года каждое полугодие, как это делалось на протяжении сорока двух лет, продолжал дарить читателям новый том «Необыкновенных путешествий».

Последний, оставшийся незаконченным роман «Научное путешествие» был дописан кем-то из литературных друзей Жюль Верна и напечатан в 1914 году под заглавием «Необыкновенные приключения экспедиции Барзака».

Все сочинения Жюль Верна вместе взятые образуют библиотеку из 110—115 томов, библиотеку, написанную одним человеком!

Заглянем в далекое прошлое.

Перед нами серия старинных гравюр. Виды города Нанта в начале XIX века.

Вдоль набережной тянутся бесконечные торговые склады, конторы судовладельцев, оптовые магазины колониальных товаров. Просторная гавань, загроможденная густым лесом мачт и полотнищами парусов, среди которых кое-где мелькают длинные трубы пироскафов¹, извергающие в небо черные султаны дыма. По булыжным мостовым проносятся почтовые кареты и дилижансы. Остров Фейдо, образованный одним из рукавов Луары. Солидные каменные особняки купцов и чиновников. Двухэтажный дом на улице Оливье де Криссон, построенный в первой половине XVIII века нантским арматором² Аллот де ла Фюн, дедом Софи Верн, жены потомственного адвоката Пьера Верна.

8 февраля 1828 года в этом доме родился будущий писатель. Здесь прошли его детские и юношеские годы.

Безудержное влечение к морю и кораблям проявилось у Жюль Верна столь же рано, как и отвращение к профессии юриста, которую прочил ему отец. «Я не мог равнодушно видеть пароход, военный корабль или обыкновенный рыбацкий баркас: всем своим существом я переносился на его борт», — спустя много лет писал он в романе «Зеленый луч». Как завидовал он своему младшему брату Полю, который, по настоянию матери, должен был стать моряком!

Тайком от родителей Жюль и Поль часто пробирались в гавань, наблюдали за выгрузкой и погрузкой судов, замешивались в оживленную, разноязычную толпу матросов — обветренных, обожженных солнцем парней, казалось пропитанных солью волн, тропическим зноем, волнующими запахами далеких, полусказочных стран.

Свободного времени у Жюль было хоть отбавляй: учился он без всякой натуги, обнаруживая одинаково хорошие способности и к точным и к гуманитарным наукам. Но из всех предметов он отдавал явное предпочтение географии, истории и математике. В то же время Жюль не был образцовым учеником: нарекания педагогов вызывали его тетради и учебники, испещренные фантастическими схемами летающих и плавающих машин, очертаниями бригов, шхун, корветов, галютов.

Неизгладимо яркие впечатления детских лет впоследствии дали писателю Жюлю Верну много тем и образов и даже в старости продолжали служить ему источником вдохновения. Мы находим в его романах пейзажи, навеянные воспоминаниями о поездках на побережье Бискайского залива, о привольной жизни в живописном нант-

¹ Пироскаф — первоначальное название парохода.

² Арматор — судовладелец или предприниматель, снаряжающий на свои средства торговые суда.

ском пригороде Шантеней, куда адвокат Верн из года в год вывозил на лето свою семью. В книгах Жюль Верна встречаются яркие образы старых «морских волков» вроде честного упряма дядюшки Антифера или суеверного ворчуна Жана-Мари Кабидулена¹. Маленький Жюль готов был часами слушать затаив дыхание бесконечные рассказы бывалых бретонских моряков, ветеранов парусного флота, претерпевших на своем веку немало бурь и кораблекрушений. А его юные герои, вроде Роберта Гранта или Харберта Брауна! Разве не ожили в них и не заиграли новыми красками светлые ребячьи мечты о приключениях и подвигах в далеких, неведомых странах?

В 1844 году Жюль окончил школу и поступил в нантский Королевский лицей, где должен был штудировать риторику, философию, логику, латынь — дисциплины, необходимые для будущего правоведа.

Детство было уже позади, и появились новые увлечения — театр, поэзия, музыка, серьезные занятия математикой и навигацией, нантский литературный кружок, где начинающий автор с успехом прочел свою первую драму в стихах.

Не решаясь перечить отцу, в конце 1847 года Жюль едет в Париж держать первый экзамен на получение адвокатского звания.

Тем временем сгустились грозовые тучи революционного 1848 года. На развалинах июльской монархии была провозглашена Вторая республика. Воспользовавшись победой народа, буржуазия попыталась отобрать у трудящихся завоеванные ими права. Парижские рабочие ответили на это грозным восстанием, которое было потоплено в крови правительственными войсками. На горизонте уже маячила черная тень Луи-Наполеона, душиателя республики, объявившего себя в декабре 1851 года «императором французов Наполеоном III».

В эти исторические дни Жюль Верн осознал себя убежденным республиканцем. Он читал сочинения социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье, Кабе, мечтал об идеальном государстве, основанном на принципах свободы, равенства и братства, которые были выдвинуты французскими революционерами конца XVIII века.

Первые шаги на литературном поприще Жюлю Верну помог сделать знаменитый романист и драматург Александр Дюма. В 1850 году он поставил на сцене своего «Исторического театра» одноактный водевиль в стихах «Сломанные соломинки» — веселую, задорную пьеску двадцатидвухлетнего лиценциата прав, незадолго до того по-

¹ Героям романа «История Жана-Мари Кабидулена» (1901), членам экипажа шхуны «Сен-Инах», Жюль Верн присвоил имена своих школьных товарищей: Ромен Аллот, Эварист Буркар, Блен Дюкре, Жан-Франсуа Эрто, Ив Кокебер, Матюрен Оллив и др.

лучившего свой диплом, чтобы тут же, к величайшему огорчению отца, навсегда отказаться от приобретенной профессии.

Так началась литературная деятельность Жюль Верна.

За короткое время он написал еще несколько смешных водевилей, бытовых комедий, либретто комических опер. Некоторые его пьесы имели успех у публики, другие оказывались однодневками, а иным вообще не суждено было увидеть света ramпы. Жюль Верн бесспорно был одаренным драматургом, хотя и с ограниченными возможностями. Его пьесы отличались искусным построением, живостью диалога, занимательностью положений. Но всего этого было еще недостаточно, чтобы он мог претендовать на какое-то самостоятельное место во французской драматургии.

И он это сам почувствовал.

В 1851 году Жюль Верн начал писать рассказы, отличавшиеся новизной и необычностью сюжетов.

Страстный театрал и любитель музыки, он увлекался в то же время естественными науками и техникой, историей географических открытий, навигацией, воздухоплаванием, завел картотеку, куда записывал всевозможные сведения о научных открытиях и изобретениях, знакомился с учеными и путешественниками, посещал научные диспуты и доклады. Он просиживал ночи напролет над книгами, которые будили дерзкую мысль и открывали новые горизонты.

Молодой писатель черпал материал для своих рассказов из таких, казалось бы, далеких от художественной литературы источников, как научные труды по истории и географии стран Латинской Америки, отчеты арктических экспедиций и т. п.

Взять хотя бы такие его произведения, как «Драма в воздухе» (1851) и «Зимовка во льдах» (1855)¹.

Тема первого рассказа была подсказана Жюлю Верну живым интересом к воздухоплаванию.

В стремлении автора соединить драматизм повествования с подробным описанием устройства аэростата и познавательными сведениями о воздушных полетах уже намечаются творческое направление Жюль Верна и его повествовательная манера.

Во втором произведении автор использовал записки полярных мореплавателей. В 50-х годах, когда он задумал и написал эту повесть, газеты всего мира были заполнены статьями о загадочной судьбе без вести пропавшей экспедиции английского полярного исследователя Джона Франклина и сообщениями о новых спасательных экспедициях, которые следовали одна за другой на его поиски. До-

¹ «Драма в воздухе» и «Зимовка во льдах» напечатаны в двенадцатом томе Собрания сочинений Жюль Верна. М., Гослитиздат, 1957.

статочно вспомнить эти события, чтобы понять, что навело Жюль Верна на мысль написать «Зимовку во льдах».

Если «Драму в воздухе» можно назвать прелюдией к воздушным эпопеям доктора Фергюссона («Пять недель на воздушном шаре») и Робура-Завоевателя, героя одноименного романа, то «Зимовку во льдах» — прелюдией к таким известным романам о покорении Арктики, как «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» и «В стране мехов».

Так Жюль Верн набрел на тропинку, которая вывела его затем на широкую дорогу. Это был первый шаг к «Необыкновенным путешествиям».

Казалось бы, молодому писателю теперь оставалось только заботиться о дальнейшем развитии счастливо найденного им нового типа повествования. Но в действительности его искания еще только начинались. От рассказа «Драма в воздухе» до романа «Пять недель на воздушном шаре», первого из серии «Необыкновенных путешествий», его отделяли еще двенадцать долгих лет.

Продолжая сочинять водевили и либретто комических опер, Жюль Верн исподволь накапливал знания, чтобы приступить со временем к задуманным «романам о науке».

Наконец летом 1862 года был написан первый научно-фантастический роман. Пятнадцать издателей один за другим, словно сговорившись, вернули автору рукопись с одинаковым ответом: «Я не могу рисковать». Но зато шестнадцатый издатель, Пьер-Жюль Этцель, который был одновременно видным литератором, не только не отверг рукопись, но поспешил закрепить деловые отношения с талантливым писателем своеобразным договором на двадцать лет вперед: автор брал на себя обязательство ежегодно передавать издателю за соответствующее вознаграждение два «научных романа» или один двухтомный, общим объемом в двадцать — двадцать пять печатных листов¹.

— Этот контракт, — сказал Жюль Верн издателю, — избавит меня от повседневных материальных забот. Уже задуманного мною хватит на несколько лет, а новые сюжеты будут рождаться во время работы. Их подскажет сама жизнь. Скоро я начну второй роман. Это будет путешествие к Северному полюсу...

Личная и творческая судьба Жюль Верна сложилась более чем благополучно. Издательские каталоги Этцеля непрерывно пополнялись новыми заглавиями «Необыкновенных путешествий»:

«Путешествия и приключения капитана Гаттераса».

¹ В 1883 году договор был возобновлен еще на такой же срок и оставался в силе до конца жизни писателя.

«Путешествие к центру Земли».

«Дети капитана Гранта».

«С Земли на Луну».

«Вокруг Луны».

«Двадцать тысяч лье под водой».

«Плавающий город».

«Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке».

«Вокруг света в восемьдесят дней».

«В стране мехов».

«Таинственный остров».

Эти романы открывают список «Необыкновенных путешествий». А сколько их еще впереди!..

Читатели едва успевали проглотить очередной роман Жюль Верна, как уже появлялся следующий. После выхода в свет его книги немедленно переводились на многие языки и распространялись по всему свету.

Жизнь Жюль Верна, небогатая внешними событиями, была заполнена всепоглощающим творческим трудом. Ежедневная работа — от зари до зари — была подчинена идеальному распорядку, во многом способствовавшему исключительной продуктивности писательского труда. С пяти утра до полудня Жюль Верн писал и правил корректуры. Послеобеденные часы он посвящал чтению и просмотру источников для следующего романа, а вечернее время — отдыху и беседам с друзьями. Уже в восемь-девять вечера для него наступала ночь.

Такой размеренный образ жизни внешне ничем не напоминает бурную, кипучую деятельность героев «Необыкновенных путешествий» с их бесконечными приключениями на суше и на море, под водой и в воздухе. Да, Жюлю Верну не приходилось терпеть кораблекрушений, высаживаться на необитаемые острова или открывать новые земли! Все это делали за него герои его романов. Но вместе с тем было бы неправильно представлять писателя каким-то отрешившимся от мира кабинетным затворником. Насколько позволяло время, он стремился удовлетворять свою ненасытную страсть к путешествиям. Он побывал в Америке, изъездил вдоль и поперек почти все страны Западной Европы, бороздил на своей яхте «Сен-Мишель» воды Ла-Манша и Па-де-Кале, Северного и Балтийского морей, а иногда пускался в далекие плавания по Средиземному морю — к берегам Марокко, Алжира и Туниса

Когда разразилась франко-прусская война, Жюль Верн, движимый патриотическими чувствами, предоставил свою яхту в распоряжение военных властей и вступил в отряд береговой обороны. Охраняя вместе со своим «экипажем» — двумя старыми бретонскими ры-

баками — нормандское побережье и бухту Соммы от возможного нападения германских рейдеров¹, он напряженно следил за развивающимися событиями.

Седанская катастрофа, осада Парижа, провозглашение республики 4 сентября 1870 года, Парижская коммуна — эти исторические события были в центре внимания всего мира. После бесславного падения Наполеона III Жюль Верн вернулся в Париж и героические дни Коммуны провел в столице. На его глазах парижские рабочие основали первое в мире пролетарское государство, на его глазах солдаты генерала Галифе залили парижские мостовые кровью коммунаров.

Жюль Верн не понимал и не разделял интересов защитников Коммуны, но и далек был от того, чтобы сочувствовать версальским палачам. Последующие его произведения отчетливо показали, что переживания «Грозного года»² не прошли для него бесследно. Многие романы Жюль Верна, написанные после Коммуны, полны злободневных намеков и прямых откликов на политические и общественные события того времени.

Захватнические войны и колониальные грабежи он считает главной опасностью, угрожающей мирному процветанию народов. Его решительному осуждению подвергаются не только человеконенавистники и тираны, использующие достижения науки и техники в своих корыстных, преступных целях, но и ученые, которые отдают свои изобретения и открытия врагам мира и свободы.

Вторую половину жизни Жюль Верн провел в Амьене, куда переехал осенью 1871 года. В этом тихом провинциальном городе, в трех часах езды от Парижа, он мог без помех заниматься своим любимым делом. Дом Жюль Верна находился вдали от центральных улиц. Над крышей возвышалась круглая каменная башня, и в этой башне, на третьем этаже, писатель устроил себе кабинет. Трудно было придумать более скромную обстановку: узкая железная кровать, письменный стол, кожаное кресло, бюро с выдвижными ящиками, где всегда была под рукой его замечательная картотека, дававшая ответы на самые разнообразные вопросы, и в качестве украшения — бюсты Мольера и Шекспира на каминной полке. Из окна своего кабинета Жюль Верн видел и зимой и летом, как над Амьеном вставало солнце. Паровозные гудки, доносившиеся с вокзала, провожали его героев в далекие путешествия.

¹ Рейдер — военный корабль, выполняющий боевые операции на морских путях, главным образом в целях нарушения морской торговли неприятеля.

² «Грозный год» — название сборника стихотворений Виктора Гюго, посвященных событиям франко-прусской войны и Парижской коммуны, Гюго был любимым поэтом Жюль Верна.

Здесь Жюль Верн написал большую часть своих книг. Его жизнь из года в год шла своим заведенным порядком, в непрерывных трудах, перемежавшихся редкими поездками в Париж или экскурсиями на «Сен-Мишеле», который терпеливо дожидался своего хозяина на рейде в Соммской бухте...

Ежедневно со всех концов света Жюль Верн получал десятки восторженных писем. Юные читатели желали ему долгих лет жизни и подсказывали сюжеты для следующих томов «Необыкновенных путешествий». Известные изобретатели и ученые благодарили писателя за то, что его книги помогли им в молодые годы не только полюбить науку, но и найти жизненное поприще.

Массивный шкаф в его библиотеке, отведенный специально для «Жюльвернианы», был забит до отказа сотнями разноцветных томов, изданных в разных странах, на разных языках, вплоть до арабского и японского. Но это была лишь небольшая частица того, что было тогда уже напечатано под его именем.

Все чаще и чаще в Амьен навевались парижские или иностранные журналисты, и Жюль Верн, всегда неохотно и скупо говоривший о себе и своем творчестве, вынужден был принимать визитеров и давать интервью. Время от времени в печати появлялись записи бесед со знаменитым писателем. Некоторые из них представляют несомненный интерес, так как содержат его достоверные мысли и признания.

Однажды, в 1902 году, Жюль Верна посетил корреспондент «Венской иллюстрированной газеты». По-видимому, он попал в удачный час: старый писатель был более словоохотлив и откровенен, чем обычно. Он подробно рассказал о своем первом романе, о своем последнем, еще не опубликованном произведении и о тех вещах, которые еще предстояло ему написать.

— Для своего первого романа, «Пять недель на воздушном шаре», — сообщил Жюль Верн, — я выбрал местом действия Африку только потому, что эта часть света была тогда изучена значительно менее других. Мне пришло в голову, что самое интересное исследование этого обширного материка может быть сделано с воздушного шара. Многие объясняют успех моего первого романа тем, что я в доступной форме сообщил много научных сведений, мало кому известных. Во всяком случае, я всегда старался даже самые фантастические из моих романов сделать возможно более правдоподобными и верными природе.

— Значит, и науке? — прервал собеседник.

— Конечно. Но я отнюдь не считаю себя специалистом-ученым. Я всегда испытываю огромное наслаждение, когда читаю или узнаю о каком-нибудь новом открытии. Я делаю массу выписок из книг, га-

зет, журналов и научных отчетов. Все эти заметки тщательно классифицируются и служат ценным материалом для моих романов и повестей. Теперь, когда я потерял зрение, мне помогают продолжать эту работу жена и внуки... О науке я готов говорить часами, но буду краток, чтобы вас не утомить. Я считаю себя счастливым, что родился в такой век, когда на наших глазах сделано столько замечательных открытий и еще более удивительных, быть может, изобретений. Можно не сомневаться, что науке суждено открыть людям много удивительного и чудесного. Скажу даже больше: я убежден, что открытия науки совершенно изменят условия жизни на земле, и многие замечательные открытия будут сделаны на глазах нынешнего поколения. Ведь наши знания о силах природы, взяты хотя бы электричество, находятся еще в зачаточном состоянии. В будущем, когда мы вырвем у природы еще много ее тайн, все чудеса, которые описывают романисты и, в частности, ваш покорный слуга, покажутся простыми и неинтересными по сравнению с еще более редкими и удивительными явлениями, свидетелями которых можете быть и вы... Если бы вы только знали, как я сожалею о том, что мне так рано приходится завершить свой земной путь и проститься с жизнью на пороге эпохи, которая сулит столько чудес!..

Жюль Верн замолчал. Журналист, взволнованный его задушественным признанием, торопливо записывал только что произнесенные слова.

— Теперь вы, наверное, спросите меня, — снова заговорил писатель, — каков общий замысел «Необыкновенных путешествий» и что я намерен делать дальше?

— Вы угадали, месье Верн.

— Я поставил своей задачей описать в «Необыкновенных путешествиях» весь земной шар. Следуя из страны в страну, по заранее установленному плану, я стараюсь не возвращаться без крайней необходимости в те места, которые уже были описаны. Мне предстоит еще описать довольно много стран, чтобы полностью расцветить узор. Быть может, я еще закончу мою сотую книгу!¹ Закончу непременно, если проживу еще пять или шесть лет...

— И вы знаете, чему будет посвящена ваша сотая книга?

— Да, я часто думаю об этом. Я хочу в своей последней книге дать в виде связного обзора полный свод моих описаний земного

¹ Говоря о своей сотой книге, Жюль Верн имел в виду сотую книгу «Необыкновенных путешествий». Шестьдесят три романа и два сборника рассказов занимают во французском издании «Необыкновенных путешествий» девяносто три книги. Жюль Верн полностью осуществил бы свой замысел и написал бы сотую книгу, если бы дожил до 1908 года.

шара и небесных пространств и, кроме того, напомнить о всех маршрутах, которые были осуществлены моими героями... Но, независимо от того, успею я выполнить этот замысел или нет, могу вам сказать, что у меня накопилось в запасе несколько готовых книг, которые будут изданы после моей смерти...

2

Вы, наверное, видели чешский фильм «Тайна острова Бек-Кап»? В нем оживают старинные иллюстрации к романам Жюль Верна, показан мир его техники. Игра актеров удачно комбинируется с рисованными кадрами, напоминающими гравюры Риу, Бенетта, Невилля, Ферá и других талантливых художников, работавших в содружестве с автором «Необыкновенных путешествий». Голос диктора восторжен, а сама техника — по нынешним временам — наивна. Получается остроумнейший контраст: фантастические машины, восхищавшие современников Жюль Верна, вызывают только улыбку, потому что наука и техника наших дней оставили далеко позади даже самые смелые жюльверновские фантазии.

...По воздуху плывет корабль. Вместо парусов на мачтах укреплены медленно вращающиеся двухлопастные винты.

Аэростат с температурным управлением. Под гондолой подвешена жаровня для нагревания газа.

Управляемый аэростат сигарообразной формы. Пилот вертит велосипедные педали, приводя в действие воздушный винт.

Подводные лодки разных конструкций — с плавниками, заменяющими весла, с гребными винтами, работающими от педального привода, и — чудо техники! — электрическая. Только последняя напоминает знаменитый «Наутилус». Но как лениво ходят неуклюжие шагуны и каким странным кажется машинное отделение!

Воздушные и подводные аппараты, придуманные Жюлем Верном или существовавшие в проектах изобретателей, соседствуют с реальными машинами вроде допотопного локомотива с громадной трубой.

Все это вместе взятое дает представление об уровне технической мысли столетней давности.

Великие технические изобретения конца XVIII и начала XIX века — паровая машина, паровоз, пароход, ткацкие станки и т. д. — вызвали революцию в технике. Революция в технике вызвала промышленный переворот. Бурный рост промышленного производства, в свою очередь, воздействовал на развитие науки и техники. Утверждение капитализма в Европе и Америке привело к вытеснению руч-

ного труда машинами, к усовершенствованию средств транспорта и связи.

Первую поездку из Нанта в Париж Жюль Верн проделал в дирижансе, запряженном шестеркой лошадей.

Несколькими годами позже он приехал из Парижа в Нант в железнодорожном вагоне.

В 1872 году был напечатан роман «Вокруг света в восемьдесят дней». Герой этого романа, Филеас Фогг, совершил кругосветное путешествие с максимальной для того времени скоростью.

В 1901 году парижский журналист Гастон Стиглер перекрыл «рекорд» Филеаса Фогга, употребив на кругосветное путешествие шестьдесят три дня.

В 80-х годах появились автомобили, в самом начале XX века (еще при жизни Жюль Верна) — аэропланы — «летающие этажерки» с полотняными крыльями.

Когда Жюль Верн выпустил свой первый роман, величайшим завоеванием техники все еще была паровая машина. Электрические двигатели не имели тогда почти никакого практического применения. Опытные установки получали питание от гальванических батарей или примитивных электрических машин, мощность которых измерялась карселями¹.

В ближайшие десятилетия предстояло еще открыть, изобрести и ввести в обиход: электрическое освещение, электрический мотор, динамо-машину, фонограф, телефон, кинематограф, двигатель внутреннего сгорания, дирижабль, трамвай, автомобиль, аэроплан, фотоэлемент, рентгеновские лучи, беспроволочный телеграф, явление радиоактивности и многое, многое другое, без чего мы давно уже не мыслим цивилизации.

40—60-е годы прошлого века, когда Жюль Верн после длительной подготовки начал выпускать том за томом свои «Необыкновенные путешествия», были ознаменованы величайшими открытиями во всех областях знания. Физики в это время искали практические способы использования электрической энергии. Химики учились синтезировать органические соединения. Инженеры и механики строили модели летательных аппаратов тяжелее воздуха, конструировали дирижабли и подводные лодки. Географы стирали «белые пятна» с карты мира.

Наука сделала человека могущественным. Ученые творили невыдуманные чудеса: указывали местонахождение еще не открытых планет, определяли свойства еще не найденных химических элементов, обнаруживали неизвестные элементы сначала на звездах и находили их потом на Земле.

¹ Карсель — единица силы света; равна 9,6 свечи.

На каждом шагу подтверждалась сила научного предвидения. Сбывались мечты, которые еще недавно казались сказкой.

В середине XIX века дальновидные ученые уже знали: на смену «веку пара» придет «век электричества», воздухоплавание сменится авиацией, рано или поздно люди освоят глубины океанов, завоюют воздушное пространство, проникнут в бездны космоса...

«Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал,— говорил Жюль Верн,— все это будет уступать истине, ибо настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения».

Автор «Необыкновенных путешествий» вошел в историю литературы как основоположник и замечательный мастер романа нового типа — романа о науке и ее беспредельных возможностях.

Модели механизмов, действовавшие в мастерских изобретателей, машины, существовавшие только в проекте, открытия, которые не вышли еще из стен лабораторий, он дорисовывал в воображении, представлял в законченном, идеальном виде. Он изображал желаемое как уже осуществленное. В этом и заключается смысл научной фантастики.

Жюль Верн открыл для литературы еще одну неизведанную область приложения ума и сердца — поэзию науки, романтику изобретательства, дерзания исследовательской мысли. В этом и проявилось его литературное новаторство.

За четыре с лишним десятилетия, пока создавались «Необыкновенные путешествия», мысль Жюль Верна проделала большой и сложный путь вместе с передовой наукой его времени.

Если в его первом романе герои совершают смелый перелет через Африку на воздушном шаге, то в последней, посмертно изданной, книге появляются аэропланы с реактивным двигателем и снаряды, управляемые по радио.

В те годы, когда подводные лодки доставляли изобретателям одни только огорчения, воображением Жюль Верна был создан электрический подводный корабль «Наутилус», на котором отважный капитан Немо совершал далекие путешествия под волнами океана.

В то время, когда приверженцы воздухоплавания и сторонники авиации все еще вели между собой ожесточенные споры, отстаивая преимущества летательных аппаратов легче воздуха и тяжелее воздуха, смелый изобретатель Робур отправился в кругосветный полет на гигантском геликоптере «Альбатрос». А в другом романе, «Властелин мира», тот же самый Робур сооружает универсальную машину-вездеход, совмещающую свойства самолета, автомобиля, катера и подводной лодки.

Герои Жюль Верна мечтают о практическом использовании внутреннего тепла Земли, энергии Солнца, ветра и морского прибоя, о

возможности накопления запасов энергии в мощных аккумуляторах, высказывают предположение о некоей единой природе химических элементов и возможности превращения одного элемента в другой, изобретают цветную фотографию, звуковое кино, автоматическую счетную машину, синтетические пищевые продукты, новые строительные материалы, одежду из стеклянного волокна и немало других замечательных вещей, облегчающих жизнь и труд человека и помогающих ему преобразовывать мир.

У Жюль Верна стоял в библиотеке огромный глобус, испещренный вдоль и поперек разноцветными линиями маршрутов. Каждый новый роман прибавлял новую извилистую линию. Эти линии скрещивались, переплетались, сходились вместе, расползались в разные стороны, пересекая наименее изученные области, куда не ступала нога человека. Когда Жюль Верн состарился, глобус покрылся такой густой сетью маршрутов, что сам писатель с трудом выпутывался из этого лабиринта.

Герои Жюль Верна всегда в пути, перед читателем всегда разворачивается пестрая географическая панорама. Само заглавие серии — «Необыкновенные путешествия» — говорит о том, какое большое место занимает в его творчестве география.

Описания природы, животного и растительного царства, нравов и обычаев жителей далеких стран не только создают представление о внешней обстановке, но и входят в самую ткань приключенческого сюжета.

Принято считать научно-фантастическими только те романы Жюль Верна, в которых фигурируют фантастические машины. Это неверно. Научная фантазия расправляет свои крылья и во многих географических романах.

Аэростат «Виктория» пролетает над необследованными частями Африканского континента, которые описываются так же подробно, как изученные.

Капитан Гаттерас достигает Северного полюса в то время, когда ни один исследователь Арктики не поднимался выше 82° северной широты.

Эрик Герсебом, герой романа «Найденый с погибшей «Цинтин», совершает за одну навигацию кругосветное плавание в арктических водах России и Америки, успешно пройдя не освоенными в то время Северо-Восточным и Северо-Западным морскими проходами.

Замечательные географические открытия XIX и XX столетий совершались сначала на страницах «Необыкновенных путешествий», а потом уже в действительности.

Герои Жюль Верна побывали на всех материках и океанах, проникали в такие заповедные края и дебри, которые были тогда еще

обозначены на картах белыми пятнами. Они путешествовали по земле, по воздуху, по воде, под водой, взбирались на снежные вершины, опускались в кратеры вулканов, устремлялись в космическое пространство.

Можно сказать без преувеличения, что на страницы книг Жюль Верна врывается пена волн, песок пустынь, вулканический пепел, арктические вихри, космическая пыль. Место действия в его романах — планета Земля, и не только Земля, но и Вселенная.

В «Необыкновенных путешествиях» география и естествознание соседствуют с техническими и точными науками. Перечень всех отраслей знания, которых Жюль Верн касался в своих романах, превратился бы в каталог важнейших научных дисциплин XIX века. «Необыкновенные путешествия» — это не только географическая, но и научно-техническая энциклопедия, говорящая о том, что уже было сделано, но еще больше о том, что предстояло сделать ученым в ближайшем будущем.

Жюль Верн создал в своем воображении множество замечательных машин. Эти машины могли придумать и привести в действие только люди особого склада.

Жюль Верн описал в своих романах множество поистине необыкновенных путешествий и необыкновенных проявлений человеческой воли и мужества. Эти большие дела могли выполнить только люди незаурядные, смелые, свободные от предрассудков, сильные духом.

Читая книги Жюль Верна, попадаешь в какой-то особый мир, со своими законами и условностями. Смельчакам, верящим в успех своего дела, удастся любое, самое трудное предприятие. Товарищ выручает товарища из беды. Сильный приходит на помощь слабому. Дружба скрепляется суровыми испытаниями. Злодеи всегда разоблачаются и несут наказание за совершенные преступления. Справедливость всегда торжествует. Мечта всегда осуществляется.

Новому типу романа, введенному в литературу Жюлем Верном, соответствовал и новый герой — пытливый исследователь, инженер, путешественник, изобретатель, ученый, готовый ради достижения почти невозможной цели совершить любой подвиг, пойти на любую жертву.

Герои Жюль Верна не знают противоречий, сомнений, колебаний, усталости. Это всегда простые и цельные натуры, все желания и помыслы которых устремлены к одной цели.

«Непреодолимых препятствий нет, есть только более энергичная или менее энергичная воля», — говорит капитан Гаттерас, и эти слова могли бы повторить вслед за ним все герои Жюль Верна — первооткрыватели новых земель и творцы удивительных машин.

Ученые-энтузиасты, гениальные изобретатели, неутомимые труже-

ники науки, они овеяны ветрами странствий, одержимы стремлением все увидеть и все познать, изобретать, исследовать, строить, переделывать на новый лад. Весь мир служит им мастерской для экспериментов. На дне океана, на необитаемом острове, на Северном полюсе, в межпланетном пространстве — где бы они ни были, там их дом, там их лаборатория, там они работают, действуют, спорят, претворяют в действительность свои дерзкие мечты.

Образ нового героя вместе с его научными идеями перешел на страницы «Необыкновенных путешествий» из жизни. Биографии великих путешественников, ученых и изобретателей давали множество примеров удивительной нравственной чистоты, стойкости духа, страстной преданности новаторским научным идеям.

Нередко положительный герой Жюль Верна одновременно является и новатором науки, и борцом за свободу.

Таков прежде всего индеец Даккар, называющий себя капитаном Немо. Свой замечательный «Наутилус» он использует и как подводную лабораторию, и как грозное орудие мести колонизаторам за поработленную и поруганную родину.

Изобретатель и изобретение составляют как бы одно целое. Изобретение одухотворяет образ изобретателя. Машина оживает под руками ее творца. Не будь капитана Немо, описание «Наутилуса» стало бы в лучшем случае научно-фантастическим очерком подводной навигации будущего. Вряд ли такой очерк пережил бы своего автора.

Без капитана Немо, Сайруса Смита, Саразена и других героев — новаторов науки и борцов за свободу — не было бы и лучших произведений Жюль Верна.

Еще при жизни писателя многие его романы перестали быть фантастическими: наука догоняла научную фантазию.

Но книги Жюль Верна и сейчас издаются миллионными тиражами.

«Его машины с каждым днем становятся все менее похожими на действительно существующие, — пишет один современный критик, — и все-таки в его романах есть нечто такое, что не устаревает и не обесценивается. Это — душа его героев».

3

Жюль Верн довел до высокой степени совершенства художественную форму приключенческого романа и обогатил его новым содержанием.

Во французской литературе имя Жюль Верна часто ставят рядом с именем его старшего современника Александра Дюма.

«С моим отцом его роднит воображение, молодой задор, чудесный юмор, неистощима выдумка, здоровый дух, ясность мысли и еще одна добродетель, которую не признают слабосильные,— плодovitость»,— писал о Жюле Верне сын прославленного романиста, Александр Дюма-младший.

В самом деле, автору «Необыкновенных путешествий» был близок по духу жизнерадостный талант Дюма. Его всегда восхищало искусство этого талантливого беллетриста строить увлекательную, полную жизни и движения, стремительно развивающуюся фабулу, расцветивать повествование блестящими, остроумными диалогами, создавать привлекательные образы безупречно благородных и отважных героев.

Жюль Верн стремился воспринять и усвоить эти лучшие стороны литературного мастерства Александра Дюма. Если говорить о французских образцах остро сюжетного приключенческого повествования, на которые мог опереться в своей работе Жюль Верн, то, разумеется, он многим был обязан автору «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо». Кстати сказать, Жюль Верн написал по мотивам «Графа Монте-Кристо» один из самых увлекательных своих романов, «Матисас Шандор», и посвятил его памяти Александра Дюма.

Но сходство между обоими романистами только внешнее. Жюль Верн создал новую разновидность приключенческого романа, с особыми задачами и художественными приемами.

«Ко всем качествам романиста у него прибавляется редкое качество изобретателя»,— справедливо заметил французский критик Кларти.

Жюль Верн проявил себя как изобретатель («изобретатель без мастерской»,— называли его современники) не только в отношении научной фантастики, но и в самом выборе сюжета, отличающихся неисчислимым разнообразием, оригинальностью, ошеломительной новизной.

Ранние его романы по сюжету были не очень замысловаты. Путешествие капитана Гаттераса к Северному полюсу или профессора Лиденброка «к центру Земли» увлекало читателей не столько необычностью интриги, сколько дерзновенностью самого замысла и естественными трудностями, встававшими на пути героя. Плавание «Наутилуса» в глубинах мирового океана или полет трюх смельчаков на Луну в пушечном ядре почти не осложняются сюжетными хитросплетениями. Необыкновенное предприятие и его осуществление, размах фантазии, удивительные изобретения сами по себе привлекают внимание читателей.

Но дальше Жюлю Верну работать стало труднее. Все стихии природы были уже покорены его героями. Всевозможные машины бу-

дущего были уже созданы. Самые удивительные путешествия были уже совершены.

И тогда писателю пришлось обратить главное внимание на разработку усложненной интриги.

В конце 1883 года, начав писать роман «Матиас Шандор», Жюль Верн жаловался своему издателю Этцелю, что необыкновенные сюжеты, вроде приключений на воздушном шаре или приключений капитана Немо, уже исчерпаны и поэтому ему приходится изобретать «комбинированные сюжеты».

«То ли меня толкает к этому инстинкт драматурга,— писал Жюль Верн,— то ли желание захватить публику, но я стараюсь, насколько это возможно, усложнить интригу... Я донельзя увлечен моим «Монте-Кристо»¹, но интриговать читателей на протяжении трех томов теми средствами, какими я располагаю, может быть, труднее, чем это было для Дюма с его десятью томами. Но не в этом суть. Главное — суметь заинтересовать».

Однако и в романах с «комбинированным сюжетом» Жюль Верн верен своим творческим задачам. Пестрые приключения и запутанная интрига не мешают ему по-прежнему «соединять географию с наукой», подчинять занимательный сюжет научному замыслу.

Первым и, может быть, самым удачным опытом такого «комбинированного» повествования был роман «Вокруг света в восемьдесят дней».

Герой не может потерять ни часа. Он использует все виды транспорта, вплоть до буера (сани под парусами). Интерес читателя все увеличивается по мере того, как у путешественника иссякает запас времени. Темп действия нарастает с каждой главой. Для географических описаний и рассуждений на научные темы у автора почти не остается ни места, ни времени.

...Сенсационное путешествие приближается к концу. Преодолены все препятствия. Филеас Фогг надеется выиграть пари. Когда он уже близок к цели, сыщик Фикс сажает его за решетку. Пока удалось выяснить, что Фогг, принятый за вора, арестован по ошибке, истек последний — восьмидесятый — день путешествия. Но затем «ложная развязка» сменяется настоящей: обескураженный Филеас Фогг внезапно узнает, что он все-таки выиграл пари, благодаря «найденному» в дороге лишнему дню. Он упустил из виду, что кругосветный путешественник при пересечении стовосьмидесятого меридиана теряет или выигрывает один день, в зависимости от направления, в котором движется (на запад или на восток).

¹ Речь идет о романе «Матиас Шандор», который Жюль Верн называл «Монте-Кристо Необыкновенных путешествий».

Таким образом, приключенческий сюжет вытекает из научного замысла, но выясняется это только на последних страницах.

В романах с усложненной интригой Жюль Верн не может ограничиться обычными для приключенческого повествования художественными приемами (преодоление препятствий, достижение почти невозможной цели, раскрытие тайны и т. п.). Чтобы сильнее заинтересовать читателя, он старается придумать какой-нибудь совершенно исключительный сюжетный ход или небывалый поворот действия. И тут он проявляет просто поразительную изобретательность.

Герой романа «Упрямец Керабан», турецкий купец-самодур, известный своим феноменальным упрямством, возмущен установлением пошлины за проезд через Босфор. Чтобы доказать свою независимость от властей, он возвращается из Галаты на европейском берегу пролива к себе домой в Скутари кружным путем — вокруг всего Черного моря, и эта сумасбродная затея создает еще одно «Необыкновенное путешествие».

В романе «Завещание чудака» сюжет еще своеобразнее. Американский миллионер завещает свое состояние выигравшему партию в «гусек». Но партия эта необычна. Игровой доской служит территория США, отдельные штаты — шахматными клетками. Участники игры — пешки, передвигающиеся из штата в штат по воле случая, в зависимости от числа очков, выпавших при очередном ходе. Игра не может быть закончена, пока герои не проедут вдоль и поперек всю страну. В довершение всего смерть миллионера-завещателя оказывается мнимой, и он сам под чужим именем принимает участие в игре и... выигрывает партию.

Автор находит чрезвычайно простое и остроумное решение: очерк физической и экономической географии Соединенных Штатов Америки не только вводится в роман, но становится как бы стержнем самого действия.

И в том и в другом случае удачная завязка объясняет все последующие приключения и события, свидетелями и участниками которых становятся герои.

Так построен и географический роман с усложненной интригой «Удивительные приключения дядюшки Антифера».

С первых же страниц вы попадаете в водоворот необыкновенных событий. Книга открывается главой, которая моментально приковывает внимание: «Неизвестный корабль с неизвестным капитаном бороздит неизвестное море в поисках неизвестного острова».

По сравнению с многочисленными приключенческими романами о таинственных островах и кладах, здесь все «наоборот». Вместо стандартных романтических героев — простые, заурядные люди, вместо кровожадных пиратов и разбойников — карикатурный, неудачли-

вый злодей Саук, вместо настоящих сокровищ — золотой мираж, ослепляющий кладонскателей, вместо одного острова — целых четыре.

В этом задорном, веселом романе все основано на юмористическом розыгрыше героев. Сюжет продуман до мельчайших подробностей. Построено произведение удивительно искусно. Каждый эпизод — необходимое звено в развитии действия. Вынь одно звено, и развалится вся цепь.

Начинается действие в замедленном темпе. Сен-Мало. Дом на улице От-Салль. Дядюшка Антифер и его друг Трегомен. Их привычки и склонности. Жюэль и Эногат готовятся к свадьбе. Появление долгожданного вестника с долготой острова, в недрах которого спрятаны сокровища. Переговоры с Бен-Омаром. Отправление в путь. Все это занимает половину первой части романа. Столько же места отведено и описанию путешествия на первый остров.

Вторая часть романа посвящена событиям, связанным с посещением второго, третьего и поискам четвертого островка. Темп действия убыстряется от главы к главе. В самых драматических моментах последовательность изложения прерывается. После очередной неудачи на каждом островке мы застаем путешественников уже на новом этапе маршрута, а затем «задним числом» сообщается, как подействовало на дядюшку Антифера новое разочарование. В последних главах события сменяются почти с кинематографической быстротой. Читатель заинтригован. Его внимание непрерывно обостряется.

При этом действие стянуто во времени. С весны до осени 1862 года путешественники успели объехать полсвета — побывать на Ближнем Востоке и под экватором, в Западной Африке и в Шотландии, в Арктике и в Средиземном море.

Каждый персонаж обрисован несколькими броскими штрихами. Все его рассуждения, мысли и переживания соответствуют характеру и склонностям, намеченным с самого начала. Дядюшка Антифер — вспыльчив и упрям, Замбуко — жаден и скуп, Трегомен — добр и великодушен, Жюэль — умен и благороден, Бен-Омар — лукав и хитер, Саук — зол и глуп.

По существу, это образы-маски, напоминающие героев народного фарса или классической комедии. И это не случайно. Во многих романах Жюль Верна, особенно в юмористических, чувствуется большой и, видимо, не до конца использованный опыт писателя-драматурга. Почти в каждом томе «Необыкновенных путешествий» можно встретить художественные приемы, характерные для комедии и даже водевиля.

Мастерство Жюль Верна — драматурга находит свое выражение в быстром и остроумном диалоге, в особенностях группировки и харак-

теристики персонажей, в резких поворотах действия, комических розыгрышах, недоразумениях, «ложных развязках», а иногда и в самом построении романов, легко поддающихся инсценировке¹. На забавных недоразумениях и комедийной игре «судьбы и случая» основаны сюжеты многих романов, не исключая и «Удивительных приключений дядюшки Антифера».

В самом деле, даже выбор и группировка персонажей заставляют вспомнить французский народный театр. Жюэль и Эногат — пара влюбленных, причем не отличающихся от своих комедийных предков или, правильнее сказать, прототипов. Антифер и Замбуко во всем противоположны друг другу, но соединены до поры до времени общими интересами. Их прототипы — чудаковатые, ворчливые старики в народных комедиях-фарсах. Трегомен и Бен-Омар, как ни мало они похожи друг на друга, — образы ярко комедийные. Их далекие родичи — смешные слуги из тех же народных фарсов и комедий. И, наконец, Саук — типичный мелодраматический «злодей».

У каждого героя доведена до крайности какая-то одна черта характера.

Вот, например, Замбуко — скупец, стяжатель, скряга — образ, не раз фигурировавший во французской литературе. Стоит только вспомнить Гарпагона из комедии Мольера «Скупой» или Гобсека из одноименной повести Бальзака. Жюлю Верну, как и всем передовым писателям Франции, были ненавистны стяжательские инстинкты, зловердная мания накопительства, приводящая к разрушению личности. Замбуко — живое олицетворение пагубной власти золота. Этот зловещий банкир внушает отвращение дядюшке Антиферу и служит для него предостерегающим уроком. Замбуко, так же как Бен-Омар и Саук, сразу же обнаруживает свою душевную низость. Эти три отрицательных персонажа вызывают у автора то насмешки, то негодование.

Центральный герой — дядюшка Антифер, — несмотря на свою вспыльчивость и упрямство, человек простой, благородный и щепетильно честный. «Антифер, живший до сих пор тихой, спокойной жизнью в тихом провинциальном городе, рассудительно относившийся к жизни, как и подобает моряку в отставке, теперь охвачен «священной жаждой золота» и потерял голову от ослепившего его золотого миража!»

Но затем происходит метаморфоза. «Капитан большого каботажа», пережив столько злоключений, опять становится самим собой. В кон-

¹ Инсценировки «Необыкновенных путешествий» (особенно «Вокруг света в восемьдесят дней») в течение многих лет ставились с огромным успехом в столичных и провинциальных театрах разных европейских стран. Некоторые романы были инсценированы самим автором.

це романа этот несносный упрямец раскрывает лучшие стороны своей души. Страсть к обогащению исчезает вместе с сокровищами, и он снова начинает познавать вещи в их истинном свете. Смирившись с потерей огромного состояния, которое, как он думал, уже лежало у него в кармане, Антифер проделывает бесплодное путешествие к четвертому островку главным образом для того, чтобы отомстить коварному Замбуко и посмеяться над плутом Бен-Омаром.

При всех своих недостатках и человеческих слабостях дядюшка Антифер — в основе своей образ положительный.

Антифер, Трегомен и Жюэль — настоящие бретонцы, люди из народа, которым свойственны мужество, честность, трудолюбие, упорство в достижении цели, драгоценное чувство юмора, рассудительность и здравый смысл. В образах этих трех героев проступает близкая и милая сердцу автора французская национальная стихия, разные черты и стороны французского национального характера. Все трое противостоят как положительное начало трем негодьям, с которыми их связала на время прихотливая судьба.

Герои этого романа нисколько не походят на отважных путешественников и изобретателей, действующих в ранних произведениях Жюль Верна. Они не делают никаких открытий, не совершают никаких подвигов. И само их путешествие не идет ни в какое сравнение с героикой открытия Северного полюса или суровыми испытаниями, выпавшими на долю экспедиции лорда Гленарвана, снаряженной на поиски свободолюбивого капитана Гранта. Да и само предприятие дядюшки Антифера не имеет ничего общего с величественными замыслами других героев «Необыкновенных путешествий».

И больше того: в этом юмористическом романе, не в пример другим поздним произведениям, Жюль Верн почти не касается злободневных общественных вопросов, не выдвигает научных гипотез, не строит фантастических предположений. Но без ворчливого дядюшки Антифера и добрейшего Жильдаса Трегомена галерея образов «Необыкновенных путешествий» была бы беднее.

В основе романа лежит очень простая и здоровая мораль. Жадность, скупость, стяжательство, страсть к обогащению — большое зло. Ожидание наследства и его бесплодные поиски заставляют дядюшку Антифера убедиться на собственном опыте: не в деньгах счастье. Пусть уж лучше богатства пропадут пропадом и не достанутся никому, раз они вносят в мир столько вражды и раздоров!

Научность и занимательность и в этом произведении соединяются в один «чудесный сплав».

Феноменальное явление природы объясняет неудачи героев, и на этом держится весь замысел.

Невыдуманный факт — исчезновение острова Джулии — натолк-

нул Жюль Верна на мысль написать роман о поисках сокровищ, роман с единственным в своем роде сюжетом.

По-видимому, эта тема занимала воображение писателя в течение многих лет. В романе «Двадцать тысяч лье под водой» капитан Немо сообщает профессору Аронаксу о неожиданном появлении и исчезновении новых островов в Средиземном море, ссылаясь при этом на свидетельства древних историков и на свои собственные наблюдения.

«В Тихом океане,— говорит капитан Немо,— сооружение новых островов — дело кораллов. В этих же водах новые острова обязаны своим появлением вулканической деятельности».

Четверть века спустя Жюль Верн вернулся к этой географической проблеме. Мотив, едва только намеченный в романе «Двадцать тысяч лье под водой», стал самостоятельной научной темой в «Удивительных приключениях дядюшки Антифера».

28 июня 1831 года на поверхности Средиземного моря показался маленький островок.

Вскоре скалистый массив начал опускаться, и в декабре того же года остров Джулия исчез.

«Именно в этот короткий промежуток времени злая судьба привела Камильк-пашу и капитана Зо в эту часть Средиземного моря».

Камильк-паша прячет здесь свои сокровища, а его наследники по истечении многих лет тщетно пытаются отыскать давно уже не существующий остров.

Антифер и его спутники узнают после многих приключений, что остров Джулия исчез, но... исчез не безвозвратно. Есть надежда, что он опять вынырнет на поверхность. Надо только подождать каких-нибудь триста — четыреста лет, и тогда наследники Камильк-паши смогут воспользоваться этими сокровищами. Отсюда и лукавое обращение заключительной главы «к нашим правнукам, которые появятся на свет через несколько столетий».

Интересна история расшифровки последнего, испорченного документа Камильк-паши. Здесь вводится в действие геометрия.

Богатый египтянин, обладавший, как известно читателям, математическим складом ума, построил в воображении геометрическую фигуру — окружность,— на линии которой находятся три острова, и предложил своим наследникам определить местоположение четвертого, расположенного в центральной точке этого отрезка земного шара.

Решение геометрической и одновременно географической задачи приводит к остроумной развязке, развязке истинной, сменившей «ложную», которая наступила в тот момент, когда герои пришли к ошибочному убеждению, что им никогда не удастся расшифровать испорченный документ.

Здесь автор обращается к смекалке читателя. Каждому будет ин-

интересно воспроизвести на контурной карте геометрическую фигуру и самому определить местоположение четвертого острова.

Как и в любом другом романе Жюль Верна, мы находим здесь немало географических сведений. Если дядюшка Антифер, дошедший в своей жажде золота до состояния маниакального психоза, ничего не замечает, что творится вокруг, то его любознательные спутники, Трегомен и Жюэль, стараются не пропустить ни одной подробности, все видят и все запоминают. Глазами этих неискушенных малуинцев, особенно наивного Трегомена, читатель видит различные города и страны, по которым проезжали путешественники, подолгу не задерживаясь на одном месте.

Отсюда беглость и сжатость географических описаний, не потравивших, однако, своей познавательной ценности.

Роман «Удивительные приключения дядюшки Антифера» при всех его достоинствах не принадлежит к числу выдающихся произведений Жюль Верна. Он известен гораздо меньше, чем знаменитые научно-фантастические романы писателя. И тем не менее эта живая, веселая, увлекательная книга написана с таким мастерством, с таким юмором, с такой прелестной выдумкой, что вполне заслуживает, чтобы с ней познакомились наши читатели.

Евг. Брандис

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Глава первая,</i> в которой неизвестный корабль с неизвестным капитаном бо- роздит неизвестное море в поисках неизвестного острова . . .	7
<i>Глава вторая,</i> в которой даются некоторые необходимые пояснения . . .	18
<i>Глава третья,</i> в которой неизвестный остров превращается в негораемый сейф	27
<i>Глава четвертая,</i> в которой читателю представляются два совершенно несхожих между собою друга — дядюшка Антифер и бывший судовла- делец Жильдас Трегомен	36
<i>Глава пятая,</i> в которой Жильдас Трегомен с трудом удерживается, чтобы не противоречить дядюшке Антиферу	46
<i>Глава шестая,</i> в которой Восток потерпел неудачу при первой же схватке с Западом	57
<i>Глава седьмая,</i> в которой Бен-Омару насильно навязывается в качестве глав- ного клерка некий Назим, человек с несносным характером . .	69
<i>Глава восьмая,</i> в которой разыгрывается квартет без музыки с участием Жильдаса Трегомена	79
<i>Глава девятая,</i> в которой одна точка в географическом атласе дядюшки Анти- фера тщательно подчеркнута красным карандашом	91
<i>Глава десятая,</i> в которой содержится беглое описание поездки на пароходе «Стирмен» из Сен-Мало в Порт-Саид	105
<i>Глава одиннадцатая,</i> в которой Жильдас Трегомен заявляет, что его друг Антифер близок к умопомешательству	118

<i>Глава двенадцатая,</i> в которой Саук решает пожертвовать одной половиной сокровищ Камилль-паши, чтобы обеспечить себе вторую	129
<i>Глава тринадцатая,</i> в которой Жильдас Трегомен довольно удачно плывет на «корабле пустыни»	141
<i>Глава четырнадцатая,</i> в которой дядюшка Антифер, Жильдас Трегомен и Жюэль проводят очень скучный день в Сохоре	153
<i>Глава пятнадцатая,</i> в которой Жюэль по поручению дядюшки Антифера измеряет высоту солнца, воспользовавшись чудесной погодой	163
<i>Глава шестнадцатая,</i> в которой неопровержимо доказывается, что Камилль-паша, скитаясь по морям, действительно побывал в водах Оманского залива	173

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Глава первая,</i> содержащая письмо Жюэля к Эногат с рассказом о приключениях, героем которых был дядюшка Антифер	185
<i>Глава вторая,</i> в которой читателю предоставляется возможность познакомиться с сонаследником дядюшки Антифера	193
<i>Глава третья,</i> в которой дядюшка Антифер получает до такой степени странное предложение, что вместо ответа обращается в бегство	202
<i>Глава четвертая,</i> в которой яростный поединок между Западом и Востоком заканчивается победой Востока	212
<i>Глава пятая,</i> в которой Бен-Омар получает возможность сравнить два способа передвижения — сухопутный и морской	224
<i>Глава шестая,</i> повествующая о наиболее значительных событиях, которыми ознаменовалось плавание из Бона в Алжир и из Алжира в Дакар	234
<i>Глава седьмая,</i> в которой речь идет о разных событиях с момента прибытия в Дакар и до высадки в Лоанго	243
<i>Глава восьмая,</i> из которой видно, что иных пассажиров не следовало бы брать на борт африканского судна	252

<i>Глава девятая,</i>	
в которой дядюшка Антифер и банкир Замбуко заявляют, что не уйдут с острова, послужившего им убежищем, прежде чем не осмотрят его	266
<i>Глава десятая,</i>	
в которой дядюшка Антифер и банкир Замбуко остаются с длинным носом	274
<i>Глава одиннадцатая,</i>	
в которой дядюшка Антифер и его спутники слушают без всякого удовольствия проповедь преподобного Тиркомеля . . .	285
<i>Глава двенадцатая,</i>	
из которой видно, что нелегко заставить пастора говорить, если он решил молчать	296
<i>Глава тринадцатая,</i>	
в которой исчезает второстепенное действующее лицо, иначе говоря — «злодей» этой трагикомической истории	306
<i>Глава четырнадцатая,</i>	
в которой дядюшка Антифер находит еще один документ с монограммой Камильк-паши	317
<i>Глава пятнадцатая,</i>	
в которой рассказывается, как Эногат провела пальчиком на глобусе окружность и каковы были последствия этого невинного развлечения	332
<i>Глава шестнадцатая,</i>	
обращения к нашим правнукам, которые будут жить через несколько столетий после нас	344
<i>Е. Брандис. Жюль Верн и его романы</i>	357

Для среднего и старшего
школьного возраста

Верн Жюль

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЯДЮШКИ
АНТИФЕРА

Роман

Ответственный редактор *С. К. Беркман*. Художественный редактор *Е. М. Гуркова*. Технический редактор *Т. М. Страхова*. Корректоры *Л. И. Гусева* и *Э. Н. Сизова*. Сдано в набор 24/VIII 1965 г. Подписано к печати 21/X 1965 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 20,16 Уч.-изд. л. 20,49. Тираж 100 000 экз. Цена 86 коп.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 2810.

И з д а т е л ь с т в о
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

*Для детей среднего и старшего возраста
в 1965 году выйдут следующие произведения
иностранных писателей-классиков:*

Г. Гейне
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

Перевод с немецкого.

Булвер-Литтон
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПОМНЕЙ.

Роман. Перевод с английского.

М. Додж
СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ.

Повесть. Перевод с английского.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

